

Хьюстон, 2030: Нулевой Год.

Английский текст © Copyright Mike McKay 2006-2009.

Текст русского перевода © Copyright Михаил Якимов 2013-2014.

Права Майка Мак-Кая как автора оригинального текста и права Михаила Якимова как автора литературного перевода на русский защищены в соответствии с Copyright, Designs and Patents Act, 1988.

Эта книга предоставляется читателям бесплатно, однако продолжает оставаться объектом авторского права. Любое коммерческое использование данного произведения возможно только с согласия авторов: английского текста и текста литературного перевода. Если книга Вам понравилась, и Вы хотите поделиться этой книгой с друзьями, не передавайте электронную версию книги. Попросите Ваших друзей скачать собственный экземпляр с одного из официальных сайтов распространителей. Если Вам передали эту книгу в виде файла, пожалуйста, посетите официальный сайт и скачайте собственный экземпляр. Спасибо что уважаете труд авторов.

ВНИМАНИЕ. Часть текста содержит ненормативную лексику, упоминания наркотиков и описания сцен насилия. Произведение не предназначено для несовершеннолетних читателей.

Двадцать четыре года после «Пика Добычи Нефти» и четырнадцать лет с начала глобального кризиса (и «Пика Всех Ресурсов»). Нет, по улицам не бродят зомби, а в воздухе не кружится радиоактивный пепел. Человеческая цивилизация продолжается. Но это уже новый мир - чем-то похожий и чем-то непохожий на наш сегодняшний.

Роман Майка Мак-Кая «Хьюстон, 2030» - это одновременно классический полицейский детектив и научная фантастика. Дело происходит, как следует из названия, в будущем, причём не столь уж и отдалённом. Следователь ФБР занимается поисками серийного убийцы. В фантастической части романа вы не найдёте ни роботов, ни летающих автомобилей, ни супер-компьютеров. Восставших из могил зомби, вирусов, убивающих человека за тридцать секунд, невероятных астероидов, ударяющихся о Землю, вулканов размером с континент, злобных пришельцев из соседней Метагалактики, и Всемирного Потопа там тоже не будет. Один потоп есть, но он не всемирный, а очень даже локальный, и к делу почти не относится. Зато: катастрофа, описанная в романе, уже началась и идёт полным ходом! Мир, созданный воображением Мак-Кая, удивительно похож и одновременно не похож на современный, и при этом - правдоподобен.

Предисловие автора ко второму изданию

[\[Пропустить предисловие\]](#)

В середине 2006 года я находился в состоянии «между проектами», то есть сидел дома и рассылал потенциальным работодателям мои резюме. Первые отголоски «пика добычи нефти», только что появившиеся в печати и в Интернете, заставили меня глубоко задуматься над будущим Соединённых Штатов и всего человечества. Я начал воображать себе, какой станет жизнь на планете Земля через четверть века. Воображение побудило меня усестись за клавиатуру компьютера. Через несколько дней родилась зарисовка «Хьюстон, 2030». В то время я только что открыл для себя русского писателя А.Солженицына, прочитав в переводе «Один день Ивана Денисовича» (там речь идёт о жизни в лагере «ГУЛАГ» в Советской России времён Сталина). Первый вариант моей зарисовки очень походил на «Один день»: там тоже описывался один день из жизни американской семьи, как я представил её себе после глобального финансового кризиса (кстати сказать, в моей оригинальной версии 2006 г кризис назывался WFC, то есть World Financial Crisis. Не так уж и далеко от реальных событий)! Я никогда до этого не писал прозу, и зарисовка получилась, наверное, довольно скучной.

На горизонте нарисовался новый проект, и я оставил мимолётное увлечение литературой. Через два года, пришёл Глобальный Финансовый Кризис, GFC. В моей зарисовке я не был провидцем: GFC случился в конце 2007 года, а большинство событий произошло в 2008 году. В моем воображении WFC случался в 2011 году, то есть на три года позже, чем настоящий. Однако, многие остальные предсказания из зарисовки начали, к моему удивлению, сбываться с невероятным правдоподобием. Я снова засел за компьютер и полностью переработал текст. Главный герой, Марк, превратился в следователя ФБР, и у зарисовки появилась детективная часть. В конце концов из набросков 2006 года получился научно-фантастический роман, который я и предлагаю читателям.

Будучи нефтяником, я всегда поддерживал Республиканцев. Это не значит, однако, что моя книга - это критика политики Демократической администрации Б.Обамы. Я думаю, что и Республиканцы, и Зелёные, и любая другая политическая партия вполне способны влезть в то же самое дерьмо, и за тот же период времени. Исподволь я надеюсь, что мои предсказания всё-таки не сбудутся. Время покажет.

Все персонажи книги - вымышленные, кроме Майка Пендерграсса (это я)! Реальные политические фигуры, упомянутые в романе, конечно, в какой-то мере срисованы с натуры. География полностью соответствует реальному Хьюстону образца 2008 года. Всё остальное, от начала до конца - плод буйной фантазии автора. Любое совпадение с реальными лицами, местами и событиями - случайность. Не берите в голову.

Некоторые читатели первоначальных версий моей книги жаловались на «поломанный английский» и сленг в диалогах. Тут я совершенно ничего поделать *нимогу*. Если Вы не перебариваете грубые словечки и считаете, что в 2030 году мусорщики на свалке будут разговаривать, как викторианские леди, - отложите эту книгу прямо сейчас.

Спасибо. Какой неженка!

Я должен выразить глубокую признательность моей семье и друзьям, всем кто вычитывал текст, указывая мне на логические неувязки, грамматические ошибки и опечатки. Без вас, друзья, эта книга не получилась бы совсем.

Майк Мак-Кай

Хьюстон (Техас), Брисбен (Австралия)

2006-2009

Предисловие переводчика

[\[Пропустить предисловие\]](#)

Я наткнулся на роман Майка Мак-Кая совершенно случайно. Искал в Гугле хьюстонский адрес и набрал «2030». По ссылке вдруг появился архив с текстом. В первый раз я прочитал его в самолёте - по пути в США. Книга настолько меня потрясла, что я решился сделать русский перевод.

Переводить текст было непросто. Мак-Кай - мастер современного диалога, и многие интонации передаются культурным контекстом. При переводе пришлось поневоле использовать много неологизмов и специфического сленга. Если кого-то коробят слова «*амер-индиец*» (в смысле: американский гражданин - недавний эмигрант из Индии, а не «американский индеец») или «*пофиг*» (ну, Вы меня поняли), пожалуйста, загляните в английский текст и предложите лучший перевод! (А ещё лучше - попробуйте прочитать всё в оригинале. Правду говорю: не пожалеете.)

Несколько замечаний о методологии, использованной при переводе.

Американо-английские сокращения, использованные автором, распадаются на две категории. Общеизвестные сокращения, такие как FBI или GPS, переводились общепринятыми русскими аббревиатурами, то есть ФБР (Федеральное Бюро Расследований), или оставлялись в латинице, то есть GPS (Global Positioning System, глобальная система позиционирования - спутниковая навигационная система). Менее известные сокращения, такие как CSI (Crime Scene Investigator), заменялись на похожие по смыслу русскоязычные аналоги, то есть «судебно-медицинский эксперт». По ходу действия, герои используют американизированный профессиональный полицейский жаргон: «*vic*» («*victim*»), «*perp*» («*perpetrator*») и так далее. Подобные сокращения тоже заменялись подходящими по смыслу русскими терминами. Скорее всего, эти русские термины не соответствуют сокращениям и профессиональному сленгу Российской Полиции, но переводчик полагает, что точный перенос стереотипов работы российских полицейских на территорию США 2030 года и не требуется.

Диалоги некоторых действующих лиц транскрибированы автором, чтобы передать, например, индийский акцент («Слюшай, дарагой. Дыну кюшал - дэнги платы!»). Переводчик решил заменить эти транскрипции правильным русским, без передачи акцентов (ну, не умею я, как Мак-Кай, что поделаешь). Ненормативная лексика в диалогах несколько смягчена в переводе. В диалогах также присутствует намеренное искажение автором правил английской грамматики. Раз уж так говорят в трущобах 2030 года, то *пишим*, как *слышем* (и, как у автора, выделяем *курсивом*). Кое-что пришлось перевести на «конкретный русский» новояз, например «*за базар отвечаю*», в смысле «слово моё крепкое». Вряд ли девочка со свалки будет говорить, как доблестный рыцарь Айвенго (да и Айвенго так никогда не говорил. Он же по профессии - боец на турнирах, солдат удачи)! А то, что не вошло ещё полностью в наш великий и могучий новояз, переводим и так: «*низнаю*» (не знаю), «*теперь*» (с недавних пор) и «*больша нета*» (уже отсутствуют).

По автору, в США 2030 года по-прежнему используют Имперскую систему мер и весов. Фунты, футы, ярды, мили, градусы по Фаренгейту - в переводе оставлены как есть. Дело в том, что полицейские и судмедэксперты оперируют единицами измерений постоянно, иногда приблизительно, но чаще - точно. Было бы странно, если бы следователь говорил: «Отберите мне всех подозреваемых ростом от 172,7 до 177,8 сантиметра», или, что ещё хуже: «Отберите мне всех подозреваемых ростом *примерно* от 173 до 178 сантиметров.» «Примерно - это как?» - переспросит эксперт. В реальности, следователь говорит: «Отберите мне всех подозреваемых ростом от 5-8 до 5-10,» имея в виду точные футы и дюймы. А ещё страннее смотрелось бы утверждение, что преступник был *точнохонько* 175,3 см ростом, точно вровень с линией на заднике тюремного фото (ага, там такая специальная линия - *точнохонько* 175,3 см). Для читателей, непривычных к Имперским единицам, даются примечания переводчика - с преобразованием в метрическую систему.

При переводе имён действующих лиц и личных местоимений подход был исключительно социально-классовый (русские переводчики Голливудских фильмов, берите на заметку)! В английском языке практически нет уменьшительно-ласкательных форм имени (например, Александр - Сашенька, Михаил - Мишенька), зато есть так называемая «короткая форма имени» (Николас - Ник, Уильям - Билл, Майкл - Майк). Короткие формы очень популярны в США и Канаде, и несколько менее - в Великобритании и Австралии. Короткие формы имени не несут какого-либо уничижительного оттенка; вспомните, что Уильяма Генри Гейтса III, основателя корпорации «Микрософт», называют не иначе как «Билл Гейтс», а Стевена Пола Джобса из корпорации «Эппл» при жизни именовали просто «Стивом Джобсом». Так что, не Александр - Саша и Майкл - Миша, а Александр - Алекс и Майкл - Майк, и никак иначе!

А вот с уменьшительными (не с «уменьшительно-ласкательными», а просто «уменьшительными») формами имён в английском всё в порядке. Точно как в русском Михаил - Мишка, а Александр - Сашка, в английском Уильям - это Билли или Вилли (как небезызвестный Вилли Токарев), а Майкла назовут «Микки» в Америке или «Майки» в Австралии. Если не задаваться хроническим отсутствием у американцев отчества, уменьшительные формы в английском работают точно так же, как и в русском. Если Ваш сосед - глава небольшой частной фирмы, долларовый миллионер, и ездит на «биммере», то для Вас он «Александр» (ну, в России даже и по-старорежимному: «Александр Николаевич»). А если Ваш сосед инвалид-алкоголик, не миллионер даже во Вьетнамских Донгах (по 20 000 за один доллар), и ездит на кресле-каталке вместо «биммера», то он, вполне естественно, будет для большинства не «Александром», а «Сашкой», независимо от возраста. Впрочем, жена «Александра Николаевича» из нашего примера величает любимого мужа исключительно «Сашкой», а их сына, балбеса-студента, успешно откосившего от армии - «Пашкой», и оба не обижаются. А несчастная супруга алкоголика Сашки зовёт его «Сашенькой», а по пьяни - зачастую и «Александром».

Так что, дамы и господа, Mickey Mouse (в точном соответствии с задумкой У. Диснея) - это совсем не домашний «Мышонок Микки», а задиристый и задорный уличный хулиган Мишка Моус. Да, именно: «Моус». Фамилия у него такая! Вы же не переводите

«Мистер и миссис Смит» как «Семья Кузнецовых»! А Мишкина подружка Minnie в переводе должна бы называться Манькой. По кличке Облигация (вы замечали, во что и, главное, как она одета в старых рисованных диснеевских мультиках, а не в китайских компьютерных новоделах)? Вот написал и подумал: а ведь и в самом деле, главный герой повести Марк - напоминает в чём-то вечно-рефлексирующего Володю Шарапова из фильма «Место встречи изменить нельзя» (или книги Вайнеров «Эра милосердия», кому как нравится). А сержант Зуйко, родись он в деревне и эдак лет на семьдесят раньше, - сошёл бы за капитана Жеглова. Только у Мак-Кая всё вверх-тормашками: Шарапов - начальник, а Жеглов - подчинённый.

У Мак-Кая в тексте - чёткая градация. Отец продолжает называть сына только «Уильямом»; жена Уильяма зовёт его «Билли» или «зайка», а с недавних пор и многие соседи стали называть парня «Билли» вместо «Уильям». Это потому, что он *теперь* инвалид (но, к счастью, вроде бы не алкоголик). В романе присутствуют ещё два персонажа, имена которых нуждаются в пояснении для российских читателей. Во-первых, поэт-исполнитель Джек-Потрошитель в английском тексте: «Jack-the-Rapper», а не «Jack-the-Ripper». Тут уж ничего не поделать: игра слов. Во-вторых, полицейский Ким. «Ким» в данном случае - это не революционное имя «Коммунистический Интернационал Молодёжи», а просто корейская *фамилия* (как Великий Вождь, товарищ Ким Ир Сен). А *имя* полицейского мы так и не узнаем на протяжении всего романа. У корейцев, вьетнамцев, китайцев, взрослого человека *по имени* (без фамилии) могут называть только родственники и самые близкие друзья («Дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев» и «Дорогой товарищ Ким Чен Ир» - это одинаково. Но при этом за «Дорогой Чен Ир!» можно загреметь по нам лет эдак на пятьдесят. Это вам не «Дорогой Леонид Ильич!» Культурный контекст, понимаете ли). Чистокровный *амеро-кореец*, полицейский Ким свято чтит традиции своей культуры. И соседка главного героя, (по-видимому, *амеро-китаянка*) миссис Конг - тоже предпочитает, чтобы её называли исключительно по фамилии. А вот Амелия Хан - она только наполовину *амеро-азиатка*, и её уже называют по имени.

Разобравшись с именами, разберёмся далее с личными местоимениями. Тут всё довольно просто. Категории «Ты» и «Вы» в английском отсутствуют напрочь - там только «You». Приходится переводить по контексту. Например, если в обращении используются уважительно-формальные «сэр», «мистер», «мэм», или «мисс», тут уж однозначно будет «Вы» в русском переводе. В одном месте моего перевода, следователь предлагает задержанной проститутке «перейти на ты». В английском тексте, конечно, такой фразы нет и быть не может. Но в начале допроса он полторы страницы говорил ей официальное «мисс», она отвечала ему «сэр». А затем она решила сотрудничать с Полицией, и он начал говорить ей исключительно «дорогуша», и даже «беби». А она, в свою очередь, бросает ему: «Я те чо - нотариус?» (Да! Да! Так в тексте: «I'm what - a notary public?») И даже специально - не по правилам «джентльменского английского», а «по понятиям». Опять почти как из «Места Встречи», даже удивительно!) Короче, чтобы не рвать структуру диалога, пришлось выдумать фразу про «перейдём на ты».

Наконец, имена собственные, использованные в тексте. Слово *Meltdown* (Расплавление), в смысле супер-кризиса, переведено как *Обвал*. Словечко «Fill»

(укороченное от «Landfill» - полигон для захоронения отходов, по тексту имеется в виду конкретный полигон в Хьюстоне: McCarty Road Landfill - полигон дороги Маккарти) переводилось как *Куча*. Отсюда, соответственно, и термин: *на Куче*, в смысле «на помойке». Географические названия не переводились, а транскрибировались общепринятым способом: например «Galveston» (город и морской порт недалеко от Хьюстона) - по тексту перевода: «Галвестон».

Интересно, что автор верно предсказал победу Б.Обамы на выборах 2012 года. В 2008-2009 годах Обама был Президентом только первый год.

Переводчик искренне надеется, что книга понравится русскому читателю. И - присоединяюсь к пожеланию автора: пусть написанное никогда не сбудется!

М.Якимов
Брисбен, 2013-2014.

Глава 1

Мобильный телефон на столе Марка пронзительно заверещал динамиком: срочный звонок из Полиции. Имя на экране соответствовало одному из небольших отделений Полиции, или «околотков», как их называют в Хьюстоне на британский манер, на северной границе участка. Сообщение могло быть как хорошей новостью, так и плохой. Однако, если из околотков звонили в середине дня или рано утром, это редко бывало хорошей новостью.

Старший следователь ФБР коснулся зелёной кнопки на экранчике.

- Марк Пендерграсс. Слушаю.

- Сэр, это депьют[1] Ким. Околоток в трущобах шоссе Гаррет. У нас ещё одно убийство, - раздался в динамике взволнованный речитатив полицейского.

- «Мясник»?

- Похоже он, сэр. Двое убитых: влюблённая парочка в лесу. У девушки... Ну, сами увидите. Я решил звонить прямо Вам, а не в диспетчерскую... - Затем, после напряжённой паузы, - Извините за плохие новости, сэр...

- Место преступления? - Марк пытался сохранить спокойный тон. Два года непрерывного расследования серии убийств сказывались.

- Роща на северной оконечности Шелдонского водохранилища, угол шоссе Пайнленд и Гаррет. Местные пацаны обнаружили... Я имею в виду: убитых. Тань и я - мы уже на месте. «Свежак»...

- О-кей, депьют, мы уже едем. Пожалуйста, ничего там не трогайте...

- Конечно, сэр.

Марк завершил звонок и прошёл в кабинет начальника участка[2] наискосок напротив своего кабинета. Майор Бенито Ферелли, коренастый, лет шестидесяти, склонился над клавиатурой, обновляя какую-то электронную таблицу. Свежеотпечатанные формы кадрового учёта были разбросаны на столе.

- Надеюсь, чувак, сегодня у тебя хорошие новости, - майор поднял глаза от экрана компьютера.

Марк покачал головой, показывая, что хороших новостей не последует.

- Только что звонил депьют Ким, из ТШГ. Ещё две жертвы, Бен. В лесу, с северной стороны *Шелдон-Рез*.

- Чёрт... Чёрт! Когда всё это кончится? - Бенито снял ключ от машины с крючка над

столом и протянул Марку, - Поймай «Медведя». Он должен быть у себя. И мисс Гарденер из Криминалистической. Могу ещё и депюти дать. Надо?

- Спасибо, Бен. Мы втроём справимся...

Хотя должность Марка и называлась «старший следователь»^[3], подчинённых у него больше не было. Марк был единственным следователем ФБР в этой части Хьюстона и отвечал за два участка сразу: около 130 квадратных миль [337 кв. км] и 400,000 населения. После непрерывных сокращений в ФБР, они должны были полагаться на местную Полицию практически во всём. Ещё хорошо, что, в отличие от некоторых других префектур, Шериф Округа Харрис^[4] никогда не отказывал «федералам». Пятнадцать минут спустя, Марк и двое сотрудников Полиции Штата готовили один из двух последних полицейских автомобилей, оставшихся в Участке. Сержант-следователь^[5] Алекс Зуйко заливал дизтопливо из оранжевой двух-галонной [прибл. 8 литров] канистры, а сотрудница криминалистической лаборатории Натали Гарденер, уже переодевшаяся в комбинезон, проверяла содержимое своей спец-сумки.

Марк работал с ними обоими раньше. Алекс Зуйко, пятидесяти пяти лет от роду, был иммигрантом из России. Будучи в США почти двадцать лет, он имел безупречно-грамотный английский, но при этом говорил со странной смесью техасского и славянского акцентов. В Полиции его за глаза называли «Русским Медведем». Упорно циркулировали слухи, что до приезда в Америку Алекс работал на русскую мафию или же в русской полиции, что, как всем в Америке известно, почти одно и то же. И та, и другая организация славились использованием примерно одинаковых методов извлечения информации. Алекс никогда не опровергал эти слухи. Он был мастером запугивания и мог «расколоть» даже самых закоренелых преступников, мимоходом упоминая некоторые из «русских методов». Однако, до применения физического воздействия дело вроде бы не доходило.

Натали Гарденер, технику-криминалисту, было двадцать шесть лет. Она была относительным новичком в их Участке, но уже зарекомендовала себя с самой лучшей стороны. Обладая неограниченным запасом оптимизма и отличным чувством юмора, она была способна переварить даже самые отвратительные сцены преступлений, и была известна своей изобретательностью и способностью работать, если требовалось, по нескольку дней практически без сна.

Все трое они, несомненно, представляли из себя очень сильную команду детективов. Не то чтобы это имело значение в данном конкретном случае, грустно подумал Марк. Этого серийного убийцу было не так-то легко поймать. Если подтвердится, что это был тот же преступник, что и ранее, последнее двойное убийство будет шестнадцатым по счёту за двадцать два месяца! Насильственная смерть не была большой редкостью в Хьюстоне, но в подавляющем большинстве случаев убийц ловили достаточно оперативно. Но не того, над преступлениями которого Марк работал уже почти два года...

Сержант осторожно завёл застоявшийся двигатель. Короткий проворот стартера, двадцать секунд паузы, - чтобы масло равномерно растеклось по двигателю, затем

снова вращение стартером, пока двигатель не заработал. Алекс позволил двигателю покрутиться ещё тридцать секунд на холостых оборотах, и, наконец, тронулся с места. Он был великолепным водителем, и часто жаловался, что в последние годы он редко водит машину, - только когда случались убийства или другие тяжкие преступления. Полицейские машины никогда не использовались для менее важных расследований - горючее было слишком дорого, а бюджет - ограничен.

Выскочив на шоссе К.Э.Кинга, Алекс включил было мигалку и сирену, но Марк попросил сержанта не устраивать шоу. В это время дня движения на шоссе почти не было: одинокие велосипеды и грузовые трициклы в правом ряду не создавали помех полицейской машине. Ни к чему беспокоить население сиреной, а убитым всё равно не помочь. Осторожно объезжая многочисленные выбоины, сержант доехал до шоссе Гаррет, и уже через несколько минут они были на перекрёстке с Пайнленд. Слева от них была верхняя часть Шелдонского водохранилища, *Шелдон-Рез*, как коротко называли его местные, больше похожая на заросшее осокой болото, а небольшая роща - справа. Местный полицейский депюти ждал их на съезде с шоссе. Заросшая грунтовка извилисто уходила в лес. На проржавелом щите у дороги сохранились выцветшие буквы: *«Водозащитная зона. По распоряжению губернатора. ЗАСТРОЙКА ЗАПРЕЩЕНА. УСТАНОВКА ПАЛАТОК ЗАПРЕЩЕНА. РАЗВЕДЕНИЕ КОСТРОВ ЗАПРЕЩЕНО. Нарушители будут отданы под суд»*.

Они вылезли из машины, и Марк представил Натали местному полисмену. С Алексом депюти Ким был уже знаком - по совместной работе с одним из предыдущих случаев тех же серийных убийств. После взаимных приветствий, все последовали за молодым полицейским вдоль грунтовки. Ещё сто пятьдесят ярдов [прибл. 135 метров], и они оказались на месте преступления. Полянка на опушке леса была бы довольно уютным местечком, если бы не жёлто-чёрная полицейская лента, натянутая между деревьями. Группа зевак, в основном подростков, уже собралась позади ленты. Второй местный депюти, по фамилии Тань, старательно охранял место преступления.

Первое тело. Молодой человек лет двадцати, лежал ничком на пропитанном кровью пледе. На траве рядом с пледом, были брошены тяжёлый армейский ботинок и стандартный, армейского же образца, протез ноги. Марк сразу почувствовал симпатию к убитым - его старший сын, Уильям, был инвалидом войны. Следовательно перехватил взгляд и короткий подтверждающий кивок Алекса. Несмотря на некоторую разницу возраста и званий, Марк и Алекс имели много общего. Они не были близкими друзьями, но выпили достаточно пива вместе, чтобы быть в курсе дел друг друга. Один из сыновей Алекса тоже служил в армии, тоже был ранен и остался инвалидом. Три месяца ранее, расследуя похожее место преступления, Марк и Алекс заключили секретное соглашение, что если они вместе найдут маньяка-убийцу, и будут иметь неоспоримые доказательства его вины, ареста и суда не последует. Это животное должно было умереть «при попытке к бегству», причём смертью мучительной и не особенно быстрой...

Вторая жертва, молодая женщина, не старше двадцати лет, лежала лицом вниз на траве в луже засохшей крови. Её джинсы были разрезаны сзади, и мясо с обеих ягодиц и верхней части бёдер было срезано до костей. Рой мух гудел над телом.

- Похоже, тот же метод работы, - подтвердил Алекс.

- Будем надеяться, что мы ещё не встретились с хорошим подражателем, - ответил Марк, - Пока будем считать это убийством номер шестнадцать, сержант...

Натали начала обычную процедуру осмотра места преступления, расставляя пластиковые номерки рядом с каждым предметом и щёлкая цифровой камерой. Марк внимательно осмотрел траву под ногами - чтобы не повредить каких-либо улик, переключил свой мобильный телефон в режим карты, и положил телефон на землю. Спутниковая система позиционирования уже лет десять работала медленно: на орбите сохранилось что-то около двенадцати - тринадцати спутников GPS, поэтому определение точных координат должно было занять какое-то время.

- Ты опросишь свидетелей, Алекс? - попросил Марк. Больше всего на свете он хотел, чтобы его оставили в покое. Может быть, я расследую это дело несколько дольше, чем мои нервы могут позволить, подумал он про себя.

Он посмотрел вслед сержанту, который подошёл к местному полицейскому. Тот указал в толпе зевак на трёх мальчишек, лет одиннадцати или двенадцати. Мальчики были босиком, в изрядно поношенной, но достаточно опрятной школьной форме, и со школьными сумками. Типичные *амер-азиатские* пацаны, решил про себя Марк. Достаточно шаловливые, но хорошо дисциплинированные. Обычная история: они пошли через рощу после школы, вероятно, чтобы искупаться в водохранилище. Шли, играли, и вдруг обнаружили тела. Испугались, и побежали к ближайшему жилью звонить в Полицию. Было весьма маловероятно, что дети заметили что-либо полезное. Большинство предыдущих мест преступлений было также обнаружено возвращавшимися с уроков школьниками.

Он снова посмотрел на труп молодого мужчины. На пледе около тела лежали: электрический фонарь, пластиковая коробка с домашним печеньем и небольшой термос. Чай для двоих. Естественно, перед половым актом. Это, конечно, не был их первый раз вместе в лесу, заключил Марк. Молодой человек отстегнул протез - нужно обладать завидной уверенностью в себе, чтобы сделать такое на первом же свидании...

После каждого нападения серийного убийцы, Полиция выдавала предупреждения через местные телеканалы и радио, и просила не посещать лесные участки после наступления темноты. С тем же успехом они могли бы просить молодёжь прекратить заниматься сексом. Марк припомнил, как его сын Уильям бегал на свидания с Клэрис три года назад. Они также исчезали в соседних парках почти каждую ночь. Второй сын Марка, Майкл, проходил ту же стадию прямо сейчас, хотя Марк не знал, была ли какая-либо из подружек Майка серьёзным увлечением.

- Сэр, я получила предварительное время смерти, - сказала Натали, подходя к Марку, - По температуре тела и личинкам насекомых - вчера, между девятнадцатью и двадцатью четырьмя часами. Ну, можно смело предположить, что не с девятнадцати часов, а где-то с 8:20 вечера - закат был в 7:53, дайте ещё полчаса, чтобы стало вообще темно. Обе

жертвы убиты табельным армейским ножом, и обе - одним ударом в шею.

- Отпечатки перчаток были?

- Да. Те же хлопчатобумажные перчатки с резиновыми пупырышками, что и в остальных случаях. Особенно заметен отпечаток вот тут, на правой штанине девушки, чуть ниже колена.

Она прокрутила несколько снимков на экранчике фотокамеры, чтобы показать отпечаток перчатки Марку. Да, это был «его» серийный убийца, а не подражатель. Тот факт, что кто-то убивает молодые парочки в лесу и отрезает у них части тела, держать в тайне от общественности было, конечно, невозможно. Однако, до сих пор ФБР удалось сохранить от опубликования небольшие детали преступлений, такие как использованные преступником перчатки и нож.

Вне всякого сомнения, «Шелдонский Мясник» убил снова.

Цепочка жестоких убийств началась в июне 2028 года. ФБР официально не участвовало в расследовании вплоть до убийства номер три, но Марк тогда оказался под рукой, и его попросили помочь в расследовании убийства, которое позже назвали номером один. Он отчётливо помнил тот день. Марк тогда полагал, что они имеют дело со взорвавшимся «любовным треугольником». Скажем, молодой человек обнаруживает свою девушку с другим мужчиной. Может быть, парень служил в армии - ведь большинство молодых людей служили. Достает армейский нож и убивает любовника и бывшую подружку. Затем зачем-то отрезает правую грудь девушки. Довольно жестокое поведение, но вполне можно себе представить мотив. Может быть, он пытался скрыть какую-то улику, татуировку, например. При правильной постановке расследования, такие преступления раскрывают за неделю, максимум две, даже несмотря на довольно необычное отсутствие следов и вещественных доказательств. Все члены семей и друзья убитых были выявлены и допрошены, но ничего нового раскопать не удалось. А пять недель спустя, другую пару влюблённых убили в лесу примерно таким же образом. На этот раз убийца отрезал у девушки часть голени. Затем последовало третье убийство - через три недели после второго. Снова влюблённая парочка в лесу, и снова - у девушки отрезана часть голени. Полицейские не хотели в это верить, но факт оставался фактом: в их районе завёлся серийный убийца. Наконец, дело «Шелдонского Мясника» приземлилось на столе Марка. С серийными убийствами должно разбираться ФБР.

Многие считали, что прозвище «Шелдонский Мясник» было дано из-за того, что убийца отрезал у жертв разные части тела. Только Марк и несколько сотрудников Полиции знали всю историю. Маньяк получил это имя после четвёртого убийства. На месте преступления обнаружили листовку с рекламой одной из мясных лавок: схема коровьей туши с названиями разных кусков. Похоже было, что у них появилась надёжная улика. Тем более что убийца отлично владел ножом, как можно было бы ожидать от мясника, а на листовке были найдены отпечатки пальцев. Они начали раскручивать дело с энтузиазмом, и допросили всех в мясной лавке. Все имели надёжнейшее алиби. Отпечатки пальцев принадлежали: убитому молодому мужчине, тёще владельца

мясной лавки и двум мальчикам, один из которых был сыном мясника. В день убийства, мальчишки разнесли рекламные листовки по кварталу, в том числе и в дом убитого. Скорее всего, молодой человек использовал эту листовку, чтобы завернуть какую-нибудь снедь для пикника. Вероятно, кто-то в Полиции плохо держал язык за зубами. Телевизионщики узнали об отрезанных частях тела, кто-то сболтнул, что в ФБР допрашивают некоего мясника, и готово: живое воображение работников средств массовой информации сделало далеко идущие выводы. Так или иначе, кличка прижилась, и теперь её использовали даже в официальных документах Бюро.

Марк посмотрел на группу зевак ещё раз. Вроде бы, она несколько увеличилась. И при этом, у Марка и его коллег опять были неплохие шансы засветиться в вечерних новостях: одна молодая дама в толпе уже снимала сцену на портативную видеокамеру. Перед тем, как примчаться сюда с видеокамерой, женщина, похоже, занималась собственным огородом: она была одета в рубашку с длинными рукавами, мужские защитного цвета брюки, закатанные до колен, и в конической соломенной шляпе. Телеканалы больше не могут позволить себе рассылать по городу фургоны с репортёрами, поэтому в округе появилось много вот таких «добровольных помощников телевидения». Они охотно поставляют на местные студии соответствующие видеозаписи. Телевизионщикам остаётся только добавить несколько умных фраз от ведущего новостей или, к примеру, мнение дежурного «эксперта», и вечерний выпуск готов. По крайней мере, подумал Марк, у «добровольных помощников» редко бывают в ходу длиннофокусные объективы и направленные микрофоны. Меньше вероятность утечки информации.

Он поднял свой мобильный телефон с травы. Отметка GPS была уже на экране: красный крестик поверх спутниковой фотографии, хотя на фото не было поляны и роща выглядела гораздо гуще, чем в действительности. Ничего удивительного: спутниковые фото на серверах были пятнадцатилетней давности. Марк извлёк из телефона стилус и добавил к отметке координат краткое описание: «№ 16. Примерное время смерти от 20:00 до 24:00 04/22/2030[6]. Мужчина: белый, 20-22 лет. Женщина: амер-азиатка, 17-20 лет. Метод преступления соответствует ранее обнаруженным (перчатки, нож)».

Убийца был осторожен, методичен и, что называется, «в курсе возможностей современной криминалистики». Пятнадцать убийств - и никаких существенных улик или свидетелей! Преступник использовал один и тот же армейский нож. Конечно, если найдётся нож, криминалистическая лаборатория сможет однозначно идентифицировать его как орудие убийства. Проблема была в том, что из-за бесконечных войн Соединённые Штаты вели по всему миру с 2001 года, в обращении было много миллионов таких же точно табельных ножей. «Мясник» всегда надевал дешёвые рабочие перчатки: хлопчатобумажные с крошечными резиновыми пупырышками на ладони. Такие перчатки не оставляют шансов обнаружить отпечатки пальцев. Перчатки с пупырышками не выпускались уже несколько лет, но пару-другую точно таких же перчаток всё равно можно было найти в каждом доме. Не было пригодных отпечатков обуви. Жертвы не подвергались сексуальному насилию, так что не было и биологических улик. Несколько раз рядом с местом убийства оказывались потенциальные свидетели. Однажды пара влюблённых буквально споткнулась о

свежий труп, менее чем через час после убийства. Однако, никто из свидетелей не слышал никаких криков и не заметил ничего необычного.

Бюро оставалось только надеяться, что «Шелдонский Мясник» когда-нибудь сделает глупую ошибку. Ну что тебе, гад, стоит порезать палец или обронить что-то на месте преступления, мечтал про себя Марк. Или наткнуться ночью на банду грабителей, чтобы у тебя отобрали твой нож и воткнули его тебе же между рёбер. Или, например, почему бы тебе не попасть в дорожно-транспортное происшествие? Машин на дорогах почти нет, но ты можешь попасть под лошадь или загреметь с велосипеда. Или, скажем, почему бы тебе, «Мясник», не перебраться в другой штат? Флорида! Там много лесов. Поезжай - и убивай на здоровье *там*, а не на моем участке. Или скинь свою задницу с небоскрёба... Или подхвати грипп и отбрось копыта...

- Похоже, никто ничего не знает, Марк. Пацаны нашли трупы по дороге из школы, - сообщил Алекс, возвратившись к окровавленному пледу.

- Чего и следовало ожидать, Алекс. Что удалось выудить?

- Эти трое учатся в школе Нулла, мили две[7] на запад, а живут тут недалеко - в *америкитайских* трущобах к северу от шоссе Гаррет. Я записал имена и номера телефонов их родителей. Вызовим их, если понадобится. В общем, пацаны сообщили, что гуляют в этой роще почти каждый день, хотя на этой поляне бывают редко. Пришли, увидели тело девушки на траве, кровь и всё такое. Испугались и побежали звать на помощь. Вон тот представительный джентльмен слева, видишь?

- В кожаном фартуке?

- Он самый. Это местный кузнец. Он позвонил в Околоток, то есть Киму, и прибежал с мальчишками сюда. Потом прибежал и молотобоец кузнеца. Вон тот полуголый парень рядом с кузнецом - выглядит как «качок». Молодцы - догадались не пустить зевак на поляну. Тань и Ким примчались сюда через двенадцать минут. Околоток ведь совсем рядом - примерно пол-мили [прибл. 800 метров] к северу.

Лет десять назад решение о «локализации» Полиции вызывало оживлённые споры, но сейчас большинство законопослушных граждан в Хьюстоне считает, что это было самой лучшей из идей, когда-либо придуманных в Полиции Округа Харрис. Городское полицейское управление и дорожный патруль были ликвидированы, а их личный состав - передан в подчинение Шерифу. После *Обвала* на дорогах всё равно почти не было автомобилей - некого стало штрафовать. Весь округ был поделён на участки, не более семидесяти квадратных миль [прибл. 181 кв. км] в каждом. Шериф конфисковал своей властью несколько сотен помещений обанкротившихся контор, - в то время всё ещё было, из чего выбирать. Всё было устроено просто и эффективно: небольшой околоточный офис, некоторые с зарешеченной перегородкой сзади, и от двух до четырёх депюти. Полисменов подбирали исключительно из местных, - чтобы сами жили неподалёку и знали всех в ближайших кварталах. Рядом с некоторыми околотками расположились и офисы мировых судей. Каждый околоток отвечал за район не более двух квадратных миль [прибл. 5,1 кв. км], так что полицейские могли

быстро добраться до любого места пешком или на велосипеде.

Как и всё остальное после *Обвала*, новая система не была свободна от недостатков, но преимуществ было намного больше. В городах, где не торопились менять давно заведённый порядок и продолжали использовать полицейские автомобили, скоро возникли целые районы, в которых полицейского можно было увидеть не чаще раза в год. А то и вовсе: никогда. Циркулировали слухи, что в Лос-Анджелесе банды объявили всю южную часть города «свободной от полиции зоной»: видим полицейского - убиваем полицейского. Департаменту Полиции Лос-Анджелеса ничего не осталось, кроме как просто принять новую реальность.

Хьюстон - не самый плохой город с точки зрения преступности. Конечно, как в любом большом городе, тут поневоле приходится быть осторожным. Если оставлять бумажник или мобильный телефон где попало, они непременно «отрастят ноги». А уж если гуляешь по неправильному району в неправильное время, дело может закончиться грабежом, причём иногда с убийством. С другой стороны, оборот незаконных наркотиков последние несколько лет непрерывно снижался; гораздо меньше стало и преступлений на сексуальной почве. По крайней мере, среднестатистические граждане, такие, как вот этот кузнец, уважали Полицию и всегда были готовы помочь.

- Кто-нибудь ещё что-то знает? - спросил Марк.

- Не-а. Все остальные - просто зеваки. Видели то же самое, что у нас сейчас перед глазами. Я записал имена и контактные телефоны, просто на всякий случай...

Как и ожидалось, свидетелей пока не нашлось.

- Надо будет попросить местных полицейских и пройти завтра по околотку. Если повезёт, может найдём кого, кто был в лесу прошлой ночью.

- Без проблем. Я сам сюда подъеду, вместе пройдемся, - обнадежил Алекс.

Натали принесла Марку два пластиковых пакета с содержимым карманов убитых. Ни удостоверений личности, ни телефонов в них не было. Сумочка девушки содержала обычный набор: маленькое зеркало, кустарного приготовления губная помада, расчёска с выкрошившимися зубчиками. Денег тоже было немного: у молодого человека - около девятистот долларов, в мелких купюрах: десять, двадцать и пятьдесят долларов. В сумочке девушки обнаружилась одинокая пятисот-долларовая бумажка. Пару убили, конечно, не из-за денег.

- Я сняла с убитых отпечатки пальцев и отправила в Бюро Идентификации, - доложила техник-криминалист, - Для отпечатков мужчины - уже получен ответ по электронке. Вы, Марк, должны быть в копии. Личность женщины всё ещё пытаются установить, но я не жду тут особого успеха.

Марк кивнул и достал свой телефон. К сообщению электронной почты была присоединена стандартная карточка учёта Вооружённых Сил США. Хобсон, Николас С.

Родился в 2009 году. Школа. Старшие классы не закончил, пошёл работать. Судимостей нет. Призван в 2027 году, Инженерные Войска. Тренировочный лагерь в Форт-Уорт, 2027. Места службы: Колумбия, 2027, Мексика, 2028, Венесуэла, 2028 год. Награды: «Пёрпл Харт[8]», 2029. Отставка с почестями в марте 2029. Вот даже как! Уильям тоже получил «Пёрпл Харт» в Венесуэле, и тоже в 2029 году, отметил про себя Марк. Убитый и Уильям вполне могли быть сослуживцами!

Он попытался успокоиться и продолжил чтение. Последний известный адрес: 187-я улица, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. В Техасе известного адреса нет. Это не было необычным. Люди продолжали мигрировать из северных, климатически более суровых районов, на юг. Будучи инвалидом, парень не регистрировался как военнообязанный в *Офисе Военной Карьеры*. В карточке был телефонный номер. Марк быстро набрал его, и через несколько секунд услышал стандартную запись: «номер отключён и больше не используется». Ещё в карточке был адрес электронной почты. Марк скомпоновал в телефоне письмо: «Если Вы получили это сообщение, немедленно свяжитесь...» Далее следовали телефонный номер и адрес электронной почты Марка. Конечно, вероятность была небольшой, но могло быть и так, что у адреса электронной почты было несколько хозяев.

- К сожалению, личность убитой установить пока не удалось, - сказала Натали, глядя на экранчик своего телефона. Это тоже было обычным делом. Двадцать лет назад, девушка возраста жертвы получила бы водительские права, и в базе данных появились бы её отпечатки пальцев. Теперь частные автомобили не использовались, поэтому получение прав вряд ли было в списке приоритетов девушки. Несколько лет назад, Конгресс обсуждал проект по внедрению обязательного удостоверения личности и регистрации адреса для всех жителей штата Техас. Законопроект провалился по обычной причине: отсутствие денег. Только Пентагон поддерживал систему обязательной регистрации, причём только для молодых мужчин, способных носить оружие.

- Этот адрес электронки, - Марк показал Натали экранчик телефона, - Можно, наверное, получить данные от провайдера. Скажем, сообщения в почтовом ящике, или список контактов с сервера?

- Уже думала, сэр, - ответила Натали, - К сожалению, этот сервер находится в Квебеке, в бывшей Канаде. Для этих ребят ордер от нашего техасского судьи или бумага от маленьких зелёных человечков с Марса - имеют одинаковую юридическую силу. Если даже квебекцы ответят, то в ответе будет, что информация зашифрована, пароль уничтожен, сервер сгорел, а резервные копии отправлены в Болгарию, и вообще, проклятые Янки-полицейские, перестаньте совать свой нос в наши дела, спасибо! Или, наверное, не «спасибо», а «мерси».

- Так или иначе, вежливо попросить, наверное, всё-таки можно. Вдруг получится?

- Я напишу им сообщение сегодня вечером. Но вряд ли это сработает, сэр. Я по-французски - не очень. Точнее, вообще никак.

- Ещё одна задумка, Натали, - добавил Алекс, - Убитый не зарегистрирован в Техасе, но члены его семьи могут быть. Можете попросить Бюро Идентификации выдать список зарегистрированных лиц по фамилии Хобсон?

- Хобсон - довольно распространённая фамилия, сержант. Насколько широким Вы хотите район поиска?

- Убитый наверняка жил неподалёку. Я не думаю, что молодой человек прошёл больше, чем пару миль - у него ведь протез... - указал Марк на искусственную ногу на траве.

- Тут ты, Марк, точно заблуждаешься, - живо возразил Алекс, - Молодой человек может пойти на куда большие жертвы, чтобы произвести впечатление на свою леди. Мой сын Питер, он на протезе... Но, вообще, возражение снимаю. Ты, вероятно, прав. У убитой - деревянные шлёпанцы. В японском стиле, с ручной росписью. Цветочки и закорючки-иероглифы. *Гета*[9], так они называются... В такой обуви быстро ходить невозможно, наверняка устанешь, пройдя всего милю или около того.

Натали засмеялась, - Вы, господа, никогда в жизни не ходили в *гета*, я правильно поняла? Такие шлёпанцы - это вообще не обувь, а скорее модный аксессуар. Если бы мне надо было пройти милю, или, скажем, проехать на велосипеде, я бы их просто скинула и несла в руках, есть даже такая специальная верёвочка для этого... Подождите... А ведь мысль-то здравая! Девушка наверняка ехала на велосипеде! На её джинсах, вот тут - маленькие чёрные пятнышки, видите? Я не просекла сначала, но вы знаете, что это?

- Что?

- Отпечаток велосипедной звёздочки! Причём - задней. Она сидела на багажнике. Конечно, всё это может быть простым совпадением...

- Велосипеда на месте преступления не было, - заметил Марк, - Вряд ли «Мясник» его забрал - как-то расходится с его типичным поведением. Может, кто-то посетил поляну до того, как мальчишки сюда попали? Если убитые действительно приехали сюда на велике, это расширяет зону поиска миль до десяти или около того...

- Хорошо, я попрошу Бюро Идентификации выдать выборки в десятимильном и двадцатимильном радиусах. Однако, на вашем месте я бы не ожидала особых чудес, господа. Там будет куча совершенно бесполезных адресов.

Они работали на месте преступления ещё в течение часа, тщательно обыскав траву и кусты. Несколько сообщений электронной почты из Бюро Идентификации подтвердили, что личность убитой не могла быть установлена, и текущий адрес убитого мужчины был тоже неизвестен. Не было зарегистрировано в районе и пропавших без вести с похожими приметами. Поиск по фамилии Хобсон выдал более пятидесяти адресов, некоторые с телефонными номерами, большинство без. Марк прозвонил все номера, но без особой удачи. Им предстояло проверить все эти адреса - несколько

дней беготни по трущобам.

- Часа через два уже стемнеет. Придётся забирать трупы в морг, - решил Марк.

- Согласен, - кивнул Алекс, - Не будем потёмков дожидаться. У наших фонариков аккумуляторы дохлые. На полной зарядке и двадцати минут не протянут.

Это было немного против распоряжений начальства, постоянно требовавших от следователей экономить горючее и электроэнергию. В идеале, полагалось быстро установить родственников и попросить их забрать тела убитых прямо с места преступления. Ни к чему везти трупы в морг. В данном случае, однако, у Марка не было выбора.

Обернув трупы в брезент (одноразовые мешки для трупов в Полиции давно закончились), полицейские отнесли убитых в кузов пикапа. Все остальные вещественные доказательства были тоже упакованы и погружены. Местные депьюты сняли полицейскую ленту, и, уже перед самым закатом, детективы покинули место преступления. На этот раз машину вела Натали - она упростила сержанта дать ей попрактиковаться за рулём. С её двумя часами обязательной полицейской практики вождения, она вела машину не быстрее иного велосипеда, однако доставила всех в Участок в целости и сохранности.

Им потребовалось ещё час-полтора, чтобы слить оставшееся горючее обратно в канистру, сдать ключ от пикапа дежурному депьюту, и завершить оформление документов для хранения трупов и улик. Остальное могло подождать до утра. Десять - пятнадцать лет назад, расследование подобных убийств продолжалось бы день и ночь. Теперь электроэнергия и горючее были слишком дороги для выполнения каких-либо значимых следственных мероприятий в тёмное время суток, а работу с документами и поиск по базам данных можно было делать и из дома. Алекс и Натали заверили Марка, что они будут в офисе завтра не позже половины седьмого утра.

Марк быстро переоделся в футболку, шорты и сандалии и вскочил на свой полицейский велосипед. Он жил примерно в пяти милях [прибл. 8 км] от Участка. Учитывая полную темноту и неизбежные выбоины на дороге, поездка должна была занять от сорока минут до часа.

Он ехал на восток, по направлению к автостраде Сэма Хьюстона. Это была лучшая часть района: более современные дома, с неплохими доходами, и довольно далеко от трущоб. В это вечернее время всё было заперто, и улицы были пустынные. В домах не было света, за исключением светодиодных фонарей здесь и там, и мерцающих в окнах телевизионных и компьютерных экранов.

В 2007 году, когда Мэри и Марк покупали дом, улицы здесь были ярко освещены всю ночь. Торговые центры были открыты до девяти вечера или около того, а супермаркеты и большинство ресторанов работали ночь напролёт. Электроэнергия - это было так просто! Щёлкаешь выключателем - и ночь превращается в день. Американцы чистосердечно полагали, что изобилие энергии продлится вечно. Даже

иммигранты из «стран третьего мира» в первом поколении, которые должны были бы понимать, что вечной энергии в природе не бывает. Были, конечно, кое-где люди, предупреждавшие, что изобилия вряд ли хватит более чем на десять-двадцать лет, но кто бы их слушал? Кому интересны плохие новости?

Первое крупное потрясение произошло в 2008 году. Мировой финансовый кризис, или GFC, уничтожил несколько крупных банков. Немало мелких предприятий и магазинов в районе были закрыты, другие выжили, но сократили часы работы. Чтобы уменьшить затраты на электроэнергию, муниципалитет решил выключать уличное освещение после полуночи. Были введены и другие меры экономии ресурсов и переработки вторсырья, но, в общем и целом, идея до населения не дошла. Большинство американцев были уверены, что GFC - это временные неудобства.

2013 год, первый год второго президентства Обамы[10], принёс с собой ещё один мировой финансовый кризис. Он был назван «GFC версии 2.0», как какая-нибудь дурацкая компьютерная игра. Кризис не был игрой. Если экономисты называли GFC 2008 года «худшим финансовым кризисом со времён Великой Депрессии», то GFC версии 2.0 был просто «худшим кризисом в истории Человечества». Половина банков во всём мире обанкротились, остальные были национализированы. Деловые районы опустели. Безработица выросла до 15%, затем до 25, до 30, а затем - до, невозможно представить, - 41%. Телевизор с готовностью выплёвывал объяснения случившемуся: «Пик добычи нефти», «Пик добычи газа», «Пик вылова рыбы», затем, решительно: «ПИК ВСЕГО»[11]. Всё просто: на планете стало слишком много народу. На всех - планеты не хватит. Американцы, наконец, поняли, что им грозит. Некоторые бросились устанавливать солнечные батареи и резервуары для сбора дождевой воды. Другие завели на задних дворах огороды и пересели из автомобилей на мотороллеры и велосипеды. Однако, было уже поздно.

Отчаянно бросив в экономику ещё один пакет «финансовых стимулов», правительству Обамы удалось преодолеть худшие последствия GFC 2.0. Некоторым странам повезло куда меньше. Целый ряд европейских государств: от Испании до Латвии, прекратил существование. Центральная Африка тоже потеряла большую часть правительств, и была в состоянии анархии и перманентной гражданской войны, там правили банды вооружённых автоматами и накаченных наркотой подростков. Индия сообщила о пятидесяти миллионах умерших от голода. Судя по новостям «CNN», умерших было как минимум пол-миллиарда. Китай, вторая по величине мировая экономика, заполучил гражданские волнения и беспорядки на улицах всех крупных городов. Китайское правительство не растерялось и разгромило оппозицию танками, предусмотрительно вырубив Интернет и сети мобильной телефонной связи. Миру сообщили, что всё в полном порядке. Корабли-контейнеровозы с китайскими товарами продолжали приходить, поэтому «незначительные ущемления гражданских свобод» были немедленно забыты, даже наиболее усердными борцами за права человека. Где-то через год после кризиса, экономика начала потихоньку восстанавливаться, и американцы снова стали оптимистами.

Затем, зимой 2016 года, начался Обвал. Это стало совершенно неожиданным для большинства населения США. Президентская кампания была в полном разгаре, и никто

из кандидатов не хотел плохих новостей. В докладах непрерывно трещали оптимистические прогнозы: экономика опять на подъёме, акции растут, экономические показатели отличные, банки стабильны... Конечно, кое-где были кое-какие проблемы. Безработица 18%, однако - на уровне трехлетнего минимума. Один американец из каждых пяти получает карточки на дешёвые продукты, но, господа, в Америке - сильная экономика. Мы можем себе позволить слегка накормить голодных. Короче: плохие времена прошли, впереди - светлое будущее!

Затем, откуда ни возьмись, пришёл кризис. Пришёл, и ударил - как мчащийся локомотив. Где-то в Омане взлетел на воздух огромный завод сжиженного природного газа. Рынок немедленно отреагировал броском цен на природный газ и нефть. Новый кризис немедленно окрестили «GFC версии 3.0», но это название не продержалось и трёх недель, и в обиходе появилось словечко «Обвал». В течение месяца все ведущие мировые экономики объявили дефолты. Банкротства крупных корпораций анонсировались по десятку в день. В мире вдруг не стало: коммерческих авиакомпаний, автомобильных заводов, централизованного вывоза мусора, бензина на заправках, еды на полках супермаркетов. Как будто, кто-то повернул секретный рубильник, - и вся планета остановилась.

К их вящему удивлению, американцы обнаружили, что и после *Обвала* существует жизнь. Конечно, жизнь эта никогда не будет такой же, как во времена прошедшего изобилия. Теперь по ночам улицы Хьюстона погружались в непроницаемую тьму. И так будет всегда.

Глава 2

Марк приехал домой без четверти одиннадцать. Уильям и Клэрис, или Билли и Рисси, как все в округе называли их с недавних времён, ждали его перед телевизором. Сегодня вечером местная станция крутила «Назад в будущее II». В остальном доме было тихо и темно - все остальные члены семьи уже легли спать.

После четырёхчасовой работы на месте преступления, Марк отчаянно хотел принять душ. Со светодиодным фонарём в руках, он прошёл в ванную комнату на первом этаже. Центральная канализация прекратила работу шесть с половиной лет назад, но Марк установил у себя пластиковую трубу между душевой кабиной и задним двором. «Серая вода» собиралась в резервуар и использовалась для полива овощей. Душ работал от пятидесяти-галлонной бочки, установленной на крыше. Если день был солнечный, температура воды была почти приемлемой. Конечно, эту воду приходилось экономить. «Душ подводника», так это называли теперь. Пятнадцать секунд под душем, чтобы смочить кожу, затем сорок пять секунд, чтобы смыть мыло. По крайней мере, не было нужды экономить мыло: несколько семей в округе открыли мини-заводики, и мыло, если и не самого лучшего качества, было теперь доступно по разумной цене.

В такой день, Марк отдал бы что угодно за настоящий душ. Такой, каким душ был бы до *Обвала*: долгим, с горячими и упругими струйками воды. В последний раз он наслаждался подобной роскошью восемь, нет, уже девять лет назад. Это было уже после *Обвала*, но кое-кто ещё пробовал притвориться, что жизнь идёт, как обычно. По улицам ещё изредка ездили частные автомобили. У ФБР ещё хватало бюджета, чтобы нанять автобусы и спецрейсы самолётов, а оставшиеся пятизвёздочные отели ещё не разучились устраивать конференции и корпоративы. ФБР решило провести в Хьюстоне крупное мероприятие. Около двухсот сотрудников среднего звена были собраны из трёх штатов для участия в семинарах и «мозговых штурмах». Официальная цель заключалась в разработке стратегии для борьбы с изменившейся организованной преступностью: нелегальной торговлей бензином, работоторговлей, и так далее. Марк уже забыл конкретные темы докладов, тем более, что большинство из них потеряло актуальность в течение пары лет. В памяти остались лишь внешние атрибуты «нормальности». Всю неделю участники были одеты в деловые костюмы, как положено в ФБР: классические пиджачные пары для мужчин и строгие чёрные платья или пиджаки для женщин. В ресторане подвали настоящие говяжьи отбивные и настоящий кофе. В комнатах тихо шуршали кондиционеры. И был душ! Настоящий душ, который можно сделать горячим или холодным, как хочется, с ароматным шампунем и с гелем для душа. Вы могли стоять под струйками проточной воды в течение доброй половины часа, не беспокоясь о том, что вода вдруг закончится!

Да, это была отличная неделя. К последнему дню мероприятия, Марк уже почти убедил себя, что жизнь каким-то образом вернётся в «нормальные» времена, и станет такой, как была до *Обвала*. Затем, праздник закончился, а реальность - вернулась. По дороге домой, он завернул на большую барахолку в центре Хьюстона, чтобы обменять чёрный деловой костюм на две подержанные школьные формы. Его дочери, Саманта и Памела, как раз должны были пойти в школу, и эти формы нужны были срочно. А

костюм Марку с тех пор больше ни разу не понадобился.

Немного освежённый душем, Марк вернулся в гостиную и принялся поглощать принесённый Клэрис холодный ужин. Сегодня в домашнем меню были стейк из соевого творога, поджаренные овощи и початок отварной кукурузы.

- В вечерних новостях, отец. Снова двойное убийство? - как бы невзначай заметил Уильям. Та девушка с видеокамерой постаралась, подумал Марк.

- Да, опять.

- Телезвёзды! Рисси сказала, что вы трое: ты, сержант Алекс и та девушка из лаборатории - выглядели очень даже круто на ТВ! Прямо как настоящие сыщики. Но, говоря по правде, до настоящих «про» из сериала «Расследование преступлений: Майями» вам ещё расти и расти, - Шутки у Уильяма получались плохо, но это не останавливало его попыток.

- Когда ты служил в Венесуэле, - невпопад спросил Марк, - Ты не встречал там солдата по имени Ник Хобсон? Он тоже в Инженерных Войсках был.

- Лично - нет, но имя слышал, кажется. Я думаю, он ещё до моего прибытия уволился. Подорвался на mine, или что-то в том же духе.

Уильям почесал свой вытекший левый глаз короткой культийкой левой руки, затем сделал тщетную попытку дотянуться той же культёй до пустой правой глазницы. Его правая рука была ампутирована по самое плечо, и там культя не было вовсе.

Уильям всегда был очень независимым. Когда ему исполнилось пять, он торжественно заявил всем, что его нельзя больше звать «Вилли», «Билли» или «Беби-Би». Ничего подобного! «Я скоро в школу пойду,» - объяснил карапуз поражённым родителям: «Я вам больше не беби!» «Билл» - только такое сокращение имени он ещё готов был слышать. Даже от мамы с папой.

Два года назад Марк и Мэри были сильно огорчены, когда в один прекрасный день сын заявился домой и объявил, что его подружка Клэрис беременна, и поэтому они решили пожениться. Он и разговаривать не стал о возможности аборта. Не то чтобы Марк сильно настаивал. По закону штата Техас 2025 года, прерывание здоровой беременности было запрещено. Будучи агентом ФБР, Марк просто не мог отправить будущую невестку к нелегальному абортмахеру. Оставалось только попробовать сделать процедуру в одном из штатов, где аборт пока ещё не запретили. После изучения Интернета, Марк обнаружил, что ближайшее место, в котором аборт был одновременно легальным и относительно безопасным, находилось в Калифорнии.

К тому же, и поздновато было уже: Клэрис ожидала ребёнка через три месяца. «И почему ты нам ничего не сказал?» - посетовала Мэри.

«Как будто я не знал, что вы двое мне на это скажете,» - ответил Уильям: «Я вообще не

прошу у вас разрешения. Свадьба будет по-любому. Причём, если вам не нравится, что Клэрис будет жить тут у нас, мы найдём себе другое место.»

Девушка Уильяма была сиротой, потерявшей обоих родителей и двух братьев в 2023 году, во время очередной эпидемии птичьего гриппа, и жила у каких-то дальних родственников, практически в роли бесплатной прислуги. Марк пожалел её, и, скрепя сердце, одобрил брак, думая про себя, что это худшее решение, которое он когда-либо делал в жизни. Ранняя женитьба Уильяма плохо подходила к планам Марка на будущее. Его старший сын, был, безусловно, талантлив, и мог сделать неплохую карьеру, даже в трудные времена после *Обвала*.

У них была скромная свадьба, после которой Клэрис, уже с сильно округлившимся животиком, переехала жить в дом Марка. Она оказалась весёлой и лёгкой на подъём, и притом довольно хорошим кулинаром. Главное, что вопреки опасениям Марка, Клэрис и Мэри были в отличных отношениях. Через два месяца после свадьбы, Клэрис родила здорового мальчика, которого называли Дэйвидом, в честь отца Мэри. А чуть позднее Уильяма призвали на военную службу. Он оказался в Инженерных Войсках и должен был отправиться в учебный лагерь в Форт-Уорт[12]. Марк припомнил, как Уильям прощался с ними у военного автобуса. Он держал на руках маленького Дэйви, и улыбался. «Три года в Инженерных войсках,» - сказал он тогда: «Инженерные войска - это не какая-нибудь пехота! Не волнуйтесь за меня, вернусь живой и здоровый, вот увидите.» Кто мог знать, что скоро у молодого человека не останется глаз, чтобы видеть сына, и не будет рук, чтобы его держать?

После начального обучения в Форт-Уорт, Уильяма вскоре отправили на войну - в Венесуэлу. Соединённые Штаты обороняли последние работающие нефтяные месторождения от нападений местных партизан. На четвёртый месяц после прибытия, Уильям подорвался на mine-ловушке, установленной на арматуре одной из нефтяных скважин. Шлем и бронежилет спасли сапёру жизнь, но он был тяжело ранен осколками.

Его эвакуировали в плавучий госпиталь в порту Каракас. Госпитальное судно было переделано из бывшего круизного лайнера и носило гордое имя USNS «*Санта Лючия*»[13]. Неофициальное название, которое дали этому плавучему госпиталю в войсках, было «*Карибский Мусоровоз*». Он был специально предназначен для солдат срочной службы с тяжёлыми ранениями. Тех, у кого не было шансов вернуться действующую армию, и которые стали поэтому армии не нужны. На борту проводилось только «*социально-оптимальное лечение*», чем-то похожее на полевую хирургию времён Первой мировой войны: радикальные калечащие операции, никаких антибиотиков, никакой восстановительной терапии. Ни к чему тратить антибиотики на тех, кто не сможет вернуться в строй. Дорогие лекарства использовались в других госпиталях - для счастливых с лёгкими ранениями, которых можно было вылечить для повторного использования на поле боя.

Уильям рассказал потом Марку, как он пытался убедить врачей попробовать сохранить ему хотя бы левую руку, однако вечно-занятые и хронически не выспавшиеся хирурги «*Мусоровоза*» на подобные дурацкие просьбы незадачливых пациентов внимания уже

не обращали. В отделении сортировки, один из военных медиков грубо приказал раненому инженеру заткнуть пасть и приготовиться жить дальше без обеих рук. На вопрос Уильяма, что за качество жизни ему предстоит после подобной операции, последовал ответ, что *долбаное* качество жизни *долбанных* идиотов-рядовых, которые подрываются на *долбанных* минах в *долбанных* венесуэльских джунглях - к несчастью, *именно сегодня* не попало в список приоритетов плавучего госпиталя.

«Это называется «быстро и радикально», приятель. Я уверен, тебе даже понравится,» - заверил Уильяма военный хирург полтора часа спустя: «Радикальное лечение всегда более надёжно. Через недельку снимем швы, - и будешь, как огурчик. Поверь мне на слово, солдат: никто из *моих* ампутированных ещё не жаловался!»

Затем, несмотря на дальнейшие протесты Уильяма, несговорчивому пациенту вкололи побольше наркотиков, и забрали в операционную. Обе руки были ампутированы: правая по самое плечо, а от левой осталась лишь коротенькая бесполезная культяпка. Выбитый осколком правый глаз удалили полностью; менее пострадавший левый глаз был промыт, залеплен пластырем, и оставлен заживать сам по себе. Примерно через месяц молодой человек обнаружил, что остатки левого глаза не совсем бесполезны и позволяют кое-как различать свет и темноту. Второй врач предсказал верно: на хирургов Уильям не жаловался. Уже после операции он узнал, что в единственной операционной плавучего госпиталя проводили не менее двадцати операций в день. Каждая лишняя минута, которую уделил бы ему хирург, могла стоить жизни другому раненому. К тому же, молодому инвалиду объяснили, что без антибиотиков и тому подобных дорогостоящих лекарств, шансов на спасение конечностей у него всё равно не было никаких.

Там же на борту бывшего лайнера, Уильям получил то, что называли «Мусоровозным набором»: комплект подержанной военной формы, медальку за ранение «Пёрпл Харт» и документы на почётное увольнение из Армии. Две недели спустя «Мусоровоз» благополучно пересёк Карибское море и вывалил шестьсот свежее испечённых инвалидов войны в порту Галвестон.

- Что за Ник Хобсон? - спросила Клэрис, наливая Марку и Уильяму цветочный чай.

- Из вечерних новостей. Это тот парень, которого вчера грохнули в лесу вместе с неизвестной пока девушкой, - Марк слишком устал сегодня чтобы поддерживать разговор о серийном убийце, - Лучше расскажи, как ваш день прошёл.

- Отлично прошёл! Насобирали сегодня целых двести пятьдесят три доллара, - ответила Клэрис, милостиво оставив в покое тему серийного убийцы, - Наш персональный рекорд. Ты знаешь, наш Билли теперь так классно собирает пожертвования! Сначала пошли на рынок. В будние дни по утрам на рынке неплохо подают. Постояли часа четыре... Потом кто-то сказал, что в благотворительной кухне дают жратву *забесплатна*. Мы, конечно, опоздали, овощей уже не было, зато получили по миске супа. Я, как всегда, занималась мытьём посуды. Потом пошли *делать Маршрут*, но прошли немного. С моим-то животиком, стало немного трудно ходить...

Она была на седьмом месяце беременности, и её живот был на самом деле похож на барабан.

Несмотря на ужасные увечья, Уильям удивительно хорошо приспособился, подумал Марк. Это не было бы возможным без Клэрис. В памяти Марка великолепно отпечатались тот день, когда Клэрис неожиданно позвонила ему на служебный телефон. «Уильям мне звонил только что,» - выпалила она, позабыв про приветствия: «С плавучего госпиталя. - *Санта-Лючия!*»

«С плавучего госпиталя? Надеюсь, ничего серьёзного?»

«Да нормально всё. Операция прошла без осложнений. Ему обе руки *отчекрыжили!*»

«Что? Клэрис! Обе руки? Как это- *отчекрыжили?*»

«Ну, то есть - ампутировали. Говорит, что по самые плечи.»

«Чёрт! Несчастье-то какое!» - не мог поверить Марк.

«Почему несчастье?» - радостно завопила в трубку Клэрис: «У него всё *клёво!* Он сказал: госпиталь уходит из Каракаса на той неделе. Значит, всего через две недели наш Уильям будет дома! Живой! Живой! О, это так здорово!»

«Здорово? А как же - руки?» - Вот ведь дура, неожиданно раздалось в голове у Марка. И чему она, глупая, радуется?

«Да при чем тут, на фиг, руки? Главное - он живой! Живут же люди: и без ног, и без рук! А руки Уильяму можно будет сделать искусственные, так ведь? Бог поможет, мы и так проживём...»

Через десять дней она получила СМС: «*Санта-Лючия*» приходит завтра в полдень, родственники могут прибыть в порт, чтобы забрать своих инвалидов^[14]. В конце XX века, словечко «инвалид» в Америке использовалось только в контексте исторических книг. Про Наполеоновские войны, к примеру. Полит-корректность была в большой моде. Про человека нельзя было сказать: «он - инвалид». Говорили: «с ограниченной подвижностью» или «с ограничениями по зрению». А вместо «мальчик-дебил», говорили: «нестандартно-одарённый ребёнок». По мере того, как Соединённые Штаты вели малые и большие вооружённые конфликты, наполняя загаженные улицы разваливающихся мегаполисов безрукими и безногими калеками в потрёпанной униформе, слово «инвалид» вползло в повседневный обиход. Кое-кто мрачно шутил: «инвалид» - это укороченное от «солдат».

Клэрис потом несколько раз пересказывала историю той поездки в Галвестон. Автобус от *Шелдон-Рез* до Галвестона в прошлом году ещё ходил, правда, уже, что называется, на честном слове. Клэрис не повезло. По дороге автобус пару раз ломался, и водителю приходилось останавливаться и копать в двигателе. Когда они приехали в

Галвестон, было далеко за полдень.

«Я помчалась в порт,» - рассказывала Клэрис: «Выбегаю, такая, на Уарф-стрит: *нифига* себе! По всей улице тащатся инвалиды на костылях. Большинство там было одноногих, да! В общем, прибежала на эту долбаную пристань. Типа: «уже рано»! Половина второго!»

«Стою на пристани - как последняя дура. Вокруг все мечутся: что-то сгружают, что-то загружают... Подходит медсестра. Говорит: кого-то ищешь, девушка? Я, начала, типа: Вы не знаете пациента? Уильям Пендерграсс? А она такая: да кто же их всех по фамилии-то упомянет? Но ты сильно опоздала, дочка: пациентов-то мы уже всех выгрузили. Я такая: еть-твою-медь! Вот дура: понадеялась на этот проклятый автобус! Надо было вставать пораньше и ехать омнибусом. На лошадях - оно куда надёжнее. А теперь Уильям подумает, что его не встречают.»

«А медсестра спрашивает: он у тебя ходячий или нет? Я говорю: в смысле? Она: ну, передвигаться он может сам? Я говорю: у Уильяма только руки ампутированы. Ноги на месте. Она такая: руки, говоришь, ампутированы? В смысле: обе? Как «*Севен-Элевен*»? Да уж, называется: повезло чуваку! А когда операцию ему делали? Я посчитала в уме, говорю: две недели примерно. Она такая: ну, значит, он ходячий. Наверное, он уже в город вышел, с другими инвалидами... Ты сходи, автобусную станцию проверь. А может, он в каком-нибудь баре? С друзьями? У нас многие после рейса: как на берег - так сразу в бар. На корабле-то у нас - сухой закон.»

«Подождите, говорю, *как* же он мог уйти? Ему же глаза выбило! Тогда медсестра говорит: с ампутацией обеих рук и незрячий? Да, было у нас двое таких пацанов в этом рейсе. Как его звать, говоришь? Уильямом? Наверное, это Билли, парень с третьей палубы, на корме по правому борту. Ну да, я его неплохо запомнила, хотя это и не моя палуба. Да уж, как говорится, карачун парню. Стопроцентный обрубок: «*Севен-Элевен*», да ещё и слепой. Я спрашиваю: да что ещё за «*Севен-Элевен*» такой? А она: ну, «*Севен-Элевен*» - это когда бездвурукий. Во - объяснила! «Бездвурукий» - надо же такое слово придумать! А медсестра спрашивает: ты ему кто будешь: сестра или подруга? Я говорю: жена. А она: дети были? Я говорю: мальчик. А она: еть-твою-медь!»

«А потом она вдруг и говорит: а может, и хорошо, что вы разминулись. Я: почему? А она: на твоём месте, девочка, я бы ещё подумала его домой-то забирать. А я такая: что Вы, к чертям, имеете в виду? Ну, она и говорит: ты, типа, сама прикинь. Если бы твой Билли был слепой, это ещё туда-сюда. Слепой - может как-то приспособиться, жить нормально, даже работу может найти. А если бы он был просто бездвурукий, но не слепой... В общем, такая жизнь - это, конечно, полное дерьмо, но всё-таки. А твой муженёк, роднуля, - он же стопроцентный обрубок! И слепой, и без обеих рук! Такие истории рассказывают: заберёт жена такого вот обрубка. Стопроцентного, то есть. Ну, типа: моя доля такая, я верная жена, всё такое... А потом бах: несколько месяцев, по-максимуму, год, и выгружает она его в «*Дом Надежды*» на вечное поселение. Она-то себе другого найдёт, а у мужа-калеки ещё и крышу сносит. В довесок к его инвалидности. Хочешь, говорит, бесплатный медицинский совет? Двигай себе

потихоньку домой, а мы твоего Билли отправим напрямую отсюда - в дом инвалидов. Там, вообще... скажем так: О-кей. Он поймёт. А ты потом ему бумаги на развод по почте перешлешь... Хреново, конечно, что сын без отца будет расти. Но мальчик тоже поймёт. Подрастёт - и поймёт.»

«Она так и сказала: развод по почте! Дэйви - без отца! Во, думаю, погибает! Ну, я ей, такая: не хочу Вас обижать, мэм, но никакого дома инвалидов и никакого развода у нас с Уильямом не будет. Ни по почте, никак. И прекратите называть его «обрубком». Мой муж будет жить нормальной жизнью. Получше чем все любые прочие! А у моего Дэйви должен быть отец! Прекратите Вашу пустую болтовню и покажите мне, наконец, где тут мой муж. Она на меня так поглядела и говорит: иди, милая, посмотри возле во-он того склада - в конце причала. Стопроцентных всех туда убрали...»

«Ну, я говорю: спасибо, мэм, - и повернулась бежать к тому складу. А она говорит: подожди, девонька. Я: что такое? А она: ещё одно. Ты, главное, его таким увидишь, так постарайся не заплакать. Ему и так херово, а тут ещё жена-плакса, поняла? И дай Бог вам счастья. Тебе и твоему Билли, девочка... И вы знаете, она это говорит, а у самой - слёзы в глазах блестят. А я-то, дура, думала - у неё и сердца нет! Вот такая у неё дрянная работа на этой долбаной «Санте-Лючи»...»

Остаток приключений Клэрис в Галвестоне Марк запомнил в пересказе Уильяма: «В нашей палате, то есть в каюте, было десять парней. Восемь одноногих, один однорукий, плюс я. Плюс то, что от меня осталось, точнее. Ну, пацаны всю дорогу обещали: не волнуйся, чувак, мы тебе в порту поможем. Ага, держи карман шире! Как только «Мусоровоз» пришвартовался - всех как ветром сдуло! Ну, у пацанов был хороший повод. Последние пять дней перехода бедняги говорили исключительно про женщин, пиво, самогон и травку! Остался я один в каюте. Пришла медсестра. Так, говорит, а ты почему ещё не одет? Начала меня одевать. Форму на «Мусоровозе» выдали - кому какая придётся. Кто-то менялся, чего-то подгонял, а у меня такой возможности не было. Обнаружилось, что мой комплект на три размера больше, чем нужно. Я медсестру спрашиваю: я в этом выгляжу как распоследний салабон? А она хохочет: в общем - да! Не бери в голову, солдат. На три размера больше - это не на три размера меньше. Отнесёшь к портному или продашь на барахолке, без проблем. Она одела меня по-полной за семь минут, быстро, как по уставу. Наверное, напратиковалась на «Мусоровозе» с безрукими калеками, раз-раз: форма, ботинки, шёлковая ленточка на глаза, и медальку мне нацепила. Пустые рукава закатала и приколола по бокам, документы на увольнение - мне в правый карман, а зубную щётку и мыло - в левый.»

«Готов, говорит, пошли. Я спрашиваю: куда пошли? А она: куда надо, туда и пошли. Потянула меня по коридору, потом через открытую палубу, по трапу, по бетону. Остановились. Говорит: ждём здесь. Я спрашиваю: а чего мы ждём, собственно? Нет ответа. Я ещё раз, громче: чего ждём? А кто-то сзади говорит: не ори, рядовой. Медсестра уже ушла. Я этого сзади спрашиваю: а ты кто, чёрт возьми? А он говорит: я - один из этих самых, стопроцентных. Получил долбаную пулю в шею, теперь будут меня катать в этом долбаном инвалидном кресле весь долбаный остаток моей долбаной жизни. Да тут не только я, чувак. Тут таких обрубков, как ты, братан, ещё с пол-

взвода наберётся.»

«Ну, я спрашиваю: а ждём-то мы чего, в задницу? А тот отвечает: ждём мы тут автобус. Или грузовик, что уж подадут. А отвезут нас именно туда, куда ты сказал - в задницу. В «Дом Надежды»! А кто-то ещё, сбоку, спрашивает: а ты, сержант, случаем не в курсе, в какой именно? А сержант говорит: а какая, тебе, в задницу, разница? Задница - она задница и есть. Не, сержант, отвечает ему кто-то, не скажи. Ещё какая разница! В некоторых задницах дерьма поменьше, в других - побольше...»

«Вдруг, я слышу: «Рядовой Пендерграсс! Да, ты! Ты чо там встал как пень? Прыжками - ко мне!» Это была Рисс, изобразила из себя такого сержанта на плацу. Конечно, я её узнал по голосу. Лаять команды она не умеет и поэтому в дрилл-сержанты пока не годится. Я двинулся на звук - и чуть не прошёл мимо. Не привык тогда ещё быть слепым... Рисс меня поймала за куртку, набросилась и стала обнимать и целовать, как сумасшедшая. И всё бормочет что-то про сломанный автобус, и как она опоздала. Я её целую, а про себя думаю: какой позор, я даже обнять её не могу! А у меня за спиной вдруг раздаётся голос того сержанта с перебитой шеей: что, рядовой, не поедешь с нами в задницу? Счастливчик, тля!»

Клэрис всегда вела себя так, как будто с Уильямом ничего не случилось. У неё всё получалось как-то легко и весело: ухватив за одежду, подтолкнуть мужа в нужном направлении, поднести к губам стакан с водой, добавив от себя лёгкий поцелуй в щёчку, непринуждённо подтянуть брюки или поправить Уильяму майку так естественно, как если бы она поправляла собственное платье.

В семейной жизни у них всё было в полном порядке. Самый конец галвестонской истории Уильям доверил только своему брату Майку, естественно, под большим секретом. Нашёл, называется, кому доверять. Не прошло и дня, как Мэри и Марк получили от Майка полный отчёт. Встретив Уильяма в порту, Клэрис не могла утерпеть и секунды, так что они занимались сексом в ожидании омнибуса. За неимением лучшего места, весёленькое приключение состоялось в кабине общественной уборной позади галвестонской автобусной станции! Но одного раза им оказалось недостаточно, и до прибытия в *Шелдон-Рез* им удалось повторить это ещё дважды, - оба раза в уборных придорожных автозаправках, в то время как водители омнибуса меняли лошадей. Немудрено, что с такой интенсивностью любовных ласк, Клэрис быстро добилась желаемого результата. Всего через три недели после возвращения Уильяма, она с гордостью объявила сначала дома, а затем и всем соседям, что у неё «пошла задержка», и скоро она опять «будет с пузом».

Удивительно быстро молодой инвалид привык обходиться без рук. Ел он чаще сам, подбирая кусочки губами прямо с тарелки. Правда, чтобы расправиться с супом, ему требовалась некоторая помощь, но между Мэри и младшими детьми легко находился помощник. Решив не доставлять никому больших хлопот с собственным одеванием и раздеванием, Уильям сократил гардероб до абсолютного минимума. Шорты или спортивные брюки, и, иногда, майка - вот всё, что ему требовалось. Единственное, чего он стеснялся, так это просить кого-либо кроме Клэрис, чтобы ему помогли с посещением уборной.

Вероятно, помогло то, что Клэрис была неудержимой оптимисткой. Она старательно преследовала любую возможность, и ни одна неудача, какая бы серьёзная она не была, не могла заставить эту милую простодушную женщину долго грустить. Сразу после возвращения Уильяма из армии, Клэрис решила, что, может быть, левый глаз Уильяма можно как-то вылечить. Если бы мой муж имел чуть лучшее зрение, повторяла она, Уильям мог бы претендовать на получение протезов. Не беда, что Пентагон не хочет платить за них, они найдут какую-нибудь негосударственную благотворительную организацию. Уильям был гораздо менее оптимистично настроен по поводу всей этой затеи с лечением глаза, особенно после всего, что он узнал на «Мусоровозе», однако согласился посетить местного офтальмолога. Ничего нельзя поделать, сказал им пожилой доктор, но Клэрис захотелось получить заключение второго врача. Они посетили второго специалиста, потом и третьего, и четвёртого, и пятого. В окрестностях других подходящих врачей больше не было, поэтому были предприняты две многочасовые поездки на омнибусе в центр города - и с тем же результатом. Затем Клэрис продолжила поиск по электронной почте. Фотографии глаза, сделанные с помощью смарт-фона получились плохо, поэтому она одолжила настоящую фотокамеру. Шесть недель и много тысяч долларов спустя, был утверждён окончательный вердикт. Операция теоретически возможна, сказали ей, однако из-за *Обвала* в США осталось всего несколько клиник, которые ещё делают подобные операции. Стоимость лечения будет где-то в пределах двадцати миллионов долларов. Уильяму и Клэрис за всю жизнь вряд ли удалось бы собрать такую сумму. Кроме того, операция потребовала бы поездки на Север, на целый год, со всеми очевидными опасностями и расходами. Притом, что вероятность успеха была всего лишь двадцать процентов. Или даже меньше.

Любой другой на её месте ударился бы в депрессию после такой неудачи, но только не Клэрис. Не берите в голову, сказала она, и стала искать альтернативное решение проблемы. Около двух месяцев Клэрис учила Уильяма ориентироваться в доме, во дворе и на ближайших улицах. Она завязывала себе глаза, и они часами бродили босиком, обучаясь нащупывать дорогу и обходить препятствия. Она часто шутила, что теперь и сама может дойти до любой точки квартала даже тёмной ночью, причём не открывая глаз.

Инвалиды, из тех кто попал в Армию по призыву, а таких было подавляющее большинство (кто бы пошёл в армию по своей воле в последние годы?), не имели права на получение пенсии. Потерявшим «всего» одну конечность, Пентагон предлагал на выбор пожизненное протезирование в одном из армейских реабилитационных центров или единовременную денежную компенсацию. Большинство из тех, кто потерял две или более конечности, не рассматривались в качестве кандидатов на протезирование. Уильям подал заявление на компенсацию ещё на «Мусоровозе», и вот уже девять месяцев ждал ответа из Пентагона. Ходили слухи о том, что по новым правилам выплаты по инвалидности сильно урежут и обложат налогами.

Конечно, инвалидам надо было на что-то жить. В городе действовала программа «Пути Спасения»^[15] «Поможем Инвалидам». Попасть туда мог далеко не каждый: минимальным условием была потеря обеих ног. «Трудовая деятельность» была

простая: инвалиду выдавали специальное пластиковое ведёрко: красное, с шильдиком «Пути Спасения», и отправляли на улицу собирать «добровольные пожертвования на нужды инвалидов». Деньги справедливо делились пополам: 50% - «Пути Спасения» и 50% - самому сборщику. Из этих пожертвований «Путь Спасения» выделял нуждавшимся денежные пособия и устраивал благотворительные обеды для инвалидов. Это было не более чем узаконенное попрошайничество, но что ещё полностью безрукий и практически слепой инвалид мог делать по жизни?

Конечно, будучи слепым, Уильям не смог бы просить милостыню без поводыря, поэтому они участвовали в программе всей семьёй. Клэрис водила мужа по городу и сама стала добровольцем «Пути Спасения» - помогала по хозяйству на благотворительной кухне: чистила овощи и мыла посуду, иногда - варила суп. Точно в соответствии с замыслом этой самой программы благотворительной помощи, Уильям, Клэрис и маленький Дэйви кое-как перебивались на грани полной нищеты, но при этом и не голодали. Тонкая технология баланса щедрости и скупости, «Социальный Оптимум», так это называлось на бюрократическом новоязе американских работников социальной защиты. Семья ветерана боевых действий не может голодать - это несправедливо и жестоко. Но если семье инвалида ни с того, ни с сего достаётся кусок пожирнее - это аморально и расточительно. Нельзя же расходовать все ресурсы страны на бесполезных калек!

За пол-года подобной «работы» Уильям и Клэрис потихоньку превратились для всей округи в «Билли» и «Рисси». Инвалидов с красным ведёрком «Пути Спасения» редко кто называл полными именами. Укороченному человеку - укороченное имя. Год назад, Уильям, наверное, дал бы в морду, если бы кто-то посторонний назвал его «Билли». Теперь он вроде бы не возражал не только против «Билли», но и против «Эй, обрубков», и даже «Эй, безрукий, поймай-ка свой доллар!» Молодой инвалид мудро решил не скулить по поводу уличных прозвищ. Возможность дать кому-то в морду у него теперь отсутствовала начисто.

Марк наблюдал, как Уильям и Клэрис одновременно целовались и пили чай, - вдвоём из одной кружки, и думал про себя что ранняя женитьба сына была, в конце-концов, удачным решением. Вообще, заключил он, в их семье было полно решений, выглядевших жутко неправильно в момент принятия, но принесших неплохие дивиденды в долгосрочной перспективе. Покупка дома была лучшим тому примером. Их дом был, тем, что называлось «Мак-особняк» - более 3000 квадратных футов [прибл. 280 кв. м], в достаточно фешенебельном районе. С дизайнерскими дорожками спереди и огромным двором сзади дома. Сразу после свадьбы в 2007 году, Марк и Мэри подыскивали подходящее жильё. Мэри полюбила этот дом с первого взгляда. Марк предпочёл бы что-то поскромнее, подешевле и поближе к центру города. У них произошло несколько жарких споров, но дело закончилось покупкой.

Они были уверены, что вытянут ипотечный кредит. Карьера Марка в ФБР быстро прогрессировала. Мэри, выпускница колледжа, имела хорошо оплачиваемую работу в большой консалтинговой фирме (собственно, так они и познакомились - фирма получила от ФБР контракт на систему обработки данных). Они крепко пожалели о покупке «дома мечты» год спустя. Пришёл кризис, «GFC версии 1.0», и Мэри потеряла

работу. Одновременно, их «рисковая» ипотека была переведена на более высокую процентную ставку. Даже продать особняк они не могли, - его рыночная стоимость упала за год до половины того, что они уплатили, а покупателей не было в любом случае. Кое-как выстрадали этот год. Только тот факт, что Марк продолжал служить в ФБР, спас их от выселения.

В 2010 году стало полегче. Мэри нашла работу с неполным рабочим днём, а вечерами подрабатывала из дома в качестве веб-дизайнера. Они реструктуризовали ипотечный кредит, выплатили проценты по кредитным картам, и даже завели небольшие сбережения. Наконец, убедив себя, что жизнь налаживается, они решили, что пришло время завести наследника. Уильям родился в 2011 году. Мэри была беременна Майклом, когда разразился «GFC версии 2.0». Это была их первая удача. «Их» банк потонул одним из первых, к началу второй недели кризиса. Банк утащил за собой в пучину все сбережения Марка, но туда же вслед за банком отправилась и их ипотека. Марк и Мэри оказались без цента денег, но при этом, - приятная неожиданность - и без долгов. Не всем их соседям так повезло. Много было тех, кто потерял все активы, но остался должен и по кредитным картам, и по ипотеке. Только теперь долг принадлежал одному из национализированных банков.

Особняк Марка и Мэри оказался после *Обвала* их самой надёжной инвестицией. Как любят говорить риелторы: «Место, Место, Место». Их район, удобно расположенный менее чем в миле от Шелдонского водохранилища и примерно в семи милях от главной свалки Хьюстона - полигона дороги Маккарти, меньше остальных пострадал от развала инфраструктуры. Водохранилище продолжало обеспечивать жителей водой, в то время как полигон стал источником сырья и кое-как давал людям работу. Свободная земля также оказалась под рукой, позволив развиваться местному сельскому хозяйству. Жители их квартала, не долго думая, расширили задние дворы вплоть до Западного Канала, разбили грядки, и умудрялись успешно защищать землю от воров и стихийных поселенцев, - по крайней мере, до сих пор.

По телевизору продолжался показ «*Назад в будущее II*»^[16]. Поразительно, как хорошо Голливуд предсказал жизнь 2015 года, отметил про себя Марк, потягивая цветочный чай. 2015 - это за год до *Обвала*. Всевозможная электроника, огромные экраны, компьютеры и роботы повсюду, точно как в кино. Красивая, удобная, безбедная и беспечная жизнь! Ну, положим, в реальном 2015 не было летающих автомобилей. А так, режиссёры оказались не слишком далеки от истины... Однако, Стивен Спилберг и Роб Земекис вряд ли могли себе представить, что в 2030 году американцы будут выращивать собственные овощи и ходить по воду за целую милю!

Жизнь после *Обвала*... Была ли она хуже, чем время, когда снимали этот фильм? 1985 год - Марку было три года тогда. На экране выглядело так, что люди жили гораздо лучше в то время. Конечно, это кино. Голливуд есть Голливуд. Не всему на экране стоит верить, особенно с точки зрения исторического правдоподобия. Однако, американцы летали тогда на Луну... Или нет, отметил Марк, Лунная программа «Аполлон» была ведь ещё раньше, в шестидесятых и семидесятых! К 1985 году Америка уже отказалась от Луны, - начала строить космические челноки. А потом вместе с русскими принялась строить Международную Космическую Станцию. Которая,

в свою очередь, была заброшена в 2016 году и врезалась в джунгли Индонезии шесть лет спустя. Значит, в семидесятых и восьмидесятых годах было хорошо. Лучше, чем сейчас, уж во всяком случае... Ну ладно, если не 50, а, скажем, 100 лет назад? В 1930 году? Марк изучал историю XX века по серьёзным монографиям, а не по голливудским боевикам. Тогда была Великая Депрессия, и жизнь была не фунт изюму. Это всё так, но ведь Депрессия закончилась довольно быстро, - менее, чем за десять лет! А с начала *Обвала* уже четырнадцать прошло. Возможно, *Обвал* тоже когда-нибудь закончится, только нужно немного больше времени? Их семья пострадала от *Обвала* куда меньше, чем большинство. У них есть хороший дом, и соседи неплохие. В их районе нет уличных банд; все дети посещают школу... Конечно, очень жаль, что Уильям остался инвалидом. Однако: война есть война. Зато теперь Майкла в армию не возьмут. Они же не призывают из семей, где есть инвалиды войны, правильно? Может, если не Марк и Мэри, то их дети доживут до конца *Обвала*?

Надо прекращать эту бесполезную философию и идти спать, остановил себя Марк. Надо выспаться, завтра будет нелёгкий день. Он пожелал спокойной ночи Уильяму и Клэрис, и пошёл на второй этаж, в спальню, спотыкаясь на ощупь в кромешной темноте коридора. Мэри пробормотала что-то во сне. Марк не стал устанавливать будильник в телефоне. Вся семья просыпалась в пять утра, так что в офис он не опоздает. Он забрался под москитную сетку, и три минуты спустя уже крепко спал.

Глава 3

Марк проснулся от движения в спальне: Мэри устанавливала на подоконнике старые пенопластовые коробки. Это была довольно бесполезная попытка сохранить в спальне прохладу в течение дня. Кроме Уильяма, Клэрис и маленького Дэйви, встававших несколько позже, все остальные члены семьи уже проснулись. Младшие дети: Саманта, Памела, и Патрик сидели за столом, поглощая завтрак. Во встроенном гараже, Майкл, второй по старшинству сын Марка, ставил пустые канистры на свой трехколесный грузовой велосипед. Перед тем, как отправиться в школу, дети должны были успеть сбежать на водохранилище. Они ходили туда ежедневно: не привезёшь пятьдесят галлонов [прибл. 190 литров] утром, - не будет тёплой воды для душа вечером. Дэйвид-старший, тесть Марка, уже закончил завтрак и сидел на открытой веранде позади дома, покуривая трубку.

Марк отрезал себе кусок свежего хлеба и намазал его топлёным маслом из банки. Затем налил себе желудёвый кофе. Настоящий кофе давно не импортировался, поэтому скудные запасы приходилось экономить для особо торжественных случаев. Заканчивая завтрак, следователь быстро проверил свой телефон. Ничего нового. Через пятнадцать минут он уже крутил педали служебного велосипеда, двигаясь по шоссе Беамонт и наслаждаясь утренней прохладой.

Магазинчики и небольшие кафе вдоль шоссе были ещё в основном закрыты, но на дороге уже становилось людно. Кто-то ехал на велосипедах или грузовых трициклах, другие передвигались на своих двоих. Теперь никто не мог позволить себе жить дальше, чем в десяти милях [прибл. 16 км] от работы. Жить в десяти милях - это полтора часа на дорогу в один конец. И то, при условии, что тебе повезло, и у тебя есть велосипед. Несмотря на ранний час, на дороге было много детей и подростков. Большинство несли или везли канистры с водой или вязанки хвороста: возможно, так же, как в семье Марка, помогая с ежедневными хлопотами перед школой. Марк обогнал большую группу босоногих подростков, одетых в лохмотья и с широкополыми соломенными шляпами. Судя по одежде и времени дня, эти направлялись не в школу, а на биржу труда, или просто «Биржу» как её называли местные жители. Биржа располагалась на шоссе Беамонт как раз напротив свалки дороги Маккарти.

В течение нескольких последних лет, Марка, в качестве агента ФБР, много раз просили принять участие в облавах Полиции на Биржу. Полиции была поставлена задача искоренить незаконное использование детского труда. Марк находил Биржу очень похожей на средневековый рынок рабов, взятый из какой-нибудь книжки в жанре фэнтези и перенесённый в современный Техас. Многие тысячи людей сидели на голой земле, и каждый держал в руках кусочек картона с желаемым размером дневной оплаты. Это было очень похоже на ценник раба. Потенциальные работодатели прогуливались между рядами. Выбрав подходящего кандидата, они громко торговались об условиях найма. Кого-то нанимали на несколько месяцев или даже на постоянную работу, но подавляющее большинство нанималось на неделю или две, а чаще - всего на пару дней.

Биржа имела специальное место для квалифицированных и полу-квалифицированных

работников: плотников, каменщиков, ремонтников и тому подобное. Это были в основном зрелые мужчины, одетые несколько лучше остальных. Многие из них раскладывали рядом свои наборы инструментов, в качестве рекламы профессиональных качеств. Дальше была площадка для работников сельского хозяйства. Тут в большинстве были женщины, некоторые с маленькими детьми. Толпа подёнщиц ужасала неприкрытой нищетой, но ничего особенно незаконного тут не творилось. Самую большую площадку *Биржи* занимала категория «Согласен на любую работу», и именно здесь действовала мафия, наживавшаяся на незаконном детском труде. Решением Верховного Суда США 2026 года, детям до четырнадцати лет нельзя работать полный рабочий день, заниматься тяжёлым трудом, или трудом с опасностью для здоровья. Все дети от шести до тринадцати лет включительно должны были также посещать школу. От Полиции требовали, чтобы она обеспечила соблюдение федерального закона. Проблема состояла в том, что все приходящие на *Биржу* потенциальные работники плевать хотели на Верховный Суд. Если человек голодает, говорили они, соблюдение законности не будет у него в списке приоритетов. А потенциальным работодателям закон даже нравился: если десятилетнему пацану работать по закону нельзя, а кушать-таки хочется, он пойдёт работать и за гроши.

Во-первых, на *Бирже* были дети, самостоятельно искавшие работу. Некоторым было всего одиннадцать или двенадцать, однако все они утверждали, что им уже четырнадцать. Удостоверений личности у них, вполне естественно, не было никаких. Полиции приходилось верить им на слово. В конце концов, недоедание было повсеместным, и четырнадцатилетний пацан вполне мог выглядеть так, будто ему было одиннадцать.

Во-вторых, на *Бирже* были люди, которые не могли или не хотели работать сами, но предлагали себя в качестве потенциальных работников. Договорившись о цене услуги, они отправляли работать вместо себя детей, иногда даже семи- и восьмилетних. В связи с низкой стоимостью подобной рабочей силы, малолетки пользовались спросом, особенно для работы на свалке дороги Маккарти. Продавцы детского труда, в свою очередь, делились на две неравные группы. Меньшая часть сделок заключалась родителями или родственниками малолеток. С этими Полиция почти ничего не могла поделать, кроме как выдать не в меру ленивым мамаше или папаше уведомление о штрафе и слёзно попросить их отправить детей в школу. Полицейские облавы были, в основном, направлены на устранение другой, гораздо большей, группы дельцов - так называемых «тряпичных баронов». В рабстве у них находились огромное число малолеток, которых «бароны» отправляли работать на свалке, или в мастерских по переработке отходов, а иногда - и на других местных предприятиях. Эти детишки были рабами в полном смысле этого слова. За день тяжёлой работы они получали лишь немного еды, а их хозяева присваивали себе всё заработанное. По определению, «тряпичные бароны» были организованной преступной группировкой, вот почему ФБР вызывали для участия в облавах. Вдобавок, некоторые дети были похищены в других штатах и перевезены в Техас.

Марк хорошо помнил эпизод одной такой облавы около трёх лет назад. Перед ним была молодая женщина, беременная, и с ребёночком на руках, в сопровождении трёх тощих девочек, выглядевших лет на десять-одиннадцать. Женщина держала в руках

картонку, - «\$550». Это было чуть меньше, чем двое взрослых могли заработать в день на переработке мусора. Беременной женщине не полагалось просить больше \$200, а работницы класса «беременная-с-младенцем» вообще котировались не выше \$150. При всём при этом, девочки были одеты, как опытные работницы свалки. У одной даже торчала из кармана толстая резиновая перчатка. Эти три пацанки были более чем адекватной заменой для двух взрослых, отсюда и цена... Марк подошёл к женщине, показал бэдж и потребовал документы. Конечно же, у неё никаких документов не было.

«Эти три девочки, мэм,» - спросил Марк: «Они с Вами?»

«Да, сэр. Видите ли, я ищу работу,» - теперь она перевернула картонку, и на другой стороне была написана правильная для беременной работницы цена, - «\$150»: «Эти девочки - мои племянницы, сэр. У них в школе каникулы, так что я решила: пусть побудут со мной здесь. У нас дома *ещё* не с кем их оставить, сэр...»

«Всё святая правда, а я - Рудольф - Красный Нос, прямиком с Северного Полюса,^[17]» - Марк раздражённо перебил хорошо отрепетированный ответ молодой женщины: «У меня самого - пятеро детей, мэм. А до ближайших школьных каникул, о которых Вы мне тут баки заливаете - ещё целых две недели.»

Он ткнул пальцем в девочку, выглядевшую постарше других: «Вот ты, юная леди. Как тебя зовут?»

«Жасмин, сэр,» - ответила та с готовностью.

«Сколько тебе лет, Жасмин?»

«Десять...»

«В какую школу ты ходишь?»

«В «Крик-Сайд», сэр. Я в пятом классе^[18].»

В «Крик-Сайд». Великолепно отрепетированный ответ. Школа за тридцать миль отсюда. Что делает совершенно невероятным, что у кого-то из местных полицейских дети учатся в ней. Он мог бы спросить как зовут кого-нибудь из учителей, а затем позвонить в школу. Но для телефонного звонка в школу ему придётся ждать до девяти или даже десяти утра. А биржа труда закрывается ровно в девять...

«Давайте-ка так,» - сказал Марк женщине, прикинув, что она может и не работает на «баронов»: «Я не буду оспаривать то, что Вы мне рассказали. Но, давайте предположим, теоретически, что эти девочки не школу учиться ходят, а сюда, на свалку дороги Маккарти - мусор перебирать. Это неофициальный вопрос. Вам не нужно ничего мне говорить, просто кивните...»

Женщина спокойно кивнула, подтверждая предположение Марка.

«Они не должны работать на свалке в этом возрасте, Вы меня понимаете? Это *офигенно* опасно. Там в мусоре - иглы от шприцев, трупы, химические вещества, старые аккумуляторы, ещё чёрт знает какое дерьмо...»

«Нет, сэр, они *ещё* не работают на свалке. Я уже говорила, это мои племянницы. Школу закрыли на три недели, *на карантин*, так что я взяла их с собою. У нас дома их *ещё* не с кем оставить, сэр...» - Она начала свою отрепетированную версию снова, лишь слегка подкорректировав насчёт каникул.

После некоторых колебаний, Марк решил отпустить их. В конце концов, Полиция не могла бы арестовать здесь каждого третьего и притащить их для дальнейшего допроса в Участок. Он крепко пожалел об этом решении месяца два спустя, когда участвовал в повторном рейде на *Биржу*. Он вдруг заметил ту же тощенькую девочку, но теперь она была одна, без подружек. То, что это была давешняя Жасмин, не вызывало сомнений. Как два месяца назад, пацанка была одета в те же отрезанные до колен мешковатые джинсы и ту же самую, не по росту, мужскую рубашку. Только теперь вся одежда была в дырочках, по-видимому, разъеденная кислотой. Её лицо и руки были покрыты мелкими гноящимися ранками, а весь правый глаз заплыл бельмом от ожога. Девочка держала в руках картонку: «\$30». Тридцать долларов за день тяжёлой работы - этого бы не хватило, чтобы купить бутерброд на обед. Но кто бы захотел нанять больную девчонку за бóльшую сумму?

«Жасмин?» - позвал Марк, подойдя к ней.

«Да, сэр...» - но тут она узнала Марка и мгновенно поправила себя: «...То есть, нет, сэр. Меня зовут... Амелия! Амелия Хан!»

«Я видел тебя раньше. Два месяца назад. Только тогда ты называла себя Жасмин и говорила, что учишься в школе.»

«Это какое-то *нендо-пони-мание*, сэр. Я Вас *ещё* не встречала раньше. Нет, сэр. И, я *ещё* не в школе. Мне уже четырнадцать, мне можно работать. *Эри... Юри-дик-чёски!*» - Девчонка очевидно испытывала затруднения с произношением сложного термина.

«А что случилось с твоим глазом... «Амелия»?»

«Да так... Аккумулятор взорвался, сэр. Такое говно... Ой, извините, сэр! Я хотела сказать: такие неприятности иногда случаются у нас *на Куче*, сэр...»

«Ты работала на свалке дороги Маккарти?»

Кивок и улыбочка: «Ага. В плавильной мастерской.»

«В какой конкретно?»

«А у меня была эта, как её... частичная *ам-ней-зея*! Вот! В смысле: я *ваще* *нипомню*, где это случилось, сэр.»

Она хорошо усвоила негласные правила *Биржи*. Если с тобой произошёл несчастный случай, никому не говори, кто тебя нанимал в тот день. Если будешь болтать, тебя никто не наймёт снова. Марк настоял, чтобы Жасмин-Амелию (или как там её настоящее имя) осмотрел полицейский фельдшер, который тоже участвовал в облаве. Через час девочка подошла, чтобы сказать Марку спасибо. Её самые большие ранки были залеплены пластырем, а в кулаке она сжимала бутылочку йодной настойки, подаренную ей медиком чтобы обрабатывать остальные ожоги. Она выглядела чуть-чуть счастливее.

В тот же вечер, Марк рассказал историю Жасмин-Амелии дома.

«Теперь я уверен, что та женщина работала на «тряпичных баронов»,» - заключил он: «Она сказала, что девочки - её племянницы. Да, племянницы, как же! Они даже не похожи друг на друга! Я должен был арестовать эту суку два месяца назад.»

«Успокойся, дорогой,» - сказала Мэри: «Их всех всё равно не переловить.»

«Тем не менее, если бы я эту падаль арестовал, пацанка не осталась бы без глаза,» - настаивал Марк.

«Это называется извращённой логикой, отец,» - вмешался Майкл: «Ты автоматически предполагаешь, что если бы ты арестовал эту женщину, девчонки прекратили бы работать на нашей *Куче*.»

В то время он уже бросил школу и начал работать на полигоне дороги Маккарти. В отличие от Жасмин, его работа была строго законна - ведь ему уже было почти пятнадцать. К тому же, Майку не приходилось унижаться сидением на *Бирже*. Их сосед по улице расширял свой бизнес по производству синтетического бензина и предложил Майку постоянную работу на своём заводике. Марк и Мэри не особенно возражали против ухода сына из школы. В отличие от Уильяма и младших детей, Майк был разгильдяй, и не слишком хорошо учился. Работа на свалке пошла Майку только на пользу. Он как-то сразу остепенился и взялся, наконец, за учебники. В школе он ненавидел химию, но теперь рассуждал о растворителях, температурных режимах и процентах выхода продукта не хуже, чем иной инженер.

«Ты, конечно, прав, Майк. Я не думаю, что девочки перестали бы работать,» - согласился Марк. Сын был в чём-то прав. Не надо мучить себя. Арестовал бы он женщину или нет, девочка всё равно бы работала на *Куче*, и вполне могла получить ту же травму.

«Это статистика, отец,» - продолжил Майк свою мысль: «Никто не может оставить работу, так? Вот, скажем, наш заводик. Мы должны заталкивать в каждую «бомбу» по тонне^[19] пластиковых отходов каждый день. Если не будем, то реакторы встанут. И нам нечего будет кушать. Так что, пока эти отходы продолжают поступать, нам

похер...»

«Майк!» - прервала сына Мэри. Возможно, она и не возражала против работы Майка на Куче, но ей определённо не нравились выражения, которые работники Кучи использовали в разговоре.

Майк улыбнулся и продолжил извиняющимся тоном: «О-кей, о-кей. Скажем так: *нам всё равно* кто эти отходы сортирует. Ну и считай: двадцать тысяч человек вкалывают на Куче каждый день. Никто из них не идеален, каждый когда-нибудь, что-нибудь сделает не так. Поэтому происшествия, травмы будут - рано или поздно. Или лучше сказать: *скорее рано, чем поздно*. На самом деле, на нашей помойке какое-нибудь говно... Ой, извини, мам! Какая-нибудь *гадость* случается два-три раза в день. Статистика, ничего не поделаешь! Если не с твоей Жасмин, или как там её - Амелией, то же самое случилось бы с какой-нибудь другой девчонкой. Закон больших чисел! Математика!»

«Ой, кто бы там рассуждал про математику!» - сказала Мэри: «В прошлом году твоё высшее достижение в математике было где-то между «двойкой» и «двойкой с плюсом»^[20]. Я правильно помню?»

«А вот и нет. Один раз, я получил-таки «тройку»! И даже с плюсом!» - заявил Майк. Но затем покаялся: «Но это потому, что я всё списал у Кристал. Она заявляла, что шарит в математике.»

«Кристал? Она была у тебя до или после Ашли?»

«До Ашли.»

«А какую оценку получила Кристал на той контрольной?» - усмехнулся Марк. Кристал была *третьей* любовью Майка. Впрочем, увлечение было недолгим, так же, как и с двумя подружками до неё, и неопределённо-большим количеством девочек после.

«О, она тоже получила «тройку с плюсом». Я отлично умею списывать! Возвращаясь к нашему разговору о Куче. На твоём месте, я бы об этой твоей Жасмин вообще не волновался. Ей с этим её аккумулятором *офигенно* повезло.»

«Повезло? *Офигенно*?»

«Конечно, плохо, что она потеряла глаз. Так ведь другой-то глаз остался? Значит, не так всё и страшно. А что «бароны» её выпнули самой искать работу, это даже прекрасно. Может быть, теперь она начнёт работать на себя, а не на фальшивых «дядюшек» и «тётушек». А если бы её кислотой не обожгло - кто его знает? Она бы ещё года три-четыре пахала на мафию. За очень небольшое количество тухлой жратвы, много побоев, и ничего более! Вполне возможно, что она бы даже померла - если не от плохой жратвы, так от одного из этих профилактических избиений. Это что, по-твоему, лучше бельма на глазу?»

Наконец, Марк добрался до парковки перед полицейским Участком. На часах было начало седьмого. Бенито сидел снаружи, курил трубку и просматривал отчёты о происшествиях. Он тоже почти всегда приезжал в офис рано, говоря, что его мозг лучше работает в прохладные утренние часы.

- Утро доброе, Марк, - помахал Бен ладонью, - Представляешь, сегодня утром, прихожу я такой на службу, а тут: опаньки! Сюрприз! Дежурный депьютти говорит мне, что вчера вы трое притащили в Участок аж два спец-груза. Великолепно! Просто великолепно! Ты знаешь, дежурный жаловался. Что наш аварийный генератор тарахтел всю ночь и мешал его научным изысканиям.

- Каким ещё изысканиям?

- А, он пытается опровергнуть Эйнштейна. Вроде как, у него есть доказательство, что информация может-таки распространяться быстрее скорости света.

- Я вообще в курсе, что Эйнштейн начинал клерком в патентном бюро. А вот насчёт депьютти Воксмана, я как-то не подозревал, что он тоже занимается теоретической физикой, - Марк был определённо удивлён.

- Ну, скажем, это не совсем теоретическая физика. Он эксперименты уже ставит. Каждый раз, когда он дежурит, проводит свои замеры. Успевает сгрузить всю новую порнуху с Интернета *до того*, как её полностью загрузили в Интернет! - Бенито уставился в отчёт, и вдруг выпучил глаза, как будто обнаружил в отчёте порнографическую фотографию высокого разрешения.

Марк хохотнул. В отличие от его сына Уильяма, Бенито умел хорошо пошутить. Правда, многие шутки майора Ферелли были грубоваты. - Ты меня опять поймал, Бен! А насчёт трупов: родственников обнаружить не удалось. Притом, мы получили идентификацию только на труп мужчины. И проклятье: парень-то из Нью-Йорка! Что я, по твоему, должен был сделать со спец-грузами?

- Ну, не знаю, чувак. Взял бы домой к себе на ночь, или что-то в том же духе... Другие же берут работу на дом иногда. Почему ФБР не может?

- Правила, майор, правила. Трупы есть материал конфиденциальный. Предназначенный для федерального расследования. Брать их домой никак невозможно. Ночью им положено находиться под охраной в Участке, - Марк вернул Бенито подколку.

- Кроме шуток, я, конечно, твоё решение одобряю и поддерживаю. Я даже позволю Криминалистической провести полное исследование трупов и вскрытие. Им же нужно практиковаться иногда, так? Я уже позвонил кому надо. Как только мой друг Чарли затащит свою ленивую, жирную задницу в офис, он подпишет тебе все нужные бумажки. - Бен имел в виду местного Мирового Судью, Его Честь Чарльза Штайнера, офис которого был прямо через дорогу. - Кстати, все бумажки уже готовы. Я вежливо попросил депьютти Воксмана немножко поработать сегодня утром. За все его

эксперименты по опровержению Теории Относительности, он ведь должен что-нибудь делать и для Участка, так? Только не забудь подписать накарять там внизу до отправки в офис судьи.

- Ой, спасибо, Бен! Что бы ФБР без тебя делало?!

- Но! Трупы должны исчезнуть из холодильника *сегодня же*. Мы уже сожгли месячный лимит соляры. Если так и дальше пойдёт, на следующее убийство тебе, Марк, придётся на велосипеде ехать.

- Если не найдём сегодня родственников, я свяжусь с «Путём Спасения». Убитый служил в Инженерных Войсках. Похоронят без проблем.

- Вот такой подход к делу мне нравится, чувак...

Уладив вопрос с трупами, Марк проследовал в свой кабинет. Он быстро синхронизировал телефон с ноутбуком и добавил ещё одну булавку на карту, висевшую на стене позади стола. Теперь на карте стало шестнадцать цветных точек. Марк не любил развешивать по стенам фотографии с мест преступлений и другие подобные документы. Он предпочитал хранить всю информацию по расследованию в ноутбуке. На стене кабинета висела только вот эта карта участка с отметками мест преступлений. Такой подход был лучше по нескольким причинам. Марк обычно говорил, что главным приоритетом была экономия бумаги, что было до определённой степени правдой. Настоящей причиной было то, что он отчаянно боялся утечки информации. Кто-то в Полиции был «слишком откровенен» с прессой. А ещё, большинство фотографий с мест преступлений «Шелдонского Мясника» были слишком неприглядными, чтобы висеть по стенам. Пусть даже и в офисе ФБР.

Сержант Алекс Зуйко и криминалист Натали Гарденер вошли в кабинет Марка ровно в 6:20. Вместе, они вкратце обсудили, что нужно было сделать за день. Натали было предложено раздобыть себе в помощники кого-нибудь из Криминалистической и немедленно начинать работать с трупами. Одновременно, Алекс и Марк должны были отправиться на поиск родственников убитых и потенциальных свидетелей. Десять минут спустя, Марк и Алекс были на велосипедах и крутили педали по направлению к Шелдонскому водохранилищу.

Глава 4

По дороге они решили, что Алекс отправится с одним из местных полисменов чтобы поискать свидетелей в непосредственной близости от места преступления, а Марк со вторым депюти начнёт проверку адресов в трущобах вдоль шоссе Гаррет, и, если потребуется, продолжит проверять адреса вплоть до северной границы участка.

Депюти Ким ждал их в крошечном офисе местного околотка полиции, но Тань ещё не пришёл. Рано утром они оба были вызваны разбирать уличную драку, и депюти Тань остался на месте, чтобы закончить со свидетельскими показаниями. Виновник происшествия, *амер-индиец* лет двадцати, в разорванной рубашке, с подбитым глазом и с разбитым в кровь носом, был заперт за решёткой в дальнем углу околоточного офиса.

- Похоже, вы, джентльмены, не сможете присоединиться к нам сегодня, - отметил Марк.

- Что Вы, сэр, дело и выеденного яйца не стоит. Этот парень овощи воровал, можете себе такое представить? - ответил Ким, подавая Марку страничку отчёта о происшествии. - На самом деле, я его сюда притащил для его же собственной безопасности. Если бы мы его не арестовали, а оставили с теми *америкитайцами*, там бы произошла какая-нибудь восточная казнь. Смерть через разрезание на тысячу кусочков, бросание к крокодилам, что-нибудь в этом духе... Я так думаю, что этого парня уже можно отпускать. А мы займёмся вашим серийным убийцей.

- Давайте разыграем чуть-чуть этого воришку, - предложил Алекс. - Приведи его сюда, Ким. По дороге шепни, что из ФБР пришли по его душу.

Местный полисмен прошёл в конец комнаты и отпер решётку.

- Мистер Шарма? Я - сержант-следователь Зуйко. А это - старший следователь Пендерграсс, из ЭФ БЭ ЭР, - представился Алекс, сильно налегая на каждую букву в сокращении «ФБР». Марк отметил про себя, как мастерски сержанту удалось скрыть, что сам-то он был не из Бюро, а из обычной Полиции штата. - Расскажите нам вкратце Вашу версию событий этим утром?

- Н-ничего такого, сэр. Я живу на севере трущоб, сэр. Каждое утро хожу на работу, там короткая дорога, сэр. Те, другие джентльмены, сэр. Они набросились на меня, сэр. Я - ничего такого не делал, сэр, - молодой человек изъяснялся с сильным индийским акцентом. Он был, несомненно потрясён, узнав, что за ним приехали из самого ФБР.

- Разве депюти не зачитал Вам Ваши права, мистер Шарма? - спросил Алекс с тупым выражением лица. Мужчина кивнул в подтверждение.

- Значит, Вы должны знать, что у Вас есть право хранить молчание, правильно? - Человек снова кивнул. - Но... там же ничего не было про то, что у Вас есть право врать

ФБР?

Теперь голос сержанта звучал, как у государственного обвинителя на суде - из какого-нибудь детективного фильма. - Нет, мистер Шарма, там про право на враньё не было ни словечка! Вы что, думаете: ФБР просто так сюда прикатило? Нет, сэр. Бесперебойное поступление продовольствия является вопросом национальной безопасности! Вот такое дело, дорогой мистер Шарма... А теперь расскажите присяжным, как всё было - на самом деле...

Молодой человек выглядел ещё более напуганным.

- Как я уже говорил, сэр. Хожу там каждый день, там короткая дорога, сэр. Около недели назад, я выдернул пару морковок из грядки. Всего две, сэр. Я их съел по пути на работу... Ну, потом стал каждое утро выдёргивать себе одну-две. Я думал: у этих людей морковок очень много, нет проблем, если я съем одну-две. Сегодня утром, сэр, я выдернул морковку, а эти люди - прыг на меня! Так всё и было, сэр.

- Эти люди. Вы имеете в виду хозяев огорода, правильно?

- Верно, сэр.

- Вы сопротивлялись при аресте, мистер Шарма?

- Что Вы, сэр. Приехали полисмены, и вот тот джентльмен отвёл меня сюда, в Околоток.

- Деputies Ким! Оказывал или не оказывал подсудимый... Я имею в виду: подозреваемый, - сопротивление при аресте?[21]

- Нет, сэр! То есть, я имею в виду: да, сэр! Опа, и так, и так - получается неправильно. Я подтверждаю: подозреваемый сопротивления при аресте не оказывал, Ваша Честь... То есть: Сержант! Сэр! - Ким наслаждался ролью свидетеля обвинения.

- Итак, джентльмены, я могу заключить, что у нас имеет место совершенно очевидный случай кражи. С незаконным проникновением на частную собственность! Причём: неоднократные! Я думаю, это потянет на два года исправительного труда, если мы передадим в суд. С другой стороны, он не сопротивлялся полиции и дал чистосердечные показания, поэтому судья может сократить срок до одного года, - важно заключил Алекс, как бы спрашивая мнение Марка, - Начнём оформлять документы для Обвинителя, господин Старший Следователь?

Марк покачал головой. Он прилагал все усилия, чтобы не засмеяться над комической сценой «суда и следствия».

Алекс повернулся к молодому человеку снова и спросил вкрадчиво, почти шёпотом, как будто исполняя роль адвоката защиты, - Но... Скажите мне правду, мистер Шарма... Мне нужно знать правду, чтобы защитить Вас... Вы брали только две морковки в день,

или, скажем, два *фунта* [прибл. 900 грамм] моркови в день?

- Нет, сэр, я клянусь, я клянусь. Одну или две морковочки, сэр. Мы очень бедны, сэр. Едим один раз в день, сэр...

- Я верю Вам, - великодушно заключил сержант. - На этот раз, мы Вас отпускаем, мистер Шарма. Но! Если... Если мы узнаем, что Вы снова собираете морковь на чужих огородах, нам придётся довести дело до уголовного преследования. Сегодня мы ещё можем решить дело нашими полномочиями, но, если Вы сделаете это снова - это уже пойдёт к Окружному Прокурору, Вы понимаете меня?

Отпустив из Околотка потрясённого до глубины души мистера Шарму, они вдоволь посмеялись. Теперь этот человек и близко не подойдёт к соседским огородам.

Разделавшись таким образом с утренней дракой, депьют Ким запер дверь офиса и повесил на двери картонку: *«На патрулировании. Ждите здесь или звоните 911, если срочно»*. Не спеша, они двинулись на велосипедах вдоль трущоб шоссе Гаррет. Вскорости, Алекс махнул Марку и Киму рукой и свернул на боковую тропинку, в *америкитайские* кварталы, чтобы осуществить запланированное randevu с депьют Танем.

Трущобы шоссе Гаррет, или ТШГ, как их называли для краткости, образовались уже после *Обвала*. В отличие от трущоб, которые получились из ранее застроенных районов, вместо улиц здесь были лишь извилистые грунтовые тропинки. Крошечные лачуги были выстроены из чего угодно: от старых шин до пластиковой плёнки и картонных коробок. Остальная земля была покрыта бесконечными рядами огородов. Вскоре тропинки стали слишком узкими для безопасной езды. Марк и Ким спешили и пошли пешком, ведя велосипеды рядом. Они догнали группу *амер-азиатских* женщин, босых и в конических соломенных шляпах, тащивших ведра с водой на бамбуковых шестах через плечо. Вся сцена выглядела очень похоже на фотографии времён войны во Вьетнаме, подумал Марк. У его тестя, Дэйвида-старшего, было несколько альбомов старых фотографий - «Хим-фото», как их называют, в отличие от настоящих цифровых фотографий. Большинство фотографий были черно-белыми, и лишь немногие - цветными, с неестественно яркими оттенками. Память неожиданно подсказала: *«Кодаколор-Х»*, так, кажется, тесть называл цветную плёнку. Дэйвид частенько рассказывал про своё увлечение фотографией. Он говорил, что фотографии в то время не высвечивались мгновенно на экранчике камеры, а должны были быть «проявлены» и напечатаны в специальной химической лаборатории. Подумать только, а экранчиков у камер вообще не было! Никто не знал, были снимки хорошие или плохие, пока лаборатория не выдавала отпечатки. Удивительно, как много упорства надо было иметь, чтобы увлечься фотографией в те далёкие времена.

Дэйвид служил в ВВС, и был во Вьетнаме с 1970 по 1972 год. Он был аэродромным механиком, поэтому избежал большинства опасностей войны в джунглях. Увлекаясь с детства фотографией, он нащёлкал тысячи снимков. В основном, портреты друзей и сослуживцев: на аэродромах, с бензовозом, грузовым самолётом или вертолётom «Хью» на заднем плане, на улицах Сайгона, в барах или на пляже. Было у него много и

фотографий из повседневной жизни Сайгона и в сельской местности: рыночные прилавки, гонки велорикш по улицам, студентки в длинных белых платьях, мальчишники, играющие в пыли перед дорогим кафе, маленькие хижины под пальмами и папайей, женщины в чёрных шёлковых пижамах, работающие на рисовых чеках, и так далее. Здесь, в трущобах шоссе Гаррет, сходство с фотографиями той войны особенно бросалось в глаза. Значит, Америка сейчас жила так, как жили во Вьетнаме шестьдесят лет назад? Конечно, на американской земле не было войны. В альбомах Дэйвида было достаточно фотографий со следами страшной войны, которая тогда шла в Индо-Китае уже целых 25 лет: обугленный остов разбившегося вертолёт в джунглях, дымящиеся развалины на месте деревни, раненые солдаты на носилках у аппарели транспортного самолёта, обожжённые и изуродованные калеки-вьетнамцы на улицах...

Как хорошо, что Америке удалось избежать всего этого, не так ли? Они повернули за угол, и реальность немедленно опровергла умозаключения Марка: тут лежал частично разобранный остов армейского самолёта-транспортника «Геркулес». Когда-то Марк видел этот разбившийся самолёт в новостях по телевизору. Несколькими годами ранее, «Геркулес» потерял управление после взлёта и рухнул в трущобах, утащив в могилу шесть военных на борту и около тридцати обитателей трущоб. Теперь останки самолёта служили жилищем для нескольких семей. Навстречу им, по тропинке, медленно двигался *амер-азиат* лет тридцати. Он ковылял, опираясь на костыль, и вёл за руку маленькую полуголую девочку, вероятно, дочь. Рубашка у инвалида была гражданская, но брюки и солнцезащитные очки военного образца однозначно говорили, что мужчина пострадал на войне. Война на американской земле пока не шла, но здесь в трущобах - её следы были в полном наличии. Как во Вьетнаме в семидесятые годы прошлого века!

Ким спросил человека с костылём, как найти жилище семьи Хобсонов. Согласно базе данных, они должны были жить где-то рядом. Калека остановился, положив короткий обрубок ноги на ручку костыля, и начал объяснять что-то на ломаном английском языке, рисуя пальцем на ладони другой руки воображаемую карту. Маленькая девочка с любопытством смотрела на них и сосала большой палец. Ещё одно поразительное сходство с фотографиями вьетнамской войны, удивился Марк. Он отлично помнил снимок в одном из альбомов: вьетнамский солдат с повязкой военной полиции «MP» на рукаве разговаривает с одноногим вьетнамцем-инвалидом в потрёпанной солдатской форме. На заднем плане был уличный рынок, и двое полуголых ребятишек точно так, как вот эта девочка, смотрели с любопытством на «MP». Тот инвалид на фотографии точно так же опирался культёй на ручку костыля, а один из детей точно так же засунул в рот большой палец... Через несколько минут разговора Ким кивнул, и одноногий продолжил движение по тропинке. Проходя мимо Марка, он пробормотал вежливо: «Как-ваши-дела-сэр?» Девочка махнула рукой и сказала: «Приветик!» Интересно, что вьетнамский калека и ребятишки с фотографии сказали бы тогда американскому солдату?

- Направление выяснили, - подтвердил Ким. - По этой тропинке, второй поворот направо. Но, скорее всего, - пустышка. Этот мужик сказал, что не видел у них инвалида на протезе...

- Давай всё равно проверим их, раз уж мы тут, - предложил Марк. День обещал быть нелёгким. К сожалению, выпросить у Бена полицейскую машину для расследования было невозможно. К тому же, автомобиль был бы всё одно бесполезен в этих трущобах. Здесь и дорог-то почти не было.

Они толкали велосипеды по тропинке ещё минут пять, встретив ещё одну группу женщин с вёдрами воды на бамбуковых шестах. Лачуга семьи Хобсонов была построена из старой мебели и ДСП. Пожилая женщина, которая представилась как миссис Хобсон, сидела на крыльце, занимаясь чисткой овощей. Марк вытащил бэдж. Старушка пригласила полицейских пройти в дом. Кусок исцарапанной пластиковой плёнки служил входной дверью лачуги. Внутри, большую часть объёма занимали старый диван и трёх-ярусная кровать. Судя по всему, здесь на сорока пяти квадратных футах [прибл. 4 кв. м] жило не меньше шести или семи человек. Как и предсказал Ким, первый адрес был пустышкой. Семья была не из Нью-Йорка, а из Сиэтла, и переехала сюда несколько лет назад. Внук старушки в настоящее время служил в миротворческом корпусе ООН, слава Богу, не на настоящей войне, а на границе между Канадой и *Републик-Квебекуа*[22]. Это было и вправду довольно безопасным местом службы: настоящая война между отколовшейся провинцией Квебек и остальной Канадой закончилась около четырёх лет назад. Обе стороны просто устали воевать. Да, они были единственными Хобсонами в округе, и нет, ни один из их родственников не был одноногий, слава Богу...

Они попрощались с разговорчивый миссис Хобсон и направились в северную часть ТШГ, где база данных указывала ещё один возможный адрес Хобсонов. Здесь, на севере трущоб, население было преимущественно *амер-индийским*, и лачуги стояли вплотную, группами по десять или двадцать в одном месте. Местные женщины носили воду не в вёдрах на бамбуковых шестах, а в кувшинах на голове. Вокруг было заметно больше детей школьного возраста.

- *Амер-азиаты* отправляют детей в школу, несмотря на любые трудности, - прокомментировал депьют Ким. Сам он был из *амер-корейцев*, селившихся в основном на западной стороне трущоб. - Азиаты умеют вкалывать, сэр. Не то что эти индийцы. Ленивые сволочи. Видите, сэр, как много детей здесь не ходят в школу? И овощи тут ни в какое сравнение не идут с нашими. Ясен пень, почему этот давешний мистер Шарма воровал у китайцев морковь!

- Я не думаю, что люди ленивы, Ким, - не согласился Марк. - Тут просто слишком много народу. Земля больше не хочет родить.

Почва на некоторых огородах была - как белесая пыль. Президентская программа «*Устойчивое развитие земледелия*», которой пророчили безоблачное будущее около десяти лет назад, в этих краях, очевидно, провалилась. Без химических удобрений, гербицидов и пестицидов земля могла поставлять еду только для ограниченного числа людей. И это число было явно гораздо меньше, чем число людей, фактически живущих на северной окраине трущоб. Ситуация в *амер-индийских* кварталах ТШГ была миниатюрной копией ситуации в самой Индии. Десять или одиннадцать лет назад, это было в новостях каждый вечер: нехватка воды и продовольствия в Индии,

трупы на улицах городов, миллионы голодающих беженцев...

С Индией стало всё ясно сразу же после *Обвала*. Центры разработки и поддержки программного обеспечения осталось без заказов в одночасье. Корпорация «Эппл» обанкротилась и была куплена (со всеми долгами) «Микрософтом» всего за один доллар. Сама «Микрософт» вскоре стала благотворительным учреждением: несколько сотен инженеров в Вермонте и Беркли выживали на президентских грантах, продолжая техническую поддержку оставшихся операционных систем. Затем последовало банкротство банков, производителей дешёвой электроники и авиакомпаний. Индийский как-бы средний класс: все эти программисты, администраторы баз данных, руководители проектов, бухгалтеры и специалисты технической поддержки - все вдруг остались без работы и без денег. Вслед за индийским средним классом исчезли все более или менее доходные профессии: туристические достопримечательности и туристические автобусы, отели и платные пляжи, изготовление и продажа сувениров, и даже портновские мастерские. В Индии больше не было богатеньких иностранных туристов! У бывших богатеньких туристов тоже не было денег. До *Обвала* в Индии было 1,3 миллиарда населения, из которых 0,9 жили на менее чем пятьдесят американских центов в день. После *Обвала*, почти все 1,3 миллиарда достигли нового уровня нищеты: с дневной нормой менее одного цента!

Четыреста миллионов отчаявшихся людей побежали из разваливающихся городов в деревни. Но и в деревнях не было земли, воды и еды для всех. Счастливчиками могли считаться те, кому удалось раздобыть себе какую-нибудь рыбацкую лодку и доплыть, куда придётся: до Австралии, до Бирмы или до Мадагаскара. Или даже до США. Оставшиеся... Никто не был уверен, чем *этот* кризис в Индии закончился. Информация оттуда просто перестала приходить. Было предположение, что осталось несколько миллионов выживших, некоторые даже оценивали оставшееся население числом в двадцать или даже пятьдесят миллионов. Однако все давно согласились, что те, кто пережил кризис в Индии, уже жили в каменном веке...

Вскоре Марк и Ким добрались до второго адреса из базы данных. Семья была смешанной: белый муж и *амер-индийская* жена, с пятью малолетними детьми. Хозяин был сапожником: перед его крошечной хижинкой была установлена полка с несколькими парами дешёвых резиновых шлёпанцев и сандалий, а хозяин вырезал из старой покрышки подошвы для ещё одной пары. В полном соответствии поговорке «Сапожник без сапог», вся семейка была босиком. Двое старших пацанов, примерно шести и семи лет от роду, в сильно испачканных шортах, но без маек, помогали отцу: держали инструмент и подавали бесплатные советы. Трое младших, от двух до пяти лет, пока не считались рабочей силой. Совершенно голые, они играли в дорожной пыли. Мамаша варила что-то подозрительное в закопчённом котелке поставленном на четыре кирпича. Топливо между кирпичами выглядело как высушенный коровий навоз.

- Доброе утро, сэр, - подошёл Ким к сапожнику, - Как бизнес?

- И вам всем доброе утро, господа. Бизнес - как бизнес. Апрель! Кто, к чёртовой матери, придёт покупать шлёпанцы в апреле? К июню - будет совсем другое дело.

Тонны клиентов! А пока, вот... Эта полка - только игра. Мои старшие сыновья развлекаются. Выставляют утром, собирают вечером. Я не против. Пусть учатся, как вести бизнес, так ведь?

Марк тоже подумал, что выставка продукции была просто забавой. Похоже, мистер Хобсон либо работал на заказ, либо отправлял обувь на продажу в более зажиточные кварталы. Здесь, в *амер-индийской* части трущоб, лишь каждый десятый носил обувь более или менее постоянно.

Сапожник обратился к Марку, - А Вы, сэр? Тоже из Полиции?

- Из ФБР, - ответил Марк.

- ФБР! - присвистнул хозяин, - Вы, наверное, очень богатый человек, сэр? Вам пара сандалий не нужна? Дóма, например? У меня - отличное качество, сэр. А цены - вообще великолепные! Скидка на скидке! За пару сандалий - всего три тыщи восемьсот долларов. А за *вьетнамки* - три тыщи. Дешевле Вы нигде не найдёте. Апрель на дворе, как я и сказал...

Марк ещё раз оглядел полку с продукцией. Сандалии были стандартные: с подошвами из старых покрышек, уродливого фасона. В летнее время, когда бетон тротуаров был слишком горячим, младшие дети Марка ходили в подобной обуви в школу. Три тысячи долларов за пару *вьетнамок* - это было не дорого. Но и не дёшево. На местном рынке недалеко от дома Марка их бы тоже продавали за три тысячи.

- А детские размеры в Вас найдутся *готовые*, сэр? - спросил он. Не то чтобы он хотел купить что-то: все его дети уже имели по паре. Просто, Марк ожидал, что ответ будет отрицательный и надеялся вежливо прервать рекламную кампанию хозяина, чтобы перейти к вопросам о Нике Хобсоне.

- Детские размеры, сэр? Для ваших детей, да? Вы в самом деле богатый человек, как я и сказал! Нет, сэр. Готовых детских размеров мы не держим. Кто бы их, к чёртовой матери, здесь покупал? Но для Вас, сэр, я могу сделать на заказ, без проблем. Детские размеры у меня дешевле: сандалии за три-триста, а *вьетнамки* - за две пятьсот. Хотите заказать прямо сейчас, сэр? Какие размеры?

- Нет, не сегодня, сэр. Я же размеров не знаю. Этим у нас жена заведует, - придумал отмазку Марк. Его трюк сработал, как ожидалось. В этих трущобах, покупка детской обуви наверняка считалась экзотической роскошью, которую только «богатые», вроде Марка, могли себе позволить.

- Мы вообще пришли спросить, сэр, - Ким умело воспользовался паузой чтобы вставить в разговор интересующий их вопрос, - У Вас нет родственника, или, может быть, знакомого, по имени Николас Хобсон?

- Николас Хобсон? Один из моих прадедушек был Николас. Но он умер давным-давно. Наверняка, прадедушка вам, господа, ни к чему. Нет, сэр! С моей стороны семьи

Николаса у нас нет. С её стороны - тоже. Хотя, давайте спросим... - Он повернулся к жене, которая всё ещё размешивала что-то в котелке, - Няти, лапочка! Вот тут офицеры хотят знать, есть ли у нас Николас Хобсон в родственниках.

- Не с моей стороны, дорогой, - ответила женщина. К удивлению Марка, она говорила без следа индийского акцента. - У всех родственников с моей стороны - имена тамильские. И даже по прозвищам, в смысле: американизированным именам - никаких Николасов у нас нет.

- У тебя столько родственников, лапочка. На твоём месте, я бы не был так уж уверен, - не согласился хозяин.

- Может, не «Николас», а просто «Ник»? «Ник Хобсон»? - Марк скорректировал вопрос депьютти.

- Если бы в нашем клане и был мальчик с именем «Ник», он не был бы «Хобсоном», сэр, - сказала Няти, - Я - единственная Хобсон. И то, только потому, что влюбилась по уши вот в этого чувака.

Она ткнула пальцем в сторону мужа. Марк решил не задавать дополнительных вопросов. Кожа женщины была тёмной, а черты лица - явно индийскими. Наверняка, никто из её родственников не сошёл бы за белого.

- Ну и с моей стороны «Ника» тоже нету, - добавил сапожник, - Давайте-ка лучше обсудим размеры сандалий для ваших детей, сэр...

Пока вторая попытка продать сандалии не увенчалась успехом, Марк и Ким торопливо пожелали сапожнику хорошего дня.

Два следующих адреса из базы данных были тоже бесполезны. По первому адресу было небольшое ателье. Как и в случае с сапожником, бизнес тут тоже не особенно клеился, и хозяева очень хотели что-нибудь продать Марку. В этот раз, Марк вообще не упоминал ФБР. Наверное, подумал Марк, моя офисная одежда на них производит такое впечатление, и они думают, что я богач? Вот к Киму они же не пристают. Проклятые *амер-индийцы*! В следующий раз, когда поеду сюда, надо одолжить полицейскую униформу, решил он. Кое-как отбившись от предложений футболок и брюк, Марк получил-таки необходимую информацию. Да, Хобсоны жили здесь - два или три года назад, но с тех пор куда-то переехали. Куда - они не сообщили! А майка Вам не нужна? Нет, никто из них не был Ником Хобсоном. А может, женское платье? Для Вашей супруги, сэр?

По второму адресу, *амер-индийская* бабушка просто махнула рукой: «Не Хобсоны мы, не Хобсоны.» Она явно боялась разговаривать с Кимом в его полицейской форме. И в форме плохо, и без формы, отметил про себя Марк. Так или иначе, из старухи ничего вытащить не удалось, и пришлось обходить соседей. Несколько вопросов, заданных соседям, подтвердили, что федеральные базы данных сильно устарели.

Следующий адрес был из базы данных ОВК (Офиса Военной Карьеры[23]). Эта база считалась понадежнее прочих. Может быть, им повезёт в конце концов, надеялся Марк. Они подошли к группе лачуг, построенных из дёрна и обломков дерева. Покосившиеся домишки опирались друг на друга для дополнительной поддержки.

- А я помню это место, - неожиданно сказал депьюти, - Нас сюда вызывали на место преступления - года три назад. Фамилию я забыл, конечно, но сейчас припоминаю. Точно, там фигурировали какие-то Хобсоны.

- А что за преступление?

- Двух девушек изнасиловали. Хотя, я был просто стажёр в то время, и к дознанию меня не допускали... - добавил он в качестве оправдания.

Маленькая хижина была пуста. Пожилой сосед доложил - Прекрасная семья, прекрасная. Но невезучая. Да, сэр, невезучая! Девушки работают день и ночь, чтобы младшие братья могли быть в школе. Закопослушные. Мальчики сами ходили пару месяцев назад, чтобы зарегистрироваться для армии... Такое сейчас не часто увидишь. Все бегут от службы, да! Вот в наше время, мы все шли *волонтёрами*! Я служил во время операции «*Буря в Пустыне*»! Мы были развёрнуты в... А, говорите, это вам не интересно... Ну значит, о семье, да. Их отец умер четыре или пять лет назад, - авария на производстве, так они сказали, да. А на следующий год их мама скончалась. Рак. Старшая дочка, Ами, ей было только шестнадцать или семнадцать тогда, а второй - не уверен, тринадцать, кажется. А потом - бум! Обеих девочек снасиловали, представьте себе! Так я и говорю: прекрасная семья, но не везёт им по жизни, не везёт...

- У них нет родственника, молодого человека, который служил в Инженерных Войсках, а теперь - инвалид с искусственной ногой? - спросил Марк.

- Молодой человек? Из Инженерных? Нет, не видал такого... Точно - нет. Если бы он тут был, я бы заметил. Я же тут весь день сижу. Ходить мне трудно - артрит, да... А военного - я бы за версту узнал! Когда я в Кувейте служил, мы бывало... Это вам не интересно? Ну да, понимаю, вы занятые, да... Нет, военных родственников у них не было. Не везёт им по жизни, да... Извините, господа, не мог вам ничем помочь в работе...

Глава 5

Так или иначе, со всеми адресами в восточной части трущоб они закончили. Время приближалось к полудню, и стало заметно жарче.

- Я обязан накормить тебя обедом, Ким, - предложил Марк, - Ты заслужил, как минимум, бесплатный ленч за всю эту беготню.

- Какая ещё беготня, сэр? Я бы тут всё равно весь день патрулировал. Тем не менее, от ленча отказываться глупо. Вы любите корейскую еду? Я покажу Вам лучшую кафешку в этих местах. Это рядом.

Они крутили педали ещё в течение четверти часа. Тропинка внезапно вывела их на довольно чистую, закатанную в бетон улицу. Здесь располагался коммерческий центр ТШГ. По обе стороны дороги были лавки и небольшие кафе.

- Видите, сэр? - показал рукой Ким. - Эта часть трущоб уже *амер-корейская*, а не *амер-индийская*, как там, на востоке. Тут тоже трущобы, без вопросов! Однако - гораздо чище, не правда ли?

Он прав, подумал Марк. Бетонные тротуары были чисто выметены, не было ни мусора, ни кучек какашек. И люди были одеты куда лучше. Не в смысле, что одежда была новее: многие носили такие же лохмотья, как и в восточной части ТШГ. Но, по крайней мере, лохмотья были хорошо выстираны.

Они остановились перед одним из заведений. Огромная вывеска была полностью на корейском, с латинскими буквами только в адресе веб-страницы, да ещё номер телефона был понятен. Это кафе и в самом деле было популярным. Все столики были заняты, но владелец быстро прошёл на задний двор и вынес офицерам два пластиковых стульчика и низенький столик, очевидно, из зарезервированных для специальных гостей. Они заказали «*тубу тиге*» - острый суп с соевым творогом и капустой «*кимчи*». Цены были вполне приемлемые: 220 долларов за две порции.

Пока они ждали заказ, Ким вытащил из кармана коробку с табаком-самосадам и скрутил себе папироску. Марк не курил совершенно. Он принадлежал к «без-табачному» поколению конца прошлого столетия: во времена его юности курение было запрещено во всех общественных местах, и постепенно выходило из моды. Сейчас молодёжь снова начала курить. Сигаретные корпорации обанкротились полностью во время *Обвала*, и курильщикам приходилось довольствоваться табаком, выращенным на местных огородах. Хьюстонская разновидность самосада не отличалась ни особенно приятным ароматом, ни дешевизной. Марк удивлялся про себя, почему молодёжь вообще увлекается этой гадостью.

Вдруг, они услышали скрежет колёс скейтборда о бетон. Молодая *афро-американка* на скейте подкатилась к ним и протянула красное пластиковое ведёрко.

- Поможем инвалидам?

У девушки не было ног по самое туловище, и она передвигалась на скейте, отталкиваясь от земли зажатými в руках деревяшками. Сначала Марк подумал, что она - не настоящий инвалид войны. Женщина-инвалид войны - это было довольно необычно. С другой стороны, Марк знал, что кое-кто из уличных попрошаек любил приврать, что они были искалечены в армии, а не, к примеру, на Куче. Через секунду Марк изменил своё мнение. Не старше двадцати, безногая была одета в повседневную униформу ВМФ, и с настоящей медалью «Пёрпл Харт» на груди. Её ведёрко для пожертвований тоже было вполне настоящим: с эмблемой «Пути Спасения» и серийным номером. Она без сомнения была ветераном боевых действий. Марк и Ким, не сговариваясь, бросили в ведёрко по паре долларов.

- Спасибо за пожертвования, офицеры! - девушка выпрямилась на скейте и отдала честь по флотски, приложив кончики пальцев к козырьку морской кепи. Затем она указала на папироску Кима, - Извини, братишка, - ещё одна просьба. Мне срочно надо дунуть. Курево у меня своё, а вот бумага закончилась. Как моряк - моряку, не подкинешь боеприпасов?

- Чёрт побери! Откуда ты знаешь, что я служил на флоте? - удивился Ким, протягивая девушке свою табакерку. Он был определённо впечатлен.

- И как ты догадалась, что мы оба из Полиции? - добавил Марк.

Безногая улыбнулась, - Два одинаковых полицейских велика, причём припаркованы рядом. Двое мужчин за столом, один из них в полицейской форме. Несложная задача: сложить два и два. А насчёт флота, просто повезло. Зажигалка вон лежит, а на ней - якорёк, и надпись: «USS Панишинг»[24]. Молодой человек за столом - единственный курильщик, значит, он и служил на флоте.

- Ну и глаз у тебя, сестрёнка, - сказал Ким, подбирая со стола зажигалку.

- Ну, вообще, я могла ошибиться. Зажигалку тебе мог кто-нибудь подарить. Или ты купил её на толкучке. С другой стороны, настоящий моряк никогда с такой зажигалкой не расстанется. На ней - имя корабля. Отдать такую - всё равно что оставить корабль без приказа капитана... В общем, шансы были на моей стороне. И я угадала правильно!

- Круто! - восхитился Ким, - Если бы не цвет твоей кожи, я бы поставил миллион-другой, что твой пра-пра-прадедушка был мистер Шерлок Холмс, собственной персоной!

- Для твоей информации, братишка, мистер Шерлок Холмс - это всего лишь литературный персонаж. Полностью выдуманный. Сэр Артур Конан-Дойль использовал своего профессора-коллегу в качестве прототипа, так? А насчёт цвета кожи, так чёрный - происходит из доминантных генов. Говоря по-простому, если кто чёрный, то и всё потомство будет чёрным. Неважно, если партнёр чёрный или белый. Так что, если бы мой пра-пра-прадедушка и в самом деле был Шерлок Холмс, всё, что ему

требовалось, было бы недолгое туристическое путешествие в колонии. Например, на Ямайку. Или даже ещё проще: в Лондоне было полно самостоятельных чернокожих девушек, даже во времена, когда Сэр Артур писал свои детективы...

Объясняя Киму литературу и генетику, безногая не теряла времени даром. Она достала из табакерки Кима папиросную бумагу и умело скрутила себе папироску, только не с табаком, а с травой, которую она извлекла из собственной коробочки. Ким услужливо щёлкнул своей флотской зажигалкой.

- Могу и тебе свернуть такую, - предложила девушка, возвращая Киму его табакерку. - У меня классная смесь: табак и травка, один и трём. Исключительно в лечебных целях, конечно...

Техас и Аляска были двумя последними американскими штатами, легализовавшими у себя марихуану. Предлагать травку сотрудникам Полиции было очень модно.

- Нет, я при исполнении, сестрёнка, - отказался Ким.

- Что, они по-прежнему запрещают бедолагам-полицейским *легальное* курево? Ну ладно, не сейчас. Давай, я скатаю, а ты дома запалишь...

- Нет, я пас, сестрёнка. Категорически предпочитаю с табаком.

- Ну, как хочешь. Не против, если я тут с вами посижу немного? Мне стула не нужно...

Марк и Ким кивнули в подтверждение. Девушка соскользнула со скейта на бетон и уселась, положив руку на ведёрко «*Пути Спасения*», как на подлокотник кресла.

- Я тебя не видел раньше в нашем околотке, - спросил Ким, - Ты откуда?

Безногая захихикала, - Я - с «*Карибского Мусоровоза*». Знаете, есть такой круизный лайнер?

- Ещё бы не знаем, - буркнул, поджав губы, Марк, - Мой старший сын не так давно был в таком же круизе. Только тебя уловили снизу, а его - сверху.

- Опа! Извиняюсь! Шутка вышла дурацкая... На самом деле я из Детройта, штат Мичиган.

- А во флот - волонтером пошла? - спросил Марк.

- Волонтером? Ну, можно и так сказать. Большого-то выбора не было. Детройт - мёртвый город. Слышали, что у нас в Мичигане - перебои с едой, особенно зимой? Папашка мой сбежал, когда мне было три месяца. Мама умерла не так давно. Старший брательник и его подружка - оба алконавты на последней стадии... Так что, «домом» мне Мичиган считать как-то запаadlo.

- Я не знал, что в Мичигане всё так плохо, - заметил Марк, - В новостях про это ничего нет.

- Кто бы стал писать в новостях про наш долбаный Мичиган? На «Мусоровозе» они хотели отправить меня обратно на север, в Детройт, представляете? Выдали пропуск на военный поезд. Ну, которые раз в неделю, через всю страну. А я санитарам говорю: просветите меня, дуру, что я там, нафиг, забыла? Что, если я в Техасе хочу остаться? А они говорят: у нас приказ, мисс - отправить Вас по месту проживания. Ну, а я спрашиваю: а что если я просто наплюю на ваш дурацкий поезд, выкачусь вот на этой инвалидной коляске из порта - и поминай, как звали? А они смеются: на этой коляске, говорят, из порта выкатиться не получится. Коляска - не Ваша. Видите, мисс? Вот ярлычок: «Собственность USNS Санта Лючия». А Ваша коляска, мисс - она в Детройте. Её Вам выдадут по прибытии на место.

- Нифига себе, - покачал головой Ким. - И они отобрали и тебя инвалидную коляску?

- Ну да! Вывалили на асфальт, и всё делов.

- Вот козлы!

- Ну, я их не виню. Они по-прежнему на флоте - действуют по приказу. Но мне повезло. В порту как раз была бабушка-доброволец из «Пути Спасения». Посмотрела на меня и говорит: тебе транспорт не нужен, девушка? Так я получила этот скейт. Честно говоря, скейт мне нравится куда больше, чем эта дурацкое инвалидное кресло. Проходимость выше. А кроме того - даёт тебе новый взгляд на жизнь. Снизу вверх!

Девушка глубоко затянулась папироской и медленно продула дым через нос, - Отличная травка, кстати. Куда круче, чем у нас в Мичигане. Ты, братишка, ещё не передумал курнуть?

Ким помахал пальцами в воздухе, повторно отклонив предложение. - И как ты очутилась у нас в *Шелдон-Рез*?

- Прикатилась на моем скейте!

- На скейте? Из самого Галвестона?

- Да нет, шучу. Случайно получилось.

- Как случайно?

Безногая снова пыхнула папироской, - Случайно. После того, как добрая фея «Пути Спасения» одарила меня скейтом, надо же было его тряхнуть...

Она заметила удивлённо поднятые брови Марка и уточнила, - Ну, «тряхнуть» - это испытания корабля в море. Короче, ходовые испытания скейта прошли с общей оценкой «хорошо», и я оказалась в местном баре. Там было полно инвалидов с

«Мусоровоза», все друг другу предлагали выпить. Самогон «Лунный Свет» был в порядке, но я плохо рассчитала загрузку боекомплекта. Водоизмещение-то поменялось!

- Водоизмещение? Что ты имеешь в виду? - Марк совсем запутался в морских словечках девушки.

- Объём. Объём тела. Меня же... Как вы это назвали, сэр? Уполовинили?

- Дурацкая шутка, забудь об этом, - извинился Марк.

- Да нет, что Вы, мне очень нравится. Надо запомнить, это та-а-а-к круто. Уполовинили! В общем, все друг другу непрерывно покупали выпить, и вот итог: я с моим уполовиненным водоизмещением, но с полным боекомплектом в трюме. Понятия не имею, как я добралась до автобусной станции. Продираю утром глаза: оба-на! Оказывается, я спала на голом бетоне, в обнимку со своим скейтом! Денег нет, лужа блевотины рядом, ну, в общем, такой морской пейзаж: «Утром Штормило» называется.

- Тогда уж лучше: «Штормовая Ночь».

- Если честно, я никогда так не напивалась. Надеюсь, что это был первый и последний раз в моей жизни.

- У тебя есть отличная отмазка, - сказал Марк, - Не каждый день человеку отпиливают ноги и вышвыривают его на улицу.

- Ну да. Будем называть это «особо торжественный случай»! В общем, в славном городе Галвестон мне делать было больше нечего. С десятков омнибусов и пара автобусов отъехали, а у меня не было денег на треклятый билет! Потом, один водитель омнибуса сказал: что, денег нет? Ладно уж, залезай, отвезу *забесплатна*. Ну, я: спасибо, а куда мы едем, чёрт возьми? В *Шелдон-Рез*, мисс. Ну, значит, О-кей, поехали в *Шелдон-Рез*. Всяко лучше, чем Детройт.

- И ты решила остаться здесь? - спросил Ким.

- Во всяком случае, на некоторое время. Мне вообще понравился Юг! Прикинь: тут можно заснуть на бетоне, укрывшись скейтом, и утром *проснуться*. А снег я всегда ненавидела, кстати. Вопрос отсутствия денег был решён немедленно. Оказалось, что местный штаб «*Пути Спасения*» в *Шелдон-Рез* находится как раз напротив автобусной станции... Я сразу туда вкатилась на своём скейте и спросила, не нужен ли им ещё один инвалид. Ихний офицер немного поартачился, я же не местная. Но потом согласился и выдал мне ведёрко. Сказал: в порядке исключения. Такие как я - пока большая редкость. Блестящий потенциал в области сбора пожертвований.

- Ну, в общем, их офицер прав, - кивнул Марк, - Не знаю, как у вас в Детройте, а в Хьюстоне женщины-инвалиды боевых действий - в самом деле большая редкость. К счастью.

- Пять лет назад, когда я на флоте служил, нам говорили, что девушек в зону активных боевых действий не направляют. Только на авианосцы или на береговые батареи... Что, сестрёнка, у тебя с ногами вышло? Авария что-ли? - любопытствовал Ким, - Ничего, что спрашиваю?

Девушка хихикнула, - Ничего, братишка. Спрашивай, я не против. Не знаю, где у них сейчас «активные» боевые действия, а где - «пассивные». Я была пулемётчицей на речном бронекатере. Бронекатер класса «Пиранья», весь экипаж - женский. По нам стреляли каждый день, и мы стреляли, из всех стволов. Конечно, на катере - не так, как в джунглях. Броня всё-таки. Не высовывай задницу - не получишь. Огонь из мелкого оружия нам был совершенно пофиг. Даже из РПГ. Ну, если бы русской гранатой, или чешской - тогда да. Но откуда у этих обезьян русские гранаты? А китайские нам были пофиг. Но потом у партизан появились откуда-то управляемые ракеты, с лазерным наведением... Наверное, тоже китайские. Но ракета, тля, - это тебе не китайская граната из РПГ. Нам долбанули точно в боевую рубку. Пулемётчица по правому борту только успела прокричать: «Запуск ракеты - по корме справа!» Бац - и всё. Ракета сзади пришла - на пять часов. А там ещё загрузочный люк, и броня тонкая. На «Пираньях», если вы не в курсе, экипаж семь человек. По боевому расписанию, двое в пушечной башне, пятеро в боевой рубке. Из этих пятерых только я осталась, а остальных... В общем - на куски...

- И тебя отправили на «Мусоровоз»?

- А куда ещё меня можно было отправить? Таких как я - сразу на помойку. Ха-ха! Выкинули, в общем. В «Мусоровоз»! Смешно! - Она глубоко затянулась папироской, закрыла на несколько секунд глаза, а затем выдохнула сладковато-пахнувший дым, - Я такая просыпаюсь после операции... Уже укороченная... Уполовиненная... - Она снова хихикнула и подвигала ладонью, как будто отпиливая воображаемые ноги от тела. - Надо сказать, бензопильщик всё отлично сделал, я не жалуюсь.

- Бензопильщик?

Безногая снова глубоко затянулась. Видно было, что марихуана сильно подействовала на неё: речь становилась всё более и более несвязной.

- Ага, на «Мусоровозе» так всех хирургов называли. Какой-то остряк придумал, и пошло. Как в каком-нибудь старом фильме ужасов... Типа: маньяк с бензопилой. Бу-хо-хо-хо! Кто здесь у нас раненый? Этот? Без проблем! Вжик - одна нога! Вжик - вторая! Вжик-вжик! Руки тоже! Нафига ему руки, правда? Так, медсёстры, этот готов, унесите! Сле-е-е-дующий!

Девушка - официантка принесла Марку и Киму заказанный ленч и начала расставлять тарелочки на столике. Она ничего не сказала, но посмотрела на безногую с явным неодобрением.

- Не обращайтесь внимания на мой трёп, джентльмены. Это всё от травки! После травки

я всегда несу всякую чушь. Забавно, да? - Её папироска уже догорела почти то самых пальцев, и она потушила окурок о бетон.

- Ладненько, не буду вам мешать поглощать ваш ленч. Спасибо за денежку, за папироску и за разговор... Я дальше пойду... То есть поеду, ха-ха-ха... «Мы едем, едем, едем, в далёкие края...»[25] - она взгромоздила обрубок своего тела на скейт и пристроила спереди красное ведёрко «Пути Спасения» - Ну, пока!

- Увидимся, - ответил Ким. Безногая помахала им рукой и стала пробираться между столиками. Некоторые посетители бросали в ведёрко пожертвования. Затем девушка выкатилась на дорогу и двинулась к следующему придорожному кафе.

- Симпатичная, - заметил Ким, глядя ей вслед.

- Она была бы ещё симпатичнее, если бы ей ноги не отпилили, - заметил Марк и принялся за еду. Рассказ безногой произвёл на него гнетущее впечатление. Воображение нарисовало Марку одну из его дочерей, Памелу либо Саманту, без ног, сидящую на скейте, так же, как эта вот девушка-инвалид. Долбанные генералы, подумал он, за девчонок принялись. Как будто им убитых и искалеченных парней не хватает!

- Не знаю, как в других местах, сэр. Здесь, в тущобах, в каждой третьей семье: либо погибший, либо калека с войны. Зачем нам так много локальных войн, да ещё и одновременно? Поразительно, как Соединённые Штаты усей Америки умудрились так обосраться за такое короткое время.

- На нашей улице - такая же история, - кивнул Марк, - В каждом третьем доме. Просто напасть какая-то! Призывают парня в армию. Год-полтора - и возвращается калекой. Я тебе про моего Уильяма рассказывал уже, так?

- Да, сэр. Как Ваш сын справляется, кстати?

- Да он в порядке. Если честно, я думал, что будет значительно хуже. Нам ещё относительно повезло. А то - бац! И вместо парня, приходит письмо. И посылочка с медалькой. Посмертно. Хорошо ещё, что *хоть кто-то* умудряется вернуться домой целым и невредимым... Тебе сколько лет? Двадцать четыре - двадцать пять? Ты помнишь, какая жизнь была до *Обвала*?

- Классная была жизнь. Как шоколад. Может, потому, что я ещё маленький был тогда. Первый кризис я вообще не помню - мне три года было, - ответил Ким, также принимаясь за «*тубу тиге*».

- Да и кризис два-ноль как-то не очень нас затронул. Мой отец был управляющим филиала банка, мама - аудитор. Оба работали в сфере финансов и делали хорошие деньги. Мы жили в Чарльстоне, Западная Вирджиния. У нас был огромный особняк, и райончик, что называется «для людей с доходами гораздо выше среднего». Мы с братом учились в шикарной частной школе. Школа только для мальчиков. Пиджаки,

галстуки и соломенные шляпы с шёлковыми ленточками на английский манер - вот такого типа была школа! Банк, где работал отец, был национализирован и выжил. Папа не только работу не терял - получил повышение. После Кризиса два-ноль, мой родители решили, что мы будем делать альтернативные инвестиции. Вот и всё, что я знал про оба кризиса.

- Альтернативные инвестиции? А во что?

- Отец заезжал в «Уол-март»[26] три раза в неделю и закупал еду. Консервированная фасоль, мясные консервы, макароны, мука, сухое молоко... Этой лабудой он заполнил весь подвал. Одной туалетной бумаги была, не поверите, - целая полка! У нас были автономный электрогенератор и две бочки бензина в гараже... Сейчас я думаю, что мой папа как-то знал, что начнётся *Обвал*.

- Ну, и помогли вам эти ваши инвестиции?

- Ни хрена... Как *Обвал* начался, мои родители сразу потеряли работу, но это не было большой проблемой: в магазинах всё равно были только пустые полки. Мы начали потихоньку юзать то, что хранилось в подвале. Две-три банки консервов в день. Папа рассчитал, что у нас хватит по крайней мере на четыре года... Хрен там! Два месяца спустя, нас ограбили.

- В смысле: как банки грабят?

- Ну да. Под дулом пистолета. Может быть, соседи узнали о наших запасах, и стало им завидно, кто знает? Грабителей было шесть. Две бабы, четыре мужика. Отец пытался им помешать, так его застрелили. Прямо на лестнице в подвале...

- Чёрт!

- Они заперли меня и моего братишку в туалете наверху, и сказали маме, что отправят нас вслед за отцом, если она не будет помогать. Ну, она и помогала. Они грузили наши вещи в наши же машины... У нас две машины было: внедорожник отца и компакт «Дэу» у мамы. Грузили, потом двое или трое из них уезжали куда-то и приезжали назад без вещей. Заправлялись нашим же бензином из бочек. Не знаю, они это всё продавали или прятали для себя. А потом они уехали. До сих пор не пойму, почему они нас не застрелили под конец. У нас не осталось ничего, только диван и пустые шкафы. Они во внедорожник не поместились.

- В Полицию звонили?

- Конечно. Они помогли. Направили труповозку, чтобы увезти тело отца в морг. Всё.

Марк хорошо помнил, как федеральные и местные службы не могли справиться с волной преступлений и происшествий в течение нескольких месяцев после *Обвала*. Операторы службы 911 не могли потратить более сорока секунд на вызов! Самое печальное, они почти ничем не могли помочь большинству звонивших. Что делать? В

вашем распоряжении столько-то патрульных автомобилей, столько-то пожарных машин, столько-то машин «скорой». Даже работая сорок восемь часов в сутки, эти автомобили не успели бы объехать все места убийств и вооружённых ограблений. А что до краж со взломом и других менее опасных преступлений, Полиции просто некого было туда отправить. Не считая того, что и с бензином начались перебои! Слава Богу, через четыре или пять месяцев после *Обвала*, волна звонков в 911 начала спадать. В Полиции ходила шутка, что люди перестали звонить 911 не потому, что стало меньше преступлений, а потому, что у мобильных сели все батарейки. На самом деле, во многих местах у преступников просто закончился бензин, и им пришлось срочно изобретать менее моторизованные версии своих преступлений. А в некоторых кварталах преступникам стало просто очень неудобно. «Граждане-активисты», при негласной поддержке Полиции, ввели там немедленное линчевание за любые насильственные преступления. Суд Линча - это вам не гуманное американское правосудие, с изворотливыми адвокатами и продажными экспертами защиты. Соседи быстро приносят всё необходимое: верёвку покрепче, табуретку под ноги, а для вящего гуманизма - кусочек мыла. Пять минут - и бандит уже болтается на фонарном столбе!

- В общем, *Обвал* он и есть *Обвал*. Вот сегодня у тебя всё есть, а завтра - ничего не стало. У нас ничего не было, никаких продуктов, одежды, ничего, - продолжал рассказ дэпьюти, - Спали на диване, а шкафы разломали, чтобы топить камин. Хорошо ещё, уже весна была, не так холодно. Мама бегала по всем благотворительным заведениям, искала еду. Но большинство контор было уже закрыто. Какая, к чертям, благотворительность? Жратвы ни у кого не было, так, - старые запасы. Мама сказала: если мы останемся в Чарльстоне, лето, может, и протянем, а зимой - загнёмся. Не от голода, так от холода. Надо ехать туда, где зимой снега не бывает. Она нашла какого-то дальнбойщика, тот сжалился над нами. Грузовики тогда ещё работали, только ездили большими колоннами, чтобы избежать грабителей. В общем, нас водила взял в такой рейс и довёз до самого Хьюстона. И мы поселились тут, в трущобах. ТШГ тогда были куда меньше, только вдоль шоссе на пару миль. Это теперь трущобы так разрослись... Культурный шок был ещё тот... Мать пошла работать на свалке. Финансовый аудитор - мусорщицей! Снимали угол. Представляете: после особняка - угол! В комнатухе семнадцать человек! Потом построили себе дом. Ну, не совсем дом, так - хибару в три стены, но всё же свою. Так и живём здесь с тех пор. Привыкли...

- Да, офигенная история, - сказал Марк, - А вот мои дети про первый год *Обвала* не помнят совершенно. Старшему, Уильяму, во время *Обвала* было пять. Он только в школу пошёл в том году.

- В школах тоже тогда всякая фигня творилась, - кивнул Ким. - Мой братик и я пошли, конечно, в школу Нулла - ближе к нашим трущобам и сейчас ничего нет. Я помню, как моя мама надрывалась, чтобы купить нам школьную форму. Помните те первые обязательные школьные формы в Техасе?

- «Скул-смартс»? Белые рубашки, тёмно-синие брюки, чёрные ботинки?

Конечно, Марк помнил эти самые «Скул-смартс». До *Обвала* в Техасе не было

школьных униформ. Сразу же после, Конгресс штата Техас ввёл их в оборот. Это было что-то вроде симптоматического лечения неизлечимой болезни: как морфин от рака, укололи, и какое-то время не больно. Если одеть всех школьников в одинаковые белые рубашечки и синие брючки, не будет так заметно, что большинство живёт впроголодь. Беднейшим семьям выделяли деньги из бюджета на покупку этих школьных форм, а остальным - пообещали вычесть стоимость из налогов. Тем не менее, большинство семей, даже не бедных, затруднялись купить форму. Китай прекратил экспорт дешёвой одежды и обуви, на всех рубашечек не хватало... Дизайн «Скул-смартс» не выдержал и двух лет и был заменён на более демократичную форму, которую почему-то прозвали «Сингапуркой»: синие шортики до колен, такие же синие футболки и спортивные тапочки. Когда Патрик, младший сын Марка, пошёл в школу, была ещё одна, последняя реформа школьной формы. Ей дали прозвище «Сафари»: ткани защитного цвета и камуфляж всё ещё выпускались в достаточных количествах, и их было легче достать, чем синюю ткань.

- Ну вот: наш первый день в местной школе, - продолжил Ким. - Старшеклассники нас в дерьмо втоптали. Буквально. Там, за школой есть умывалка и туалеты. Эта лужа с дерьмом по-прежнему существует и, насколько мне известно, по-прежнему служит для той же цели: для перевоспитания неженков.

- А вы были неженки?

- Несомненно. Кем ещё можно быть в шикарной частной школе? Старшие нам сказали: какие вы, неженки, чистенькие и аккуратненькие. Так не годится. У нас тут - свои правила. И первое правило: «Нефиг выделяться». Школьные ботинки у нас были совершенно новые. Начищены до зеркального блеска, как нас учили в Чарльстоне. Наверное, из-за этих-то ботинок всё и было устроено. Первым делом, нам скомандовали снять обувь, и старшеклассники вроде как бросили наши ботинки в толчок. Но позже я узнал, что эти козлы просто спрятали их в уборной и продали потом на барахолке.

- Действительно: козлы!

- Ботинок было жалко. Мы потом пришли домой, нас мама чуть не убила! Так трудно было найти школьную обувь тогда... Короче, ботинки с нас сняли и втокнули прямо в дерьмо. А потом - они порезали наши «Скул-смартс» бритвенными лезвиями. В то время у пацанов были в ходу только бритвы. Это теперь у всех ножи. Ну вот, стоим мы посреди этой долбаной лужи, в порезанной одежде, с ног до головы в дерьме, а все вокруг - хохочут. И не только эти козлы-старшеклассники. Половина школы сбежалась посмотреть, как неженков из частной школы перевоспитывают. В общем, консенсус был такой, что теперь неженки выглядят куда лучше, чем в чистеньких рубашечках и сверкающих ботиночках. «Нефиг выделяться», одним словом.

- А что ваша мама?

- У мамы чуть крыша не слетела. Она помчалась к директору школы. А тот и говорит: о, не стоит беспокоиться, это просто безобидная шутка, мальчики делают что-нибудь

этакое постоянно. У них же переходный возраст, Вы должны понимать. Он ничего не мог в школе изменить, и ему было всё абсолютно до фонаря. А у нас тоже особого выбора не было. Единственной альтернативой было вообще не ходить в школу.

- И чем дело кончилось?

- Ну, мы решили перестать выделяться, что ещё? Мама отстирала и залатала школьные формы, и со всеми этими пятнами и заплатками мы стали смотреться не лучше, но и не хуже, чем наши одноклассники. Была ещё небольшая проблема: какое-то время пришлось ходить в школу в шлёпанцах, а во *вьетнамках* тогда в школу ходить не разрешали. Учителя нас доставали каждый день: где ботинки, почему без ботинок? Но нам было уже наплевать. К тому же, тогда не у нас одних была такая же проблема со шлёпанцами. Не нас одних учителя гоняли. Месяца через два всё устаканилось: мама нашла нам ботинки, и нас оставили в покое. А ботинки мама специально купила ношенные. Мы хорошо усвоили урок. Но, справедливости ради, школа Нулла здорово нам по жизни помогла. Практические навыки выживания. Убивай других или сдохни сам...

- Знаешь ли, школы, они и сейчас - того, - подтвердил Марк, - Но, по крайней мере, учителя больше не зациклены на школьной форме.

За последние несколько лет правила значительно упростили. Теперь за школьную форму могла сойти любая одежда цвета хаки - у кого что найдётся. Большинство учеников щеголяло в перешитых обносках армейских униформ, разной степени сохранности. Учитывая относительно мягкий климат Техаса и «временные экономические трудности», школьная обувь была необязательна. Последние два-три года, Саманта, Памела и Патрик почти всегда ходили в школу босиком. Не потому, что Марк не мог позволить себе купить детям три пары сандалий. «Нефиг выделяться», как во времена Кима, этот закон оставался в силе. Несчастные «неженки», одетые чуть лучше остальных, по-прежнему сильно рисковали получить нахлобучку от «агрессивного большинства» вечно-босоногих оборвышей из трущоб.

Глава 6

Марк вернулся в Участок около двух часов дня. Из кафе он проверил электронную почту и сделал пару телефонных звонков. Алан Мосс, судебно-медицинский эксперт и руководитель Криминалистической лаборатории, отписал, что оба тела были «обработаны», и он был готов обсудить результаты вскрытия во второй половине дня. Сержант Зуйко закончил с поиском потенциальных свидетелей и собирался посетить два или три адреса, полученных из базы данных. Ни новой информации о родственниках Ника Хобсона, ни определения личности убитой пока не было.

По дороге в Участок Марк ненадолго остановился в местном штабе *«Пути Спасения»*, чтобы организовать похороны погибших. Это место было ранее благотворительным магазином *«Трифт Стор»*. Теперь они удалили название магазина со здания, оставив только слегка подкорректированный красный герб своей организации[27]. Штаб по-прежнему исполнял функции благотворительного магазина, но в сильно урезанном виде. Сбор и продажу подержанной одежды для неимущих теперь производили в основном с грузовых велосипедов. До *Обвала* примерно так же торговали в жилых районах мороженщики. Официально заявлялось, что теперь «бедные» не имели средств транспорта и не могли сами добраться до магазина *«Трифт Стор»*, поэтому *«Трифт Стор»* должен был добираться до бедных. Уильям как-то говорил, что это было лишь полуправдой. На самом деле, дела у *«Трифт Стор»* шли неважнецки последние несколько лет. Никто не хотел отдавать подержанную одежду беднякам.

Марк припарковал велосипед напротив огромных стеклянных витрин магазина, в которых была развешана разная наглядная агитация. На одном плакате, человек в униформе *«Пути Спасения»* протягивал к зрителю красное ведёрко для пожертвований. Плакат гласил: **«Скажи нищим НЕТ. ЖЕРТВУЙТЕ ТОЛЬКО ОФИЦИАЛЬНЫМ* БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ»**. На другом плакате, безупречно-одетая леди из *«Пути Спасения»* подавала коробку молодому инвалиду в кресле-каталке. Подпись была: **«Ты не один. ПУТЬ СПАСЕНИЯ* ПОМОГАЕТ АМЕРИКАНСКИМ ВЕТЕРАНАМ»**. Звёздочки указывали на сноски внизу плакатов. Обе сноски были одинаковые, набранные мелким шрифтом, и объяснявшие на тяжёлом юридическом наречии, что эксклюзивное право сбора пожертвований на нужды ветеранов, бедных, сирот и так далее, было дадено исключительно *«Пути Спасения»* на основании таких-то и таких-то федеральных законов от такого-то и такого-то числа. Марк невесело усмехнулся. Его сын Уильям никогда не получал никаких коробок с подарками от *«Пути Спасения»*, больших или маленьких. Как, впрочем, и от любых других, менее «эксклюзивных» благотворительных организаций.

Далее по курсу в одной витрине красовалась доска объявлений. В глаза Марка бросились два особенно заметных, огромных, написанных чёрным фломастером на старом картоне. На первом было: **«ВНИМАНИЮ МК. Чтобы ускорить счёт, мелкие купюры не принимаются. Пожалуйста, разменивайте ДС на крупные купюры, ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНО \$2000 и \$1000»**. Второе объявление было ещё более загадочным: **«ТОЧКИ НЕ ДЕРЖАТЬ! Правило вступает в силу немедленно, и без исключений. Из-за частых споров между сборщиками, постоянные точки будут выделяться только для САМОВАРОВ. ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ОБЯЗАНЫ ДЕЛАТЬ МАРШРУТ.»** Выше слова

«МАРШРУТ» кто-то сделал кривоватую приписку: «каждый день!!!!»

Так как Уильям и Клэрис работали в этой системе уже пол-года, Марк смог расшифровать объявления без особых усилий. Местные координаторы, или МК, были членами «Пути Спасения», которые в конце каждого дня извлекали пожертвования из пластиковых ведёрок и пересчитывали деньги. Каждый МК руководил группой из двадцати или тридцати инвалидов и был обязан сдавать «дневной сбор», или ДС, в родной штаб «Пути Спасения». «Самоварами» называли инвалидов без обеих рук и обеих ног, или парализованных по самую шею. В последнее время только таким было разрешено иметь постоянные «точки» сбора подаяния - на рынках и в других людных местах. К счастью, в этой категории инвалидов было не так уж много. Все остальные инвалиды, не подпадавшие под категорию «самоваров», должны были собирать милостыню, время от времени перемещаясь по району. На профессиональном жаргоне сборщиков это называлось «*делать Маршрут*».

Марк имел по поводу «Пути Спасения» какое-то раздвоенное мнение. С одной стороны, он признавал пользу, которую организация приносила обитателям трущобных районов. Члены организации и добровольцы делали эту работу «на отлично». Да Марк и сам постоянно жертвовал деньгами в пользу бедных! С другой стороны, с тех пор как Уильям начал работать в программе «Поможем Инвалидам», Марка всё более и более раздражал цинизм, с которым руководство «Пути Спасения» с этими самыми инвалидами обращалось. Уильям и Клэрис всегда следовали правилам и никогда не жаловались, но Марк сильно подозревал, что к ветеранам из программы «Поможем Инвалидам» относились как к бездумным машинкам. Как к самоходным автоматам для сбора пожертвований. Среди инвалидов даже ходила злая шуточка: «Мы - не роботы, а люди. Но только наполовину». Слово «наполовину» было намёком на отсутствующие части тела. Руководство «Пути Спасения» не жалело усилий, чтобы эти самые наполовину люди, наполовину роботы, с их красными ведёрками для сбора пожертвований, *делали Маршрут* по столько часов в день, сколько они вообще могут выдержать. В идеале, инвалиды должны были бы стоять на каждой улице, на каждом перекрёстке, перед каждым домом и у каждой продуктовой лавки. Всё вращалось вокруг этого самого «дневного сбора» - 50% пожертвований, которые каждый инвалид в программе должен был сдавать координатору каждый день. Остальными проблемами инвалидов руководство особенно не заморачивалось.

Марк вошёл внутрь и был встречен руководителем местного штаба, мистером Тоддом. Старший Офицер[28] был невысокий лысоватый человек лет за шестьдесят. Он был одет в некое подобие униформы «Пути Спасения»: офицерскую кепку и синюю рубашку с погончиками, но при этом в брюках цвета хаки и в резиновых сандалиях. Как и в случае со школьными формами, «Путь Спасения» несколько расслабил единый стандарт униформы за последние несколько лет. Марк и мистер Тодд довольно хорошо знали друг друга: по делам Полиции и ФБР Марк бывал в этом штабе много раз, как минимум, по два-три раза ежегодно.

Отношения между мистером Тоддом и Марком были вполне сердечными, но слегка охладели во время последнего визита Марка в штаб, в ноябре или декабре 2029 года. Тогда Уильям ещё только-только поступил в программу «Поможем Инвалидам».

Мистер Тодд, наверное, хотел сказать Марку что-то приятное. Он пустился в пространное объяснение о том, почему с точки зрения физического и духовного здоровья, инвалидам так полезно участвовать в программе сбора пожертвований.

«Вы знаете, мистер Пендерграсс,» - сказал он тогда: «Ваш Билли - великолепный экземпляр. Он нам отлично подойдет!»

«Великолепный экземпляр? Что Вы, чёрт возьми, имеете в виду?» - Марк тогда ещё не привык видеть старшего сына в качестве инвалида войны.

«Ну как же! Он же вообще без рук и вдобавок почти слепой! Из него получится отличный сборщик пожертвований,» - объяснил мистер Тодд: «Говоря по чести, все эти безногие инвалиды... Они уже не набирают как раньше. Но если у кого-то нет обеих рук - о, это большая редкость! Да я Вам слово даю, наши Билли и Рисси побьют все рекорды дневных сборов! Им понравится *делать Маршрут*, вот увидите.» Руководитель штаба совершенно не замечал, что Марка такие заявления не радуют, а совсем наоборот. Каждое слово Мистера Тодда было как острый нож прямо в сердце.

- Мистер Пендерграсс! - Старший Офицер встал из-за стола, чтобы поздороваться с Марком. - Давненько не виделись! Как там наш безрукий Билли? Как наша Рисси? Она ещё не родила, нет?

- Добрый день, мистер Тодд! *Наши Уильям и Клэрис* в порядке, - ответил Марк. Уильям может скрывать свои чувства сколько влезет, но Марку совсем не нравилось что его сына и невестку вот так, запросто, называют укороченными уличными именами, да ещё добавляя определение «безрукий», - К Вашему сведению, Клэрис ещё только на седьмом месяце.

- Всех же не упомнишь, мистер Пендерграсс. На сегодняшний день у нас в этом штабе только в программе «Поможем Инвалидам» шестьсот двадцать четыре сборщика. В этом году мы добавили к программе двадцать восемь новых инвалидов! - Мистер Тодд не заметил раздражённой интонации Марка и продолжил, как ни в чём не бывало, - Я рад, что у Билли и Рисси всё хорошо. А Вас, мистер Пендерграсс, что привело сюда? Ах, совсем забыл! Предложить Вам чаю?

Марк решил не ввязываться. Сегодня Марку «*Путь Спасения*» был нужен больше, чем Марк был нужен «*Пути Спасения*».

- От чая не откажусь... Как Вы можете догадываться, нам снова понадобилась Ваша помощь для организации похорон. У нас в морге - два бесхозных трупа. Родственников пока найти не получается...

- Ну конечно, мы поможем с этим делом, - заверил мистер Тодд, доставая вторую кружку из ящика стола, - Наверное, эти двое, которых показали вчера по каналу «*SRTV*»? Да, грустная история. Парень, по их словам, был бывшим морпехом...

- Насчёт морпеха - это враньё. Наше «*SRTV*» никогда не проверяет информацию. На

самом деле, парень был не морпехом, а сапёром. Это ещё один вопрос, который хотелось бы провентилировать. Не могли бы Вы заглянуть в Ваши списки? Если повезёт, может быть - получится отыскать родственников.

Мистер Тодд поднял чуть надколотый чайничек с заваркой и налил чай в кружку Марка. Травяной чай пах странновато: то ли репейником, то ли чертополохом, но был довольно приятен на вкус.

- Конечно-конечно, всё, чем я могу помочь. Для ФБР - что угодно. Значит так: и нас есть список членов организации, список добровольцев, список крупных жертвователей, ну и для каждой программы есть свой список. Вам какой?

- Все, если можно. Давайте просто поищем по фамилии.

Мистер Тодд отпил глоток из своей кружки и повернулся к компьютеру-ноутбуку, который, похоже, держался на изолянте и резиновом клее, - И как у него фамилия?

- Парня звали Николас С. Хобсон.

- Хобсон, Хобсон... - Он пощёлкал «мышью» и потыкал в клавиши, разглядывая экран через очки, - Так. Начнём с членов «Пути» и наших добровольцев. У меня при этом штабе - двести шестьдесят два члена и более полутора тысяч добровольцев. А! Вот: Хобсон, Ричард и Хобсон, Роуан. Это ещё солдаты «Армии Спасения». Отличная семья. Уважаемая госпожа Роуан Хобсон была супервизором программы «Трифт Стор» много лет.

Марк заглянул в свой телефон, - Эти у меня уже есть в списке. А адрес у Вас в таблице какой? - Он перегнулся через стол и заглянул в экран ноутбука. Адреса в ноутбуке и в телефоне совпадали. Конечно. Судя по всему, эти Ричард и Роуан Хобсон были пожилыми людьми, да и жили в этом районе ещё до *Обвала*, поэтому успели попасть во все базы данных: водительские удостоверения, план «Медикэр», страховки. У Бюро Идентификации с ними не было проблем.

- Ладно, продолжим, - кивнул он мистеру Тодду.

- Хилари Хобсон, доброволец. Великолепная такая старушка. Вдова, если не ошибаюсь. Она варит суп в благотворительной кухне. У Вас в списке - она есть?

Марк посмотрел в телефон и кивнул, - Ага. У нас она тоже есть.

- Насчёт добровольцев, мистер Пендерграсс. Начальница кухонь сказала мне, что она очень довольна Вашей Рисси, очень довольна. Рисси никогда не скажет «нет», и всегда улыбается! Я так думаю, когда Ваша невестка родит, надо будет подыскать ей постоянное местечко. Добровольцем в одной из наших благотворительных кухонь. Ну, если где-то откроется вакансия, конечно...

- Навряд ли она согласится на постоянное место, мистер Тодд. Когда она родит, ей

надо будет сидеть с младенцем. А потом, насколько я её понял, она планирует забеременеть снова, и как можно скорее. И чего они сейчас так торопятся нарожать детей?

- Ничего плохого в этом нет. Ничего плохого. Вот Франсин и я - мы были так глупы, что завели всего одного ребёнка. И Вы же знаете, что из этого вышло... - Его лицо помрачнело. Единственный сын мистера Тодда погиб в Ливии, где-то через четыре года после *Обвала*.

- Простите, мистер Тодд, - сказал Марк.

- Ой, ну Вы-то тут ни при чём... Я сам про сына вспомнил... Давайте продолжим?

- Давайте. Только я думаю, мы быстрее справимся если Вы просто выберете всех Хобсонов из списков в отдельную таблицу и отправите её мне по электронке.

- Прекрасная идея! Я как-то об этом не подумал, - согласился мистер Тодд. Он замолчал и начал щёлкать «мышью». Наверное, мистер Тодд не очень-то разбирается в компьютерах, подумал Марк, рассматривая капельки пота на лбу Старшего Офицера. А может, тут было просто душно. Как, интересно, они сидят в этом штабе с июля по сентябрь? Как в парнике под стеклом! Все эти огромные витрины придумали, когда были кондиционеры. А теперь кондиционеров больше нет. Эти плакаты в окнах наверняка были оружием двойного действия. Одновременно: промывка мозгов и защита от летнего солнца.

- Ну вот, всех нашёл, - сообщил мистер Тодд минут через пятнадцать, - Восемнадцать адресов.

Марк продиктовал адрес своей электронной почты. Восемнадцать адресов - это было больше, чем он надеялся. От Уильяма Марк знал, что этот штаб отвечает за территорию в восемьдесят квадратных миль [прибл. 207 кв. км], то есть примерно пятимильный радиус поиска. А вчера Бюро Идентификации выдало им пятьдесят два адреса в десятимильном радиусе, гораздо меньше адресов на каждую квадратную милю. Телефон Марка завибрировал, докладывая, что письмо от мистера Тодда доставлено. Марк открыл файл вложения. Сразу было ясно, что с электронными таблицами мистер Тодд пока «на Вы». Все записи были в разных форматах и имели яркие, плохо читаемые цвета ячеек. К счастью, все имена были в первом столбце, поэтому Марк легко отсортировал строчки по алфавиту. Убрав петушиные цвета ячеек, он принялся сличать список мистера Тодда со списком, полученным вчера из Бюро Идентификации. Он быстро понял, откуда у мистера Тодда взялось восемнадцать адресов. Его записи были просто по именам, а Бюро отсортировало записи по адресам. Естественно, каждый адрес мог иметь более одного человека по фамилии Хобсон. В списках «Пути Спасения» Марку удалось обнаружить лишь один адрес, которого не было у Бюро Идентификации.

- Вот тут, мистер Хобсон, - указал Марк на свой экранчик, - Тут: Хобсон, Энди, а дальше: Хобсон, Сьюзи. А адреса у них одинаковые. Должно быть - родственники?

- Энди и Сьюзи... Хобсон, Энди... - Старший Офицер прокрутил «мышкой» таблицу, - А! Да, есть такие. Примечание: прибыли сюда из Чикаго. Штат Иллинойс. В феврале этого года. Пацану двадцать один год. Работает в «Поможем Инвалидам». Обычное дело: без обеих ног.

Я бы и сам догадался, что он инвалид, подумал Марк. Опять эти укороченные уличные имена. Натурально, мистер Тодд не видит ничего плохого в том, что сборщиков пожертвований зовут «Энди», «Рисси» или «Билли». У него даже в этих чёртовых электронных таблицах так записано! А ещё Марка поразила чёткая градация: «уважаемая госпожа Роуан Хобсон» - для старого солдата «Армии Спасения», «Хиллари Хобсон», без всякой там «госпожи», но с полным именем, - для старушки-добровольца из благотворительной кухни, и просто «Энди» - для безногого ветерана с ведёрком для сбора пожертвований. «Эй, калека, лови доллар!»

- А миссис Сьюзен Хобсон - это жена мистера Эндрю Хобсона? - спросил Марк, налегая на «миссис», «мистер» и полные имена.

- Малышка Сьюзи? Она старшая сестра этого безногого, - последовал ответ. И никакой тебе «миссис»!

В своём телефоне, Марк скопировал имена и адрес в основную таблицу. Хотя, конечно, «малышка Сьюзи» и «этот безногий» были из Чикаго, а не из Нью-Йорка, и, скорее всего, не имели ни малейшего отношения ни к убитому, ни к убитой.

- Ясно. Раз они приехали в феврале, ни в одной из официальных баз данных их ещё нет. Отличная находка, спасибо.

- Счастлив, что смог чем-то помочь, - улыбнулся мистер Тодд.

- А вот интересно, мистер Тодд. У Вас в «Пути Спасения» есть полный список инвалидов войны на территории Вашего штаба? - осведомился Марк.

- Чего нет, того нет. В списке программы «Поможем Инвалидам» у нас записаны только инвалиды из программы. Ну, с тяжёлыми увечьями, как этот вот безногий Энди, или как Ваш безрукий Билли. Ну, конечно, если какой одноногий инвалид попадёт в какую-нибудь ещё программу: реабилитация наркоманов, алкоголиков, и тому подобное. Но в этом случае, в электронной таблице не будет указано, что он без ноги.

- А у кого может быть такой полный список ветеранов?

Мистер Тодд покачал головой, - Откуда нам-то знать? В Пентагоне - наверное, есть. Но они нам в «Путь Спасения» почему-то не докладывают. Шучу, конечно. Мы - негосударственная организация. А может, в протезных клиниках можно спросить? Хотя нет. Не каждый инвалид получает протезы. И вообще, кроме Пентагона, собирать полный список инвалидов никто бы не стал. Работа громадная!

- Почему?

- Как: почему? Их слишком много, вот почему. Вот в нашей программе, как я сказал, шестьсот двадцать четыре сборщика. Но они - как вершина айсберга над водой. По статистике, на каждого ветерана без обеих ног должно быть восемь или девять одноногих. Да ещё и не каждый безногий пойдёт в нашу программу «Поможем Инвалидам». Кто-то, может, работу нашёл, или в бизнесе крутится, так? А если у кого оба колена на месте, мы таких в программу вообще не берём. Пусть поищут себе работу получше, чем ведёрком на углу трясти...

- И сколько, Вы думаете, их всего? Ну, я имею в виду: весь этот «айсберг»?

- На территории этого штаба? Шесть или семь тысяч инвалидов войны. Навскидку, два с половиной процента от всего населения.

- Ого! Вы говорите: один инвалид на сорок человек населения? Этого просто быть не может!

- Не может? А Вы возьмите для примера улицу, где Вы сами живёте, и прикиньте, сколько у Вас там инвалидов. Статистически, это, конечно, неверно, но даст Вам представление о порядке величин.

Ладно, давайте посчитаем, задумался Марк. В нашем тупичке тридцать домов. Около пяти человек в каждом... Нет, это маловато. Это было бы верно до *Обвала*, а теперь многие семьи живут вместе. И хотят побольше детей. Ладно, у нас в доме десять человек, примем это как среднее. Тридцать на десять, значит, триста человек населения. Вроде верно. А сколько у нас инвалидов? Слепой Пол из дома напротив, парень на костылях чуть дальше по улице, ещё один парень с искусственной ногой... И ещё сын почтальона, кажется, его зовут Крис? Ему до сих пор не сделали протез... Плюс ещё Дамиан, - тот, что без кистей рук, и, дальше по улице, ещё один молодой человек в инвалидной коляске. Плюс наш Уильям... Итого - семь?

- У меня выходит семь инвалидов на триста человек населения. Это чуть меньше, чем Ваши два с половиной процента, но Вы, наверное, правы... Даже если в это с трудом верится.

Странно, что я этого не замечал, подумал Марк. Конечно, я знал, что парни идут в армию и возвращаются оттуда инвалидами. Даже сегодня, Ким сказал про свои трудности: «у нас в каждой третьей семье - либо убитый, либо покалеченный.» И я согласился: да, и у нас в районе так. Но я никогда не думал о размахе этого явления. Если в *каждом* районе так, количество инвалидов должно исчисляться многими тысячами. В самом деле! Если в США сейчас 345 миллионов населения, 2,5% - это сколько? Восемь с половиной миллионов! Хватит чтобы заменить каждого жителя Хьюстона - не исключая стариков, женщин и младенцев, - на безногих или безруких инвалидов. И ещё миллион калек останется про запас.

Когда Марк учился в старших классах, им описывали жестокий эксперимент: киньте

лягушку в кастрюльку с кипятком - лягушка выпрыгнет. Но если вы поместите лягушку в кастрюльку с прохладной водой, а потом медленно-медленно доведёте воду до кипения, лягушка будет спокойно сидеть в кастрюльке. Пока не сварится. И научное название приводили: «кондишенинг». Конечно, в классе подобный эксперимент не ставили, и даже на видео не показывали. Тогда, до *Обвала*, была такая политкорректность! Можно было показывать тринадцатилетним пацанам в фильмах и компьютерных играх, как людям сносит головы, и как человеческие кишки вытекают на асфальт, но посадить лягушку в кипяток - не-е-ет! Это было никак невозможно. Надо будет спросить Памелу, варят ли они теперь лягушек на уроках по «Науке и Технологии», - отметил Марк для себя... Мы все попали под «кондишенинг», заключил он грустно. Десять-двенадцать лет назад, молодой человек на костылях или с искусственной ногой был бы редкостью. Теперь они были настолько распространены, что на них больше не обращали внимания. Постепенно, постепенно, это стало абсолютно нормальным.

- Да ладно, мистер Тодд, - сказал Марк после грустной паузы, - Давайте говорить о похоронах.

- Как я и сказал: нет проблем. Парень - инвалид вооружённых сил. Инженерные войска, Вы сказали? Для этого мне и в центральный штаб Хьюстона звонить не надо. Кто вторая жертва, кстати?

- По-видимому, она была его подружкой. Имени у нас пока нет. Однако, я не думаю, что она имела какое-либо отношение к армии.

- Это не проблема. Хоронить одного или двоих - затраты одинаковые. Завтра в десять. Устроим обоим стандартные военные похороны, с почестями. Будут и оркестр, и ребята с винтовками. А в двенадцать устроим небольшой благотворительный ленч для всех участников. Я позвоню на «*SRTV*», чтобы они пустили строчку в новостях. Вы согласны?

- Более чем. Пожалуйста, скажите на телевидении, что убитый был в Инженерных Войсках, а не в Морской Пехоте. И пусть «*SRTV*» добавит, чтобы молодёжь нашла себе какое-нибудь занятие побезопаснее, вместо того чтоб бродить ночью по лесам. Конечно, никто не послушается, но повторить стоит. Чем больше раз TV скажет про «Шелдонского Мясника», тем лучше.

- О-кей, всё сделаю, мистер Пендерграсс. Кроме телевидения, я сейчас же позвоню, чтобы добровольцы отправились откопать могилу и приготовили всё прочее. Когда Вы хотите, чтобы они забрали тела из морга?

- Сегодня! Майор Ферелли мне яйца оторвёт, если придётся запускать генератор ещё на одну ночь.

Они деловито обсудили обычные детали: закрытые гробы, размещение фотографий и так далее. К сожалению, устройство похорон через «*Путь Спасения*» было частым бизнесом.

- С удовольствием поможем нашей Полиции, - сказал мистер Тодд, протягивая на прощание руку, - А! Ещё одна просьба к Вам, пока не забыл. Ваш Билли. Он же тоже был в Инженерных, так?

- Да. Уильям тоже был в Инженерных. И даже служил в Венесуэле. Как раз после этого самого Николаса Хобсона.

- Отлично! Великолепно! Значит, *наш Билли* сможет прийти на похороны?

- Не уверен, что это хорошая идея, мистер Тодд. Кладбище от нашего дома - это больше пяти миль [прибл. 8 км]. Уильям без поводыря ходить не может, а Клэрис - на седьмом месяце... Как Вы *теперь* знаете...

- О, что такое пять миль для такой здоровой молодой женщины, как *наша Рисси*! Зато, там будет благотворительный ленч! Вы знаете, я давно хочу, чтобы *наш Билли* собирал вдоль шоссе Беамонт. Он Вам сказал уже, что вчера они с Рисси собрали целых двести пятьдесят три доллара? У Билли это - персональный рекорд. Если он и дальше будет так собирать, его фотография точно будет висеть на доске «*Сборщик Месяца*»! Почему бы Билли и Рисси не начать *делать Маршрут* вдоль шоссе Беамонт? Я уверен, что им там очень понравится.

Марк поднял уголки рта в полу-вежливой улыбке. - О-кей, мистер Тодд. Я передам Ваше приглашение. Пусть Клэрис сама решает, если ей стоит идти в такую даль.

Подозрение Марка о том, что «*Путь Спасения*» относится к инвалидам как к машинкам для сбора милостыни, - неожиданно получило подтверждение. Мистер Тодд знал с точностью до одного доллара, сколько Уильям и Клэрис собрали вчера. Возможно, Старший Офицер даже знал наизусть серийный номер на красном ведёрке Уильяма. И в то же время, мистер Тодд не имел понятия, на каком месяце беременности находится Клэрис, да и всё равно ему было, что женщина на седьмом месяце должна проходить в день по десять миль. Лишь бы её слепой муж мог собрать побольше пожертвований для «*Пути Спасения*»...

Вернувшись - в Участок, Марк первым делом пошёл переговорить с экспертами и патологоанатомом. Доктор Алан Мосс сидел за своим столом, набирая отчёт на ноутбуке и потягивая желудёвый кофе. Он часто жаловался в шутку, что недостаток кофеина был единственной реальной проблемой в его жизни.

- Приветик, Марк, - сказал он, поднимаясь из-за стола и жестом приглашая двух экспертов за соседними столами в комнату для совещаний напротив. Он включил ЖК-панель на стене и вставил кабель в разъём ноутбука.

- Давай начнём с чего попроще. С мужчины. У тебя уже есть его карточка. При наличии карточки военного учёта, всё тривиально. Мы сравнили все десять пальцев, просто чтобы избежать ошибки... Николас Хобсон, собственной персоной. Здоровый молодой человек, не считая отсутствующей ноги, конечно. Мы также нашли кое-что,

что может помочь обнаружить родственников. Проверили серийный номер его протеза по базам данных. Он получил свою ногу в Нью-Йорке, причём был в реабилитационном центре с 14 по 31 мая 2029-го. Затем он был в том же центре шестого сентября. Это означает, что в Техасе он находился семь месяцев максимум: с октября по декабрь прошлого года, плюс четыре месяца этого года, естественно. К сожалению, в Техасе погибший не посетил ни одного центра реабилитации. По крайней мере, ни одного из тех, которые посылают отчёты в Пентагон...

- А причина смерти?

- Резаная рана сонной артерии. Он умер за несколько секунд. Никаких других улик на теле, никаких признаков борьбы, ничего. Я сомневаюсь, что преступник вообще касался жертвы чем-либо, кроме лезвия ножа. Один удар, очень профессионально. Так же, как и во всех предыдущих случаях.

Марк кивнул. Это был обычный образ действий «Мясника». Он быстро убивал мужчину, уменьшая шансы сопротивления и вероятность, что одна из жертв убежит. Было очень похоже, что убийца служил в спецподразделениях: «Морских Котиков», «Группе специальных операций», или просто в Морской Пехоте. ФБР проверяло служебные записи солдат, оставивших службу два или три года назад, но пока - безуспешно.

- Что у нас есть насчёт убитой?

- О, тут всё оказалось куда интереснее, чем на первый взгляд! - воскликнул Алан, - Я позволю Натали объяснить?

Он нашёл фотографию в своём ноутбуке и послал изображение на экран. Под объективом микроскопа было сфотографировано несколько волосков.

- Как обычно, сначала мы делаем внешний осмотр тела, - начала объяснение Натали, - Эти волоски - от пяти разных лиц. Номера с третьего по седьмой - положительно из промежуности. Вот из этих двух волосков - слева, видите, там есть луковицы? Нам удалось поднять ДНК. Это ДНК двух разных мужчин, и это не ДНК Николаса Хобсона. И не от близкого родственника жертвы. Все последовательности различаются.

- Ты, Марк не поверишь, сколько испорченной крови мне стоило убедить нашего дорогого босса, чтобы он позволил нам использовать ещё один комплект для анализа ДНК... - мимоходом заметил Алан, - Бюджет трещит, он сказал. Бюджет, моя задница!

- Я знаю, Алан, что ты всегда умел убеждать людей. Как ты обозвал Бенито в этот раз?

- Как я его обозвал, останется между нами двумя... Мы тебе ещё главного не сказали. Продолжайте, Натали!

- Самое главное - у женщины сделана стерилизация. Маленький шрамик на животе, вот, фотография... Притом, похоже, что одновременно со стерилизацией ей делали

поздний аборт. Если бы не лобковые волосы от нескольких мужчин, это могло бы означать что угодно. Мало ли у кого какие обстоятельства. А в комбинации с волосками от разных мужиков - практически однозначно... Женщина должна была быть проституткой, - продолжила мысль Натали.

- Причём, она явно работает... то есть: работала на кого-то. Те, кто занимается самодеятельностью, редко решаются на стерилизацию, - добавил Алан, - Да сейчас и денег это стоит... После того, как аборт и стерилизации запретили, те доктора, что ещё остались в этом бизнесе - взвинтили цены до небес. Реально, только крупный сутенёр может *поднять бабки*, чтобы сделать лапароскопическую стерилизацию.

- Это могло бы объяснить, почему мужчина не постеснялся отстегнуть протез. Если девушка делает секс за деньги, у неё нет большого выбора. Однако, это совершенно не объясняет термос и печенье. Как вы представляете себе кого-то, кто нанимает проститутку только затем, чтобы угостить её чаем? Кроме того, на женщине не было лицензии.

- Ну, отсутствие лицензии ничего не значит, - возразил Том, второй эксперт, - На каждую лицензированную приходится по крайней мере три нелегалки.

Это было сущей правдой. Несмотря на пять лет непрерывных усилий, которое правительство затратило, чтобы зарегистрировать (и обложить налогами) проституток, большинство «работниц» по-прежнему предпочитало оставаться без регистрации.

- Но, в маловероятном случае, что она зарегистрирована, но почему-то избавилась от ошейника, мы можем довольно быстро просканировать базу ЗППУ для сличения отпечатков пальцев.

- Предложение правильное, Том, только ты немного опоздал, - улыбнулась Натали, - По моей просьбе, базу ЗППУ ещё вчера проверили. Без результата...

Аббревиатура ЗППУ означала «Зарегистрированный Провайдер Половых Услуг», но большинство переводило её как «Заплати и Получай Полное Удовлетворение».

- Ваша находка может получить положительное продолжение, - предложил Марк. - «Путь Спасения» устраивает похороны нашим жертвам завтра в десять. У вас, ребята, найдётся кто-нибудь надёжный в районе кладбища Округа Харрис? Надо, чтобы этот кто-то не имел никакого отношения к Полиции. Предпочтительно - девушка, это более типично. Мы оснастим её хорошей видеокамерой, и пусть она поработает в качестве «добровольного помощника телевидения». Вреда не будет. Мы на самом деле отправим запись на «SRTV». Чем больше людей услышат об этих убийствах, тем лучше.

Алан улыбнулся, - Ты, случаем, не ожидаешь, что преступник ни с того, ни с сего припрётся на похороны, не так ли?

Они уже пробовали этот трюк несколько раз и раньше, но без успеха. «Шелдонский Мясник», видимо, подозревал, что его могут заснять на камеру.

- Нет, это не то что я имею в виду. Если жертва действительно была проституткой без лицензии, завтра на видео мы вполне можем увидеть её сутенёра. Он, вероятно, захочет узнать, куда делась его «работница» и придёт посмотреть, кого хоронят.

- Я могу сама пойти, - предложила Натали, - Оденусь, как для работы на свалке.

- Нет, никто из нас не подходит. Наши лица мелькали на телевидении уже несколько раз. Сначала я сам хотел пойти на похороны, но думаю, что незнакомая никому девушка с камерой даст нам лучшие шансы.

- Если вообще хоть какие-то шансы есть... - кивнул Алан.

- Кроме аборта и стерилизации, вскрытие женщины дало ещё что-нибудь? - спросил Марк.

- Всё то же самое. Убита двумя ударами того же ножа. Первый был в середину левого лёгкого. С поворотом лезвия вдоль рёбер. Профессионально. Вторая рана была на шее, но девушка уже была практически мертва. И, наконец, разрезы на ягодицах и бёдрах. Это уже посмертные раны, однозначно.

Они пролистали на экране бесконечные фотографии жертв в разных ракурсах. Марку вспомнились краткие определения из психологического профиля «Мясника», они когда-то получили из штаб-квартиры ФБР: хорошо организован, обладает высоким интеллектом, знаком с возможностями современной криминалистики, уделяет пристальное внимание деталям, предпочитает полностью контролировать ситуацию...

- Что ещё у нас есть?

- Полный стандартный набор. Перчатки с пупырышками, табельный армейский нож... Самое интересное, конечно: велосипед. Помните, я говорила Вам про отпечаток задней звёздочки велосипеда на джинсах девушки?

- Да.

- Так вот, на дороге есть свежие следы шин. Горный велик, 26 дюймов. Задняя шина - чиненная. Наложена заплатка необычной формы. Если вы найдёте велосипед, мы сможем однозначно идентифицировать колесо.

- Хорошая работа, ребята, просто великолепная! Очевидно, теперь мяч на нашей стороне поля... - Марк был доволен. Хоть какое-то продвижение в деле, по крайней мере, с идентификацией жертв.

Алекс прибыл на станцию почти в пять, усталый и потный. Он сообщил, что особого везения не было: он и депюти Тань обошли все дома в окрестностях места убийства, но не обнаружили ничего стоящего. Все знали, что в рошу любят ходить по ночам влюблённые, но это было всё, что местные жители могли рассказать. Никто не видел

ничего подозрительного и не слышал никаких криков или необычного шума. Похоже, «Шелдонский Мясник» опять не совершил никаких ошибок...

Глава 7

На следующее утро, семья проснулась даже раньше, чем обычно. Предыдущим вечером они подготовили поход Уильяма, Клэрис и маленького Дэйви чтобы присутствовать на похоронах. Марк передал приглашение мистера Тодда, но от себя добавил: «Я не думаю, что вам стоит туда переться, Клэрис. Туда и обратно - это больше десяти миль. На твоём месте, с твоим-то животом, я бы дальше местного рынка вообще не ходил. Хоть этот ваш мистер Тодд и называется «Старшим Офицером», кто он, к чёрту, такой, чтобы отдавать вам приказы?»

Но для Клэрис было труднее всего сказать «нет». Она легкомысленно улыбнулась и махнула рукой: «Мистер Тодд совершенно прав. Если *делать Маршрут* вдоль шоссе Беамонт, то можно мно-о-ого насобирать. За такие деньги и десять миль *не в лом* протопать! Причём, самое лучшее время для сбора - сразу после пяти вечера. Чуваки с *Кучи* расползаются по салунам и барам. А в карманах - полно денег!»

Н-да, «полно денег», - подумал Марк. В среднем, взрослый мусорщик получал в день триста или триста пятьдесят долларов. Сколько это будет в долларах до *Обвала*? Два доллара и восемьдесят центов! Тогда на такие деньги и стакан пива сложно было бы купить. Конечно, сейчас выпивка относительно подешевела. Тридцать баксов - за стакан местного пива, сорок - за «шот» самогонки «Лунный Свет». Мутное местное пиво изготавливалось из заменителей ячменя и часто прокисало, а «Лунный Свет» вообще был сертифицированной отравой. Но это были мелочи, которые совершенно не мешали работникам свалки оставлять дневные заработки в бесконечных салунах, стратегически расположенных вдоль шоссе.

- Десять миль вам троим идти не надо, - сказал Майк, - Утром я вас довезу до самого кладбища на своём трицикле. Ну а после похорон - пойдёте себе потихоньку. Хотя, конечно, и пять миль - дистанция немаленькая.

- Отлично! - Клэрис захлопала в ладоши, - Значит, мы идём?

- Майку надо быть на заводе до семи. Ты что, хочешь меня разбудить в пять завтра утром? - возразил Уильям, - И что, к чертям, мы будем делать на пустом кладбище с семи до десяти?

- А я знаю! Вообще не проблема! - сказала Клэрис, - Вместо кладбища, Майк высадит нас у *Биржи*, вот! *Биржа* работает с шести до девяти. А после девяти, пойдём на кладбище. Там это - рукой подать.

- На *Бирже* вы своим ведёрком много не натрясёте, - прокомментировал Майк, - Я там проезжаю каждый день: все места уже заняты другими инвалидами. Знаете, сколько их там? К тому же, у народа на *Бирже* не так много денег в карманах, по всякому. Они там сидят как раз потому, что они без работы.

Клэрис чмокнула Уильяма в ухо, - Ну, зайка, давай поедем. Мне на нашем местном рынке - так надоело! Пожалуйста, а... К тому же, наш Дэйви ещё не был на шоссе

Беамонт.

Она сказала «шоссе Беамонт» как до *Обвала* говорили: «*Диснейлэнд*» или «*Шесть Флагов над Техасом*», - подумал Марк. Ну да, она конечно имеет в виду этот маленький Луна-Парк. Там даже есть карусель с лошадками и электрические автомобильчики, на которых не только можно, но и нужно врезаться друг в друга. Хозяину приходилось запускать генератор на заднем дворе, но даже дорогой бензин позволял ему оставаться с прибылью. Дети есть дети, в конце концов. Даже если эти дети уже выросли и ходят с беременным пузом, как та же Клэрис.

До *Обвала* в жизни было куда больше развлечений. Марк и Мэри не любили сидеть дома по выходным. Они возили Уильяма и Майка по всем достопримечательностям (их младшие: обе дочери и сын Патрик, - родились уже после *Обвала*, и почти никуда не ездили). Центр космонавтики NASA, 35 миль. Музейный квартал Хьюстона, 20. Водный парк «*Шлиттербан*» в Галвестоне, 50 миль. И даже тот, знаменитый, громадный, «*Шлиттербан*» в Нью-Браунфелс[29], и все достопримечательности Сан-Антонио, 190 миль от дома! Прокатиться с ветерком за пятьдесят миль было так удобно и просто, исключая, конечно, непрерывное: «А когда мы приедем?» с детских сидений сзади. Да и поездка за двести миль, в выходные, с остановкой на ночь в хорошем мотеле, была совсем несложным предприятием. Невероятно, что можно сделать, если у вас есть автомобиль. И полный бак бензина впридачу. А теперь, план путешествия маленького Дэйви выглядел примерно так: проехать на грузовом велосипеде до местной свалки, побродить по шумной бирже труда, поприсутствовать на скучных похоронах незнакомых дяди и тёти (однако тут нет худа без добра: там будет салют из винтовок и бесплатный ленч). Потом Дэйви будет собирать весь вечер милостыню со своим искалеченным войной отцом, потихоньку двигаясь из салуна в салун и из бара в бар. Наконец, мама ткнёт пальцем в сторону мигающих цветных огоньков. Смотри, Дэйви, а вот - «Луна-Парк»! Наверняка они купят билеты на карусель. Маленький Дэйви будет ждать в длинной очереди. А дождавшись, он уцепится за гриву фиберглассового пони и будет нестись по кругу, наслаждаясь тысячами цветных лампочек. Ему понравится карусель. Все три с половиной минуты удовольствия!

- Ну ладно, пупсик, ты меня уговорила. Доставай мою форму. И мою долбаную медальку не забудь, - согласился, наконец, Уильям, - К сожалению, придётся сегодня пропустить показ «*Беглеца*» по «*SRTV*». С Харрисоном Фордом и Томми Ли Джонсом! Я так люблю тот эпизод, где Депьюти Герард сносит мозги у мужика и говорит: «А я - не торгуюсь!»

- Ты этот фильм, зайка, смотрел примерно раз двести, - сказала Клэрис и поцеловала мужа снова, на этот раз - в губы.

- Но не с моей новой матрицей, пупсик, - засмеялся собственной шутке Уильям, возвращая жене поцелуй. «Новая матрица» - это была мазохистская шуточка, которую он для себя придумал в прошлом году. Уильям собирал пожертвования на рынке, и какой-то незнакомый инвалид, который оказался по совместительству знатоком истории техники, рассказал от нечего делать про телевизоры, как они были в самом начале развития, лет сто назад. «Этот чувак сказал, что тогда у телевизоров была

чёткость всего в тридцать линий. Там ещё крутилась такая механическая шутовина с дырками - называлась: диск Нипкова. А изображение было черно-белым, вот. А потом мы стали считать, сколько у меня в левом глазу линий. Получилось, что где-то двадцать. Несколько хуже, чем у первого телевизора. Но зато - изображение полностью цветное! В общем, мы насчитали, что моя новая матрица в левом глазу легко дотягивает до четырёхсот точек, то есть, в пересчёте на привычные вам единицы: четыре десятитысячных мегапикселя. Негусто, прямо скажем. Но четыре десятитысячных - это гораздо больше, чем полный ноль, так ведь?»

Вдоволь нацеловавшись (если они начинали свои поцелуи, Клэрис просто физически не могла отцепиться от Уильяма как минимум пять минут), Клэрис отправилась наверх, чтобы приготовить парадную одежду. Приготовления заняли весь вечер. Майк и младшие дети сделали дополнительную ходку за водой и заполнили все канистры, чтобы не тратить время на это утром. Чтобы погладить своё платье и униформу Уильяма, Клэрис сходилась одолжить утюг у миссис Конг, их соседки по тупичку. Электрические утюги никто больше не использовал, даже те, у кого дома ещё было электричество. Электроутюг невозможно было запитать от солнечных батарей или ветряка, а домашние аккумуляторы садились мгновенно. Одолженный утюг был предметом особой гордости миссис Конг. Он был модифицирован по последнему слову техники, и имел стальную коробку для углей. Надо было развести огонь, дожидаться пока угли хорошо прогорят, а затем - заложить горячие угли в коробку. Глажение белья было самостоятельным искусством. Нужно было делать это не только быстро, но и так, чтобы не сжечь одежду и не устроить пожар в доме. Большинство предпочитало не связываться с такой сложной задачей, и отутюженную одежду носили только в особо торжественных случаях.

Марк, Майк, Уильям, Клэрис и маленький Дэйви выехали из дома в шесть: Марк - на своём полицейском велосипеде, а все остальные - на трехколесном грузовом велосипеде Майка. Примерно около мили Майк изо всех сил налегал на педали, стараясь не отстать от Марка, но в конце концов сдался и крикнул Марку, чтобы тот его не ждал. Марк свернул на шоссе К.Э.Кинга, и скоро добрался до Участка. Он и Ким провели ещё одно утро, проверяя адреса возможных Хобсонов, на этот раз - на западной стороне тущоб. Телефон Марка запищал в начале второго - их «добровольная помощница телевидения» принесла видео с похорон. Он помчался в Участок так быстро, как только мог, - сегодняшний поиск был таким же бесплодным, как и вчера, поэтому он возлагал большие надежды на это видео. Возможно, неоправданно большие.

В Участке Том представил Марку их добровольного агента - девушку лет шестнадцати. Она была одета как типичная работница *Кучи*: босиком, в армейских брюках, изодранной футболке и с широкополой соломенной шляпой. Её уши были проколоты не менее чем в десяти местах и украшены впечатляющей коллекцией серёжек в разных стилях. На шее модницы красовалось ожерелье из разноцветных кубиков «Лего». Браслет на левом запястье и анкет на правой лодыжке были изготовлены из таких же кубиков. Замысловатая татуировка началась на шее девушки, плавно перетекая на её правую щеку. Она изображала странный гибрид: наполовину Гидру, наполовину растение; змеиные головы растущие рядом с листьями и цветами. Одна из изящных

головок Гидры была ещё не вполне закончена: на щеке были выколоты лишь чёрный контур и ромбовидный глаз. Странноватый костюм мусорщицы дополняла корзина с инструментами для работы на свалке: железный крючок на четырёх-футовой [прибл. 120 см] деревянной ручке - для разгребания мусорных куч и примерно такой же длины щуп с наконечником из длинного гвоздя - для сбора бумажных и пластиковых отходов. Ещё у неё были «лыжи»: деревянные планки длиной примерно с ярд [прибл. 90 см], с верёвочками под большой палец, как у шлёпанцев-«вьетнамок». Такие лыжи сортировщики мусора надевали в местах, где мусор был нестабилен, - чтобы не проваливаться.

- Алис - наша соседка, - представил девушку Том, - Я решил, что она будет идеальным кандидатом. Сейчас она пока без работы и ходит на *Биржу* по утрам, так что не вызовет подозрений. И при том, знает основы видеосъемки...

- Очень приятно, Алис. Ты действительно работаешь на свалке, или это маскарад? - спросил Марк, пожимая руку девушки.

- Я действительно мусорщица, сэр, - ответила она. Её рукопожатие было вполне уверенно и твёрдо, почти как у мужчины, - Уже два года на *Куче*.

Они проследовали в комнату для совещаний. Том вставил карту памяти из видеокамеры в ноутбук.

- Мы поставили камеру на повышенный ISO и выдержку один - двести. Это чтобы каждый кадр получился резким, насколько это возможно, - объяснил он. На стенной ЖК-панели высветилось видео.

- Я пришла за сорок минут до церемонии, как Том и просил, - объяснила Алис, - А вот - местная конкурентка, - она указала на экран.

В кадре была другая девушка с видеокамерой в руках.

- Она спросила меня, почему я, к чертям, снимаю новости на её территории. Я соврала, что меня попросили в «*Пути Спасения*»...

Это они предусмотрели: в случае чего, мистер Тодд мог подтвердить, что он заказал Алис снять короткий ролик похорон для благотворительной акции.

Через пару минут камера запечатлела первых посетителей кладбищенской часовни. Как Марк и просил мистера Тодда, перед часовней не было выставлено фотографий жертв. Несколько подправленные посмертные фото были внутри, рядом с закрытыми гробами. Если кто-то хотел присутствовать на церемонии только затем, чтобы узнать личности погибших, он или она должны пройти через двери часовни.

- Тут я делаю вид, что камера выключена, - прокомментировала Алис. Непрерывная съёмка была бы очень подозрительной. Телевизионные станции редко требуют более десяти минут видео для репортажа, зачем тратить батарейки? В соответствии с

указаниями, Алис время от времени держала камеру на уровне плеча, не глядя на экран, а иногда - опускала камеру, как бы делая паузу, но на самом деле запись велась непрерывно.

Первыми появились добровольцы - могильщики, которых легко было узнать по их несколько запачканным землёй брюкам и обуви. Затем прибыли оркестр и почётный караул: пять инвалидов с музыкальными инструментами и трое - с винтовками, все в униформе «Пути Спасения». Брюки полувоенного образца хорошо скрывали протезы, и только у двоих увечье было видно невооружённым глазом: у барабанщика не хватало правой кисти, и барабанная палочка была прикреплена к культе изолентой, а один из мужчин в почётном карауле носил вместо более косметического протеза ноги пиратскую деревяшку. Группа выстроилась у входа и начала играть нечто напоминающее похоронный марш. Поснимав снаружи некоторое время, Алис прошла в зал и заняла позицию вблизи подиума. Весь зал, с аккуратными рядами скамей, и входная дверь отлично поместились в кадре.

- В тебе пропадает талант видео-оператора, Алис, - похвалил Алан, - Ты зря тратишь время на свалке дороги Маккарти.

- Если бы мне кто-то платил за съёмку видео, я бы не ходила перебирать мусор на Куче, - улыбнулась в ответ Алис, - Смотрите, вот прибывают основные гости...

Зал часовни на экране начал быстро заполняться людьми. Большинство пришедших на похороны были либо добровольцами «Пути Спасения», либо инвалидами войны. Все с нетерпением ждали благотворительный ленч. На экране в зал вошли Уильям, Клэрис и Дэйви. Военная форма Уильяма, когда-то на три размера больше, чем нужно, теперь была подогнана умелыми руками Клэрис и сидела превосходно. Начищенная медаль сияла, и даже чёрная ленточка на правой глазнице выглядела как военная награда. Марк заметил, как Клэрис указывала мужу направление, дёргая его в нужные моменты за пустой рукав, а маленький Дэйви важно шёл сам, держась за второй пустой рукав отца.

- Вот эта женщина не вписывается в профиль... - Натали вдруг ткнула пальцем в экран. На экране была *амер-азиатка* лет двадцати пяти, одна и одетая в ярко-красную тунику, совершенно неподходящую для похорон. Она прошла вперёд к подиуму и какое-то время разглядывала фотографии убитых. Затем она побродила немного по часовне, как будто не могла решить, уйти ли ей немедленно или подождать. Наконец, она уселась на последнюю скамью, рядом с выходом.

- Посмотрите на платочек на шее, - указал Алан, - Я могу поспорить на мою последнюю чашку натурального кофе, что она скрывает под ним свой ошейник. Я проиграю только в случае, если кто-нибудь когда-нибудь пытался перерезать ей горло, но это маловероятно.

Процедуру регистрации работников секс-услуг вряд ли можно было назвать гуманной. После заполнения компьютерной формы и уплаты лицензионного сбора, проститутки фотографировали, брали у них отпечатки пальцев, анализы для определения

венерических заболеваний и, наконец, надевали им «ошейник». Короткий отрезок стального троса вокруг шеи, с концами, заклёпанными специальной пломбой. В пломбе находился идентификационный радио-чип. В соответствии с дизайном, ошейник был совершенно несъёмный. Конечно, трос можно было перекусить клещами или распилить ножовкой, но это автоматически аннулировало лицензию. При выходе «на работу», закон требовал от проституток показывать ошейник клиентам. Однако последнее правило строго не соблюдалось, и большинство «работниц древнейшей профессии» надевало платочек или другие модные аксессуары, чтобы скрыть ошейник под ними.

- Сейчас сделаю стоп-кадр, - сказала Натали, отматывая видео назад, чтобы выбрать пригодное для программы распознавания лиц изображение, - Я тоже считаю, что она найдётся в базе ЗППУ. Обычное дело, сутенёр послал одну из своих «подкладок», чтобы она поглядела на убитых.

Натали остановила видео в нужном месте и нажала кнопку распечатки экрана. Отправив электронное письмо с изображением в свой почтовый ящик, она вышла, чтобы запустить программу распознавания.

Остальные продолжали смотреть видео. Дальше шла обычная процедура похорон: молитва, короткая речь священника, вынос тел из часовни, шествие к могиле, ещё одна короткая речь - на этот раз мистера Тодда, ещё одна молитва, наконец - три залпа из винтовок: последние воинские почести погибшему военному инженеру и его «подружке». Алис прилежно водила камерой по лицам присутствующих. Женщина в красном была в процессии, но тихо отошла сразу после того, как гробы были опущены в могилу. Видео закончилось сценами благотворительного ленча. Добровольцы доставили на трехколесных грузовых велосипедах передвижную кухню. Меню было обычным: жидкая рисовая каша с овощами и небольшим количеством курятины. По случаю похорон «Путь Спасения» добавил ещё и кег местного пива. Участники похоронной процессии расположились с мисками на траве, рядом с часовней. Выполняя инструкции экспертов, Алис медленно прошла с камерой вдоль дорожки, ещё раз снимая лица присутствующих. Марк разглядел Клэрис и Уильяма, сидевших рядом. Клэрис держала на коленях маленького Дэйви и умудрялась одновременно кормить беспомощного Уильяма, кормить сына и есть сама, жонглируя сразу тремя ложками. Рядом поглощал кашу однорукий инвалид - барабанщик. Он же время от времени подносил к губам Уильяма стакан с мутноватым пивом.

Видео закончилось, и они поблагодарили Алис за великолепную работу. К сожалению, ФБР не могло её оплатить - бюджеты были строго ограничены. Марк и эксперты скинулись, чтобы выдать юной мусорщице хоть какое-то вознаграждение. Двести долларов было меньше, чем она могла бы заработать на свалке за день, но не так уж плохо за пол-дня работы. Том также пообещал сводить девушку в кафе в самом ближайшем будущем. Когда Алис ушла, у Натали уже был готов результат поиска. Она вошла в комнату для заседаний и положила на стол свежую распечатку.

- У нас есть положительная идентификация дамы в красном, господи. Дженнифер, или Джен Лиен, 2006 года рождения. Список правонарушений - с мою руку длиной!

Перепробовала всё: вот уличная торговля наркотиками, вот мелкие кражи, вот проституция несовершеннолетних, а вот - незаконное прерывание беременности. В 2025 году, сразу после новых законов о ЗППУ, имела неосторожность быть пойманной с клиентом, который сдал её полностью, с письменными показаниями, и так далее. Учитывая криминальное прошлое, она должна была заплатить штраф и зарегистрироваться или сесть в тюрьму. Она, натурально, выбрала первое. Согласно нашим разведанным, она теперь работает «подкладкой» на сутенёра по имени Джо Во. Этот Джо - умная скотина, его непросто будет подловить...

«Подкладкой» на жаргоне называли часто используемую сутенёрами лазейку в законе. Сутенёр был зарегистрирован сам и контролировал несколько зарегистрированных проституток. Каждая зарегистрированная проститутка в свою очередь, контролировала несколько незарегистрированных. Клиент подходил к сутенёру, тот передавал его из рук в руки одной из зарегистрированных проституток. Зарегистрированная проститутка, или «подкладка», должна была попытаться выяснить, не является ли клиент переодетым полицейским. Использование зарегистрированных проституток было строго законным, так что ни сутенёру, ни «подкладке» нельзя было предъявить обвинение. Если клиент проходил проверку, «подкладка» отводила его в нужное место, где клиент получал «быстрый секс» (почти всегда очень быстрый - как один короткий поцелуй), а проститутка получала оговорённую сумму денег. Прежде чем исчезнуть, «подкладка» как бы невзначай представляла клиенту «подружку», которая была на самом деле незарегистрированной проституткой. И, клиент оставался, чтобы «продолжить». Денег «подружке» клиент не платил, поэтому технически это не было проституцией. Так, секс по взаимному согласию. «Подкладка» позже делилась частью щедрого вознаграждения, полученного за быстрый поцелуй, с «подружкой», делавшей всю работу. Факт делёжки денег было практически невозможно доказать, поэтому Полиция была совершенно беспомощна против схемы. Их единственная надежда была, что «подружка» окажется несовершеннолетней или если она будет достаточно наивна, чтобы дать показания против «подкладки» и сутенёра. Даже в этом случае, сутенёр практически всегда выходил сухим из воды, а «подкладка» отделывалась формальным штрафом. Который сутенёр ей сразу же возмещал - невелика потеря.

- К счастью, мы работаем не в Отделе Контроля Секс-услуг, - сказал Марк, - Наша задача не посадить сутенёра, или эту Джен Лиен, а только вытащить из них немного информации. Если они вообще хоть что-то знают.

- Если отправка их в тюрьму не является нашим приоритетом, мы можем организовать подставу, - кивнул Алан, - Конечно, это не выдержит и двух минут перед Мировым Судьёй... Сделаю-ка я пару звонков моим старым друзьям с уголовным прошлым...

Как только Марк вошёл в его кабинет, его телефон запищал.

- Мистер Пэ! - голос Алекса в динамике телефона звучал обещающе, - Ты не поверишь, что у нас сегодня продают на местном рынке!

- Говори.

- Велосипед. За пол-цены, и в отличном техническом состоянии.
- Отличное техническое состояние - это отлично, а пол-цены - ещё лучше, но это - не сюрприз, - Марк уже догадался, о чём речь, но не хотел портить Алексу его торжество.
- Вместе с велосипедом, я также обнаружил почтённого джентльмена, который упорно называет себя Джо Смит. Мне не думается, что это его настоящее имя, но этот недостаток мы исправим в своё время... Правда ведь, мистер Смит? - последнее замечание было сказано громко, кому-то на другом конце линии. У Марка не было никаких сомнений, что Алекс имеет в запасе много методов «исправления» этого «недостатка».
- Так или иначе, мистер... ну, скажем, пока Смит имеет пару весьма годных ног. Представь себе, он ни разу в жизни не ломал себе ногу. Судя по тому, как он драпанул от нас, ничего плохого у него с ногами отродясь не бывало... Однако, у него всё ещё впереди. Несчастные случаи происходят всё время, правда ведь, мистер... нет, пока всё ещё - Смит? Чем дольше Вы называете себя Джо Смит, тем выше вероятность несчастного случая... Нет, это я не в телефон, это я тут моему приятелю Джо говорю... Короче, так: велосипед, который пытался продать мистер Смит, имеет очень своеобразную правую педаль. С металлической скобкой. Да, точно как для протеза ноги! Что? Велосипед принадлежал Вашему дяде, Джо? У него не было правой ноги? А я - балерун из русского «*Большого Театра*», дорогой Джо... Та-та-та-та, та-та, та-та...

Алекс наверное пытается станцевать для Джо «Лебединое Озеро», вообразил Марк. Учитывая что сержант имел двести пятьдесят фунтов [прибл. 113 кг] мускулов, без следа жира, это могло бы показаться даже немного комичным. Если бы это не было так страшно! Русский акцент был настоящим, а спокойный, усталый, и даже немного грустный тон - очень правдоподобным.

- Извини, напарник, это снова наш друг здесь. Мы ведём очень интересный разговор. Пытаемся общаться, так сказать. Помнишь, я как-то тебе рассказывал, что я сделал с тем балеруном в Москве? У товарища были очень интересные такие пристрастия. Он любил играть с маленькими мальчиками, да... Джо, к Вашему сведению, это «Москва, государство Россия», а совсем не «Москва, штат Техас»! Ну, короче, балерун такой: ноги, ноги мои не трогайте! А я: что Вы, что Вы, говорю, успокойтесь! Кто я такой, чтобы даже пальцем тронуть Ваши ноги? Я что - варвар?! Я, говорю, питаю уважение к русскому классическому балету, да? В общем, ноги-то я и не тронул. Так, немножко между ног сделал ему пальчиками. Зато теперь - красота! Танцу нашего балеруна ничто больше не мешает. Он мне, наверное, очень благодарен... А Вы не танцуете классический балет, Джо? Нет? Великолепно. Просто замечательно! Я уже представляю себе с ужасом, как мой тяжеленный офисный стол неожиданно падает кому-то на ногу, дорогой Джо. Нелегко на такое смотреть, очень нелегко. Вы знаете, по ночам я просыпаюсь, и спрашиваю сам себя: сержант, что ты делаешь в Полиции? Что ты делаешь? Очень грустно, очень, знаете ли...

- Отличный улов, Алекс. Насколько точно ты уверен, что у мистера Смита не было

одноногого дяди? - Марк наслаждался телефонным звонком. Наконец, им удалось что-то раскопать.

- А я забыл тебе сказать самое главное. Велик горный, 26 дюймов. На заднем колесе имеет место заплатка, по форме - как тот отпечаток, что наша уважаемая экспертша заметила на той тропинке - сам-знаешь-где. Ладно, это пока всё с моей стороны. Ким уже созвонился с «летучей бригадой», так что скоро мы с нашим другом Джо будем в Участке. Там мы расположимся рядышком с моим тяжёлым, тяжёлым столом и будем... да! Будем вести дальнейшие переговоры. Конечно, если мистер Джо Смит нам докажет, что у него действительно недавно скончался одноногий дядя, мы будем счастливы разрешить мистеру Джо Смиту уйти... я имел в виду: не «уйти», а «ускакать», конечно. Я ему даже этот вот горный велик подарю на память. Ему скоба на правой педали очень пригодится в будущем...

...Три часа спустя, Алекс ввёл в кабинет Марка растрёпанного человечка лет пятидесяти пяти, с немного крысиными чертами лица.

- Мистер Джо Геллер, - представил Алекс своего нового «друга» - Нам удалось разъяснить несколько фактиков. Мистер Геллер заполучил велосипед два дня назад. Он расскажет тебе всё собственными словами, так, мистер Геллер?

- Да, сэр. Я страшно извиняюсь за случившееся. Мне нечем семью кормить...

- Не волнуйтесь, мистер Геллер. Если Вы абсолютно честны с нами, мы не будем выдвигать обвинения. Расскажите агенту ФБР то, что Вы мне рассказали.

- Конечно, сэр. Как я уже сказал, я шёл по лесу около десяти вечера...

- Как точно Вы уверены о времени? - вставил вопрос Марк.

- Я всегда ухожу с работы ровно в девять. У меня уходит около часа, чтобы дойти домой. Плюс-минус пять-десять минут...

- То есть, время плюс-минус десять минут?

- Да, где-то так. У меня нет часов.

- Вы всегда ходите одним и тем же путём?

- Почти всегда, сэр.

- О-кей, пожалуйста, продолжайте.

- Значит, я услышал какой-то шум в лесу, необычный.

- Необычный?

- Ну, как сказать? Я слышу что-то каждую ночь. Парочки разговаривают, ну там, целуются, тра... я имею в виду: занимаются сексом, сэр. Однажды я даже наткнулся на одну из этих парочек, садо-мазо. Она была вся в коже, со стеклом для верховой езды, а он был прикован наручниками к дереву. Класс!

- Говоря проще, Вы - вуайерист? Любите подглядывать за парочками в лесу?

- Что Вы, сэр! Никогда в жизни!

- Помните, мы договорились, Вы с нами честны на сто процентов, - указал Алекс, - Вы убегали от Полиции, оказали сопротивление при аресте... Может быть, нам всё-таки придётся отправить Вас в тюрьму...

- Хорошо, я признаюсь! Я... подглядывал... иногда.

- Итак, Вы идёте по лесу, и слышите что-то необычное...

- Да, сэр... Это было, как будто кто-то разрывал прочную ткань Р-р-рип! Что-то вроде этого... Я ещё подумал: может, опять садо-мазо, или дикий секс. Когда рвут одежду друг на друге - это моё любимое зрелище...

- И что?

- Ну, я прошёл немного назад и обошёл вокруг кустов. В таком деле надо очень осторожно, Вы знаете... Я чуток раздвинул ветки и стал смотреть. Их там было трое: двое мужиков одна баба. Один мужик отдыхал на одеяле, а второй трахал... Я имею в виду: имел секс с девушкой.

- Вы уверены, что он имел с ней секс? - переспросил Марк. Нет ничего хуже, чем свидетель с живым воображением.

- Я имею в виду: я думал, что он имел с ней секс, потому что она была на земле, а он сидел на ней. Я ещё подумал: фу, ничего особенного. Двое парней скинулись на проститутку. Один уже удовлетворился, и решил отдохнуть, а второй ещё решил попользоваться бабой через зад. Так сказать, чтобы денежки зря не пропадали...

- Подождите секундочку. Как Вы всё это разглядели? Там же было темно, нет?

- Нет, сэр. У них была лампа такая... Один из этих походных электрических фонарей. На одеяле. Было темно, конечно, но не слишком темно...

- А почему Вы подумали, что девушка была проституткой?

- Мужик двигался туда-сюда, а она - нет. Я подумал, барышня не в восторге от такого секса, но получила денежку, надо терпеть... А потом: мужик встал! У него был кусок мяса в левой руке, а в правой - нож. Я чуть в штаны не наделал. Сначала он положил мясо в сумку. У него была сумка, как маленький рюкзак. Сумка лежала на земле, сэр.

Затем он вытер нож тряпкой.

- Что он сделал с тряпкой?

- Положил её тоже в сумку, сэр.

- И нож?

- Я не увидел, как он спрятал нож. Он был ко мне боком, вот так... Может быть, он бросил нож в ту же сумку, не знаю... Потом он подошёл к одеялу и выключил фонарь.

- А потом?

- Пошёл в сторону дороги. Я дальше не видел. Не высовываться же мне для лучшего обзора, Вы меня понимаете...

- Как человек выглядел?

- Весь в чёрном. Чёрные джинсы, чёрные теннисные тапочки. Чёрная рубашка. С длинным рукавом. Только его перчатки были белые. Рабочие перчатки, с маленькими резиновыми точками, знаете, бывают такие?...

- Вы видели его лицо?

- Нет, сэр. У него на голове было - наподобие лыжной маски. Балаклава - их так называют. Тоже чёрная.

- Он был высокий или низкий? - спросил Алекс.

- Среднего роста, но крепко сложен. Примерно Вашего размера, сэр.

- Что ещё Вы заметили?

- Ничего больше, сэр. Я был слишком напуган...

- Во сколько он ушёл с поляны?

- О, я не уверен, сэр. Для меня тогда казалось - долго. Но тогда я был слишком напуган, сейчас думаю, - не более чем пять минут прошло, максимум - десять.

- То есть, Вы полагаете, он ушёл с поляны в сторону грунтовой дороги около 10:05 или 10:15?

- ...Да... Я бы так и сказал. Да.

- И что Вы делали дальше?

- Я сидел в кустах минут двадцать или около того. Страшно было. Жуть. Если бы он вернулся и увидел меня... Потом я вышел. Посмотрел на мужика. Ну - на одеяле. Он был мёртвый. Посмотрел на бабу - она тоже мёртвая. Стал двигаться потихоньку к дороге. И тут я увидел велосипед. Велик был за деревом, поэтому я его не заметил сразу. Я подумал: убийца идёт пешком. Если я поеду на велосипеде, меньше шансов встретиться с ним снова.

- Если бы Вы поехали в том же направлении, куда ушёл убийца, Вы бы его точно догнали на велосипеде. Там одна грунтовка, шансы пятьдесят на пятьдесят.

- Может быть. Но, опять же, у него была фора двадцать минут... И ещё: я решил не ехать по тропинке, а выехать на шоссе Пайнленд. Так вот, я взял велосипед и поехал прямо домой.

- Вы никого не видели по дороге?

- Парочка одна шла, рука об руку.

- Как далеко от поляны?

- Полмили, может, чуть больше... Ну, я приехал домой и думаю: дело дрянь. Я был в лесу, у меня их велосипед. Меня заподозрят в убийстве... На следующий день - телевизионные новости... Ну, я решил продать велосипед поскорее.

- Вы сделали бы себе и нам гораздо лучшую услугу, если бы поехали в Полицию вместо того, чтобы прятаться у себя дома, - прокомментировал Алекс, - Однако, учитывая все обстоятельства... Я бы не стал слишком Вас винить...

Им потребовался ещё час, чтобы подготовить письменные показания и дать мистеру Геллеру подписать их. Они разрешили свидетелю уйти восвояси, но не ранее, чем получили и проверили его точный адрес.

- Не так уж плохо за день работы, - заключил Марк, - Теперь у нас есть зацепка к идентификации женщины, а самое главное, - это в первый раз, когда кто-то видел нашего «Мясника» за работой.

- Да, это лучше, чем ничего, - согласился Алекс, - Ближайшая зацепка, которая у нас была раньше, та *амер-индийская* пара, дело номер одиннадцать, если я не ошибаюсь...

- Я тоже её помню. Но тогда не было достаточно данных, чтобы соединить все улики... Хочешь послушать их снова? - Он ввёл пароль в компьютер и щёлкал мышкой некоторое время, - Вот она. Видеозапись - уже с транскрипцией. Я сейчас перемотаю к нужному месту...

Женский голос раздался из динамиков ноутбука: «...Ну вот, был небольшой шум в кустах. Кто-то вышел на дорогу перед нами. Раджив сказал: давай подождём. Вдруг это влюблённая парочка, вроде нас? Кому приятно натекаться друг на друга? Затем мы

увидели человека, он был один, и шёл в другую сторону от нас. Я сказала моему Раджи: странно...»

«Он удалялся от вас? Как далеко он был, когда вышел на дорогу?» - это был голос Марка на аудио.

«Я не уверена. Двести или двести пятьдесят футов [прибл. 60-75 м]? Я не очень хорошо определяю расстояния на глаз, знаете ли. Кроме того, было темновато...»

«Вы говорили, была полная луна».

«Да, сэр, но всё же было темновато. Дорога там в тени, под деревьями.»

«О-кей. Вы видели, как мужчина был одет?»

«Что-то тёмное, военное. Хаки, я думаю. Вроде бы, теннисные туфли. Знаете, такая спортивная обувь с текстильным верхом? Я всегда хотела себе такую, но трудно найти сейчас. Их ведь кажется, больше не делают? У мужчины был ещё небольшой рюкзак. Ничего особенного.»

«Вы сказали, что было странно? Потому что Вы ожидали увидеть пару, а он появился один?»

«Нет, не это. Как он шёл.»

«Как?»

«Он был не на дороге. Шёл по траве, рядом с кустами. И очень тихо. Я совсем не слышала шагов. Но, кроме этого, походка была нормальной, он не бежал, и ничего такого...»

Марк щёлкнул по кнопке остановки записи, - Это почти всё. Она его не очень-то разглядела. Среднего роста, примерно 5-9 [прибл. 175 см]. Хорошо сложен. Её парень, Раджив, дал такое же описание - один в один. Это мог быть наш убийца, как ты полагаешь, Алекс?

- В то время, мы предположили, что он мог проходить обучение в спец-войсках. Тихая походка и всё прочее. Или, может быть, он просто очень умный. Понял, что его заметили, и пошёл прочь. Тем не менее, смог сохранить самообладание, чтобы не побежать и даже не оставить следов. Знает возможности криминалистики, точно, как Алан говорил...

После интервью с *амер-индийской* парочкой, Алан возлагал большие надежды на обнаружение следов. Погода была достаточно влажной, и у них был неплохой шанс запечатлеть отпечатки обуви вероятного убийцы. Эксперты огородили триста ярдов [прибл. 275 м] дороги, от того места, где пара увидела мужчину, и до ближайшего перекрёстка, и провели три дня, документируя всё, что могли найти. Натали

буквально жила и спала там в лесу. Вдвоём с Томом, они идентифицировали, сфотографировали и каталогизировали огромное количество индивидуальных отпечатков ног: более ста обуток и пару сотен босых, хотя около двух третей из последних были очевидно детскими. Большинство отпечатков обуви было оставлено дешёвыми шлёпанцами местного производства. Было на дороге пять или шесть отпечатков армейских ботинок, и даже один след, оставленный женскими туфельками на шпильках, но ничего, что могло быть оставлено парой теннисных туфель. Наконец, Алан приказал прекратить работы. В конце концов, они даже не были уверены, что человек в одежде цвета хаки и теннисных туфлях был «их» подозреваемым! Теперь, полученная от Джо Геллера информация заставляла Марка сомневаться, не отказались ли они от своих поисков слишком рано.

Глава 8

Марк вернулся домой после девяти, когда младшие дети были уже в постели. Дэйвид - старший курил трубку на крыльце, в то время как Майк, Уильям и Клэрис пили чай в гостиной. Мэри дома не было - она уехала проводить сестру в Бэйтоун. Поездка на велосипеде за двадцать с небольшим миль от Шелдонского водохранилища была нелёгким путешествием, поэтому Мэри могла позволить себе такую поездку лишь пару раз в год. Кроме поддержания семейных уз, поездка имела и более прагматическую цель: Мэри хотела посетить рынок в Бэйтоун, на котором соль и морепродукты всегда были дешевле, чем в их собственном районе.

Клэрис поставила перед Марком тарелку с холодным ужином и вышла проверить почтовый ящик. Через несколько минут, она, улыбаясь, проковыляла обратно в комнату и помахала в воздухе средних размеров конвертом.

- Ну-ка угадайте, что у меня тут? Прямо из Пентагона! Наверное, документы на компенсацию для Уильяма?! Главное - вовремя! Мне рожать через два месяца - вот деньги пригодятся!

Уильям повернулся на её голос, - Ну, открывай скорей! - Он также выглядел довольным.

Клэрис осторожно разорвала конверт и вытащила оттуда три скотые степлером страницы. - Здесь только письмо, - сказала она, с разочарованием заглянув в пустой конверт, - Больше ничего не прислали.

- А что ты хотела, пупсик? Пачку денег? Почта наперекосяк работает, даже именной чек посылать опасно. Ну, давай, читай, - нетерпеливо ответил Уильям.

«Кому: Инженерные Войска США. Рядовой (PV2) Уильям М. Пендерграсс. Отставка с почестями,» - начала читать Клэрис.

«Дорогой Сэр, В соответствии с приказом, данным мне Заместителем Управления G-1 по Кадрам Армии США, мы рады сообщить Вам, что на Ваше заявление от 12 августа 2029 года, в отношении компенсации Вам за увечья, которые Вы понесли на действительной военной службе в составе Инженерных Войск США, получено положительное решение...» - Звучит здорово, правда? - Клэрис была в восторге.

«...Положительное решение. В соответствии с выпиской из Вашей истории болезни, предоставленной нам из офиса Главного Медицинского Управления ВС США, увечья, понесённые Вами на военной службе, включают, двоечье... Дальше, по номерам... Один. Ампутация правой верхней конечности на уровне плечевого сустава, с удовлетворительным излечением. Два. Ампутация левой верхней конечности на уровне верхней трети плеча, с удовлетворительным излечением. Три. Полное удаление правого глазного яблока, с удовлетворительным излечением...» - А нафига они это всё перечисляют? Как будто ты сам не знаешь, что конкретно тебе отчекрыжили?

- Так положено, пупсик. Это юридический документ, в конце концов, - сказал Уильям.
- Пожалуйста, читай дальше. Там сказано что-нибудь про налоги?

- О налогах ничего ещё не было. Читаю дальше, - продолжала Клэрис: «Четыре. Проникающее осколочное ранение левого глазного яблока, с частичным удалением глазного яблока. Достигнуто удовлетворительное излечение, с остаточным зрением, не превышающим трёх процентов... Дальше в скобках три процента цифрой. Забавно... Пять. Шестнадцать... В скобках опять: шестнадцать, как номер... осколочных ранений мягких тканей нижней части лица, шеи и груди, с удовлетворительным излечением...» - Ты мне никогда не говорил, что было так много, но я знала. Пересчитывала потихоньку, пока ты спал...

«Как предусмотрено Инструкцией о порядке установления степени инвалидности, параграфы со второго по седьмой, одиннадцать, шестнадцать, семнадцать и двадцать семь...» - Что за фигня?

- Да так, просто адвокатская писанина. Параграф семь - это про тех, кому ампутировали одну руку. По нему дают тридцать процентов инвалидности. Или двадцать пять, если не доминантная конечность. Параграф одиннадцать - это про тех, кому в дополнение к доминантной руке, укоротили и другую руку. Помнишь, я тебе объяснял? На «Мусоровозе», счастливики без обеих рук, я, например, назывались «Севен-Эleven», то есть семь-одиннадцать. Как тот обанкротившийся магазин на углу, где сейчас пекарня... - пояснил Уильям.

- А, помню! Я ещё спросила, что это за фигня: «Севен-Эleven». Та медсестра... в Галвестонском порту. Она тебя всё «Севен-Эleven» называла.

- Ты правильно запомнила, пупсик. А другие параграфы - это, наверное, про глаза, осколочные ранения, и всё прочее. Кроме военных юристов, эту фигню никто полностью не знает, даже медики. Не бери в голову и читай дальше...

«...Вышеперечисленные увечья приводят к постоянной и необратимой инвалидности - семьдесят девять процентов...» - В скобках циферка стоит: семьдесят девять... Что за хренотень? Почему только семьдесят девять? Вон Пол, наш сосед через дорогу. Вернулся из Египта полностью слепой, так? Он как-то хвастался, что ему дали пятьдесят пять процентов?!

- Ну и правильно, что столько дали. Быть слепым - не фунт изюму. Это я совершенно точно по себе знаю.

- Ну! А теперь вон твой приятель в конце улицы: Даррел или Дамиан, как его там? Ну, тот, который тебя *делать Маршрут* водил, когда я гриппом болела? Ему только кисти оторвало. Кисти, а не по плечо... Ему дали сорок пять процентов, так? Пятьдесят пять плюс сорок пять - это сто! Я не въезжаю. Они должны были дать тебе сто процентов, зайка! И та медсестра тоже говорила: «стоцентный», так ведь?

- Это не так устроено, пупсик, - возразил Уильям, - Для комбинированных повреждений, они считают не то что отрезали, а то, что осталось. Называется: остаточные функции. Нам на «Мусоровозе» всё это объясняли. Вот у меня есть две ноги, то есть по десять процентов на каждую. Сто минус двадцать - восемьдесят. Наверное, они ещё процентик вычли за остаточное зрение в левом глазу. За мои четыре десятитысячных мегапикселя. Всё правильно: семьдесят девять.

- Правильно-неправильно! А кому тогда сто дают? - перебила Клэрис.

- Хм... Ну, скажем, если полное повреждение мозга. Овощ. Кормим с одной стороны, и убираем какашки с другой стороны. Главное, не перепутать...

- А что, если «самовар» - вообще без рук и без ног? Да! Только голова и туловище. Как наш местный Джек-Потрошитель, что на рынке рэп исполняет?

- Он, наверное, получил процентов девяносто пять. Или даже девяносто. Он, ведь не слепой, так? Два глаза, два уха. Болтает непрерывно, рэп исполняет, да ещё как. Где-то процентов десять и насчиталось. Вот если бы он был ещё и слепо-глухонемой, тогда бы дотянул до сотни. Но тогда, он не был бы Джеком-Потрошителем. Вот прикинь, если бы мне, в дополнение ко всему прочему, ещё бы и ноги оторвало? Ты бы возила меня в кресле-каталке. А я бы делал под себя, как младенец.

- Нет, зайка, нам однозначно повезло, что у тебя ноги остались. С ногами ты мне нравишься куда больше. Однако, всё равно, семьдесят девять процентов - это как-то нечестно.

- Это всё фигня, детка. Инструкция есть инструкция. Мне семидесяти девяти процентов вполне достаточно. Ничего большего и не ожидалось. Пожалуйста, читай дальше. Я прямо от любопытства умираю, сколько они там насчитали...

- Хорошо, хорошо, читаю дальше, зайка... «Мы уважаем и ценим жертвы, которые Вы принесли, защищая нашу демократию и американский образ жизни, и глубоко сожалеем о страданиях и неудобствах, испытываемых Вами в настоящее время...» - Да. Страдания и неудобства... «Будьте уверены, что нами будут приложены все усилия для реабилитации инвалидов боевых действий. Пожалуйста, позвольте нам воспользоваться этой возможностью, чтобы рассказать Вам о программах реабилитации инвалидов...» Дальше - опять по цифрам пошло... «Один. «Пожизненное Протезирование» Президентская программа «Пожизненное Протезирование» предоставляет ветеранам бесплатное изготовление современных протезов в государственных протезно-ортопедических клиниках по месту проживания...»

- Это можешь не читать. Меня ещё на «Мусоровозе» обнадёжили, что мне протезы не понадобятся. Я для этой программы не гожусь.

- Тут ещё на пол-страницы... Ля-ля-ля... А вот, в конце тут про тебя, дорогуша. «К сожалению, в связи с характером Ваших увечий, Ваше участие в вышеуказанной программе в настоящее время невозможно...» К сожалению - невозможно... О-кей,

проехали. Двигаем дальше... «Два. «Дом Надежды». Программа штата Техас «Дом Надежды» предоставляет инвалидам бесплатное содержание в учреждениях компактного проживания инвалидов открытого типа...» - Что ещё за инвалиды открытого типа?

Майк выдал на-гора объяснение ещё до того, как Уильям успел раскрыть рот, - Не инвалиды открытого типа, Рисси, а учреждения. Если учреждение открытого типа, это значит, что ты можешь оттуда уйти в любое время. Научно доказано, что безрукие и безногие инвалиды особой опасности для общества не представляют. Вот если у тебя *неподетски* едет крыша, тогда тебя запирают в других учреждениях. Закрытого типа. С охраной и колючей проволокой.

- Ясно, спасибо за объяснение... «инвалидов открытого типа.» Тут дальше - снова на пол-страницы всякая муть. Тихая природа... Условия для отдыха... Дежурная медсестра... Школа для детей... На рекламу больно смахивает. А что-нибудь конкретное? Ага, вот: «Пожизненное содержание одиноких инвалидов, либо инвалидов с непосредственными членами их семей...» «Койки в общей спальне, из расчёта двадцать квадратных футов[прибл. 2 кв. м] на человека...» Опа! «С общей кухней, туалетом и умывальником...» Да, компактное проживание, ничего не скажешь. Ну и нахер кому это надо?

- Только дуракам это надо. Если инвалид туда по дурости припрётся, его поселят в каком-нибудь развалившемся здании завода, - снова подал из угла реплику Майк. Он смотрел вечерний показ старых фильмов по телевизору. - Завод этот будет стоять где подальше, конечно, чтобы калеки не мозолили глаза хорошим людям. «Тихая природа», - там же написано! Наш сосед *на Куче* как-то рассказывал нам про такой «Дом Надежды» в городишке Уако, штат Техас. Там около четырёхсот человек. Стоят нары в два яруса - в старом вагоноремонтном депо. Человек триста с чем-то калек, - типа, как наш Билли, или ещё хуже. Десяток женщин. Ну, там, жены, сестры этих калек. И около шести десятков ребятишек голопузых. Для них, действительно, устраивают «школу» - утром рассадят на дворе, и какой-нибудь инвалид им чего-то бормочет час-другой. Книжек и тетрадок у них отродясь не было. А потом детей отправляют в город - собирать помои и таскать у кого что плохо лежит.

- Однако, если у беспомощного инвалида вообще нет близких, такое заведение - ещё не самый хреновый вариант, - не согласился Марк.

- Это всё ерунда, - прервал их спор Уильям, - мы ведь не собираемся жить в одной из этих клоак? Рисс, милая, продолжай читать.

Клэрис продолжила, - Читаю дальше. Здесь, в конце, написано: «мы рады сообщить Вам, что уровень установленной Вам инвалидности превышает семьдесят пять процентов, поэтому Вы и ближайшие члены Вашей семьи, могут быть немедленно приняты в одно из учреждений компактного проживания инвалидов программы «Дом Надежды». Для поселения Вам надлежит лично подать заявление в любое из учреждений программы по Вашему выбору. Пожалуйста, обратите внимание, что в случае, если Вы будете приняты в эту программу, из средств, положенных Вам в

качестве компенсации за увечья, будет удержано 70% на покрытие расходов...» Да уж. А выше было, что содержание бесплатное. Лапшу вешают...

Клэрис подёргала головой, как будто вытряхивая из неё воспоминания об учреждениях компактного проживания инвалидов открытого типа.

- Дальше читаем... «Три. Предполагается, что наиболее целесообразным является проживание инвалидов боевых действий в их семьях по месту жительства до военной службы. Получая помощь членов семьи и соседей, даже инвалиды с наиболее тяжёлыми увечьями могут жить счастливой и полноценной жизнью, и быть полезными членами общества. Нам известно, что Вы проживаете со своей семьёй в районе Шелдонского водохранилища, Хьюстон, штат Техас. Вам будет полезно получить информацию о программах помощи инвалидам, которые предоставляются в Вашем районе различными общественными и/или религиозными благотворительными организациями, а также группами взаимопомощи инвалидов и ветеранов. Обратите внимание, что различные благотворительные организации предъявляют различающиеся требования к участникам своих программ. Уровень инвалидности, установленный Вам при определении настоящих компенсационных выплат, не гарантирует Ваше право на получение какой-либо помощи от конкретных общественных и/или религиозных благотворительных организаций. Для получения помощи от них, Вы должны обращаться непосредственно в благотворительные организации по месту проживания...» Уф! Еле дочитала.

- Уже полторы страницы прочитали, а не узнали ничего нового, - ехидно прокомментировал Майк из угла, - Для разгона, они нам рассказали, что у Билли нет обеих рук и обоих глаз. Как будто мы сами слепые. Потом нам рассказали, что Билли может пойти сделать себе искусственную ногу, но, к сожалению, она ему не нужна. Потому как будет третьей к двум здоровым. Затем нам ненавязчиво посоветовали отправить Билли, вместе с Рисс, или без неё, жить в какую-нибудь клоаку «открытого типа», с глаз долой, но мы этого делать не хотим. Тогда нам говорят: Билли будет гораздо лучше, если он будет жить здесь и с нами. Точно в яблочко попали! С нами ему будет лучше, а то мы не знали. Наконец, они сказали Билли, чтоб он пошёл в местное отделение «Пути Спасения» и попросил там себе красное ведёрко для сбора пожертвований. Что он и сделал. Причём, - ещё полгода назад! Я вообще не врубаюсь, зачем эти задницы в Пентагоне тратят время и деньги на такую лабуду!

- Я так думаю, что они не потратили на это письмо и одной минуты, Майк, - не согласился Марк, - Очень похоже на произведение искусственного интеллекта. Всё письмо состоит из стандартных заготовок. У них, наверное, есть специальное программное обеспечение: вводишь имя ветерана, адрес и другие прибаамбасы, и комп выплёвывает тебе и письмо, и даже конверт с адресом.

- Дальше, дальше давайте читать, - попросил Уильям, - Сколько мы получим, наконец?

- Хорошо, зайка, - продолжила Клэрис. Её энтузиазм начал потихоньку испаряться, и ей становилось скучновато - «Следующий раздел описывает условия выплаты единовременной компенсации за увечья, которая будет выплачена Вам Федеральным

Правительством США, а также Ваши права для предъявления требований по увеличению размера компенсации. Пожалуйста, прочтите этот раздел внимательно. Единовременная компенсация представляет собой полную и окончательную компенсацию за перечисленные выше увечья, а также включает в себя компенсацию за любой другой ущерб здоровью, который может возникнуть или проявиться как следствие этих увечий. Тем не менее, в случае заболеваний или иных повреждений здоровья, которые могут возникнуть в связи с Вашей службой в Инженерных Войсках США, но не связаны каким-либо образом с любым из увечий, перечисленных выше, Вы имеете право выдвигать требования по увеличению размера компенсации, если таковые требования подтверждены соответствующими медицинскими свидетельствами...» - Что за фигня! Я прочитала всё, и не поняла ни слова.

- Всё очень просто, пупсик. Например, в учебном лагере у нас были тренировки по хим-оружию. Перцовым аэрозолем прыскали, ничего особенного. Скажем, десять лет спустя, обнаруживается, что этот конкретный аэрозоль вызывает рак мозга. Ну вот, если у меня случится рак мозга, я смогу пойти и потребовать себе ещё немного денег. Неправильный аэрозоль к моему подрыву на mine отношения не имеет, так?

- О-кей.

- Теперь наоборот. Скажем, я навернулся на лестнице, потому что ни хрена не вижу, и раскроил себе череп, потому что у меня нет рук, чтобы задержать падение. В этом случае мой раскроенный череп будет следствием подрыва на mine в двадцать девятом году, и дополнительная компенсация нам не светит. Так что, пупсик, особенно не надейся заполучить деньжат за мой оставшийся двадцать один процент здоровья. Если я вдруг стану овощем, тебе придётся за мной ухаживать за те же самые бабки.

Клэрис перекинула ногу и уселась верхом на колени Уильяма. Игриво поцеловала его в лоб, одновременно прижимая беременный живот к его груди. - Я живу с тобой, несмотря ни на что, зайка. Только, пожалуйста, не вздумай раскроить себе череп! Кстати, к вопросу о черепе, твои шлёпанцы скользкие, как не знаю что, особенно если мокрые. Если будет дождь, не вздумай их надевать. Помнишь, как ты загремел с лестницы прошлой осенью?

- Ты про мои *вьетнамки* говоришь уже сотый раз, пупсик. Каждый раз, когда я спотыкаюсь, ты говоришь мне, что гораздо безопаснее ходить босиком. А каждый раз, когда я босой наступаю в какое-нибудь дерьмо, ты говоришь мне, чтобы я без *вьетнамок* не вздумал выходить из дому. Скоро у меня начнётся раздвоение личности. Интересно, как ты запоёшь, когда у меня *неподетски* поедет крыша? Ладно, забыли про мои *вьетнамки*. Давай читать дальше.

- Хорошо, дорогой... - сказала Клэрис, с неохотой слезая с колен Уильяма. У неё тоже потихоньку начиналось раздвоение личности, заметил Марк. С одной стороны, ей хотелось забросить дурацкое письмо в угол и начинать поскорее вечернюю сессию обниманий и поцелуев с любимым мужем. С другой стороны, её разбирало любопытство, что же там в конце-то написано.

- Так, где это я? «Медицинскими свидетельствами...» Во, здесь начинается самое интересное. Слушай, зайчик... «Сумма единовременной компенсации рассчитывается на основании дневной нормы внеслужебного денежного довольствия мирного времени, в соответствии с Вашими званием и занимаемой должностью на момент Вашего увольнения из рядов Вооружённых сил, что составляет сто сорок пять долларов, ноль-ноль центов...» - Это так в письме. Центов! Кто когда последние центы видел? Рикки вчера делал уроки. Спрашивает: Рисси, тут в задаче написано: два доллара и пятьдесят центов. Что это за центы, и зачем они в задаче? Да, а почему всего сто сорок пять баксов? Это даже меньше, чем мы собираем в день для «Пути Спасения». Я помню, ты говорил, что получаешь шесть или семь сотен в день в Венесуэле.

- Ну да. То есть в зоне боевых действий и при исполнении служебных обязанностей. В учебном лагере, пупсик, мы получали две девяносто в день. Сто сорок пять баксов - это как раз половинка, то есть внеслужебная норма мирного времени, как и написано...
- объяснил Уильям.

- Ладно, зайка... «Величина дневного дохода, утраченного вследствие увечья, вычисляется пропорционально степени Вашей инвалидности на момент рассмотрения Вашего заявления о компенсации, то есть семидесяти девяти процентам от полной дневной нормы денежного довольствия, что соответствует ста четырнадцати долларам, пятидесяти пяти центам...» - Опять же, число в скобках... Сто четырнадцать баксов в день? Это железобетонно меньше, чем набирается в нашем ведёрке, даже в самый неудачный день...

- «Социальный Оптимум». Официальный способ, как наколоть инвалида, не нарушая законов, - сказал Марк, - Дневная норма рядового срочной службы в мирное время - мизерная. Если при исполнении обязанностей - плата удваивается. Ну, а в зоне боевых действий есть ещё и боевой коэффициент. То есть, на войне солдат получает очень даже приличные бабки. Кроме того, для рядовых почти всё бесплатно: жратва, развлечения, обмундирование и всё прочее. Деньги нужны только на пиво и девочек. Так можно жить припеваючи... Но как только рядовой получает инвалидность, вся оплата сокращается обратно до нормы мирного времени, да ещё на процент инвалидности умножают. Есть ещё одна уловка: автоматически предполагается, что зарплата рядового - это всё, что здоровый мужик был бы способен зарабатывать на протяжении всей своей карьеры. Как будто нет работы, которая оплачивается лучше, чем быть рядовым.

Клэрис кивнула, - Да, тут так и написано... «Полная сумма утраченного дохода рассчитывается как произведение величины дневного дохода, утраченного вследствие увечья, на расчётный период. За расчётный период принимается количество дней между датой увольнения из рядов Вооружённых Сил и шестидесятым днём рождения инвалида, округлённое до ближайшей сотни дней, но не менее 200 дней. В Вашем случае, расчётный период составляет 15 300 дней, в результате чего общая сумма компенсации составляет один миллион семьсот пятьдесят две тысячи шестьсот пятнадцать долларов, ноль-ноль центов...» - И то же самое число в скобках... Марк, а сколько ты получаешь за год?

- Сейчас? Семьсот шестьдесят тысяч, но это до вычета налогов. После налогов - чуть меньше шестисот кусков, Клэрис, - отозвался Марк. Он ожидал, что компенсация Уильяма будет не слишком щедрая, но по его расчётам как-то выходило три миллиона с небольшим. Марк был неприятно удивлён, услышав, что сумма компенсации будет куда меньше трёх миллионов.

- То есть, компенсация Билли будет примерно как папина зарплата в ФБР в течение трёх лет, - прикинул Майк из своего угла. - Не так уж плохо. У нас *на Куче*, нужно по крайней мере пять или шесть лет вкалывать, чтобы заработать столько же.

Уильям сидел, тихо кусая губы. Конечно, он тоже ожидал чего-то покрупнее.

- Не переживай, зайка, - сказала Клэрис, - Надо смотреть на положительные стороны. Стакан наполовину полон! Миллион семьсот пятьдесят! Не горы золотые, но всяко уж лучше, чем совсем ничего...

- Ладно, пупсик, стакан наполовину полон, я совсем не переживаю. А на положительные стороны я просто наглядеться не могу. Всеми моими четырьмя десятитысячными мегапикселя. Дочитывай письмо!

- «...Общая единовременная компенсация в размере одного миллиона... Короче, тут та же сумма: лимон семьсот пятьдесят... Будет выплачиваться в виде четырёх отдельных траншей, не более 450 тысяч долларов каждый, в течение восьми лет. Обратите внимание, что компенсация за увечья является облагаемым доходом, поэтому выплаты производятся за вычетом подоходного налога...» - Чёрт! Да, так и написано, зайка: «выплаты производятся за вычетом подоходного налога...»

- Суки! То есть, сначала они дают вам жалкую подачку, а потом - ещё и отбирают налог! - совсем расстроился Уильям. Как всегда, когда он чувствовал себя не в своей тарелке, он попытался дотянуться коротенькой культяпкой левой руки до пустой правой глазницы, и ему не хватило, как всегда, примерно одного дюйма. В том, что осталось от его левого глаза, блеснули слезинки. Клэрис обняла мужа за плечи и вытерла ему глазницы ладошкой.

- Успокойся, зайка. Облагается, не облагается? Разве это важно? Мы получим немного денег до рождения нашего второго, вот и хорошо. Чего ты так с ума сходишь по этой «компенсации»? Мы и в «*Пути Спасения*» зарабатываем вполне достаточно, правда?

Именно так: «вполне достаточно», подумал Марк. «*Социальный Оптимум*». Вполне достаточный, самый такой оптимальный оптимум - чтобы не помереть с голоду.

- А какая ставка налога нам светит, отец? - спросил Уильям, пытаясь удержать эмоции под контролем.

- За четыреста пятьдесят кило? Двадцать процентов. Если выше пол-миллиона, будет двадцать два. Именно поэтому они и выплачивают по частям раз в два года. Так или иначе, вы получите на руки триста шестьдесят килобаксов. Учитывая все *нюансы*, не

так уж и плохо...

- Ладно, будем считать, что это справедливо. В конце концов, все должны платить налоги, - кивнул Уильям, - Читай-ка дальше, Рисс. Они там пишут, как нам вытащить все эти килобаксы из системы?

- Да, зайка, тут дальше именно про это... «Первая выплата может быть получена в Управлении по Делах Ветеранов ВС, расположенном по адресу: 2700, Бульвар Пост Оак, Хьюстон, штат Техас. Получение выплаты производится по предъявлении документа, удостоверяющего личность инвалида...» Так! Значит, нам придётся переться на бульвар Пост Оак? Автобус туда больше не ходит, а на омнибусе это по семь часов в каждую сторону. За день не обернёшься.

- За триста шестьдесят кусков, наверное, стоит переться, - отметил Майк, - Я могу отпроситься на день у мистера Штольца и отвезу вас туда на моем грузовом велике. Или нет, лучше мы одолжим тандем, и я поеду только с Билли. Ты, Рисси, сейчас не в той спортивной форме, чтобы крутить педали до самого центра Хьюстона. Да и с точки зрения охраны денег, большой пользы от тебя не будет. Думаю, на тандеме, мы сможем спокойно обернуться за день. Остаться в центре на ночь, да ещё с такими деньгами в карманах, говорят, немного рискованно...

Клэрис удовлетворённо кивнула, - У тебя, Микки, найдётся план на все случаи жизни. У тебя мозги - практические. Это мы с Билли - теоретики! Кстати, мне понравилось кататься на твоём грузовом велике. И насобирали мы сегодня хорошо. И даже в Луна-Парк зашли! Я так думаю, что нам стоит *делать Маршрут* вдоль шоссе Беамонт по крайней мере раз в неделю. Тебе *не в лом* подвозить нас по утрам?

- А ты разве не устала сегодня, пупсик? - спросил Уильям.

- Немножко. Но это не проблема. Вообще, утверждают, что много ходить пешком - это хорошо для сердца.

Сейчас она ещё скажет, что кататься на каруселях полезно для беременных, усмехнулся про себя Марк.

- Ладно, пупсик. Давай, мы этот вопрос позже обсудим. Не томи, дочитывай.

- Так, дочитываем. Когда они работают?... «Получение выплаты производится по предъявлению документа, удостоверяющего личность инвалида. Обращаться не ранее...» Че-е-его?!

- Чего?

- «...Не ранее среды, пятого июля 2033 года»!

- Две тысячи тридцать какого года?

- Да сам посмотри. Тридцать третьего!

- Чем я тебе «посмотрю»? Моими мегапикселями? Читай всё снова! - приказал Уильям.

- Ладно, ещё разик. «Первая выплата может быть получена в Управлении по Делах Ветеранов ВС, расположенном по адресу: 2700, Бульвар Пост Оак, Хьюстон, штат Техас. Получение выплаты производится по предъявлении документа, удостоверяющего личность инвалида. Обращаться не ранее среды, пятого июля 2033 года. Время и место остальных выплат будет указано Вам после получения первой выплаты...»

- Они что, издеваются? - взорвался Уильям, - Ждали эту писулю девять месяцев, теперь ещё три года ждать? Должно быть, опечатка... Прочитай ещё раз внимательно, пупсик.

- Да я это уже два раза прочитала! Так и написано: «пятого июля, 2033 года.» Обрати внимание, там написано: «среда». В этом году День Независимости[30] в пятницу, так что пятное - это суббота. Так что, это не 2030 год, уж по всякому.

- Это значит, Рисси, что ты будешь рожать своего второго без толстой пачки наличных в кармане, - хихикнул Майк, - Извиняйте за злую шутку, но не могу удержаться. Пока Пентагон соберёт вам с Билли первый транш, у вас время есть ещё двух настрогать. Или даже трёх. С вашей-то производительностью!

- Ничего не приобрели, но ничего и не потеряли, - философски заметил Марк, - Эти деньги вам ещё пригодятся, чтобы маленького Дэйви в школу снарядить. Он как раз в первый класс пойдёт в 2033.

- Есть там ещё что-нибудь? - грустно спросил Уильям.

- Да... «Время работы офиса с восьми тридцати утра до четырёх тридцати вечера, пять дней в неделю. Если у Вас возникли вопросы, пожалуйста, свяжитесь с нами по такому-то телефону или электронной почте: veteran точка compensation собачка USARMY точка GOV...» - Похоже, это у них служба поддержки с автоответчиком, ничего личного... Ладно, проехали. Дальше... «Желаем Вам всего наилучшего в новой жизни в качестве инвалида боевых действий. С уважением, подполковник такой-то.» Подпись, дата... Всё, зайка, ничего *больша нета*, - Клэрис тоже была на грани слёз. Она так мечтала о том, как они отремонтируют свою спальню перед рождением второго ребёнка! Причём, большинство планов включало в себя долгожданное получение компенсации от правительства.

Уильям осторожно описал в воздухе дугу безруким туловищем и коснулся Клэрис. Затем он начал двигать губы и нос вдоль её тела, пока не обнаружил губы жены. Отбросив дурацкое письмо, Клэрис обвила руки вокруг плеч мужа, и они начали целоваться взапас. Раздвоение личности было предотвращено.

- Всего наилучшего в новой жизни в качестве инвалида боевых действий. Какой стиль, а? - пошутил Уильям, оторвавшись на мгновение от губ жены, - Даже инвалиды с наиболее тяжёлыми увечьями могут жить счастливой и полноценной жизнью, и быть

полезными членами общества. Как сказано! Прямо в яблочко! Как насчёт того, чтобы пойти баиньки, пупсик? А я тебе там продемонстрирую, как жить счастливой и полноценной жизнью. И быть полезным членом!

Глава 9

На следующее утро Марку предстояло обойти потенциальные адреса жертв в трущобах вдоль проезда Меза. Главным депюти в этом околотке была *амер-норвежка* Лисбет, или на уже американизированный манер, Лиз Холстад. Женщина в качестве околоточного депюти - это уже само по себе было необычно, но и сама Лиз производила довольно неожиданное впечатление. Марк был выше среднего роста, но был ниже полис-вуманши на два дюйма [прибл. 5 см]. Помимо высокого роста, она также отличалась огромными бицепсами, которым позавидовали бы и многие мужчины. Говорили, что Лиз коллекционировала чёрные пояса - во всех видах боевых искусств, которые только практиковали в Хьюстоне.

Сам район поисков был несколько более цивилизован, чем трущобы к северу от шоссе Гаррет. Здесь были более или менее годные дороги с бетонным покрытием, и все улицы были поименованы и нанесены на карту GPS. Марк надеялся, что им удастся объехать все семь адресов ещё до полудня. Несмотря на наличие дорог, район Меза тоже был трущобным в полном смысле этого слова. Тут и до *Обвала* селились в основном *амер-мексиканцы* или белые с низким достатком: свалка дороги Маккарти была совсем рядом, и район был непрестижный. Старые дома были в основном деревянными одноэтажными - из тех, что привозят в полу-разобранном виде на трейлере и монтируют на бетонных столбиках. За прошедшее после *Обвала* время эти дома обросли со всех сторон мастерскими, навесами, сараями и лачугами, которые местные жители сдавали внаём работникам свалки. Плотность населения была огромной: там, где до *Обвала* население составляло от силы три тысячи человек, сейчас жило не менее двадцати тысяч. Канализация тут приказала долго жить лет десять назад, поэтому жители превратили ливневые желоба вдоль дорог в сточные канавы. Запах стоял соответствующий. Вся земля была залита мазутом и прочей гадостью и вытоптана до консистенции бетона. Огородов не было и в помине, лишь кое-где пробивалась жухлая травка.

- Как Вам нравится наш райончик? - полюбопытствовала Лиз, разглядывая врученный ей листок с адресами. - Вот эту семью я, кажется, знаю. Там есть один инвалид, но постарше, и не одноногий, а однорукий. А! Под номером пять в Вас тут вообще интересная семейка. Если нет возражений, с неё и начнём. Это совсем рядом.

Она взгромоздилась на велосипед и бодро покатила по разбитой улице. Марк последовал за ней. Менее чем через милю они спешили перед одноэтажным домом. Фронтон дома был вроде бы кирпичный, но при ближайшем рассмотрении обнаруживалась прогнившая деревянная стенка, обшитая снаружи декоративными панелями, текстурированными под кирпич. Вплотную слева и справа были пристроены покосившиеся от времени сараи. Вдоль обязательной сточной канавы теснились проржавевшие корпуса полу-разобранных автомобилей, где под присмотром трёх или четырёх бедно одетых женщин шумно резвилось полтора десятка босоногих оборвышей от двух до пяти лет.

- Надеюсь, девушки ещё не спят, - прокомментировала Лиз, уверенно приложившись крепким кулаком по хлипкой двери дома. - Откройте, Полиция! - Она постучала ещё

пару раз, прежде чем дверь отворилась. На пороге стояла, завернувшись в изодранный плед, уже немолодая белая женщина. На её шее красовался стандартный «ошейник» для идентификации проституток. Судя по всему, под пледом ничего не было.

- А, это ты, Лиззи, - женщина зевнула, - Опять спать мешаешь?

- К вам из ФБР, - объяснила Лиз, а Марк продемонстрировал бэдж.

- Чего это: ФБР за нас взялось? Мы легально, ты же знаешь. За лицензии платим, проверяться ходим, наркотой не торгуем. А если ты опять насчёт Бетси - так я тебе уже говорила: у меня с ней строго! Она даётся только *забесплатна*. Вот будет ей четырнадцать в ноябре - купим ей ошейник, чтоб всё как у людей.

- У меня к вам претензий пока нет. Следователь из ФБР задаст вам несколько вопросов.

- А, ну тогда заходите. Я пойду дочек разбужу, - она указала на диван в комнатке рядом с парадной дверью и пошлёпала по тёмному коридору в глубину дома.

- Я Вам обещала интересную семейку? - шепнула Лиз Марку, - всё по полной программе. Дом - бордель. Даже вывеска не нужна - и так их все в округе знают. Мамаша, они её называют «маман», как у французов, - проститутка со стажем, и все четыре дочки - тоже. Младшей, правда, ещё официально нельзя, но она уже созрела. Ждёт - не дождётся, когда ей маман ошейник купит. Подарочек на день рождения!

В проёме двери показались обитательницы дома. Мать по-прежнему куталась в плед, добавив к гардеробу лишь стоптанные тапочки. Две девушки были в рваных ночных рубашках, причём у одной отсутствовала правая бретелька, и напоказ была выставлена обнажённая грудь, чего она ничуть не стеснялась. Уж чем-чем, а стеснительностью в семейке не страдали. Одежда третьей девушки состояла из разлохмаченных джинсовых шорт, а у четвертой было просто накинуто на плечо банное полотенце. У троих были «ошейники», а девушка в шортиках, та самая Бетси, - была пока без того.

- Доброе утро, девушки! - сказала Лиз, - Мы к вам по делу. Мистер Пендерграсс из ФБР задаст несколько вопросов, и - можете спать дальше.

- Ну, спрашивайте, - великодушно разрешила маман, опускаясь в кресло, - Всегда готовы помочь нашей Полиции.

Три девушки уселись на протёртом ковре, а Бетси устроилась в дверях, подпирая косяк изящной босой ножкой. Марк был немного ошарашен, и не знал, с чего начать. Он слышал про семьи, где родители продавали детский секс, но в его работе редко приходилось видеть их вот так - вблизи и откровенно. Потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Он достал из кармана фотографии убитых и протянул их мамаше.

- Знаете этих двоих?

- Первый раз вижу, - ответила женщина, мельком взглянув на лица, и протянула карточки дочерям на ковре. Те рассматривали снимки несколько более внимательно.

Ник Хобсон комментариев не вызвал, но, взглянув на фото убитой, девушка с оторванной бретелькой вдруг сказала, - Кажется, я эту узкоглазку где-то видела. Как зовут - не знаю, но работает она точно на той стороне проезда Меза. Наверное, она - нелегалка. А Вы их что - ловите?

- Ещё что-нибудь можете вспомнить? - спросил с надеждой Марк.

- Не-а. Мы же из дома работаем. Частный бизнес. А эти девочки - под сутенёром. Мы с такими не связываемся. Себе дороже.

- Ну, на безрыбье... Спасибо и на этом.

- Всегда пожалуйста. Если что, приходите ещё. Только желательно - после обеда. Мы только-только клиентов спровадили. Сейчас - самый сон...

Когда они вышли на свежий воздух, Марк почувствовал облегчение.

- Уф! И много у вас в околоте таких?

- Да хватает, - ответила Лиз, - Свалка-то рядом. Много молодых мужиков. Делают неплохие деньги, но чувствуют себя... скажем так, несколько одиноко. Вот девицы и подрабатывают - кто как может. Эти-то ещё ничего. Маман не врала: лицензии у них проплачены, к врачу ходят, «льдом» не торгуют, не то что некоторые другие. Эти мне особых хлопот не доставляют. И на том спасибо. Младшая только вот, эта Бетси. Талантливая девчонка, между прочим. В школе хорошо училась. Какого хрена её вдруг на клиентов потянуло? Да, видно, яблоко от яблони... Ладно, едем дальше. Адрес номер три - это буквально за углом.

Они снова запрыгнули на велосипеды, и через пять минут оказались перед воротами мастерской со стенами из старых покрышек, зажатой между двумя облезлыми домишками. Как и в предыдущем случае, пространство вдоль сточной канавы занимали ржавые автомобили. Вместо детской площадки в автомобилях располагался жилой квартал: в каждом из шести раздолбанных микро-автобусов ютилось по семье, а детишки, за неимением более подходящего места, играли прямо в сточной канаве.

- Тук-тук. Есть кто дома? - прокричала Лиз.

Из ворот появился мужчина лет тридцати, в резиновых сандалиях и измазанном мазутом комбинезоне.

- Доброе утро, депьют. Поломались? - спросил он, взглянув на велосипеды, - Служителям Закона - скидка.

- Нет, с велосипедами всё в порядке, - извинилась Лиз, - Вы - Мистер Майк Хобсон? Как: «*Механическая Мастерская и Электросварка Майка Хобсона*»?

- Так, - кивнул хозяин, с сожалением ещё раз посмотрев на велосипеды. Из глубины заднего двора подтянулись остальные работники мастерской: босоногий молодой человек в комбинезоне и двое подростков, в одних шортах и измазанные мазутом с головы до пят. Марк показал бэдж и достал всё те же фотографии.

- Эти двое вам не знакомы?

Один из подростков потянулся было за фотографией, но молодой человек шлёпнул его по рукам.

- Куда ты, мазута, лезешь? Так смотри.

Поразглядывая снимки, все четверо отрицательно покачали головами.

- Извините, тут ничем помочь не можем, - развёл руками хозяин, - Вот если нужно что-то приварить, - это к нам. Спросите кого угодно. У Майка Хобсона - лучшая электросварка с этой стороны от *Кучи*. У нас и генератор заводится, и бензин есть всегда, не то что у некоторых. Да, как я и сказал: для Полиции у нас скидка...

Они не спеша поехали дальше.

- Не густо, - прокомментировала Лиз.

- Это только в старых боевиках по телевизору работа ФБР - такая крутая, - заметил Марк, - Гонки на машинах и стрельба из всех видов оружия. А на деле - вот так. Адрес за адресом. Ножками, ножками. С миру по нитке. И никакой крутизны.

- Ну, гонки на машинах - это сейчас точно в прошлом. Вы и до *Обвала* были в ФБР, так? - спросила Лиз.

- Да. С 2006-го.

- А стреляли часто тогда?

- Раз в неделю. Иногда - два раза.

- В самом деле?! Тогда, наверное, служба была куда опасней, чем теперь!

- Да нет, я не это имел в виду! Стрелял я только в тире. Тогда были такие правила. Молодые сотрудники должны были в тир ходить раз в неделю. После *Обвала*, начальство сказал: надо экономить боеприпасы. Сделали стрельбы раз в три месяца. Потом - раз в год. А потом - вообще запретили. Сейчас вот чищу пистолет и думаю: штучке уже двадцать три года. Стрелял из неё последний раз - девять лет назад. Надо

будет в кого пальнуть - или ствол разорвёт, или патрон колом встанет...

- В Полиции - та же история. Пол-года назад я попробовала из тэйзера в грабителя пальнуть. Представляете: их трое, а я одна! Ну, я подумала: для верности, надо одного успокоить из тэйзера, а двое других станут покладистей, так? Достаяю из кобуры эту штуку, ору по инструкции: вы трое, лечь на землю! У меня - тэйзер! Током стукну! А они - прут, как автобус. Под алкоголем - им всё пофиг! Нажимаю спусковую скобку: пук. Электрод вылетает, ме-е-едленно так, и падает мне под ноги! Хорошо, хоть, не наступила, а то бы этот тэйзер меня саму током дёрнул. Ну, выкинула этот тэйзер нафиг. Пришлось от всех троих дубинкой отбиваться.

- Ну ты-то, я надеюсь, отбилась, - усмехнулся Марк, посмотрев на бицепс полис-вуменши.

- А куда денешься? Получила раз по рёбрам. Мало не показалось. Но - только один раз. А так - в основном эти парни наполучали. Одному так руку вывернула, у него вывих плеча случился. Потом пришлось этого парня к доктору тащить. Он протрезвел немного - спасибо говорил, даже цепочку серебряную совал на добрую память!

Марк представил себе, как Лиз поработала полицейской дубинкой над пьяными грабителями. Да, уж ей-то электрический пистолет не сильно нужен на службе!

- Мы приехали, - сообщила Лиз, - Адрес номер два из Вашего списка.

Эта семья жила в старом школьном автобусе, установленном между двумя обшарпанными деревянными домами. Жилище было оборудовано с некоторой претензией на уют. Задняя дверь автобуса, там, где у таких располагается аварийный выход, служила теперь парадной дверью импровизированного дома, и с этой стороны к автобусу была пристроена небольшая деревянная веранда. Через сточную канаву был перекинут мостик из двух брёвен, а вдоль короткой дорожки от мостика до веранды были установлены пластиковые ящики с чахлыми цветочками. На веранде, в кресле-качалке, восседал сам хозяин дома-автобуса, мужчина лет семидесяти пяти. В левой руке он держал стакан с пивом, а правой у него не было. Пустой рукав домашнего халата был аккуратно подвернут и закреплён булавкой. На столике рядом с креслом что-то показывал портативный видео-плеер, запитанный от солнечной батареи, установленной перед домом.

- Мистер Джеймс Хобсон, если не ошибаюсь? - спросила Лиз.

- Он самый, - ответил мужчина, с видимым усилием поднимаясь с кресла, - Чем могу служить?

- Марк Пендерграсс, ФБР, - представился следователь, - Не возражаете, если я покажу Вам пару фотографий?

- Какие могут быть возражения? - мужчина водрузил стакан с пивом на столик и остановил плеер. Марк достал фотографии и протянул их однорукому.

- Нет, не знаю их. Это те, кого убили в лесу несколько дней назад, да? По новостям ещё показывали...

- Да... Вы, кстати, один тут живёте?

- Нет, почему же один. Жена, два сына, и две невестки. И восемь внучат. После обеда тут делается очень даже шумно. Наша семья уже плохо помещается в автобус. Вот, - он указал на дорожный знак «STOP», приколотый к перилам веранды. Только теперь на знаке было написано: «*STOP Перед входом в дом моем руки и ноги*».

- Однако утром - просто великолепно, - продолжил мужчина. - Жена с утра уходит торговать на рынок, внуки в школе, а все остальные - *на Куче*. Я как тот мальчуган из фильма «Один дома». Наслаждаюсь тишиной и спокойствием. И домашним пивом - в отличие от того пацана, я же - почти совершеннолетний! Кстати о пиве: почему бы вам не продегустировать мой напиток? И не пробуйте отказываться - я даже не буду слушать. Пиво собственного приготовления - секретный рецепт.

- Только если немного, мистер Хобсон. Мы на службе, в конце концов, - согласился Марк.

Мистер Хобсон нырнул в дом-автобус и появился через пол-минуты с двумя пустыми кружками в руке. Расставив посуду на столе, он извлёк из под стола небольшую пластиковую канистру, скрутил пробку и плеснул в обе кружки и себе в стакан. С одной рукой, он управлялся великолепно. - Присоединяйтесь, офицеры.

Марк взял кружку со стола. Пиво было действительно вкусным, с привкусом фруктов и имбиря, - Великолепное пиво, сэр!

- Сам варю. Секрет на самом деле прост. Имбирь и травка-лимонник, ничего особенного. Всё дело в воде, - улыбнулся мистер Хобсон, - Мои сыновья знают один хороший колодец - и вода чистая, и не слишком далеко. Дождевая вода ведь не годится для варки пива. А уж насчёт колодцев здесь, вблизи от *Кучи*, - я лично такую воду не буду пить, даже умирая от жажды. Даже в *Шелдон-Рез* вода не так хороша, как раньше.

Это было правдой - непрерывная добыча вторсырья из свалки дороги Маккарти привела к постепенному снижению качества питьевой воды, причём даже в районах, удалённых от полигона на несколько миль.

- Понятно. Ну что же, спасибо Вам за помощь. Если не секрет, где Вы служили? - Марк указал на пустой рукав хозяина.

- В «*Сити-банке*» я служил, - рассмеялся тот.

- Сити - это же в Лондоне! В Англии, так? - не поняла Лиз.

Хозяин рассмеялся снова, - Вы, наверное, слишком молоды, депьют. Был такой банк: «*Сити-банк*». Основали его в 1812 году. А «раз-основали» в 2013. Точнѐхонько двести лет простоял наш банк! А насчѐт руки - все спрашивают. Почему-то думают, что раз однорукий, значит - где-то воевал. Рак у меня был. Остеосаркома. Руку отняли, целый год травили всякой гадостью, но тьфу-тьфу - уже почти тридцать лет живу после операции, и без рака. До *Обвала*-то с медициной было куда проще. Это теперь, если у вас оказалась остесаркома - тушите свет, сливайте воду, приплыли...

- К счастью, в последнее время смертность от рака снижается, - сказал Марк, - Так, по крайней мере, на днях в теленовостях говорили.

- Возможно, возможно, - мистер Хобсон покачал головой, - Даже вполне может быть правдой. Многие сейчас не доживают до полномасштабного рака. Если вы померли от птичьего гриппа или получили пулю в Мексике, - рак вас уже не побеспокоит...

Марк допил пиво и вернул кружку щедрому хозяину, - Спасибо за пиво, но нам пора. Ещё и половины адресов сегодня не объехали.

- Не стоит благодарности. Приятно пообщаться хоть с кем-нибудь. Одному дома хорошо, но немного скучновато. Эти фильмы я уже всё по сто раз смотрел...

- Ещё четыре адреса, - сказала Лиз, - Номер один - это далекоовато. Можно сначала сделать крюк в шесть и четыре, а потом уже доедем до первого и седьмого.

- Поехали, - согласился Марк, - Это *твой* околоток Лиз. Тебе виднее.

Они крутили педали ещё с пол-часа и оказались перед адресом номер шесть. Семья, по-видимому, жила в небольшом сарае, пристроенном к деревянному дому, но ни Хобсонов, ни хозяев основного строения на месте не было. Улица была неожиданно пустынна, только на углу играли в дорожной пыли маленькие дети, да сидел в кресле-каталке парализованный инвалид. Марк на всякий случай показал мужчине фотографии, но тот только отрицательно покачал головой. По адресу номер четыре тоже никого не было дома, однако тут они получили несколько больше информации. По соседству располагалась мыловарня, «аромат» от которой расплзался по всей улице.

Толстая женщина в резиновом переднике, не переставая размешивать что-то в чане, осмотрела фотографии и сказала, - Нет, однозначно не соседка. Наша - тоже азиатского типа. *Амеро-вьетнамка*, я полагаю, но это точно не её фотография. Наша миссис Хобсон - гораздо старше, ей где-то за тридцать. Мать-одиночка, с двумя детьми. А мужа у неё убили в Ливии... Наверное. Или в Саудовской Аравии. В общем, где-то там, на той стороне океана... И никого похожего на эти фото мы в округе не видели.

- Вы в этом точно уверены? - на всякий случай переспросил Марк.

- Однозначно. Я же тут у котлов, считай, день и ночь. Отойти нельзя, всё сгорит.

Если вам этих Хобсонов надо, приходите вечером. В пол-седьмого или в семь. Они с утра на *Биржу* пошли, работу искать. Но раз ещё не вернулись - нашли работу, значит. По крайней мере - на сегодня.

Удача улыбнулась им по адресу номер семь. Ангар из рифлёного железа стоял немного на отшибе, в тридцати ярдах [прибл. 27 м] от бывшего резервуара ливневой системы, теперь до половины заполненного отвратительной чёрной жижей. Именно сюда стекались все сточные канавы кварталов к северо-западу от полигона дороги Маккарти. На ангаре была выведена залихватская надпись: «*СИМПСОН & КАУФМАН. Ассенизация, Топливо, Удобрения*».

Марку показалось странным, что они приехали к ассенизационному ангару. - Интересно, почему в базе данных военнообязанных записан именно этот адрес? Я думал, они записывают только место проживания, а не место работы.

- Ничего странного, - ответила Лиз, - В последнее время в наших трущобах довольно часто приезжие бедняки ночуют там же, где и работают. А насчёт этого заведения - как бы Вам сказать? Ну, в общем, сами увидите. Кто начинает ассенизатором работать - становится навроде прокажённого. Никто не хочет сдавать им комнаты, так что большинство из работников и живут тут. Рядом со своим любимым говном.

Один из хозяев заведения, мистер Кауфман, лично встретил Марка и Лиз в дверях офисного контейнера.

- Хобсон? Да, у нас есть такие. И даже не один. Семейный подряд. Пойдёмте, я вас провожу. Только - убедительная просьба смотреть под ноги. У нас тут - сами понимаете... Он присел на скамейку у входной двери контейнера, скинул шлёпанцы-«вьетнамки» и сунул ноги в высокие резиновые сапоги.

Они последовали за хозяином на обширный двор. Здесь кипела работа: люди подвозили в двухколесных бочках содержимое сточных канав и переливали чёрную жижу в резервуар. На другой стороне резервуара группа работников формировала из экскрементов кирпичи удобрений, раскладывая их для просушки на солнце.

- Если нет дождя, сточные канавы сами не стекают, - начал объяснять производственный процесс мистер Кауфман, - Мы рассылаем команды черпальщиков с бочками, они забирают сырьё и доставляют сюда для переработки. У нас большой бизнес, знаете ли. В некоторые дни - до двадцати двух дерьмовозов работает одновременно! Если у кого уборная переполнилась - тоже опорожняем, но, конечно, за отдельную плату. А знаете, сколько сырья мы вывозим каждый день? Семьсот кубических футов [прибл. 20 куб. м]! Ну, и перерабатываем всё это в удобрения. Отличная штука для растений, я вам скажу! И, притом, - совершенно безопасная, что бы там всякие параноики про нас ни говорили! Недавно - новый продукт разработали: топливные брусочки. Вы знаете, что правильно переработанный навоз горит почти так же хорошо, как каменный уголь?

- Да, видел уже Вашу продукцию, - кивнул Марк без особого энтузиазма. Он вспомнил

семью босоногого сапожника из ТШГ. Хотя, та женщина, наверное, варила еду не на «правильно переработанном навозе», а просто на высушенной под солнцем коровьей лепёшке. Мэри и Клэрис уже попробовали новые топливные бруски несколько раз, но решили с ними больше не связываться. Несмотря на значительную дешевизну по сравнению с дровами и углём, бруски из навоза не были особенно хорошим топливом. Получалось много удушливого дыма, а время горения было куда короче. А что до удобрений от «Симпсона и Кауфмана», они точно были хороши для растений, но далеко не всегда - для людей. В округе ходили страшные истории о том, как целые семьи заболевали или даже отходили в мир иной после использования этих «совершенно безопасных» удобрений.

- Интересно, здесь ли Хобсоны, - мистер Кауфман оглядел двор, - А - вам повезло.

Он указал на одну из двухколесных бочек - «дерьмовозов» в очереди на разгрузку, - Джо и Дженни Хобсон. При них ещё две девчонки - хрен знает, как зовут. Эй, Джо - это по вашу душу! Из ФБР!

Мужчина лет тридцати отставил в сторону черпак на длинной деревянной ручке, стащил с рук резиновые перчатки и подошёл к Марку и Лиз. Затем подошли остальные члены семьи: невысокая женщина и две девочки, примерно того же возраста, что и младшие дети Марка: Памела и Патрик. Джо Хобсон был в армейских брюках и прорезиненном фартуке прямо на голое тело, и в резиновых сапогах. Женщине и девочкам резиновых сапог, по-видимому, не хватило, поэтому они работали в обычных шлёпанцах-«вьетнамках» из старых покрышек. Впрочем, насколько мог видеть Марк, резиновые сапоги были в этой конторе скорее приятным исключением, чем обязательным к исполнению правилом техники безопасности: такие сапоги были у примерно половины мужчин и только у нескольких женщин. Остальные работники, в том числе дети, разгуливали по дерьму в сандалиях и шлёпанцах, а несколько - топтались в фекалиях вообще босиком. И одежда, и руки девочек была перепачканы чёрной жижей. Марку стало понятно, почему местные жители не спешили сдавать жильё ассенизаторам.

- Марк Пендерграсс, ФБР, - достал свой бэдж Марк.

- Очень приятно, мистер Пендерграсс. Джо Хобсон. Моя жена Дженни. Девочки: Нона и Бесс. Рукопожатий не предлагаю. У нас тут не принято.

- Ваши дочки разве не в школе, мистер Хобсон?

- А кто их возьмёт? Как только учителя узнают, где мы с женой трудимся, сразу говорят: извиняйте, мест нет.

- Ладно, это так, не по теме. Я из ФБР, а не из Отдела Труда Несовершеннолетних. Не посмотрите на пару фотографий? - Марк достал из кармана снимки и показал их Джо.

- Запросто, сэр. Нет, не видел их раньше. А почему Вы именно нас спрашиваете?

- Просто проверяем всех по фамилии Хобсон. Если найдутся родственники вот этого молодого человека с фотографии.

- Подождите, я-то их сам не видел, но может... Мистер Кауфман, сэр! Вас не затруднит подойти к нам?

- Да, мистер Хобсон?

- Помните, недели полторы-две назад, Вы спросили у меня про моих родственников в Хьюстоне? Я ещё сказал, что в Хьюстоне у нас никого нет?

- Ну да! Я почему спросил? В офис пришёл молодой человек. Говорит: ищу работу. Фамилию назвал: Хобсон. Имя? - он почесал лоб, - Кажется, Ник, если я правильно запомнил. Я ещё подумал тогда: а не родственник ли он нашему Джо? Позвольте взглянуть на ваши снимки, сэр?

Он постучал пальцем по фотографии Ника Хобсона, - Именно этот молодой человек и приходил. Я говорю: какая работа тут - знаете? А он: мне что угодно. По оплате поговорили. Ну, я говорю, без проблем, контракт оформим, и с понедельника можете выходить. Только желательно, чтобы Вы купили себе резиновые сапоги. У нас тут - сами понимаете... Правила Техники Безопасности, средства индивидуальной защиты, всё такое. Резиновые сапоги - это *обязательно*!

- В самом деле: *обязательно*? - иронически спросил Марк. Несколько секунд назад за спиной мистера Кауфмана бригада подростков прокатила тележку, наполненную до краёв коровьими лепёшками. Из шести малолетних работников, лишь двое были обуты, причём не в «обязательные» резиновые сапоги, а в сандалии из старых покрышек.

Мистер Кауфман бросил взгляд на *вьетнамки* на ногах Дженни Хобсон и её дочерей и скорректировал, - В шлёпанцах и сандалиях тоже можно работать, но надо осторожно... Ну так вот, про этого Ника Хобсона... Я ему сказал про сапоги, а он говорит: извините, забыл Вам сказать. У меня вместо ноги - протез. Я говорю: а что же Вы мне, золотко, голову морочите? Мы нанимали раньше инвалидов. Одно беспокойство, и никакой выгоды. Поскользнётесь, чмок, и головой в дерьмо. Поминай, как звали. Или, скажем, Ваш обрубок ноги загноится, или что-то в таком же духе. А мне за Вас - отвечать? У нас и на двух ногах еле выдерживают. Нет, говорю, Вы уж извините, но инвалида я взять не могу. Он сразу попрощался и ушёл. Ну, оно и к лучшему. У нас тут - сами понимаете...

- Когда это было точно, можете вспомнить?

- Сейчас... - он снова почесал лоб. - Шестнадцатого! Во вторник. Мы ведь семь дней в неделю. Но в субботу - мой партнёр дежурит. А я потом - в воскресенье. В понедельник я - выходной за воскресенье. Да, во вторник, точно.

- Вы говорите: во вторник, шестнадцатого апреля? И в какое время этот Хобсон

приходил сюда?

- Около обеда. Одиннадцать или одиннадцать тридцать...

- Видишь, Лиз, как работает ФБР? - прокомментировал рассказ Марк, когда они распрощались с ассенизаторами. - Теперь мы, во-первых, твёрдо знаем, что убитый искал работу в трущобах района Меза всего десять дней назад, то есть за семь дней до убийства. И он был готов на любую работу, даже ассенизатором. Это значит, он приехал в Хьюстон совсем недавно. Меньше месяца, я думаю. Во-вторых, в семейке проституток нам сказали, что убитая, возможно, была «нелегалкой» и работала на сутенёра где-то на противоположной стороне проезда Меза. Но это уже - чистой воды вероятности, а не факты.

- Не могу поверить, как мало удалось узнать за пол-дня работы.

- Да, хотелось бы чего-нибудь посолиднее. Тем не менее, в нашем деле частенько так бывает. Бегаешь целый день - и всё без толку. По крайней мере, есть какие-то зацепки, над чем я могу поработать после обеда. Спасибо за помощь, Лиз...

Говоря о том, что он будет работать после обеда над «зацепками», Марк выдавал желаемое за действительное. Наскоро перекусив у уличного торговца, он поехал к себе в Участок и провёл следующие три часа, приводя в порядок документы следствия. Известно, что подобная работа всегда занимает вдвое дольше, чем ожидается. В три у них была назначена телеконференция со штаб-квартирой ФБР в Вашингтоне, - такие совещания проводились регулярно, каждые две недели.

В 2020 году, имея на руках цепочку из пяти-шести серийных убийств, штаб-квартира ФБР уже парашютировала бы на них несколько «алан-пинкертонов», и эти энергичные ребята занимались бы всей необходимой беготнёй вместо (и под руководством) Марка. А если бы это не дало результатов течение четырёх недель, штаб-квартира развернула бы в помощь Марку и Алану свою дежурную бригаду «шерлок-холмсов» и «доктор-уотсонов». И целую команду мускулистых «рэмбо» в придачу - чтобы поучаствовали в задержании. Теперь, в 2030 году, всё, что штаб-квартира могла дать Марку, - анализ данных, да ещё добрый совет и пожелание удачи по видеосвязи. Это означало, что всю работу приходилось делать местным сотрудникам. Не то чтобы у штаб-квартиры кончились все эти «пинкертоны» и «рэмбо», просто их доставка по месту применения стала слишком дорогим удовольствием.

Телеконференция прошла в обычной деловой манере. Марк и Алан представили последние результаты, эксперты с другой стороны выдали свои, довольно бесполезные, советы, потом Бен заверил всех, что его Участок делает всё возможное и помогает ФБР по мере сил. Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса, стоит ли продолжать заниматься идентификацией убитой женщины. Участники из Вашингтона справедливо полагали, что даже если имя жертвы будет определено, это, вероятно, мало поможет в обнаружении серийного убийцы. Обычная проблема в таких делах: жертвы редко имели что-то общее с маньяком; они были убиты просто потому, что оказались в неправильном месте в неправильное время. С другой стороны, несмотря

на то, что у Марка появилось теперь расплывчатое описание убийцы, сыщикам не удавалось сделать из этого каких-либо практических выводов. Всё что нам остаётся, печально думал про себя Марк, это продолжать работать по идентификации убитой... По крайней мере, будет чем заняться до того момента, когда «Мясник» убьёт кого-то ещё.

Внезапно один из участников конференции с вашингтонской стороны поднял руку. Марк видел его впервые и предположил, что это был кто-то из руководства отделом криминалистической экспертизы, заглянувший на совещание чтобы убить скуку.

- Мистер Пендерграсс, - начал незнакомец, глядя в телекамеру как-то боком. Так следят за добычей змеи и крокодилы, - Возможно, Вы занимаетесь этими серийными убийствами слишком долго.

- Что Вы имеете в виду, сэр? - ответил Марк. Слишком долго, в задницу, подумал он. Двадцать лет назад было такое правило. Агентам ФБР не позволяли работать над делами о серийных убийствах более шести месяцев, в порядке исключения - до одного года максимум. Расследование серийных убийств расшатывает психику, и в ФБР пытались сохранить психическое здоровье агентов. А теперь, Марк работал над расследованием дела «Мясника» уже почти два года. Никому и дела не было до психического здоровья следователей, так как следователей хронически не хватало.

- Я читал Ваши отчёты, господин старший следователь, - продолжил человек с экрана, - Два года - это многовато. Мы должны принять какое-то организационное решение по делу «Шелдонского Мясника».

- Вы предлагаете направить к нам ещё одного агента ФБР? В помощь старшему следователю Пендерграссу? - спросил Бенито.

- Отправка ещё одного агента - это из области чистой теории, майор. Для начала, мы можем передать дело под юрисдикцию Округа Харрис. Пусть Полиция займётся «Мясником».

- При всём уважении, сэр, и как это поможет ускорить расследование? - раздражённо возразил начальник Участка, - Вы же знаете ситуацию. Надеюсь, мне не нужно Вам объяснять, что у нас самих не хватает ни людей, ни ресурсов.

- Скорости следствия это не поможет, зато очень даже поможет моему бюджету. Лично я сильно сомневаюсь, что на Вашем участке вообще нужен представитель ФБР.

- Означает ли это, что я уволен, сэр? - спросил Марк.

- Пока нет, старший следователь. Пока нет. Но Вам следует действовать, как бы это сказать... поактивнее.

- Мы делаем всё от нас зависящее, сэр, - начал Бенито.

Незнакомец поднял ладонь, прерывая майора, - Я думаю, не всё. Как насчёт добровольцев?

Один из вашингтонских экспертов на экране незаметно для незнакомца закатил глаза, указывая участникам в Хьюстоне, что он решительно не согласен с начальством, но слишком боится высказывать своё мнение.

- Однако, сэр... - сказал Алан.

- Никаких «однако», джентльмены. Я вам это разложу на пальцах. Время «икс»: два календарных года с момента убийства номер один, либо следующее убийство «Мясника», что из них наступит раньше. А как только момент «икс» настанет - мы тут в Вашингтоне начнём принимать решения за вас. И, к сожалению, многие из наших решений вам, джентльмены, придутся не по вкусу. Покажите нам, что Вы можете хорошо работать, мистер Пендерграсс... - и экран выключился.

- Нифига себе! Откуда, чёрт возьми, взялся этот *заподлянец*? - спросил Алан, - И кто это, кстати?

- Понятия не имею, - сказал Бен, - Он вообще не представился. Наверное думает, что все должны узнавать его в лицо. Ты знаешь, кто это был, Марк?

- Нет, - покачал головой Марк, - Но то, что он *заподлянец* - не вызывает никаких сомнений. Один из этого нового поколения вашингтонских клоунов. Из тех, что попали сразу в штаб-квартиру, не будучи полевым агентом ни одного дня. У тебя, Бен, случаев нет открытой позиции депюти? Для бывшего агента ФБР? Уборщиком или клерком я тоже могу.

- Ты так не шути, чувак!

- Ладно, не шучу. Итак, что будем делать? Соберём добровольцев и продемонстрируем бурю активности?

- Ты знаешь это лучше меня, Марк. Не сработает. Только хуже сделаем.

Это правда, ничего хорошего из добровольцев не выйдет, подумал про себя Марк. Интересно, что я буду делать, если меня выпнут из ФБР? Всё, что я умею в жизни - это расследование уголовных преступлений. Да, ещё у меня есть кое-какие навыки столяра. Уже много лет Марк мастерил стулья и полки для всех соседей, и ему нравилось работать с деревом. Открыть, что ли, столярную мастерскую в своём гараже? Да, но уровень доходов будет жалкой тенью того, что ему *пока ещё* платят в ФБР...

- Всё в порядке, джентльмены, - произнёс Марк с решительностью смертника, - пойдёмте работать дальше.

Глава 10

Утром следующего дня, когда Марк добрался до Участка, Алекс Зуйко уже ждал его в офисе. Судя по красным глазам и небритому лицу, сержант трудился всю ночь.

- Если ты не слишком занят, Марк, пошли со мной. Я представлю тебе мисс Джен Лиен, - самодовольно похвастался Алекс, - Она была достаточно любезна, чтобы присоединиться к нам вчера ночью. Провела за решёткой шесть или семь часов. А я честно заработал мои сверхурочные.

- Как вам это удалось? - спросил Марк. Он знал, что Алан и Алекс были находчивыми следователями, но не ожидал, что задержание Лиен произойдёт так быстро.

- Старый друг нашего дорогого доктора приезжал сюда на гастроли. Алан убедил его проверить небольшую работку для Полиции.

- Старый друг?

- Ага. Имени называть не будем - оно к делу не относится. Этот парень раньше был брокером на бирже. Ну а после *Обвала* - стал «артистом», то есть вором на доверии. Продолжил работать по основной специальности, так сказать. Сейчас он уже отошёл от дел, но любит время от времени проделывать тот или иной фокус-покус из своего старого репертуара. Даже для Полиции, причём совершенно бесплатно. Он делает это только из любви к искусству, я так думаю.

- Ну и какой фокус-покус вы с ним придумали, Алекс?

- Простой. Кодовое название «А *Теперь Вас Привлекут за Убийство*». Только вместо сообщников, переодетых полицейскими, на этот раз у нашего вора на доверии была в распоряжении команда настоящих полисменов. Алан просчитал, что Джен - жадина. Ну вот, его приятель, слегка загримированный и со скрытым микрофоном, появляется перед сутенёром, - этим самым Во, и заказывает ночь с девочкой. Мисс Лиен, как обычно, начинает клиента проверять, но она по сравнению с нашим «артистом» - как школьная баскетбольная команда против сборной НБА. Проверка проходит на ура, и они отправляются к Лиен «домой». Ну там она, конечно, собиралась забрать денежки и представить нашего человека своей «подружке», в общем, всё, как всегда. Пустынная улица, всё такое. Вдруг у нашего «артиста» случается инсульт. Он дергается, хрипит и с перекошенной мордой валится на тротуар. А во рту у него - пластиковая соломинка для коктейлей, а в ней - сода и пищевой краситель. Когда он упал, он соломинку надкусил. Из рта жёлтые слюни - всё очень даже реалистично.

- Лиен поверила?

- А куда она денется? Этот мужик - профессионал! Я, например, знал что он будет разыгрывать приступ, и то чуть в штаны не наложил, когда он захрипел в микрофон. Честно говоря, я подумал: наш «артист» - старичок. Инсульт настоящий случился! Кранты ему пришли прямо на рабочем месте, да! Короче, если бы в Лиен было что-то

человеческое, она бы помчалась звать на помощь. А была бы она трусиха - рванула бы когти. В обоих случаях мы бы, конечно, её не взяли. Но, Лиен, - жадина, что и требовалось доказать. Всю дорогу наш «артист» прилежно блестел золотыми часами, кольцом и цепью на шее. И при этом - размахивал толстенным бумажником. В общем, наша Джен решает про себя, что мертвецу все эти предметы ни к чему. В Раю, золотая цепь на шее - моветон-с! Собирает, значит, она все цапки и мчится - прямо в руки Полиции. В мои руки, если быть совсем точным.

- И?

- Она чертовски смелая девочка, я должен тебе сообщить. Говорит не моргнув глазом: всё в порядке, сэр, я - зарегистрированная проститутка. Я отвечаю: уверен в этом, мисс, однако, разрешите проверить Ваш ошейник. Итак, я достаю сканер, и, увы, он играет «та-да» и показывает: регистрация недействительна. Она говорит: попробуйте ещё раз. «Та-да». Я несколько подкрутил сканер, знаешь ли. Ну вот, я ставлю её лицом к стене, зову женщину-полицейского, и мы Лиен обыскиваем. Извлекаем бумажник, дорогой мобильный телефон, золотые мужские часы, кольцо и цепочку. И прикинь, на обратной стороне часов гравировка: «Чарльзу Смиту за 25 лет службы». А на телефончике - экран с паролем и то же самое имя: «Чарльз Смит». Ну ясно, говорю я Лиен. Вы мисс, ну просто никак не можете быть Чарльзом Смитом. Лицом и фигурой как-то не вышли. То, что у Вас за ошейник не заплачено - это беда небольшая, а вот по подозрению в ограблении клиента - позвольте Вас пристроить к нам в кутузку на ночь. Она всё, естественно, отрицает, говорит, что клиент ей всё это подарил, или что у неё недавно умер богатенький дедушка, всё такое. *Без базара*, мисс. Введите пароль в телефон и покажите мне - если пароль правильный, то телефон Вам и правда подарили. Выпишем Вам штраф за просроченный ошейник, и можете продолжать ударно-трудовую ночь. Ну, пароля она не знает, естественно, и мы отправляем её за решётку, до выяснения. Посидите тут, утром разберёмся. Через часок, достаём её из камеры и говорим: ситуация-то дерьмовая, мисс. Найдено тело господина Чарльза Смита. Так что, мисс, *«А Теперь Вас Привлекут за Убийство»*. Она сглупила и впала в панику. Начала орать, типа: он мёртвый был уже, мёртвый! Прямо перед камерой видео-наблюдения. Глупо попалась, в общем. Сейчас сидит в кутузке, маринуется потихоньку. Я ей намекнул, что за такой прорыв ей светит либо четвертак без права амнистии, либо пожизненное.

- В суде это не прокатит. Наш «артист» жив, так?

- Жив, здоров и уже мчится к себе домой в Корпус-Кристи. С комфортом, на армейском грузовике. Но мисс Лиен мы про это не скажем. Ей ни к чему это знать, правда?

- В Корпус-Кристи? Друг нашего доктора, наверное, очень богатый человек. Они возят и гражданских, конечно, но такой билет влетит в копеечку.

- Не знаю, богатый он или нет, но сегодня он едет *забесплатна*. Небольшие чудеса всё ещё случаются в жизни, даже с солдатами и сержантами с этих самых военных грузовиков. На них иногда накатывают приступы невероятной щедрости. Особенно

если взять подержанную полковничью форму и правильно её надеть.

- Оставим в покое вашего «артиста» - брокера. Мавр сделал своё дело - мавр может уходить... Уезжать... В полковничьей форме! Круто, - сказал Марк, - Лучше, пошли Лиен колоть. Что делаем для начала: добрый полицейский - злой полицейский?

- Не-е-ет, это не пойдёт. По плану игры «А *Теперь Вас Привлекут за Убийство*», оба полицейских должны быть злыми. У нас будет так: ты злой агент ФБР, но ты боишься за свою задницу, а я - злой сержант-садист. С жаждой крови, и нифига уже не боюсь.

Они прошли в комнату для допросов. Дежурный депьюты вскоре привёл из камеры арестованную проститутку. Лицо Джен было в подтёках туши для ресниц и размазанной губной помаде. Наверное, она уже и так была напугана почти до потери сознания, но сержант был не из тех, кто оставляет важный бизнес запугивания на волю случая.

За несколько секунд до того, как дежурный открыл стеклянную дверь комнаты для допросов, Алекс начал объяснять что-то Марку, как будто бы продолжив долгий разговор, - ...Ну, так я его и спрашиваю: зачем вы, к чёрту, отправили *леди* в мужскую зону? А охранник говорит: да какая она тебе *леди*, в задницу. Зарегистрированная проститутка. Ты чо, говорит, не слышал? Теперь мы всегда так делаем. Как поступает такая самка с ошейником - в мужскую зону её! А как ещё этих ублюдков в зоне под контролем-то держать? А я говорю: но ведь девчонка-то... того. Умерла! Тебе начальник задницу не порвал за смерть вверенной тебе заключённой? А он смеётся: никто и слова не сказал, говорит. Гулящая - она гулящая и есть. Кто её знает, может ей даже *нравилось* спать с полусотней мужиков каждую ночь?

Тут Алекс обернулся к двери, как будто он только заметил депьюты и Лиен, - Ой, извини, братан. Я вот просвещаю ФБР про мою недавнюю инспекционную поездку по исправительным заведениям... Оставь мисс Лиен с нами, пожалуйста...

После того, как депьюты закрыл за собой дверь, сержант указал Лиен на кресло, - Присаживайтесь, подозреваемая.

Затем он снова повернулся к Марку и продолжил «просвещать»: - Ну так вот. Выясняется, что эта девочка забеременела. А в мужских зонах такое не прокатывает. Но ведь и эки знают, что делать. Берётся алюминиевая ложка. Из соловой. И ещё свечка. Ложку накаляют на свечке. Типа: стерилизация, так? А потом - втыкают ложку в... Не, это долгая история. Давай, мисс Лиен допросим по-быстрому, и я тебе с подробностями расскажу.

- Договорились, сержант, - подыграл Марк.

- Извините, что заставили Вас ждать, мисс Лиен, - повернулся сержант к проститутке, - Это вот Старший Следователь Пендерграсс, он из ФБР. Алекс указал на Марка, а тот извлёк свой бэдж.

- Может быть, я зря с вами одна разговариваю. Мне нужен адвокат, - сказала Лиен.

- Да как Вам будет угодно, мисс. Только учтите, я зачитал Вам Ваши права, и после этого Вы уже давали показания. Причём: у нас же есть видеозапись, правильно? Вам, мисс, понадобится чертовски серьёзный адвокат, чтобы выпутаться из этого дерьма. Настоящий хищник, прожжённый. А дешёвый адвокатишка только хуже Вам сделает...

- Деньги у меня найдутся...

- О-о! Ну - давайте будем реалистами! Правильный адвокат просит за час больше, чем Вы, леди, делаете в неделю... Давайте: просто и легко. Я Вам сейчас дам список, и Вы запомните назубок обстоятельства *всех шести убийств*.

- Шести? - закричала Лиен в изумлении.

- Видите ли, на нас тут висят ещё пять убийств - и метод совершения один-в-один, - терпеливо объяснил сержант, - Мужик идёт к проститутке. Бах, и утром мы находим тело. Отравлен и ограблен! Ну раз мы знаем, что Вы точно таким способом сделали вчера ночью господина Чарльза Смита, мы на Вас и остальные пять случаев повесим. Семь бед - один ответ, так?

- Я не знаю никакого Чарльза Смита!

- Это совсем не то, что Вы говорили чуть раньше. Перед видеокамерой. Учтите, леди: мне теперь даже это видео не нужно. Наши эксперты начали работать над телом. И представьте себе, Ваши отпечатки пальцев у мертвеца на пряжке ремня. И ещё один - на пуговице.

- Я уже говорила, я мужика не убивала, он уже был мёртвый! - она заплакала, вытирая глаза кулаком и размазывая тушь по щекам. - Я только часы у него сняла... И остальные цацки... Но я не... Не убивала я его! А-а-а!

- Ну, голубушка, успокойтесь! Не надо плакать! - Марк играл роль «злого агента ФБР» - Убивали, не убивали, какая теперь-то разница? Облегчите душу! Просто скажите нам, что Вы использовали. Снотворное? «Лёд»?

- Ничего я не использовала. Я сержанту уже сказала...

- То есть, Вы не подсыпали ему крэк-кокаин, который мы на Вас нашли? - прервал её Алекс.

- Какой ещё крэк?

Алекс торжественно водрузил на стол запечатанный пластиковый пакетик для вещественных доказательств. Внутри был другой пакетик - поменьше, с белым порошком. На маленьком пакетике отчётливо выделялся припорошенный дактилоскопической пудрой отпечаток пальца, - Вот этот вот крэк-кокаин, дорогая

леди.

- Это - не моё! - взорвалась Лиен.

- Теперь - уже Ваше, - спокойно кивнул Алекс, - Вы его и в плёнку заворачивали, собственноручно. Видите: там Ваш «пальчик» на пакетике?

- Ты... Ты! Скотина! Ты мне пальцы полотенцем вытирал! Когда отпечатки снимали! Я ещё подумала: почему это кусочек липкой ленты на полотенце? Мистер... чёрт, как Вас по фамилии? Мистер Пендерграсс, сэр! Этот сержант - он всё подстроил. Уже здесь, в Участке. Не было на мне никакого крэка *вообще*. Богом клянусь!

Марк сделал недовольное лицо и спросил Алекса, - Ты чо, *опять*?

- Чо, - опять? - откликнулся сержант, - Не «опять», а «снова»! Ну не было на этой девке наркоты! И что прикажете делать?

- Я те сто раз говорил, падла! Делай что хочешь. Только *мне-то* зачем об этом знать? Смотри, сержант, и учись.

Он вежливо повернулся к Лиен, - Извините, леди. Только это Вам привиделось. Никакой липкой ленты в полотенце не было, правда, сержант? А чтобы удостовериться, что на Вас абсолютно нет наркотиков, мы сейчас позовём нашего штатного врача. Он Вас проверит... как бы это сказать, изнутри... Понятых пригласим, фотографа, на видео снимать будем, всё по правилам. Но, конечно, если врач что-то там у Вас найдёт - это будет *железобетонное* доказательство. А он - найдёт, даже не сомневайтесь. У нас очень *хороший, опытный* врач... Подумайте: и зачем Вам всё это беспокойство? Лучше, давайте так: Вы мне ничего такого про сержанта не говорили, а я ничего не слышал. А пакетик - Ваш. И с Вашими «пальчиками». Ну? Договорились? Вот и умница, - Марку начинала нравиться его роль «злого агента ФБР».

Лиен смотрела на него расширенными глазами. Она больше не плакала. Она была в ужасе.

- Ладно, мисс, - махнул рукой Алекс, как бы отказываясь звать врача и призывая замять дело. - Давайте по-хорошему. Крэк или не крэк - какая разница? Доказательства у нас и так *железобетонные*. Часы, телефон, отпечатки пальцев на ремне... На Вашем месте, мисс Лиен, я бы пошёл на сотрудничество с Полицией.

- На какое сотрудничество?

- Ну, скажем, Вы берёте на себя убийство по неосторожности. Не хотели Вы клиентов убивать, вот только крэк-кокаин Вам продали какой-то неправильный. Бывает. Шесть убийств по неосторожности - это пятнашка в лагерях[31].

- Шесть? Почему шесть? - прошептала Лиен.

- Ну а что нам-то делать прикажете? Рассудите сами. У нас пять «висюков». Шериф - плачет. Окружной прокурор - рыдает. А теперь вот и у ФБР счастья в жизни нет. Ещё хорошо, что мистер Пендерграсс и наш начальник участка - давние друзья...

- Я не уверен, что следует вешать на неё все шесть дел, - в соответствии со сценарием, у Марка «неожиданно проснулась забота о своей заднице», - Что если на видеокамеру она скажет одно, а на суде - будет всё отрицать?

- Не-е-ет, сэр. Не будет она ничего отрицать. Мы ей всё щас объясним. Если она вдруг бросится в несознанку, мы повесим на неё вместо убийств по неосторожности - убийства первой степени. Шесть штук! А это - совсем другой срок. Четвертак! Без права амнистии, - Алекс повернулся к Лиен, - Давайте, мисс, я вкратце расскажу Вам разницу между пятнашкой с правом амнистии и четвертаком без права амнистии. Пятнашка проходит в женском исправительном лагере. Это, конечно, совсем не курорт, однако... Короче: выжить там можно. А если Вы будете себя примерно вести, то Вам даже позволят откинуться, лет этак через двенадцать. А вот двадцать пять - это не просто на десять лет больше, чем пятнадцать. Вы же зарегистрированная проститутка, так? Четвертак без права амнистии у таких, как Вы, леди, он проходит совсем не в женском лагере. Я вот давеча агенту рассказывал. Новая система у них. Попадёте Вы, голубушка, в лагерь мужской. На угольную зону. Там народ вкалывает - до смерти. Даже нары у них под землёй, в шахтах. Так и охранять проще. Вы готовы обслуживать по пятьдесят мужиков каждую ночь? И делать регулярные аборт - алюминиевой ложкой? Я Вам без выкрутасов скажу. Шансов выйти оттуда живой - у Вас почти нет. А даже если и выйдете - то полной калекой: умственной и физической. Я понятно излагаю?

Лиен тихо кивнула.

- Ну, а раз понятно, - продолжил сержант, - Давайте, мисс, возьмём себя в руки и начнём заучивать наизусть про остальные пять дел. Мистер Пендерграсс нас с Вами потом проверит - и можно будет записать Вас на видео.

- Подожди, сержант, не гони лошадей, - сказал Марк, - Я подумал, нельзя на неё все шесть дел вешать.

- Почему это, сэр?

- А что, если это и в самом деле - не она? Прикинь, она уже в лагере, а у нас - дело номер семь? С тем же методом совершения?

- Ой, фигня! Ну, соврём что-нибудь окружному прокурору. Всего и делов-то.

- Не, мне это не нравится. Ну, если дело номер семь - соврать-то соврём. А если - ещё одно дело? Восьмое? Это будет задница!

- Вы правы, сэр. Об этом я и не подумал. Надо чем-то задницу прикрыть.

- Мисс Лиен, - произнёс Марк задумчиво, - Вы работаете на Джо Во, так?

- Так, - кивнула она.

- У нас есть достоверная информация, что убивает клиентов одна из девочек Во. Предположим на мгновение, что это не Вы. Если Вы нам сейчас всё расскажете и про Во, и про его девочек, мы на Вас повесим всего *одно убийство по неосторожности*. Вчерашнее. Это потянет на пять лет, максимум. Если Вы сядете, и убийства прекратятся - тем лучше. А если продолжатся - у нас будет великолепная отмазка. Скажем прокурору, что, наверное, Вы узнали про те, другие, убийства и вот решили сами попробовать. Называется: «подражатель».

- Я... я уже говорила. Я понятия не имею, почему этот Чарльз, или как его там, - откинул копыта. Я только цацки забрала... И я никакого отношения не имею к другим убийствам. Да, я шлюха, но ведь не убийца же?

- Я Вам ещё скажу, леди. Если то, что Вы нам сейчас расскажете, поможет нам точно определить, кто из девочек Во - настоящий убийца, я шепну нашим экспертам, чтобы они не обращали внимания на некоторые отпечатки пальцев. А бумажник и «цацки» положим мертвяку в карман. И отпустим Вас, голубушка, на все четыре стороны.

- О-кей, сэр. Я... не хочу быть в лагере. Даже на пять лет.

- Ну, тогда давай на «ты», - предложил Алекс, - Если не хочешь в лагерь, расскажешь нам всё. Всё про Джо. Всё про его «девочек». Имена, адреса, привычки, сколько они просят за ночь, и так далее.

- Я тебе, сержант, расскажу о Джо, а он меня - на нож...

- О Джо можешь не волноваться. Всё, что расскажешь, останется строго между нами. Откуда Джо-то узнает? Разве что, ты ему сама проболтаешься... Притом, я не уверен, что двадцать пять в угольной шахте - это лучше, чем нож. По крайней мере, от ножа умирают *быстро*. И - относительно безболезненно.

- Хорошо, я расскажу, но... - начала торговаться Джен. Она выглядела немного более уверенно. В этом и заключался фокус-покус. Сначала объяснить «клиенту», что надежды нет никакой, а потом показать гипотетический выход из ситуации, на самом деле не обещая ничего конкретного.

- Никаких «но», беби. Начинай стучать. Всё, включаю камеру, - Алекс нажал на кнопку пульта дистанционного управления.

Проститутка подавленно кивнула и начала «стучать». Организация работала так: у Джо Во было восемь «подкладок», а в целом он рулил более чем сотней проституток. Сама Джен контролировала одиннадцать «девочек без лицензии» в трёх домах с обеих сторон шоссе К.Э.Кинга. Джен сыпала именами и адресами, а Алекс и Марк делали заметки, задавая время от времени уточняющие вопросы. Видеозапись, конечно, будет

транскрибирована и передана в настоящий Отдел Контроля Секс-услуг в качестве вспомогательных разведданных. Учитывая их метод задержания и допроса Лиен, всё это вряд ли годилось для зала суда.

Через какое-то время Джен плавно перешла в рассказе на проституток, которых она контролировала лично. И вдруг промелькнула фраза, - Была у меня ещё одна, но теперь уже нет...

- И что с нею случилось? Сбежала? - хладнокровно спросил Алекс.

- Замочили её, на пару с клиентом. Говорят, серийный убийца. Ваши парни из ФБР должны знать, разве не так?

- Как её звали?

- Мел.

- А фамилия?

- Я те чо - нотариус? Извини, сержант, вырвалось... Я имею в виду: не знаю я её фамилии. В нашей работе, знание фамилий вредит бизнесу.

- А где она жила, ты не в курсе случайно?

- В трущобах шоссе Гаррет, к северу от *Шелдон-Рез*. Точнее мне ни к чему знать. По правде говоря, мне пофиг, где мои нелегалки живут, лишь бы на работу выходили каждый вечер.

- А если кто-то не придёт - как ты её найдёшь?

- Ну, к твоему сведению, сержант, есть такая штука. Называется телефон! Хотя, если без шуток, я просто звоню Джо, он отправляет своих пацанов разобраться на месте. Пацаны у него - конкретные, он им за это *бабки* платит, вот пусть они и потеют. Я ни при чём.

- А откуда ты узнала, что Мел убили?

- Джо увидел что-то по телевизору. Он и сказал мне: пойдёшь на эти долбанные похороны и лично проверишь. Конечно, это была она. Гроб был закрыт, но я видела фотку в часовне.

- А что насчёт её клиента?

- Инвалид на протезе? Ну - тоже узнала его. Я этого парня отводила к Мел вечером того дня, когда их замочили. Он спросил у Джо именно эту девочку, конкретно. Я хочу только с Мел, говорит, и никого больше. Торговаться он не стал, и заплатил по правильной цене. Мел была свободна в ту ночь, ну, я сказала: никаких проблем, по

рукам. Про себя подумала, что кто-то, наверное, порекомендовал Мел инвалиду. Какое-нибудь особое извращение, или что-то в таком духе. Странно, что они оказались в этом дурацком лесу. Как будто им отдельной комнаты было мало.

- А имя ты у парня спрашивала?

- Назвался Ником. Фамилию я не спросила. Только уже на кладбище прочитала: вроде как: Хобсон...

Алекс невзначай сунул руку в карман и нажал кнопку на своём телефоне. Через тридцать секунд телефон запищал мелодией звонка, и Алекс вышел в коридор, как будто, чтобы ответить на срочный телефонный вызов. Выждав ещё минуту, он открыл дверь и попросил Марка выйти в коридор. Они иногда применяли этот трюк, чтобы прервать допрос.

- Ты думаешь, она правду говорит? - спросил Марк Алекса уже в коридоре.

- Мы ей ничего не говорили о видеозаписи похорон. Она сама рассказала, причём в деталях.

- Согласен. Итак, мы подтвердили, что убитая была проституткой, а Ник Хобсон - её клиентом. Однако, мы всё ещё не знаем ни фамилии девушки, ни адреса. Ты считаешь, что мисс Лиен их знает, но не хочет говорить?

- Это вряд ли, Марк. Она правильно сказала: в её работе, фамилии и адреса - это лишнее. Меньше знаешь - крепче спишь.

- С её Джо Во стоит пообщаться?

- На твоём месте я бы этого пока не делал, Марк. Этот парень куда умнее, чем его «девочки».

- Не могу не согласиться, Алекс. Этот Джо сделает квадратное лицо и скажет нам, что всё это является ярким воображением Лиен. А потом - потребует своего адвоката. Я могу дать правую руку на отсечение, у него-то уж точно есть настоящий пройдоха-адвокат, готовый на все услуги. К Во мы пойдём, если только застрянем полностью по всем другим направлениям... Джен сказала, что Мел жила где-то к северу от *Шелдон-Рез*, в ТШГ? Давай так: ты продолжай её колоть ещё часок, а потом иди отсыпаться. Ты ведь завтра выходной, так? А я тем временем позвоню Киму. Наверное, нам придётся ещё раз пройти по его околотку.

- Похоже на план. Как конкретно ты собираешься искать в ТШГ?

- Ещё не знаю. Придумаю, пока доеду туда на велосипеде. Например, можно распечатать адреса всех зарегистрированных проституток, ходить и показывать им фото жертвы. Если даже проститутка в районе проезда Меза как-то запомнила её лицо, девочки в ТШГ тоже, вероятно, что-то о ней расскажут.

- Лиен - отпускаем? Сделка есть сделка. К тому же, у нас отсутствует главный довод для любого судьи. Знаешь, как в поговорке: либо мёртвое тело, либо «мёртвое» дело. Одно из двух.

- Лиен никому не расскажет?

- Не думаю. Она нам «настучала» достаточно, причём на видео. Если она расскажет об этом допросе своим подружкам, её песенка спета. Будем надеяться, она это хорошо понимает...

- Ладно, будем надеяться. Да, ещё одно.

- Что?

- Эта история. Про то, как проститутки отправляют в мужские зоны? Это - правда, или ты это выдумал?

- Выдумал, Марк. Они, к счастью, пока не прибегают к таким ужасам. Хотя, идут разговоры о том, что неплохо было бы набрать добровольцев в женских зонах и открыть в мужских контролируемые бордели.

- Это ещё зачем?

- Хотят, чтобы заключённые с бóльшим энтузиазмом рубили уголёк. Наказания на эзков уже не действуют, вот, хотят попробовать метод поощрения...

Марк вернулся в свой кабинет и набрал номер Кима.

- Я в трущобах - семейная драка, сэр! Надеюсь, это не займёт слишком много времени. Пожалуйста, подъезжайте прямо в офис, там у нас... в общем, должно быть открыто, - Голос молодого человека застенчиво дрогнул на последней фразе.

Когда следователь примерно через час подъехал к Околотку, там и правда было не заперто. Наверное, Тань, подумал Марк, хотя он же должен быть на выходном сегодня. Переступив порог, Марк даже свистнул от удивления. Внутри Околотка произошли невероятные перемены. Напольная плитка, бывшая более чем грязной во время его последнего визита, теперь блестела образцовой чистотой. Рабочие столы обоих депюти выглядели несколько аккуратнее. Низенький журнальный столик был придвинут к стене, а стопки потрёпанных бумаг перекочевали на него с рабочих столов. Полицейский компьютер-планшет, с клавиатурой и мышью, был припаркован рядом с бумагами.

- Чем могу помочь, сэр? - раздался женский голос, и из-за рабочих столов внезапно высунулась голова, - Ах, доброе утро, сэр! Вы, наверное, Старший Следователь Пендерграсс, из ФБР? Ким звонил, что Вы приедете, сэр.

Марк сразу узнал её. Это была та безногая девушка-инвалид, которую они с Кимом повстречали в придорожном корейском кафе. Теперь он заметил, что её поцарапанный скейт, деревянные колодки и красное ведёрко для пожертвований были аккуратно сложены под журнальным столиком. Безногая девушка выползла из-за столов. Вместо полной формы, в которой они видели её в кафе, сегодня на ней были только тёмно-синяя флотская футболка и военные брюки с криво отрезанными штанинами.

- Да. Марк Пендерграсс, - подтвердил Марк, протягивая девушке руку, - Тогда в кафе, Ким и я забыли спросить, как тебя зовут...

Девушка пожала руку Марка. - Кейти Боуэн. Зовите меня просто Кэйт, сэр.

- Приятно познакомиться, Кэйт.

- Мне тоже очень приятно, сэр.

- Оставь, пожалуйста свой «сэр» и зови меня «Марк».

- О-кей, сэр... то есть Марк. Кстати, я Вас не испугала, выскочив из-под стола? Это не нарочно. Я просто разбираю бардак у них в ящиках...

- Меня довольно трудно напугать, Кэйт. Я просто ожидал встретить в Околотке депьюти Тана. Ким не сказал мне, что сегодня за его Околоток будет отвечать кто-то ещё.

- О, я тут не отвечаю ни за что, сэр... извините: Марк. Просто помогаю немного по хозяйству. Кстати, Ким сказал, что он скоро будет. Если Вы не против, присаживайтесь и подождите его. Хотите зелёного чая?

- Да, пожалуйста. Чай - это прекрасная мысль.

Марк сделал шаг в сторону кресел для посетителей, но затем притормозил, подумав, не стоит ли предложить помощь в приготовлении чая. Он обнаружил, что безногая девушка вполне обходится без посторонней помощи. Всё необходимое было стратегически расположено в непосредственной близости от стола. Уже через минуту Кэйт вскарабкалась во второе кресло для посетителей и принялась наливать кипяток из термоса в заварочный чайничек. Это, конечно, был не настоящий зелёный чай, а дешёвый заменитель: смесь листочков неизвестного Марку местного растения и перечной мяты. Настоящий зелёный чай был непозволительной роскошью для скромного полицейского Околотка.

- Я всё-таки думаю, что ты, Кэйт, вполне конкретно отвечаешь за Околоток, - прокомментировал Марк, - Вымытый пол - это, конечно, твоя работа? В этом офисе не было так чисто с момента основания.

- Ну, пол - это не совсем моё достижение. Ким попросил помочь с вводом документов

в базу данных. Я сказала ему и Тану, что если они хотят, чтобы я работала с бумагами, нам придётся навести в Околотке порядок. Они заскочат в офис и уходят дальше патрулировать, или на разборки, а я должна сидеть в этом бардаке? Вчера у нас был день генерального наступления. Парни носили воду, а я драила палубу. По крайней мере, теперь я могу ползать тут, не пачкая штаны всякой гадостью. Ну, а после полов, я начала разбирать их бумаги. Просто жуть, какой беспорядок они тут накопили.

- То есть, Ким пригласил тебя работать в Полиции на общественных началах?

- Более или менее.

Марк улыбнулся, - Тогда в кафе, Ким сказал: «увидимся». Я не думал, что он доест суп и помчится тебя догонять!

- Не-е-ет, он никого не догонял, - улыбнулась она в ответ, - Для этого он слишком уж джентльмен. Это у нас как-то случайно вышло.

- Случайно? Как твоя поездка в *Шелдон-Рез*?

- Где-то так. В тот же день, ну, когда мы встретились в корейском кафе, я возвращалась домой с *Маршрута*. Медленно, конечно. По нашим тропинкам на скейте особенно не разгонишься. Вдруг Ким обгоняет меня на своём велосипеде. Спросил, не подвести ли домой. Я не возражала. У скейта колёсики маленькие... По грязи - проходимость нулевая. Ну он спрашивает: ты где обитаешь? Я говорю: угол сняла, двести баксов в неделю. Он говорит: наверное, отдаёшь хозяевам всё, что насобирала своим ведёрком? Хочешь жить у нас - *забесплатна*? У него в прошлом году брат женился - место освободилось. Он сказал: мы выделим тебе целый диван. А я ему: весь диван - мне слишком жирно. Любой половины будет вполне достаточно. Мне после круиза на «*Мусоровозе*», - вообще много места не надо. Как Вы, Марк, тогда сказали: «уполовинили»? Ха-ха! Ну, в общем, закончилось тем, что я поехала домой на багажнике его велосипеда. Переезд много времени не потребовал. Всё моё имущество пошло ко дну вместе с бронекатером. Зубная щётка - вот и все пожитки.

- А как мама Кима восприняла твоё внезапное переселение? - поинтересовался Марк. Ким говорил, что его мать была очень строгой.

- О, они с Кимом ругались примерно пол-часа. По-корейски. Но потом, мама Кима улыбнулась и спросила, есть ли у меня пижама...

Дверь открылась, и вошёл деп്യюти Ким, тяжело дыша от быстрой езды на велосипеде.

- Мистер Пендерграсс! Извините, что заставил Вас ждать. Вы не поверите, что у меня было за происшествие этим утром!

- Ну, рассказывай. Кстати, я не спешу. Откуда ты знал, что Кэйт умеет заваривать такой великолепный чай?

Ким залился краской, но ничего не сказал о недавно обрётённой подружке. Вместо

этого, он достал из папки отчёт и начал рассказывать о происшествии, - Ну вот, история этим утром. Муж поколотил жену. Та бежит жаловаться брату. Тот - наподобие культуриста. Большой. Раза в три больше, чем я. Культурист пришёл и слегка поколотил мужа.

- Пока всё достаточно просто, - сказал Марк.

- Давай сюда свои каракули, чувак. Я лучше введу отчёт в базу, пока он не затерялся в кучах себе подобных, - Кэйт сползла с кресла на пол, выдернула из рук Кима отчёт, подползла к журнальному столику и нажала на кнопку включения планшетника.

- Не так всё просто, сэр. Это было вчера. И Полицию они не вызывали. Так вот. Сегодня, муж собирает бригаду из пяти своих друзей, и они идут бить культуриста. Пока били, сказали качку что-то интересное. Настолько интересное, что тот, прямо в собственной кроватке, мчится бить собственную сестру. Ну, то есть, побитую жену первого мужика...

- Да, вот это уже действительно - необычно!

- Что бы там ни было, концов я найти не сумел. Выдал им всем предупреждения за нарушение общественного спокойствия. Хотят - пусть дерутся, но почему соседи должны страдать?

- Ну, в подобных случаях - это единственно правильная тактика. Хорошие новости, что теперь вам с Танем не нужно самим забивать это в базу. Хотя, вы и раньше не особенно этим утруждались, - Марк указал на кучу потрепанных документов на журнальном столике.

- Проблема с железом, сэр.

- С железом?

- Ну да. С тех пор как сенсорный экран планшетника сломался несколько лет назад, наш околоток не успевает вводить отчёты. Просили заменить или починить экран, но техники говорят, что запчастей нет и не предвидится. У этого планшетника экран рассчитан лет на пять, говорят, а вашей машинке уже скоро стукнет пятнадцать. Да и не только у нас такая байда, - во всех околотках та же история. В общем, внешнюю клавиатуру на происшествиях использовать не практично, так что мы просто заполняли отчёты на бумаге. А для ввода всего в базу времени не хватало...

- Пол помыть вам тоже времени не хватало, - улыбнулся Марк. - Кстати, только сотрудникам Полиции разрешено иметь доступ к базе данных по происшествиям. Конфиденциальность, всё такое. Но я - не проверяющий из Офиса Шерифа. Я знаю, что вы, ребята, работаете на пределе. Так что, если твоя девушка помогает вводить данные в базу - меня это вполне устраивает, никаких проблем.

Когда Марк произнёс слова «твоя девушка», Ким снова покраснел. Кэйт за спиной

Кима, продолжала стучать по клавишам, но ответила Марку улыбочкой и лёгким кивком.

- Ладно, депьюти, проехали. Перейдём к основному делу. По убийству в понедельник у нас есть некоторый прогресс.

Марк вытащил посмертное фото убитой, - Мы установили, что эта юная леди была нелегальной проституткой, а мистер Николас Хобсон, то есть убитый, - был её клиентом в ту ночь. Девушка работала на сутенёра по имени Джо Во, предположительно в районе шоссе К.Э.Кинга. Есть также предположение, что убитая жила где-то в твоём околотке, Ким. К сожалению, мы не знаем точного адреса. Боюсь, чтобы его установить - придётся сильно побегать. Жертву звали, вроде бы, Мел, но фамилию - мы не установили. Эксперты запускали поиск по имени, но для укороченного имени Мел есть слишком много вероятных соответствий: Мелисса, Мелани, Мелоди, Памела, и так далее...

- А «Амелия» - подойдёт? - Кэйт помахала ладошкой.

- Ну да, «Амелия». Тоже подходит. А почему ты спрашиваешь?

- Просто видела имя «Амелия» и фамилию, которую Вы только что упомянули, вместе, - в одном и том же документе. «Амелия Хобсон».

Она заползла за столы и вернулась с картонной папкой, - Вот, поглядите. По-моему, второй или третий отчёт сверху.

Папка была озаглавлена: «*НЕРАСКРЫТЫЕ 2027*». Замеченный Кэйт отчёт оказался четвёртым сверху. Двойное изнасилование. Жертвы: Амелия и Жасмин Хобсон.

- Оба-на! - Марк озадаченно почесал в затылке, - Это один из адресов, Ким и я посещали в среду. В хибаре никого не было. Мы ещё расспрашивали соседа, помнишь, такого бравого старичка - ветерана «*Бури в пустыне*»? Конечно, тогда мы искали мужчину-инвалида, а не проститутку... Судя по комбинации имени и фамилии, Амелия Хобсон вполне может оказаться нашей убитой. Конечно, это немного странно: фамилия проститутки получается та же, что и у убитого... Выходит, наш Николас Хобсон - её брат? Но, Натали сказала, ДНК отличаются, так?

Ким кивнул, - Вряд ли они могли быть родными братом и сестрой. Девушка была выраженная азиатка, а молодой человек - белым. С другой стороны, они могли бы быть сводными братом и сестрой, - от разных родителей. Однако, вот что интересно. Почему сводный брат идёт к сутенёру и платит, чтобы нанять собственную сестру на ночь?

- Я могу вообразить одну гипотезу. Скажем, они хотели вырваться из банды этого Во. Тогда, если Во не знает, что у Амелии есть сводный брат, это даёт Нику некоторые преимущества. Он же был инвалидом, с протезом вместо ноги. Против «конкретных пацанов» из банды у него было маловато шансов.

- Я боюсь, что это немного надуманно, сэр. Однако...

- Надуманно или нет, а стоит посетить этот адрес в первую очередь. Если это пустышка, мы всегда можем вернуться сюда и придумать что-то ещё. Но, если нам повезёт, мы сможем избежать много дней беготни по трущобам. Хорошо, что кто-то, наконец, начал разбирать ваши документы, - Марк улыбнулся Кэйт.

- Хорошо, сэр, тогда поедем, - Ким с готовностью поднялся с кресла.

Кэйт насмешливо приложила ладонь к виску, как бы отдавая им честь, - Удачи, господа. Я тогда закончу набивать вот это, запру офис и пойду покатаюсь на моем скейте. Если я не выполню норму, «Путь Спасения» отберёт у меня ведёрко. Кроме всего прочего, мне нужно покурить. И - лучше делать это на *Маршруте*. Запах моей папироски может плохо отразиться на репутации Полиции.

- Ты опять собираешься курить свою травку? - спросил Марк.

- Выбора нет, сэр. Ножки болят. Особенно левая ступня. Это фантомные боли. Сегодня немного хуже, чем обычно. Похоже, погода меняется...

Марк кивнул. Время от времени, Уильям так же жаловался на боль в отсутствующих руках. Правда, сейчас - не так часто, как раньше. Кто-то обнадёживал, что фантомные боли рано или поздно пройдут совсем, кто-то заявлял, что они останутся на всю жизнь...

Глава 11

Когда Марк и Ким отъехали от Околотка, Марк спросил, - Ты, Ким, хочешь небольшой, но полезный совет? Не как от ФБР Полиции, а как мужчина мужчине?

- Конечно, сэр, - с готовностью подтвердил Ким.

- Только, сначала я должен спросить: ты уже... хм, спал с Кэйт?

Ким снова покраснел, сейчас даже больше, чем ранее в Околотке.

- ...Да, - наконец, выдал он из себя.

- И как она? Я имею в виду: в постели?

- Мне... Мне не с чем сравнить, сэр... Видите ли... я - девственник. Был. До вчерашней ночи. Я знаю, для двадцати пяти лет - это странно...

- Ну, во-первых, нет ничего плохого или странного в том, чтобы быть девственником до двадцати пяти. До *Обвала*, это вообще было в норме. Я, например, встретил Мэри в 2006 году. Мне было - двадцать четыре. Моя жена, - единственная женщина в моей жизни. Но я вообще-то не про секс. Я - про Кэйт.

- Да, сэр?

- Я только хотел сказать: одобряю твой выбор, парень. Есть в ней что-то... необычное. Она - сильная личность. Превосходный материал для подружки. А то - женись на ней. Если ты готов, конечно.

- Вы... в самом деле так считаете? Вы знаете, сэр, как ни странно, моя мама сказала то же самое...

- Она тебя не отругала, что ты притащил домой безногую девушку со скейтом?

- Отругала, - признался Ким, - Но скорее для остротки. Чтоб мы прочувствовали, кто в доме хозяин. Зная маму, она как-то невероятно легко согласилась на то, что Кэйт будет жить у нас... Причём, сказала мне именно это: Кэйт - сильная личность. Только она говорила по-корейски.

- Вот как? Ну, тогда мой совет был тебе не слишком нужен. Я уверен, твоя мама знает жизнь куда лучше, чем я. Она сама - сильная личность.

- Спасибо за независимое мнение.

- На свадьбу - пригласишь?

- Непременно.

- Что я могу сделать для вас, ребята: я поговорю с начальством в Участке. Твой околоток уже давно нуждается в третьем депьюту. Сколько населения у вас в трущобах по последней оценке - шесть, шесть с половиной тысяч?

- Почти семь, - подтвердил Ким.

- На третьего депьюту майор Ферелли ни за что не согласится, - бюджет трещит по швам. Однако, если попробовать продать должность клерка, причём гражданского, и инвалида, - кто знает, может быть, дельце выгорит. Конечно, они за такую должность платят фигну: тысяч пятьдесят в год. Всё же, это больше, чем Кэйт может собрать в программе «Пути Спасения».

- Спасибо, сэр, - кивнул Ким. - Это было бы очень здорово.

Надо сразу поговорить с майором, решил Марк. Сегодня же. Пока я ещё агент ФБР, а не безработный.

Вскоре Марк и Ким оказались перед той же лачугой семьи Хобсонов, которая была так же пуста, как и в прошлый раз. Тот же старик, который рассказывал им о своей службе в Кувейте, сидел на обычном месте - на противоположной стороне грязноватой тропинки, что служила тут вместо улицы.

- Доброе утро, сэр, - Ким подошёл к старику, - Помните, мы были здесь в среду? Если не возражаете, можно Вам задать ещё несколько вопросов?

- Конечно, господа. Никаких возражений! Задавайте ваши вопросы. Знаете, когда я служил в армии...

- Вот эта девушка - ваша соседка, сэр? Из той лачуги напротив? - Марк вытащил из кармана фото убитой.

- Секундочку, один момент, господа. Не так быстро, - старик похлопал себя по карманам и крикнул в приоткрытую дверь своей хибарки, - Изабелла, Изабелла, золотко, ты не видела мои очки?

- Вы знаете, моё зрение в последнее время стало слабовато, - признался он Марку. Мгновение спустя, среднего возраста женщина появилась на крыльце, держа в руке затребованный оптический прибор. У очков отсутствовали обе дужки, а стекло было только одно, зато очень толстое.

- Боюсь, господа полицейские, вы не того человека просите опознать ваше фото, - сказала женщина, - У моего отца зрение не просто «слабовато». Было бы честнее сказать: «совсем никакое»!

Ким изумлённо посмотрел на Марка. В среду, когда они спрашивали старика о соседях, они автоматически предположили, что он был способен видеть, что делается

через дорогу! В оправдание, старик был настолько заиклен на своих военных приключениях в Кувейте, что задавать вопросы было не слишком-то легко.

- А Вы не могли бы посмотреть наши снимки, мэм? - Марк подал женщине фотографии убитых. Женщина сразу указала на фото девушки. - Это наша Ами, однозначно. Только теперь она хочет, чтобы её звали Мел. Живёт в той холупе, через дорогу. Обычно бывает дома в это время дня, примерно до обеда. А сегодня её почему-то нет... Хотя, я не видала её в последнее время. Немного странно, знаете ли... Других-то я редко вижу. Её сестрёнка, Джас, и два братика - они приходят домой только вечером, а уходят - ещё затемно. Однако, я не видела у них света. Не то чтобы я специально смотрела...

- Понятно. А этого молодого человека Вы не видели? - спросил Ким, указывая на второе фото.

- Я не уверена. Приходил к ним кто-то на прошлой неделе. Я думаю, это было в четверг. Но не могу сказать, тот это парень или нет. Не знаю, врать не буду.

- Мел и Джас. Вы их полные имена случайно не знаете, мэм? - спросил Марк. Учитывая их ляп три дня назад, он старался не пропустить ни одного факта.

- Старшая - Амелия, это точно. Хотя, все называют её просто Мел. Младшая - Жасмин.

- Амелия и Жасмин Хобсон?

- Амелия - это сто процентов, но - не совсем Хобсон. Она предпочитает другую фамилию: Хан, Хань, или Хаи. Что-то навроде. Азиатская такая фамилия, от её матери. Я не знаю, как это пишется...

- Странно. В базе данных Офиса Военной Карьеры по этому адресу указана фамилия Хобсон. Мы, собственно, сюда в среду и приезжали из-за этого, - заметил Марк.

- Трое младших у них - Хобсоны. По фамилии отца. Он был белым. Мел - не родная дочь, а падчерица. Она предпочитает свою старую, азиатскую, фамилию...

- Вы хорошо знаете их семью?

- Ну, мы не суём нос в дела соседей, если это то, что Вы имели в виду. Однако, невозможно жить от кого-то в тридцати футах [прибл. 10 м] целых десять... нет, уже одиннадцать лет, и притом не знать их вообще.

- Не могли бы Вы рассказать нам, что Вы знаете?

- Ну, мы перебрались в Хьюстон в 2019. Мы сами-то из Нью-Йорка, ну и Хобсоны тоже были оттуда. Роберт и Ре-Анн Хобсон, они работали в компании по разборке заданий - помните, было много таких?

Марк кивнул. Разборка зданий была популярным бизнесом в течение нескольких лет после *Обвала*. Когда рынок коммерческой недвижимости рухнул, многие офисные здания, особенно небоскрёбы в центре города, стояли пустыми, или ещё хуже: становились прибежищами нищих поселенцев, пьяниц или наркоманов. Компании по разборке зданий, или, как их коротко называли, *разборщики*, занимались сносом зданий, с одновременной утилизацией всех более или менее ценных материалов. Чуть позже эти же компании стали валить ненужные опоры электропередач и выкапывать из земли неработающие водопроводы и электросети.

- В общем, Роб всем тут помогал доставать стройматериалы. Он всегда знал, как купить материалы приличного качества по более низким ценам, - продолжала женщина рассказ. - Отличный Роб был сосед, мы не жаловались...

- Ваш отец сказал, что Роберт Хобсон погиб в аварии, да? - спросил Марк. Обычное дело, подумал он про себя.

Сразу после *Обвала* ещё существовали какие-то правила Техники Безопасности, компании использовали подъёмные краны и средства индивидуальной защиты. Однако скоро развал экономики внёс исправления. *Разборщики* перестали использовать механические подъёмные устройства, комбинезоны, респираторы и прочие «ненужные» вещи. Очистив очередной этаж от проводов, труб, стекла, гипсокартона и древесины, они резали арматуру газовыми горелками, выталкивая обломки из окон. Часто - с тридцатого этажа! Несчастные случаи происходили постоянно, а число погибших достигало нескольких сотен ежегодно. Однако, это было неважно: бизнес *разборщиков* был прибыльным, и там можно было заработать куда больше, чем копаясь в свалках или выращивая овощи. Недостатка в добровольцах не было. Роб Хобсон был счастливым, если ему удалось выжить в этом бизнесе целых семь или восемь лет...

- Да, это был несчастный случай. В 2024, если я не ошибаюсь. У Ре-Анн случилась тяжелейшая депрессия. Она умерла примерно полтора года спустя, в 2026 году. Врач сказал, это был рак лёгких - от асбестовой пыли. Лично я думаю, это всё от депрессии. Вы знаете, что психическое состояние и иммунная система связаны друг с другом?

- Значит, дети остались сиротами?

- Ну да, две девочки и два мальчика... Амелия - старшая. Ей сейчас девятнадцать лет. Я думаю - девятнадцать. Только она от первого брака Ре-Анн, ещё до Роберта. Жасмин сейчас около пятнадцати. А мальчикам, Мильтону и Альберту - десять и двенадцать, если я не ошибаюсь.

- Десять и двенадцать? - удивился Марк. Интересно, как они очутились в базе данных ОВК?

- Сэр, - он обратился к старику, - Вы сказали, что мальчики ходили регистрироваться для военной службы?

- Да, ходили регистрироваться! Если я сказал - ходили, молодой человек, значит - ходили! - Он, очевидно, был немного раздражён, что его дочь сказала полицейским про его плохое зрение.

- А, это, должно быть, инициатива местного ОВК, - догадался Ким, - Это они недавно начали. Что-то наподобие клуба бой-скаутов, раз в месяц. Ничего особо военного пацаны не делают, да ещё их кормят бесплатным обедом. Основная идея в том, чтобы заранее собрать данные про всех потенциальных призывников. Чтобы было кого в армию забирать, когда пацаны вырастут.

- О-кей, с этим ясно. А Вы случайно не помните про то, как девочек изнасиловали три года назад?

- Помним, как не помнить. Как такой ужас можно забыть? Полиция нас тогда допрашивала... Но, честно говоря, мы ничем помочь им не могли. Рано утром, Берти, то есть Альберт, прибежал к нам. Его трясло всего! Он сказал, что девочек ночью изнасиловали. Мы сразу набрали 911. В общем, Мел и Джас... Там была целая банда - пять человек. Мел досталось больше всех - её изнасиловали, как минимум, десять раз. Мальчиков насильники связали, но, в общем, ничего больше им не сделали. Странно, но мы не слышали ничего такого в ту ночь. Всё было тихо, как обычно... Ну вот, когда насильники ушли, Берти сумел освободиться от верёвок и побежал за помощью. Вот и всё, что мы знаем. Насильников так и не нашли, суда не было. Мел запретила Джас и мальчикам говорить об этом...

- Ясно. Вы сказали, что не видели соседей в последнее время. Вы имели в виду последнюю неделю?

- Да, где-то с неделю. Но я могу ошибаться. У них такой маленький светильник на солнечной батарее - он очень тусклый. Может быть, они и были дома, но я просто не видела у них света? Ведут они себя очень тихо. Мальчики и Джас - их вообще я вижу только по воскресеньям. Я обычно вижу только Мел. Она дома каждый день до обеда, потом уходит куда-то. Всегда здоровается, когда мимо идёт. Вот её я точно не видела всю неделю, и... это странно, как я и говорила...

- Мальчики ходят в школу, не знаете?

- Да. Это точно. У них есть школьная форма и учебники. Хотя, я думаю, что сразу после школы они ходят куда-то работать до самой ночи. Несмотря на то, что это не по закону.

- Вы знаете, в какую школу они ходят?

- Понятия не имею, сэр. Никогда их об этом не спрашивала.

- А как насчёт Жасмин Хобсон? Она учится или работает?

- Работает, сэр. *На Куче*, как многие тут.

- Насчёт *Кучи*. Вы это знаете наверняка, или только предположительно?

- Предположительно. Но я видела её с инструментами. Знаете, крюки для разгребания мусора? «На Куче» у всех такие. И ещё, у Джас один глаз как бы с бельмом, и на лице несколько небольших шрамов. Как химический ожог. На свалке такое происходит сплошь и рядом.

Вскоре стало ясно, что соседи больше ничего полезного не знают. Поручив Киму писать протокол допроса, Марк позвонил Натали, - В общем, так. Имя убитой установили: Хобсон, Амелия. Она может также быть зарегистрирована под фамилией Хан, Хань, или аналогичной. Родилась в 2011 или в начале 2012. Ещё у неё есть сестра и два брата, имена: Жасмин, Мильтон и Альберт, фамилия у этих трёх однозначно Хобсон. Точный адрес... ну, в этих трущобах, все адреса являются относительными. Пишите: трущобы шоссе Гаррет, третий корейский квартал, второй поворот от пересечения с шоссе Саут-Лейк-Хьюстон. Если хотите, я сделаю засечку GPS и отправлю координаты по электронке.

- Пожалуйста, сэр, засечка GPS мне очень поможет. Кстати, я поражена скоростью вашей с Кимом работы. Я обсудила результаты поиска в базах данных с сержантом Зуйко. Ещё утром, до того, как он пошёл домой отсыпаться. Его оценка была не слишком-то оптимистичной. Он полагал, у Вас уйдёт минимум три дня на розыск, сэр.

- Ну, знаете, бывает и ФБР что-то делает быстро. Но в данном конкретном случае, к Киму и ко мне скорость работы отношения не имеет. Хотя нет! Это как раз Ким постарался. Представляете, он нашёл себе подружку. А у неё - дедуктивные способности Шерлока Холмса. Она и сделала всё остальное, - Говоря это в телефон, Марк улыбнулся Киму, который покраснел ещё раз.

- Интересно, что фамилия девушки - Хобсон, - заметила Натали.

- Именно! Мы тут с Кимом думаем, она и Ник Хобсон - сводные сестра и брат. Родители Амелии были из Нью-Йорка и Ник Хобсон - тоже из Нью-Йорка. Отец и мать Амелии скончались - в 2024 и 2026 годах соответственно. Их звали Роберт и Ре-Анн. Хотя, возможно, у Ре-Анн фамилия была не Хобсон, а Хан или Хань... Попробуйте раскопать что-нибудь в базах данных. Я подъеду в Участок во второй половине дня, мы ещё обсудим...

Марк и Ким опрашивали остальных соседей ещё часа два. Кроме того, что им уже рассказали ветеран «*Бури в пустыне*» и его дочь, ничего нового узнать не удалось.

- Я могу приехать сюда после наступления темноты, - предложил Ким. - Проверю, не вернулись ли Хобсоны домой.

- Только не слишком поздно. Ты ведь на выходном сегодня вечером? - ответил Марк. - Кроме того, моё шестое чувство подсказывает, что съездишь ты без пользы - дома

никого не будет. Если моя гипотеза верна, Ник пытался вырвать семью из под контроля банды Во. Когда Ник и Мел были убиты, Жасмин предположила, что это дело рук Во и его «пацанов». Так что, дети сегодня вряд ли будут ночевать дома.

- Как же мы их найдём, сэр?

- Тут две возможности, Ким. Первая: они уже удрали из Хьюстона. За пять дней можно оказаться в любом месте Техаса или даже в соседнем штате. В этом случае мы их отыщем, только если нам *очень* крупно повезёт. Возможность номер два: Хобсоны до сих пор где-то в Хьюстоне, только предпочитают не ночевать дома какое-то время. Скажем, у них маловато денег для того, чтобы просто так сорваться и уехать. Если это так, мы можем найти Жасмин по месту её работы. Помнишь, что их соседка сказала? - Про бельмо и шрамы?

- Да.

- Так вот. Три года назад я слышал все три имени: «Жасмин», «Амелия» и «Хан» от одной девчонки на *Бирже*. Причём, у этой девчонки было и бельмо, и ранки на лице - от взрыва аккумулятора. И по возрасту она - точно как Жасмин. Может ли всё это быть простым совпадением? Короче, завтра я нанесу визит на полигон дороги Маккарти. Если завтра Жасмин там не будет, я приду туда снова в понедельник. Может быть, у Жасмин в воскресенье выходной. Если она всё ещё в Хьюстоне - куда она от нас денется?

Не успел Марк оказаться в своём кабинете, как его телефон запищал мелодией, зарезервированной для частных звонков. Марк нажал на кнопку ответа.

- Марк, дорогой, - раздался взволнованный голос Мэри в динамике. - Майк только что с *Кучи*. Знаешь что? У него уведомление о призыве! Ты можешь приехать домой пораньше?

- Не уведомление, а повестка. Ты это имела в виду? Наверное, тут какая-то ошибка... Я сейчас приеду.

Не переодеваясь, Марк вскочил на велосипед и помчался домой. Несмотря на запруженные дороги второй половины дня, он сумел уложиться в пятьдесят минут.

На углу их тупичка, примерно в четверти мили [прибл. 400 м] от дома, он наткнулся на Уильяма, Клэрис и маленького Дэйви, возвращавшихся домой с *Маршрута*. В соответствии со стратегическим планом Клэрис, маленький Дэйви осваивал искусство поводыря. Для мальчика двадцати месяцев от роду ходил он даже очень уверенно, но с движением по заданному курсу у него было пока плоховато. В общем и целом, он двигался в направлении любого предмета, который заинтересовал его пол-минуты назад. Поскольку вокруг было много чего интересного, сохранять какой-либо определённый азимут у него не получалось никак. В семье постоянно подшучивали над Клэрис по этому поводу, намекая, что ей стоит подождать лет эдак с пять, прежде чем доверять Дэйви водить Уильяма *делать Маршрут*. На это Клэрис самоуверенно

заявляла, что по научным данным у собак интеллект не выше, чем у двухлетнего ребёнка, однако, собак как-то учат водить незрячих. По её мнению, секрет заключался в том, что не собака ведёт человека, а человек ориентируется сам, используя собаку как сенсор взамен неработающих глаз.

Клэрис начала играть с сыном в эту игру сразу после возвращения Уильяма с «Мусоровоза». «Где у нас *папины* ручки?» - спрашивала она. И Дэйви радостно поднимал *свои* ручонки и шевелил пальчиками в воздухе. «Правильно! Это теперь *папины* ручки! А где у нас *папины* глазки?» Сын показывал пальчиками на свои собственные глаза. «Правильно, Дэйви! Это теперь *папины* глазки! А где у нас *папины* ножки?» Дэйви улыбался и хлопал по папиным коленям. «Правильно! Это *папины* ножки!» Малыш прекрасно разобрался, что ножки у папы в полном порядке, а вот ручки и глазки для папы будет теперь обеспечивать сын.

Иногда игра продолжалась, и на это продолжение Марк смотреть не любил. «А где у нас *папина* медаль, Дэйви?» Мальчик указывал на «Пёрпл Харт». «Молодец, это *папина* медаль! А где у нас *папино* ведёрко?» Нет проблем, мамочка. Вот его ведёрко (по сценарию игры, Дэйви полагалось найти красное ведёрко «*Пути Спасения*» и повесить его папе на шею). «Отлично Дэйви! Ты у нас умница! А теперь скажи-ка нам: кто твой папа?» - «Инвалид войны!» - с гордостью отвечал мальчуган. «А куда мы завтра пойдём, Дэйви?» - «*Делать Маршрут!*» - «Правильно, - *делать Маршрут!* А что мы будем говорить на *Маршруте?*» - «*Поможем Инвалидам! Поможем Инвалидам!*» Тут игра заканчивалась. Клэрис обнимала и целовала сына: «Правильно, Дэйви! Молодец! Так мы и скажем: *Поможем Инвалидам!*»

Сегодня они пробовали новое изобретение Клэрис. На Дэйви был надет детский поводок, Клэрис недавно купила эту штуку на толкучке. Вожжи поводка имели на конце петлю, которую Уильям должен был, в соответствии с задумкой, держать обрубком левой руки. Когда Марк подъехал, петля как раз свалилась с культишки Уильяма, и Дэйви, почувствовав свободу, бодро затопал по направлению к соседскому почтовому ящику. Клэрис, тяжело поводя из стороны в сторону беременным животом, бросилась ловить убегающего.

- Опять навигацией занимаетесь? Как успехи? - осведомился Марк, спешиваясь с велосипеда рядом с Уильямом.

- Это ты, отец? Великолепно, - доложил Уильям, имитируя интонации бортингенера космического корабля из какого-то старого научно-фантастического фильма, - Прошли двести ярдов [прибл. 180 м] примерно за десять минут. По азимуту девяносто. Небольшие технические проблемы - буксир постоянно обрывается, и сенсор куда-то убегает. Учитывая, что в этом месте я вообще могу сам держать курс, и даже с гораздо большей скоростью, можно считать ходовые испытания в открытом космосе удачными, но только частично.

В знакомых местах, Уильям мог немного ориентироваться, используя бетонный бордюр дороги для определения направления. Не считая обязательного красного ведёрка на шее, одет он был сегодня совсем не так, как на видео с похорон. Он был голый по

пояс, и вся его одежда состояла из камуфляжной расцветки шорт по колено и пары *вьетнамок*. Когда Уильям и Клэрис только начали работать в программе «Пути Спасения», Уильям ходил собирать пожертвования в полной униформе и с медалью «Пёрпл Харт» на груди. Теперь он носил форму и медаль только по особо торжественным случаям, на каждый день предпочитая одежду попроще. Он часто шутил, что его недостающие части тела были вполне достаточным доказательством того, что он служил в действующей армии: «Медалька «Пёрпл Харт» - это для тех, кто не может предъявить *настоящие* боевые шрамы». Действительно, за последние десять лет правительство раздало столько медалей «Пёрпл Харт», что надевать эту награду каждый день не имело большого смысла.

Клэрис наконец догнала Дэйви и подхватила его на руки. - Приветик, Марк. Сегодня у нас почти получилось. Дэйви всё делал правильно. Я только пришью ещё одну петлю к вожжам, чтобы они не сваливались.

- Не проще будет попросить кого-то, чтобы водил Уильяма *делать Маршрут*, пока ты будешь с грудничком, Клэрис? - возразил Марк.

- Да? И отдавать этому кому-то половину заработка? - не согласилась Клэрис. - Ладно, посмотрим. Время у нас пока есть. Что-нибудь придумаем. А почему ты сегодня так рано с работы, Марк?

- Мэри звонила, - объяснил Марк, - сказала, что Майку выдали повестку в армию.

- Надеюсь, его пошлют в ВВС! - засмеялся Уильям. Это была общеизвестная армейская шутка. Дефицит авиационного топлива, запасных частей и новых самолётов сократил деятельность ВВС почти до нуля. Теперь они только возили Президента в его «ВВС-1», да ещё начальство из правительства и Пентагона в немногих оставшихся корпоративных самолётах. Авиабазы и радарные установки были либо заброшены, либо укомплектованы более дешёвым гражданским персоналом, так что шансы среднего призывника на попадание в ряды ВВС были равны нулю.

- Там, наверно, какая-то ошибка, - сказал Марк, - если я правильно помню, членов семей, где есть инвалиды войны, не призывают в действующую армию. Может, это просто вызов на сборы резерва? Майк потренируется в лагере и вернётся через несколько недель, вот и всё. Так или иначе, прекращайте ваши «космические ходовые испытания», и побежали домой.

- Я тоже думаю, что на сегодня хватит, Рисси, - кивнул Уильям, скидывая *вьетнамки* - Вы с отцом прокатите Дэйви на велике, а я сам потихоньку дойду.

- Точно: дойдёшь? - осведомился Марк.

- А куда я денусь? Благодаря настойчивости моего капитана Рисси, отсюда я дорогу до дома знаю, как свои пять пальцев. Где бы эти пальцы сейчас не находились, ха-ха... Только заберите у меня тапки и ведёрко.

Клэрис сняла ведёрко с шеи Уильяма и вставила пальцы ног в оставленные на тротуаре *вьетнамки*. Сама она сегодня была не обута. Примерно с февраля Клэрис вдруг решила *делать Маршрут* босиком, и Марк начал подозревать, что его невестка пытается таким образом отсрочить покупку новой обуви. Её старые туфли были только что починены местным умельцем-сапожником с рынка, но этой паре было много лет, и скоро там уже нечего будет чинить. Каждый раз, когда у Клэрис с Уильямом накапливалась достаточная сумма, на горизонте появлялось что-нибудь более важное, и покупку сандалий приходилось снова откладывать.

Марк несколько раз предлагал Клэрис деньги, и каждый раз она легкомысленно махала ладошкой и отказывалась. Она то принималась доказывать, что ходьба без обуви укрепляет мышцы спины, то шутила, что всю жизнь мечтала быть как в известной поговорке, «босой и беременной». Она простодушно пыталась всех обмануть. Уильям поведал Марку под большим секретом, что Клэрис зачем-то ходила к супервизору программы «*Трифт Стор*». Наверное, получила от ворот поворот: в точном соответствии с концепцией «*Социального Оптимума*», бесплатная обувь для жены безрукого инвалида была бы аморальным и расточительным излишеством. А может, вмешался Старший Офицер Тодд, указав, что аморальная и расточительная пара кустарных *вьетнамок* на ногах поводыря уменьшает Дневной Сбор слепого инвалида на три с половиной процента в среднем.

Клэрис подняла Дэйви и усадила его на багажник. Это было любимым развлечением малыша: посидеть на велосипеде. Они двинулись домой: Марк катил велосипед, а Клэрис шла рядом и придерживала Дэйви, чтобы тот не упал. Уильям довольно уверенно двигался вслед за ними, ощупывая дорогу босыми подошвами.

Глава 12

Дома, Мэри и Майк сидели за обеденным столом, изучая официального вида бумагу. Дэйвид - старший курил на крыльце свою трубку.

- Это она? - спросил Марк от двери указывая на документ в руках Майка.

- Ага. Повестка. В армию призывают, - бодро ответил Майк, - Чуваки из ОВК были сегодня у нас на помойке, раздали такие всем парням подходящего возраста. Меня отправляют в пехоту.

- Я надеюсь, это только сборы резервистов? Базовая подготовка, да?

- Не угадал, отец. Тут всё написано. Действительная военная служба, три года. Наверняка будут и развёртывания в зону боевых действий.

Марк почувствовал, как у него непроизвольно сжались мышцы живота. Если меня вышибут из ФБР, а Майк уйдёт в армию на три года, что мы, к чертям собачьим, будем есть? Моя столярная мастерская в гараже? Это всего лишь отдалённый проект. Мечта вечно-занятого ФБР-овца... Ну, предположим, Майк сможет посылать нам по несколько тысяч в месяц, но он же будет в учебном центре какое-то время... Уильям, с его жертвованиями... Глупо. Там и так «Социальный Оптимум»... Овощные грядки Мэри на заднем дворе... Можно ещё продать что-нибудь «ненужное» из вещей... Ситуация выглядела довольно печально.

- Но, - сказал Марк - Уильям ведь уже служил, и вернулся полным инвалидом. Ты им говорил про это? Да им и не надо про это говорить. У них должна быть запись в базе данных, разве нет?

- Уильям не считается. Офицер из ОВК там объяснил, почему. Наш Билли уже женат. Так что, юридически, он больше не является непосредственным членом семьи. Кроме того, у них с этого года новый свод правил. Так что, даже если бы Билли и не был женат, я бы всё равно загремел на полный срок. Читай вот тут.

Марк взял повестку и стал читать с места под указательным пальцем Майка: «Вам может быть предоставлено освобождение от действительной службы, если: (а) двое или более из непосредственных членов Вашей семьи погибли при исполнении воинского долга в рядах вооружённых сил США за последние пятнадцать лет, (б) двое или более из непосредственных членов Вашей семьи являются инвалидами боевых действий, с инвалидностью не менее 35%, (в) один из непосредственных членов Вашей семьи является инвалидом боевых действий, с инвалидностью не менее 90%, и (г) в случае если на Вашем иждивении находятся не менее трёх детей в возрасте до 14 лет...» - Ни фиги себе, новые правила...

- Вот и я про то же! Освобождение от службы, моя задница! Мне особенно нравятся эти проценты инвалидности. Эй, Билли, сколько процентов, ты говорил, они дают за ампутированную руку или ногу?

- Тридцать, если я всё правильно помню, - отозвался Уильям от двери. Он как раз вошёл, когда Марк читал повестку.

- А они написали: тридцать пять! Великолепно придумано: вся твоя семья может ходить на костылях, а ты всё равно пойдёшь служить по полной программе. Кстати, Билли, ты неправильно подорвался на своей мине. Если бы тебе оторвало руки и ноги на девяносто процентов, у меня был бы какой-никакой шанс откосить от Армии.

- Ну, извини, Микки. Как подорвался - так подорвался. Лучше не вышло, - хохотнул над чёрным юмором Уильям, - И в какие войска тебя загребают?

- В пехоту, братан.

- Задницей в грязь[32]. Нормально. Лучше чем сапёром, по всякому.

- Я помню, ты говорил обратное. Что-то навроде, что сапёры - куда лучше пехоты? - спросил Марк.

- Когда я это говорил, боевого опыта не было. А теперь - видишь, сколько у меня боевого опыта? По самые плечи, - усмехнулся Уильям.

- И что нам теперь делать? - спросила Клэрис.

- Ничего. Приказ есть приказ. Разве у меня есть какой-то выбор? - ответил Майк.

- Ну, не знаю. Уехать в другой город, или что-то вроде этого.

- Если повестка выдана на руки, уехал из города - это как дезертировал из армии. Поставят, на хрен, к стенке и расстреляют. Можно, конечно, рвануть в Мексику. Но это тоже не Копенгаген. Мы же с мексами, вроде как, в состоянии войны? Как только они там выяснят, что я годен к строевой, сразу забреют в *свою* армию. Воевать в их вонючей армии? Это вообще не фонтан. Не, мой единственный шанс - это если я не пройду медкомиссию.

- Ну, насчёт медкомиссии, братан, не питай иллюзий, - улыбнулся Уильям, - Моя медицинская, к примеру, была короткой и brutальной. Если ты не слепой и способен как-то ползать и жать на спусковой крючок, ты им подойдёшь.

Марк просмотрел повестку ещё раз. - Ты должен прибыть на службу на следующей неделе, так?

- Ага. Медкомиссия послезавтра, в понедельник.

- Ни фиги себе! Почему вдруг так сразу? - удивился Уильям. - Когда мне выдали повестку, дали полных две недели, чтобы уладить дела, и всё такое.

- Без понятия. Может, тебе дали две недели потому, что ты школу кончил или был женат? У нас на помойке никому больше пары дней не дали. Думаю, они знают, что на Куче дураков нет. Дашь призывнику две недели - он придумает, как сделать ноги. Чего действительно жалко - так это мою работу. Сейчас я делаю по пять килобаксов в неделю, иногда даже больше. О, да я же вам главного не сказал! Мистер Штольц кипятком писает. Его Арне тоже получил повестку! Теперь он потеряет двух незаменимых работников в один день.

Уильям предложил, - Призыв Арне в корне меняет дело. Мы можем поддержать это доходное место для Микки. Надо поговорить с мистером Штольцем. Наверняка, вместо того, чтобы нанимать абстрактных чуваков с Биржи, он предпочтёт, чтобы кто-то из соседей помогал ему на его заводе.

- Кого ты имеешь в виду? - спросил Марк.

- Нашей Сэмми уже четырнадцать. Она может занять место Майка...

- Не будет этого! - сердито перебила Мэри, - Саманта обязана окончить школу!

- Необходимость школьного образования сильно преувеличена, мам. Я, вот, закончил школу, и что? Без моей Рисс, я даже не могу прочитать письмо или подсчитать пожертвования в долбаном ведёрке. Для чего я изучал все эти интегралы и производные?

- Я говорю тебе ещё раз, Уильям: только через мой труп!

- Успокойся, дорогая, - Марк почесал в затылке, - Вы оба в чём-то правы, но, по-моему, Уильям предлагает дело. Да, мы хотели, чтобы Сэмми закончила школу. Но кто мог знать, что Уильям вернётся из Армии... вот так? Извини, Уильям... И что Майк будет призван? А к тому же... - Нет, Марк ещё не был готов сообщить Мэри, что скоро его самого выпнут из ФБР. - Я пойду поговорить с Фредом Штольцем. Кроме того, он вполне может сказать «нет»...

Марк вытащил телефон и нашёл номер в списке контактов. Они договорились встретиться через пятнадцать минут: Штольцы жили в том же тупичке, через три дома вверх по улице. Их дом был по дизайну примерно таким же, как у Марка, только веранда была чуть побольше. Хозяин дома, Фредерик Штольц, помахал Марку и Майку, приглашая их подняться на веранду. Усадив гостей за стол, он сходил в дом и вынес кувшин местного пива и четыре стеклянные кружки. Фредерик и Эльвира Штольц были несколько старше, чем Марк и Мэри, но детей у них было всего двое. Старший сын, семнадцатилетний Арнольд, вскоре присоединился к гостям.

- Я думаю, мы не будем ждать вашего двадцать первого дня рождения^[33], мальчики, - мрачно пошутил Фредерик, разливая в кружки мутноватое пиво, - Если вы достаточно взрослые, чтобы пойти в армию, значит, достаточно взрослые, чтобы пить пиво, разве не так?

Арнольд придвинул к себе кружку и отпил маленький глоток. Марку всегда нравился этот парень. Он был серьёзным и сдержанным, и тратил большую часть своего свободного времени, читая научные книжки и изобретая различные полезные приспособления. Майкл и Арнольд начали работать на Куче одновременно, после того, как Фредерик решил расширить свой завод по переработке пластмасс в бензин. Майк часто рассказывал дома, как Арнольд ухитрялся решать технические проблемы их химических реакторов (или «бомб», как они их между собой называли).

- Майк сказал мне, что он тоже получил повестку, - задумчиво начал Фредерик, потягивая пиво, - Даже не знаю, к чертям, что мне теперь делать. Мы трое построили весь завод, как он есть, считай, с нуля. Конечно, я всегда могу пойти на Биржу и нанять ещё пару работников. Однако, боюсь, с наёмными всё начнёт разваливаться, и очень быстро. Наши бомбы слишком сложны в эксплуатации и обслуживании, чтобы доверять их кому попало.

Арнольд поднял два пальца, прося слова. Марку такая манера очень нравилось. Его Майкл никогда не просил разрешения, чтобы выложить своё мнение. Кожа на кончиках пальцев у Арнольда была чёрная - то ли от химических веществ, то ли от работы с железом. У Фредерика и Майкла пальцы выглядели точно также. - У нас ещё есть воскресенье, отец. Марти сможет меня заменить. Он же был на заводе много раз, и знает, что к чему. Я завтра его проверю, если надо, научу тому, что он упустил.

Мартин был вторым сыном Фреда, и учился в том же классе, что и дочь Марка Памела.

- Я не думаю, что это хорошая идея, Арне, - возразил Фредерик, - Ему всего лишь двенадцать. Помогать по воскресеньям - это одно, а бросить школу и идти работать на полный день - совсем другое. Ты начал работать, когда тебе было уже пятнадцать. Притом, это будет не по закону. То, что мы на нашем заводе делаем, едва ли можно считать безопасным производством.

- Да кто на нашей свалке работает по закону, мистер Штольц? - вмешался Майк.

Марк перебил сына, - Не встревай, Майк. Мистер Штольц абсолютно прав. Марти надо дать доучиться, хотя бы ещё два-три года.

Он взглянул на Фредерика, - Это как раз то, что мы хотели с тобой обсудить, Фред. Нашей Саманте уже полных четырнадцать, и она может идти работать вполне легально.

Марк чувствовал себя предателем. Или точнее, чувствовал себя как один из этих ленивых родителей на Бирже. Ему только намекнули, что он может потерять работу, а он уже отправляет свою четырнадцатилетнюю дочь работать на свалке.

- Конечно, нехорошо, что ей придётся бросить школу, но, учитывая все обстоятельства... - продолжил он как ни в чём не бывало, - Она может учиться по вечерам. Арнольд и Майкл так и делали.

- Вы знаете, мистер Штольц, Саманта очень неплохо разбирается в химии, по крайней

мере, на уровне школы. Арне и я сделаем ей хорошие шпаргалки. Вы потихоньку научите её всему остальному, - продолжил мысль Майк. В отличие от Арнольда, он уже почти допил пиво.

- О, я даже не думал об этом. Это отличная идея. Огромное спасибо! Вам, наверное, тоже сейчас нелегко. Вот что: я бы не стал торопиться с окончательным решением. Пусть Саманта приедет завтра на завод вместе с Майком? Посмотрим, понравится ли ей работа, правильно? Потом она может поработать неделю-другую, а там уж решим, стоит ли ей официально уходить из школы.

- Тогда - так и поступим, - кивнул Марк.

- Кстати, - вспомнил Фредерик, - я сегодня разговаривал с одной из этих дамочек из Офиса Военной Карьеры, пока они раздавали свои повестки. Так вот, она проговорила, что этой осенью начинается регистрация *девушек*. Не волонтеров, как раньше, а для призыва. Впрочем, «проговорила» - это не то слово. Это уже и не секрет вовсе. Она сказала, всех от четырнадцати до двадцати лет - переписут.

- Вот дерьмо! - грустно кивнул Марк. Новость его не удивила. Слухи, что скоро начнется ограниченный призыв девушек в армию, циркулировали уже где-то с год. Он подумал о безногой Кэйт. Ей не повезло на флоте, но она, по крайней мере, сама решила пойти служить. Получается, у его собственных дочерей даже не будет выбора?

- Пока не о чем волноваться, - поспешил прибавить Фредерик, - План на этот год - всего десять девушек-призывников со всего района *Шелдон-Рез*.

- Генералам снова не хватает пушечного мяса. Честно говоря, я не врубаюсь, что у правительства за стратегия. Мы воюем по всему миру, причём непонятно за что. Загребают всех парней воевать. А теперь - ещё и девушек. Можно подумать, что в Вашингтоне не понимают, какой ущерб это наносит бизнесу...

- Я тебе скажу, Марк: плевать хотели в Вашингтоне на наш бизнес. И никакой стратегии у них нет, - возразил Фредерик, - и притом, последние сорок лет не было. Ты Холодную Войну помнишь?

- Смутно. Я был ещё в начальной школе.

- Ну, я тоже её не слишком-то помню. Но думаю, тогда всё было куда проще. Есть Америка, и есть Россия. То есть, тогда была ещё не Россия, а *Советы*, коммунисты. Называй, как хочешь, дела это не меняет. Вот тогда была стратегия. Наделать побольше боеголовок и ракет, чтобы потенциальный противник наложил в штаны от страха и потратил побольше бабок на своё собственное оружие. Дурацкая стратегия, но всем было ясно, что делать. А когда в девяностых Советы скукожились, у американского правительства в голове образовался гигантский бардак. Вместо того, чтобы решать проблемы своей страны, только словами трещали.

- Погоди, а как же «Война с Терроризмом»?

- С каким, в задницу, «терроризмом»? Ты об одиннадцатом сентября? Это всё ЦРУ подстроило. Они после Горбачёва-Ельцина, сидели без работы, вот и придумали найти себе другую цель. Чтобы им побольше *бабок отслюнявили*.

- Ну, это ты загибаешь, Фред. Теория заговора. Какие у тебя факты?

- Никаких, - легко признался Фред, - Я не про само одиннадцатое сентября толкую. После одиннадцатого сентября, Штаты сразу полезли в Афганистан и в Ирак, правильно? Ты про войну в Ираке помнишь?

- Кажется, да. - Марку было тогда восемнадцать лет, он учился в университете и войны на другой стороне земного шара его мало волновали... Давешний старичок-ветеран в трущобах... - «*Буря в пустыне*», так?

- Какая, в задницу, «*Буря*»?! Это, чувак, первая война была, когда Ирак полез в Кувейт. Я про вторую, про настоящую войну. Мы там положили уйму солдат, а местных *покоцали* - втрое больше.

- Ну да, там был этот козёл, как его, бен-Ладен.

- И опять пальцем в небо, старик. В Ираке был Саддам Хусейн. Ни к Афганистану, ни тем более к Ираку, Усама бен-Ладен никакого отношения не имел. К твоему сведению, бен-Ладена грохнули после GFC версии два-ноль, наши «Морские Котики», и не в Ираке, а в Пакистане. Морпехов там было от силы тридцать человек[34]. Это вообще не война, а спец-операция. Какая это война - тридцать человек?

- У меня было другое представление о «Войне с Терроризмом», - Марк смутно припомнил противотеррористические брифинги, регулярно проводившиеся в ФБР до Обвала. После *Обвала* исламский терроризм в США как-то сам сошёл на нет. Невозможно угнать рейсовый самолёт - они же больше не летают. И взрывом небоскрёба никого не напугать: *разборщики* взрывают пустые небоскрёбы каждую неделю, по заранее составленному графику.

- Да нет, старик, я не о терроризме. Терроризм - это был только повод. Знаешь, зачем мы на самом деле ввязались в Ирак?

- Ну?

- Чтобы крутые парни вроде Дика Чейни[35] смогли сделать себе хорошие *бабки* перед выходом на заслуженный отдых, вот зачем. А вообще, это всё о нефти, газе и других ресурсах. И вот тут - я тебе объясню вкратце, почему у Вашингтона нет никакой стратегии.

- Так?

- Сколько энергетических инициатив правительства ты можешь припомнить? Скажем, с

момента когда ты университет закончил?

- Так... Ну, про водородный автомобиль что-то такое было. Потом, «Программа Энергетической Независимости и Безопасности США». Это ещё до GFC. Потом, биоэнергетика, солнечная энергия, устойчивое земледелие. А после *Обвала* - у нас каждый год какая-нибудь новая президентская инициатива. Только, они же все не работают! Может, только кампания «Велосипед-2020» была немного полезна, так?

- Ну да! Покупаешь новый велик, правительство даёт тебе скидку по налогам - в размере стоимости звонка и фонарика. Мы бы и без всяких дурацких кампаний пересели на велосипеды - как будто у нас была альтернатива? Давай, к примеру, разберём то, что я знаю из первых рук. Сразу как приняли программу «Энергетической Независимости», народ кинулся бурить скважины и добывать природный газ из глинистых сланцев - припоминаешь?

- Ещё бы. Помню, политики говорили, что Америка теперь обеспечена своим газом на сто лет.

- Точно, старик. На сто лет. Хотя, все профессиональные геологи и геофизики насчитали от десяти до двадцати лет максимум. Ну вот, стали бурить скважины через каждые семьсот футов [прибл. 200 м], и рвать.

- Рвать?

- Гидроразрыв пласта. Ну, закачивали в скважины смесь песка с водой под большим давлением. Я тогда только получил доктора[36] и работал в «*Бёртоне*»[37] - как раз над технологиями гидроразрыва. Это неважно, слушай дальше. Так вот, к 2012 году набурили скважин столько, что цена газа в Америке упала почти до нуля. Два-три бакса за тысячу футов[38].

- Ну, так нельзя считать, Фред. Тогда, в двенадцатом году, доллар был куда сильнее, чем сейчас.

- Ну, если хочешь всё до последнего цента, умножай на коэффициент инфляции за двадцать лет. В сегодняшних долларах, будет триста или пятьсот баксов за тысячу футов. Всё равно дёшево! Ты опять размениваешься на частности, Марк. Я тебе о стратегии, а ты мне - о ценах. Ещё пива?

- Ну ладно, давай о стратегии, - согласился Марк, пододвигая почти пустую кружку. Майк попытался пододвинуть и свою кружку за новой порцией пива, но Марк взглянул на сына, и тот молча вернул кружку на место.

- Ну вот. Завалили страну дешёвым газом. А по уму пользоваться этим газом не умели. Сколько маршрутных автобусов и такси было в Хьюстоне в 2012 году?

- Автобусов почти не было. Разве что - школьные. Такси - да, но тоже не особенно много. У всех же были свои машины...

- А сколько автобусов в Хьюстоне было на природном газе в 2012-м, знаешь? Ноль! И такси - тоже ноль. И частных автомобилей на газе не было.

- Так ведь и газовых заправок не было. Это сейчас они есть. Ну, для тех последних автобусов, что ещё ходят.

- Насчёт автобусов - можешь не беспокоиться. Им недолго осталось. Дальше - на лошадках будем ездить. Омнибус - средство передвижения будущего. Лучше скажи, ты в курсе, что за пределами США в 2012 было больше пятидесяти миллионов автомобилей на газе?[39]

- Нет. Ты, честно говоря, открываешь мне глаза.

- Тогда, в 2012-м, весь мир был готов использовать газ, а Америка - нет. И мы весь этот газ профукали. Просрали! Начали строить заводы по сжижению газа, заливать в танкеры и отправлять наш газ в Китай или в Индию с Японией. А сейчас - наш газ кончается. Точно геологи предсказали: двадцать лет максимум. Про «газовые трущобы» в курсе?

- Это там, где бедняки строят лачуги вокруг отслуживших газовых скважин? Пожар ещё большой в прошлом году был, по ТВ показывали?

- Точно. Скважина в сланцах работает года три-четыре, и всё - конец. Так, булькает остаточный газ. Вот в трущобах и используют, что осталось. А вокруг трущоб - выращивают какие-нибудь овощи. Вот только воды там годной маловато. Всю воду истратили на эти самые гидроразрывы.

- То есть, получается, что «Программа Энергетической Независимости США» накрылась медным тазом?

- Считай - накрылась. И все остальные программы - тоже. «Нефтяные пески» в Канаде. Весь штат Альберта - как лунные кратеры! Даже хуже, чем в «газовых трущобах», чувак. А этанол! Ты помнишь, как Буш-младший подписал программу этого идиотского этанола в 2007 году?

- Этанол подмешивали в бензин?

- Ну да! Миллионы акров кукурузы засеивали каждый год, и делали из кукурузы этот чёртов этанол. Испортили столько отличной земли. Как будто, учёные и инженеры сразу не сказали всем, что и «нефтяные пески», и этанол для бензина - это вообще не природное топливо. Они - всего лишь «усилитель»!

- «Усилитель»? В каком это смысле?

- В самом прямом. Вот тебе задачка, как в школе. Ты берёшь баррель [прибл. 159 литров] нефти и делаешь из неё бензин. Или дизтопливо, неважно. Пашешь на этом

бензине землю, сеешь кукурузу. Потом берёшь шесть тысяч футов^[40] природного газа и делаешь из газа химические удобрения. Тебе ведь понадобятся удобрения, так? Осенью собираешь кукурузу. И делаешь из собранного две целых, три десятых барреля этанола. Что ты только что сделал?

- Что я сделал?

- Ты *усилил* один баррель нефти и шесть тысяч кубических футов газа - шесть тысяч футов газа - это то же самое, что и один баррель нефти, если считать по энергии. Из двух баррелей получилось два и три десятых. В чистом доходе - всего пятнадцать процентов! Не считая твоего солёного пота и всего того ущерба, что ты нанёс природе своим трактором. И за эти пятнадцать процентов мы медленно гребли наши поля? А с «*нефтяными песками*» - примерно такая же история. Вложив один баррель хорошей нефти и один баррель-эквивалент природного газа, получаем три с половиной барреля тяжёлой, щелочной, отвратительной жижи, которую и нефтью-то можно назвать только с натяжкой. И лунный ландшафт в придачу.

- Я так понял, что «усилитель» - это когда надо сначала вложить в процесс настоящую нефть, чтобы получить лишь немножко больше нефти?

- Точно так! Это же элементарная химия. Закон Сохранения Вещества и Энергии. Кстати, уже после *Обвала*, некоторые дураки-фермеры попробовали обойтись без химических удобрений. И начали калечить землю гораздо быстрее. Ну, ты знаешь, что из этого вышло.

- «*Пустая Земля*» в Айове?

- Ага. И такие же пустыни, только поменьше - во всех других штатах.

- Понятно. Но ты хотел мне сказать про стратегию нашего правительства.

- Так я как раз об этом! Никакой «стратегии» нет, только имитация бурной деятельности.

- Да, но экономика-то на подъёме.

- На каком-то «подъёме»?! Ну-ка, просвети! Что конкретно в нашей жизни стало лучше за последние, скажем, семь или десять лет?

- Инфляцию побороти!

- Ну да, возможно, что двадцать два процента в прошлом году выглядят лучше, чем сорок восемь процентов в год немедленно после *Обвала*. Однако, Марк, инфляция - это не «вещь в себе». Это всего лишь математическая функция. Скорость изменения какой-либо вещи. Математики говорят: «производная». А вот «вещь в себе» - это Американский Доллар. И он продолжает падать! Становится легче и легче, каждый месяц, каждый день. Уровень инфляции лишь говорит нам, что падение доллара

теперь не такое быстрое, как раньше. К примеру, ты прыгаешь с парашютом, а парашют не раскрывается. Ну, и ты через какое-то время говоришь себе: великолепно! Моя скорость падения стабилизировалась. Однако, продолжаешь при этом падать. Какая тебе разница, ударишься ты о землю со скоростью сто десять или сто одиннадцать миль в час?

- Телевидение стало лучше, мистер Штольц, - вдруг ввернул Майк, - Я прекрасно помню, раньше было больше ста каналов и *нечего* смотреть. А сейчас у нас в Хьюстоне каналов всего три, и все три - классные! Хочешь музыку - переключаешь на «Галвестьюб». Новости - на «CNN». А лично я предпочитаю «SRTV». Там показывают клёвые боевики, и без рекламы. Смотришь фильм, как на DVD - без этих дурацких перерывов каждые пять минут.

- Ну, с этим аргументом не поспоришь, Майк, - улыбнулся Фредерик, - Телевидение определённо стало лучше. Ты до *Обвала* телевидение не помнишь! До *Обвала*, приятель, американское телевидение было настолько идиотским, что с ним ни делай - всё улучшение.

- Говоря о телевидении, - сказал Марк, - вчера по «SRTV» передавали в новостях, что в этом году у нас в Округе Харрис добавят целых шестьдесят новых врачей. Это вдвое больше, чем в 2027-м. Ты - врождённый пессимист, Фред. Кое-что становится лучше!

- И опять в белый свет, как в копеечку, Марк! Тебе рассказали, сколько врачей *добавят*, но при этом забыли сказать, сколько в этом году закончат практику. Просто из-за преклонного возраста.

- И сколько?

- Триста шестьдесят! Я тебе ещё раз говорю: надо постоянно сверяться с реальностью. Они тебе говорят по телевизору: шестьдесят врачей добавим! А ты такой: бац! И выглядываешь в окно! У нас была частная практика на углу, так? Два врача-специалиста, три медсёстры.

- Так. Теперь она закрылась.

- Видишь? До *Обвала* в Техасе было 240 практикующих врачей на каждые сто тысяч населения. А сейчас - всего сорок. С половинкой. Сверка с реальностью! Я постоянно сверяюсь.

- Ну, я тоже сверяюсь. Про врачей не знаю, а вот про автобусы - ты абсолютно прав. В прошлом году, к примеру, Клэрис ездила в Галвестон на автобусе. А теперь этого маршрута, как они выражаются, «*больша нета*».

- Так точно, командир! «*Больша нета*»! И вообще, мы стали употреблять это уличное выражение уж больно часто. Например, мы говорим: «такого-то и такого-то маршрута автобуса *больша нета*». Или: «на Куче свободных участков *больша нета*». Или так: «в нашем колодце воды *больша нета*». И так далее... Реальность говорит мне, что у

нас всё, *абсолютно* всё приходит в упадок.

- Абсолютно всё?

- Абсолютно всё, Марк. Пятнадцать лет назад наши дети разгуливали в кроссовках «*Найк*» и в одежде из модных магазинов. Десять лет назад - в простых джинсах с толкучки. Пять лет назад - в перешитой подержанной военной форме и в сандалиях из старых покрышек. А сейчас они одеты в то, *что осталось* от подержанной военной формы. Со всеми дырками! А сандалий у них *больша нета*! Ну-ка, давай продолжим эту последовательность на пять лет вперёд. А потом - на десять!

- Это зависит от района, Фред. *Наши-то* дети босиком не ходят... - возразил Марк. То, что говорил сосед, относилось скорее к трущобам на севере, а не к их собственному району.

Уголком глаза Марк заметил, как Майк потихоньку задвинул свои необутые ноги под кресло, и поправил своё наблюдение, - Ну, разве что, иногда...

Ну ладно, положим, что слово «иногда» было применимо только к старшим: Уильяму, Клэрис и Майклу в семье у Марка и к Арнольду в семье Штольцев. Младшие дети Марка, родившиеся уже после *Обвала*: Саманта, Памела и Патрик - бегали босиком не просто «иногда», а практически всё время. Но ведь это же не потому, что они бедные! Сандалии у них у всех есть, а Мэри и Марк постоянно напоминают детям, что надо обуваться, прежде чем выходишь из дому. К сожалению, далеко не всегда это работает. Патрик ещё как-то слушается родителей, а с дочками - никакого сладу. Почему им так нравится бегать босиком? То ли это мода у них теперь такая, то ли просто они берут пример с подружек.

- Ну ладно, Фред, - согласился Марк. - Пусть будет по-твоему: упадок. Но нет же ничего вечного. И упадок когда-нибудь должен прекратиться.

- Он и прекратится, приятель. Я даже тебе скажу - когда. «*Нулевой Год*». Помнишь, я тебе книжку давал почитать? - Фредерик долил пива в свою кружку и потянулся, чтобы добавить пива и Марку. Марк провёл над своей кружкой ладонью, показывая, что ему на сегодня хватит.

Конечно, Марк прекрасно помнил эту книжку про революцию в Камбодже. Далеко не бестселлер. До *Обвала*, средний американец держался от таких политически-нагруженных книг на расстоянии пушечного выстрела. Как такое можно вообще читать? Отвратительные подробности, и нет Голливудского хеппи-энда. А у интеллектуально-продвинутых американцев, которые подобные книжки всё-таки читали, от ужаса шевелились волосы на голове. И крепко верилось, что марксизм мёртв. Там был ещё этот фанатик-коммунист, товарищ Пол Пот. Кажется, он учился в «Сорбонне», на радио-инженера. Вот этот самый Пол Пот и придумал название для революции: «*Нулевой Год*». Отменили города, магазины, дороги, деньги, электричество, компьютеры и телефоны. Даже обувь и очки объявили выдумкой капиталистов и тоже отменили. «Разжиревший» средний класс подлежал

уничтожению. Товарищ Пол Пот так и сказал: «Оставить вам жизнь - это не доход, отправить вас в расход - это не расход»... М-да. Для Кампучийского врача (или полицейского, учителя, инженера) «Нулевой Год» наверняка был тем же, чем *Обвал* стал для американского среднего класса. Концом всей цивилизации. Ты ещё помнишь хорошую жизнь, но она уже не вернётся.

Чёрт побери, Фредерик прав, заключил про себя Марк.

- Ну ладно, скажем, я согласен с твоей оценкой ситуации, Фред. Экономические инициативы провалились, доллар падает как кирпич, и дети бедняков в трущобах ходят без обуви. Но это ещё не значит, что у правительства нет стратегии. Откуда ты знаешь: может, она есть, но ещё не сработала? - Он допил пиво.

- Ещё кружечку, Марк? - с готовностью предложил Фред, поднимая кувшин.

- Нет, спасибо, Фред. Нам пора идти. Только напоследок объясни, почему ты считаешь, что у Вашингтона нет стратегии.

- Стратегии у них нет, Марк. Но взамен у них есть хорошая тактика. Вот Пол Пот, в Камбодже. Как всякий радикал, он был дурак. Хотел изменить всё, и сразу. А Вашингтон - не-е-ет. Там не дураки сидят. Они хотят приземлить Америку в наш «Нулевой Год» потихоньку. Постепенно. Без эксцессов. Хочешь пример ближе к дому? Извини, если не очень полит-корректный, и не принимай близко к сердцу.

- Ладно, выкладывай свой неполиткорректный пример. Я уже достаточно пива выпил, чтобы принимать что-либо близко к сердцу.

- Ну ладненько. Скажем, в Венесуэле ещё осталась какая-то нефть. Президент США находит повод, и отправляет туда твоего Билли - защищать свободу и демократию.

- Ему не нравится, когда его зовут «Билли».

- Ладно, пусть будет «Уильям». Уильям честно обменял обе руки и оба глаза на сотню-другую баррелей нефти, вот и всё. Он, кстати, до армии собирался в медицинский, так?

- Да, собирался, - подтвердил Марк. Его немного передёрнуло. Это была тема, которую Мэри и Марк предпочитали не трогать, - Не всё в жизни получается по-плану, знаешь ли...

- Вот почему, приятель, у нас хватает сборщиков пожертвований «Пути Спасения» и не хватает врачей... Ладно вернёмся к нашим баррелям нефти. Итак, Уильям заплатил своим увечьем за несколько сотен баррелей нефти. Нефть привезут в Штаты, сделают из неё бензин. Ну, немножко отстегнут вам в Полицию, пожарным, спасателям. Опять же, президентскому самолёту надо на чём-то летать. Остальное куда? Правильно: чтобы твоему Майку и моему Арне было что залить в бак бронетранспортёра для защиты свободы и демократии где-нибудь ещё. Где осталась нефть. Это такая

весёленькая карусель: война за возможность воевать дальше, за возможность воевать дальше, за возможность воевать дальше. *Ad infinitum*[\[41\]](#)... Вот только ли есть у нас альтернатива этим войнам?

- Ну?

- Допустим, мы можем вернуть всех солдат домой. Остановить войны, закрыть границы. Ан нет! В этом случае, «Нулевой Год» в Америке произойдёт не постепенно, а моментально. Вместо того, чтобы убивать людей в отдалённых странах и тащить *их ресурсы* в США, мы сразу начнём убивать друг-друга, и прямо тут, в Америке. Душить друг-друга будем. За ту последнюю бочку нефти, что у нас останется...

- Как-то у тебя грустно всё получается, Фред, - кивнул Марк, - Но ты, похоже, прав. Ладно, мы у тебя и так уже засиделись. Вечеринку парням будем устраивать завтра?

- Ещё спрашиваешь? И спасибо за Саманту...

Прямо с порога, Майк заглянул в пролёт лестницы второго этажа и крикнул, - Сэмми, какого чёрта ты там делаешь?

- Заткнись, Микки, - отозвалась Саманта из комнаты девочек на втором этаже, - мы тут пытаемся делать уроки.

После переселения к ним Дэйвида-старшего и свадьбы Уильяма и Клэрис, обе дочери Марка были вместе в одной спальне, а Майк и Патрик - в другой. По субботам до ужина, трое младших детей должны были сидеть в своих комнатах и делать домашние задания.

- Спускайся сюда, Сэмми, у нас для тебя новости, - продолжал кричать Майк.

- Позже, Микки. Мне надо закончить задание по НиТ. Нам его сдавать в понедельник!

- По «Науке и Технологиям»? Тогда, тебе будет вдвойне полезно услышать нашу новость! Кроме шуток, оставь свои тетрадки в покое и иди сюда!

На лестнице раздался топот босых ног, и Саманта появилась в гостиной, - Что там у тебя за новость?

Она ещё была наполовину уверена, что это очередная шутка Майка. Тот любил разыгрывать младших по любому поводу.

- Твоё задание по НиТ только что заменили практической работой! Мы тебя продали, со всеми потрохами. *На Кучу*, к мистеру Штольцу!

Чёрт возьми, подумал Марк. Как Майк догадался, что я именно «продал» Саманту *на Кучу*? Очень вовремя и со всеми потрохами.

- Ты не шутишь?

- Я же сказал: кроме шуток. Ты завтра идёшь со мной на завод. Я покажу тебе, как работают наши *бомбы*. А насчёт сегодня, - я после ужина дам тебе мой секретный блокнот, начинай разбираться. Там тебе будет и Наука, и Технология!

- Вы что, всё решили без меня? - закричала Мэри с кухни, - Я же вам сказала: только через мой труп!

- Успокойся, дорогая, - попытался разрядить обстановку Марк, - Мы всё хорошо обсудили со Штольцем. Это единственно разумное, что можно сделать в сложившихся обстоятельствах.

Ничего себе: «сложившиеся обстоятельства»! Но ведь не Марк же их так сложил! Эти козлы-генералы в Пентагоне и эти клоуны в вашингтонской штаб-квартире ФБР сложили эти самые обстоятельства так, что ни хрена не сделаешь, хоть расшибись.

- Окончательно ничего не решено, - заверил он Мэри, - Саманта поработает у Фреда неделю-другую, а там посмотрим.

Именно так: «а там посмотрим». Вполне вероятно, что через неделю-другую «Мясник» убьёт кого-то опять, Марка за это выпнут из ФБР, и Саманта окажется единственным работником в семье. Не считая Уильяма и Клэрис с их долбаным «*Социальным Оптимумом*» и компенсацией, которой ещё ждать и ждать.

- Я напишу записку в школьный офис, Памела отнесёт её в понедельник утром, - закончил Марк.

- Мне не нравится вся эта затея, - сказала Мэри.

- Никому не нравится. Это жизнь, дорогая. Давай лучше обсудим, что делать для прощальной вечеринки Майка.

Мэри внезапно появилась в дверях кухни со слезами на глазах. Вовлечённая в обсуждение возможной работы Саманты на свалке, она не успела осознать, что её сын уходит на настоящую войну, на долгие три года. Только теперь она поняла, что может потерять сына навсегда...

Глава 13

Прощальную вечеринку для Арнольда и Майкла решили организовать у Штольцев. Фредерик, Арнольд и Майк, как обычно, уехали на полигон около шести утра: на их заводе по переработке пластмасс выходных не было. Как было решено вчера вечером, Саманта поехала вместе с Майком, а Памела и Патрик из любопытства также вызвались съездить за компанию с сестрой, чтобы посмотреть на *бомбы*. Что касается Мартина, второго сына Штольца, то он и так обычно проводил субботы и воскресенья, помогая с семейным бизнесом на заводе. Уильям, Клэрис и Дэйви отправились *делать Маршрут*. В программе «Пути Спасения», инвалидам можно брать выходной хоть каждый день, но сбор по воскресеньям, как правило, больше обычного, поэтому Уильям решил не пропускать выгодный день. Выходные выходными, а дневную норму сбора никто не отменял. Если не сходишь *делать Маршрут* в воскресенье, придётся накручивать по несколько дополнительных миль в день всю неделю. Подготовка к вечеринке, таким образом, осталась на Эльвире Штольц, Мэри и Марке. Марк решил взять в это воскресенье выходной, не смотря ни на что. Расследование или нет, отдохнуть было необходимо.

Утром женщины выдали Марку список покупок, и он отправился пешком на местный рынок, примерно в двух милях [прибл. 3 км] от дома. Он решил не брать велосипед. Список покупок был длинен, и ему так или иначе придётся нанять разносчика. Крупные сети супермаркетов давно развалились, так что еду и всё остальное теперь приходилось покупать, как сто лет назад, - в маленьких частных лавках. Хлеб - в пекарне, мясо и сосиски - у мясника, пиво - в пивном киоске, древесный уголь - в угольной лавке, и так далее.

Уже прошло более десяти лет с момента, когда последний супермаркет в Хьюстоне закрылся, но Марк всё ещё не привык ходить от лавки к лавке. Насколько легче было всё устроено до *Обвала*! Приходишь в чистый, ярко освещённый супермаркет. Все товары аккуратно разложены на полках. Конечно, Мэри наверняка убила бы пару часов, систематически продвигаясь через секции одежды, посуды и так далее, и рассматривая товары, которые им были совершенно не нужны. Мальчики, Уильям и Майкл, постоянно застревали в отделе игрушек. Как большинство мужчин, Марк считал всё это пустой тратой времени. Если он посещал супермаркет в одиночку, ему требовалось менее получаса, чтобы заполнить тележку. Десять минут спустя, заплатив на кассе кредитной карточкой, он был бы уже на стоянке и загружал бы приобретённое в автомобиль... Теперь у Марка не было ни автомобиля, ни даже кредитной карточки.

Около четырёх с небольшим лет назад, Марк как-то попытался объяснить концепцию супермаркета младшим детям. Саманта и Памела были в супермаркетах несколько раз в жизни, хотя к тому времени полки магазинов уже сильно опустели из-за последствий *Обвала*. Вероятно, они были тогда ещё слишком малы, чтобы хорошо помнить эти посещения. Маленький Патрик в супермаркетах не бывал вообще, - он родился уже после того, как последний супермаркет в районе *Шелдон-Рез* приказал долго жить.

«Супермаркеты были огромными. Вот почему их и называли «супер»,» - объяснял детям Марк.

«Такие же большие, как наш «Универсальный Магазин» мистера Белла?»

«Нет. В сто раз больше».

«Если магазин *вообще* такой большой, как найти то, что тебе надо?» - спросил Патрик.

«Все товары были на полках. И всё было аккуратно подписано. Это называлось: «отделы». Скажем, если тебе нужна одежда, ты идёшь в отдел «Одежда». Нашёл, что тебе надо, и положил в тележку. А потом идёшь платить за это.»

«А! Я помню,» - сказала Саманта: «У тележек были такие, навроде сидений, я сидела на тележке, высоко-высоко, а мама - толкала тележку по проходу. Там были полки, полки, полки, до потолка! Мама сказала: пойдём сначала в «Одежду». Но в том, как ты, папа, сказал: «отделении»? - уже ничего не было... Тогда мама сказала: давайте пойдём в отделение «Постельное белье». Там тоже почти ничего не было, но мама взяла два покрывала. Она потом из них шила платья мне и Пэм... Потом мы пошли в отделение «Посуда». Там... были всякие кастрюли, и электрические машины и так далее. Было интересно... А потом прибежал папа и они с мамой начали ругаться!»

«Ну да, помню,» - сказал Марк: «Я говорил маме, что нужно купить резиновые сапоги. Пять пар. Мы, собственно, и пришли тогда в супермаркет, чтобы купить сапог. Мне позвонили, говорят: там резиновые сапоги продаются... А мама сказала, что там остались только самого большого размера, и нам они не нужны. А пока вы с мамой гуляли по отделу «Посуда» (кстати, Саманта, это «отдел», а не «отделение»), даже эти большие размеры все разобрали! Я только успел схватить одну пару. Прихватил ещё сгоряча ещё три пары шлёпанцев, но эти все развалились за неделю. Партия была некачественная.»

«А почему люди не могли просто схватить вещи и убежать?» - спросила Памела.

Марк улыбнулся: «Ну, скажем, кое-кто так и поступал. Но это случалось очень редко. Их называли «магазинными ворами». Кассиры и охранники их ловили и сдавали в Полицию. Большинство людей не воровало. Они выбирали то, что им надо, и шли платить за это на кассе.»

«Касса - это как в нашей школе, когда мы сдаём деньги за учёбу по понедельникам?» - уточнил Патрик.

«Более или менее. Хотя, они не выстраивали людей в одну шеренгу и не выкрикивали их фамилии,» - засмеялся Марк.

«А почему кассиры не могли забрать, что понравится, - и убежать?»

«Ну, там же были охранники.»

«А почему охранники не могли забрать все вещи и убежать?»

«А зачем бы они это делали? «Вещей», их ведь было много. Если тебе нужно что-то - просто пошёл и купил!»

«А что, если *умине воше* денег *нета*?»

«Памела, пожалуйста, не коверкай свою речь. «*Умине воше* денег *нета*,» - так только нищие на улице говорят.»

«Хорошо, папа. А что, если у меня не нашлось денег?»

«Вот это грамотная речь, Памела! Можешь ведь грамотно сказать! Если не нашлось денег, можно было пойти в банк и взять кредит.»

«А что такое кредит?» - спросила Памела.

«А что такое банк?» - добавил Патрик.

«Кредит, это когда банк даёт вам деньги сразу, а вы возвращаете потом.»

«А зачем это банку давать деньги «сразу»?» - удивилась Саманта: «Если у тебя будут деньги «потом», то ты и купишь, что тебе хочется, «потом». Вот например: у меня в школе стырили *сандали* и кепку месяц назад...»

«Это грустно, Саманта,» - сказал Марк: «Вещи надо запереть в шкафчик.»

«Да знаю, пап, знаю: я вообще сама виновата. Но я же так опаздывала на Физкультуру! Ну так вот: я попросила у мамы купить мне новые *сандали*, а она говорит: Сэмми, тебе не трудно походить в школу без *сандалей* какое-то время? У нас «сейчас» на *сандали* денег нету, папа тебе купит «потом». Ну ладно, «потом» - так «потом», похожу и без *сандалей*, мне это *совсем не в лом*...»

В то время у них и правда было плоховато с деньгами. У отца Мэри Дэйвида началась инфекция мочевого пузыря, поэтому им пришлось потратить месячную зарплату Марка на антибиотики. Ну, раз «*совсем не в лом*», пусть походит в школу босиком ещё месяц-другой, подумал про себя Марк. Нет худа без добра: будет знать, как разбрасывать вещи где попало!

«Не «*сандалей*», а «*сандалий*», Саманта. Но это мелочь. Главное, надо говорить: «мне совсем нетрудно», или «не проблема». «*Совсем не в лом*» - так только нищие на улице говорят. А насчет сандалий - не беспокойся. Я куплю тебе новые сандалии. Незамедлительно.»

«А «незамедлительно» - это «сейчас» или «потом»?» - спросил Патрик.

««Незамедлительно» - значит «потом», но очень скоро,» - пояснил Марк: «Очень даже скоро, вероятно - через месяц. Обещаю.»

«Обещаешь? По-настоящему?» - спросила Саманта.

«По-настоящему! Только если не надо будет вдруг покупать чего-то поважнее твоих сандалий, хорошо?»

«Хорошо, папочка. Я вполне могу подождать до «незамедлительно». В смысле: до «потом». А ходить без *сандалий* «сразу» - это даже вообще не проблема. Мне без *сандалий*... то есть без *сандалий*... даже удобнее. Не надо их в шкафчик запирасть каждое утро.»

Каждое утро? Что она имеет в виду, - проскочило в голове у Марка. Насколько я помню, до кражи сандалий договорённость с мамой была такая, что босиком можно ходить только на Физкультуру. А Физкультура - три раза в неделю, а не каждое утро. Вот куплю дочке новые сандалии - надо будет разобраться, что они там в школе вытворяют с обувью!

«Кстати, мне очень нравится твой пример, Саманта. Ты точно поняла разницу между «сразу» и «потом». Так вот, банк тебе даёт деньги «сразу», а ты «потом» должна вернуть не ту же сумму денег, а чуть больше, понятно? То есть, ты можешь «сразу» купить, что тебе хочется, но заплатишь за это «потом» несколько больше, чем если бы ты покупала «сразу» за свои деньги, а не за деньги банка,» - Марк сам уже начал путаться в объяснениях. Банки и кредитная система не были в его учебном плане на сегодняшний день.

«А, я понял,» - вдруг сказал Патрик: «Эта твоя «*банка*» - это *вообще* как уличная банда. И если ты им не отдашь деньги вовремя, они сделают тебя рабом *вообще* на всю жизнь?»

«Так и есть,» - кивнул Марк. Удивительно, но у шестилетнего ребёнка после *Обвала* было больше здравого смысла, чем у большинства взрослых до кризиса. Вы не должны брать кредит, разве что в абсолютно критической жизненной ситуации. Притом: если взял, это может сделать тебя рабом на всю жизнь. Перед самым *Обвалом* получение кредита было слишком лёгким делом. Вот почему *Обвал* и случился.

«Хозяева супермаркетов должны быть очень богатыми, чтобы иметь такой большой магазин,» - сказала Саманта.

«Ну да, они и были богатые. Очень-очень-очень богатые. Некоторым принадлежали сотни магазинов, по всему миру.»

«Как такое возможно, папа? Хозяину придётся ездить туда-сюда, чтобы продать вещи? Он же не может быть в сотне мест сразу!» - Патрик покачал головой, не веря заявлению Марка.

«Они не сами продавали. Они нанимали специальных людей для этого, это называется «менеджер».»

«Как мастер у *разборщиков*?»

«Да, точно. Как мастер.»

«А менеджеры были *вообще* богатые?»

«Нет, они были то, что называется средний класс. У них был хороший дом, и два-три автомобиля, и деньги, конечно. Но не так много, как у *владельцев* супермаркетов.»

«Пап, а мы средний класс или нет?» - поинтересовался Патрик.

«Я думаю, да.» Хороший вопрос, на самом деле. Только одна зарплата Марка в ФБР была намного больше, чем совокупные доходы многих семей по соседству. Притом, у них был хороший дом, и два автомобиля. Конечно, в доме не было электричества, не считая почти «мёртвых» солнечных батарей на крыше и почти «мёртвых» литий-ионных аккумуляторов под полом кухни. Не было также водопровода и канализации, не считая пятидесяти-галлонной бочки для душа и трубы для отвода мыльной воды, да ещё уборной на заднем дворе, самой примитивной - с дыркой в полу. Они не заводили свои автомобили уже шесть или семь лет, и вряд ли стоило их заводить - настолько они проржавели (а литий-ионные аккумуляторы под кухней были на самом деле сняты с супер-гибридного автомобиля Мэри). Но, всё в мире относительно. В 2015 году, их сегодняшнее состояние дел твёрдо поместило бы их в самом низу социальной пирамиды. За чертой бедности, или чуть-чуть над ней. Но в Америке 2026 года, десять лет после *Обвала*, они могут с гордостью именовать себя средним классом. Если такая вещь как «средний класс» всё ещё существует.

«А что *вообще* случилось с владельцами супермаркетов? Они сейчас тоже средний класс?» - продолжила вопросы Памела.

«Ну, что владельцы супермаркетов делают сейчас, я не знаю, ягодка. Некоторые из них, вероятно, живут гораздо лучше, чем мы. Некоторые... - может быть, и хуже. Видишь ли, раньше богатые люди не хранили деньги, как деньги. Они держали всё во всяких акциях, облигациях, бондах и так далее, а эти бумаги сильно подешевели после *Обвала*. Так что, многие потеряли все свои богатства.»

«Про *банды* - я знаю,» - сказал Патрик: «Сдаёшь деньги бандитам, они их там как-то «крутят», а потом возвращают тебе немножко больше денег. А иногда - не возвращают, но это только если очень не повезёт. В бандах - они за *базар отвечают*. А что такое *вообще* акции и эти, как ты сказал? «*Оболгации*»?»

Я не должен был про это говорить, подумал Марк. Теперь придётся объяснять детям про фондовый рынок. Эти знания им точно никогда в жизни не пригодятся.

«Боюсь, Патрик, для тебя это пока трудновато. «Акция» - это такая бумага. Ты даёшь компании деньги, а они дают тебе эту бумагу. Таким образом, тебе принадлежит небольшая часть их бизнеса.»

«Я понял,» - сказал Патрик: «Это как мама ходит в компанию «Используем Ещё Разик», возле *Кучи*, чтобы купить нам пере-отбеленной бумаги для наших школьных тетрадок?»

«Нет, это несколько сложнее... Знаешь что? Я расскажу вам об акциях и «оболгациях», только как-нибудь в другой раз, идёт?»

«Мне не нравится эта идея «супермаркета»,» - заключила Саманта с решительностью десятилетнего ребёнка: «Если нам надо купить, скажем, хлеб, мама даст мне двести долларов, и я пойду на угол, к мистеру Салливану. Или, я возьму мой велик и доеду до пекарни миссис Чанг. Это же вообще классно! Миссис Чанг всегда режет оставшийся хлеб мелкими кубиками и сушит в духовке, и даёт их детям *забесплатна*. *Хрустяшки*, она их так называет...» (Опять эти уличные словечки, отметил Марк.)

Она была права, конечно. Частные лавки имели свои преимущества. По крайней мере, они не подмешивали в еду пищевые консерванты и искусственные красители, и не пичкали скот и птицу гормонами и антибиотиками. До *Обвала*, были все эти загадочные «Е-номера», украшавшие упаковку любого продукта! Вообще, ситуация с продуктами в Техасе была О-кей. Если не транжирить деньги, можно легко позволить себе достаточно белков: тофу[42], яйца, молоко или творог каждый день, мясо или птицу два раза в неделю, а рыбу или другие морепродукты - время от времени. Причём, всё покупается свежим. Никто не может позволить себе замораживать еду. Холодильник в кухне Марка был давно превращён в шкаф для сухих продуктов, а морозильная камера в гараже служила баком для запаса питьевой воды. Некоторые соседи держали маленькие морозильные камеры с питанием от солнечных батарей, чтобы делать лёд. Если Марку хотелось вспомнить роскошь жизни до *Обвала*, он выдавал Саманте или Памеле пластиковый контейнер и банкноту в двадцать долларов и отправлял их к соседям, чтобы приобрести лёд для напитков...

Как обычно по воскресеньям в это время дня, рынок был полон. Ещё три-четыре часа, и толпа потихоньку рассосётся: кто-то отправится на воскресную службу в церкви, другие просто будут расслабляться дома. До того, как тут организовали рынок, это место было типичным американским торговым центром. Теперь бывший банк на углу превратился лавку мясника, в помещении бывшего индийского ресторана продавали рис и специи, в бывшем магазине «*Радио-Шак*» окопались местные умельцы по ремонту мобильных телефонов и компьютеров, и так далее. Крупные магазины были разделены на лавки и лавчонки поменьше, некоторые имели прилавков менее трёх футов [прибл. 90 см] по фронту. Кроме постоянных магазинов, было много торговцев с тележками, а большая часть продавцов овощей просто раскладывала свою продукцию на тротуарах.

Первым делом, надо, конечно, нанять разносчика. У них было устроено что-то вроде мафии. Они «держали территорию». Если родители посылали десятилетнего сына купить кувшин молока или полдюжины яиц, это не вызвало проблем с местными сорванцами. Однако, ни один мальчуган не мог просто так прийти на рынок с самодельной тележкой и начать собственный бизнес доставки без риска крепко получить по шее. Все места были заняты! Двое подростков постарше организовали что-то вроде стоянки такси. Мальчишки-разносчики, с разномастными тележками, были

построены в углу бывшей автостоянки. Когда Марк подошёл, следующим на очереди был *амер-индийский* мальчуган, лет примерно двенадцати, с двухколесной тележкой и зонтом для гольфа в качестве бонуса. Мальчик был только в шортах, без рубашки и босиком. По виду его почти чёрной кожи и мозолистых, довольно грязных, ступней можно было заключить, что это был его обычный набор рабочей одежды.

- Шестьдесят долларов до любого места, сэр! - как любой *амер-индеец*, мальчик был не прочь поторговаться.

- Пятьдесят. Я знаю цены. Кроме того, мы живём меньше чем в двух милях отсюда.

- У меня есть зонтик, сэр!

- Сегодня нет дождя. Приятель, если ты не хочешь работать за пятьдесят, я возьму следующего пацана в очереди.

- Хорошо, сэр. Пятьдесят.

Один из старших мальчиков уже показывал юному вымогателю кулак. В воскресенье было много желающих подработать, поэтому стандартная цена не подлежала обсуждению. Они начали потихоньку обходить магазинчики и киоски, Марк сверялся со списком покупок, заказывал и платил, а мальчик-разносчик заполнял кузов своей тележки. Через час-полтора, все необходимые покупки были завершены. Марк потратил около трёх недель своей ФБР-овской зарплаты. Чёрт с ним. Мальчики шли в армию. Кто знает, возможно, он их больше не увидит...

Около входа на рынок, как обычно, проходил сбор пожертвований «Пути Спасения». Сейчас тут дежурили пятеро инвалидов: средних лет мужчина на костыле без левой руки и левой ноги, три молодых парня без обеих ног, один из них в сопровождении беременной жены, и, наконец, местная звезда, поэт, композитор и исполнитель рэпа Джек-Потрошитель. Джек был амер-африканцем неопределённого возраста, с короткими культиками вместо обеих ног и обеих рук. Он идеально подходил под определение «самовара», поэтому, в отличие от других инвалидов, «Путь Спасения» разрешил ему иметь постоянную «точку». Но этой привилегией Джек почти не пользовался, предпочитая давать концерты каждый день на другом рынке района. Отсутствие конечностей было компенсировано впечатляющей причёской с дредами, зеркальными солнечными очками и улыбкой в тридцать два зуба. Марк запомнил, что Джек-Потрошитель появился в районе *Шелдон-Рез* примерно когда Уильяма призвали в армию. Джек прибыл явно не с «Мусоровоза», так как к моменту своего появления в районе он был калекой уже много лет. Его песни были хорошо приняты местным населением. Сейчас у людей не было большого выбора. По телевизору крутили только старые записи певцов и музыкальных групп - тех, что были до *Обвала*. Лишь несколько известных по всей стране исполнителей продолжали свои концерты, да и то - на чистом энтузиазме. Выложить собственный клип в Интернете для бесплатного просмотра легко, а вот собрать плату за альбом с людей, у которых не хватает денег на еду - это потруднее.

Джек-Потрошитель сидел в раскрашенном в цвета американского флага инвалидном кресле. Ремень, приклёпанный к спинке сиденья, помогал инвалиду сохранять тело в вертикальном положении. На подножках кресла располагались акустические колонки, а усилитель был прикручен сзади, за спинкой сиденья. Кресло было стратегически установлено на трёх-футовом [прибл. 90 см] бетонном поребрике газона, так что зрители могли лучше разглядеть лицо сидевшего инвалида. Позади, на траве газона, небольшая солнечная батарея заряжала запасной аккумулятор. Клэрис как-то говорила, что всё это имущество, вместе с самим калекой-рэпером, доставлялось к месту проведения концертов каждое утро бесчисленными любовницами Джека. Подружки постоянно менялись. Видимо, Джек-Потрошитель знал секрет, как находить новых девушек, при этом без скандалов избавляясь от старых. В конце концов, звёздам разрешается некоторая свобода в выборе любовниц. Сегодня дежурной подружкой и звукооператором Джека была белая девчонка-переросток, в шортиках, таких коротких, что они сошли бы за бикини, если бы не были из джинсового материала. Поскольку погода была уже довольно жаркой, сам Джек сидел в своём кресле с голым торсом. Его знаменитая кожаная жилетка, с медалью «Пёрпл Харт», затерявшейся среди примерно двухсот значков различных рок-групп, была доверена подружке. Та с гордостью надела раритет поверх изодранной футболки со свежим трафаретом «ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ» на груди.

Как обычно, вокруг толпилась кучка слушателей. Джек только что закончил песню о какой-то политике: что-то там с рефреном «Вашингтон-Вашингтон» и «жирные коты - жадные коты» в качестве припева. Девочка-переросток в знаменитой жилетке пошла по кругу с красным ведёрком, собирая заслуженный гонорар. Марк опустил в ведёрко пару долларов, а затем подошёл к остальным инвалидам, чтобы дать пожертвования и им.

- А этим Вы, сэр, зачем дали денег? - сварливо прошипел мальчик-разносчик сзади. - Эти инвалиды - бесполезные уроды. Они не нужны никому. Лучше бы Вы заплатили мне шестьдесят.

- Заткнись, - прошептал Марк в ответ. - Я вот дождусь, когда ты вернёшься из армии без рук и без ног. Тогда я тебе выдам остальные десять баксов.

Мальчишка прошипел ещё что-то неразборчивое, но Марк не обратил внимания.

- Спасибо! Спасибо за ваши пожертвования, леди и джентльмены! Подходите, подходите! Поможем Инвалидам! По-мо-жем Инвалидам! Поправь мне микрофон, Мопкин, и, если тебе не в лом, сделай-ка ещё один кружок с нашим ведёрком. По-мо-жем Инвалидам!

Джек-Потрошитель чуть наклонился в кресле и девушка поправила ему микрофон. Калека вдруг повернулся к Марку, - Вот ты, чувак. Как тебя зовут?

- Марк...

- Марк! Ты провожаешь сына в армию, угадал? - Джек говорил через усилитель, а Марк

- без, поэтому разговор получался в форме какого-то странного театрального монолога.
- Да... Двух парней. Моего сына и одного соседского парня. А как ты догадался?
- Марк отправляет двух парней в армию, леди и джентльмены! Догадаться просто, чувак. Ты здесь такой уже десятый - все закупают жрачку-бухачку. Мне доложили, что братва из Офиса Военной Карьеры разносила всем повестки. Твоего парня, чувак, в какие войска?
- В пехоту.
- А! Пехота. Сын этого чувака пойдёт в пехоту, леди и джентльмены! Отличный выбор! Эксклюзив, можно сказать. Я тоже в пехоте был, чувак. Видишь, как великолепно бронезилят защищает *тело*? - Он покрутил в воздухе культиями рук и поёрзал по сиденью коротенькими обрубками ног, демонстрируя великолепные защитные характеристики бронезилята.
- Можно спросить, где тебя так покалечило?
- Марк спрашивает, где меня так покалечило, леди и джентльмены! Можно спросить, чувак, почему нельзя. Без проблем! В Ливии, чувак, в Ливии. Операция «Газовый Щит», слышал про такую? Только, у нас в пехоте, почти сразу стали называть: операция «Газовая Гангрена».

Марк кивнул, - Я знаю одного мужика. У него там, в Ливии, убили сына. 2020-тый год, так?

Операция «Газовый Щит» была первой со времён Первой Мировой, когда у американских наземных войск не оказалось поддержки с воздуха. Что-то там не так сложилось в Европе, и самолёты не летали семь или восемь недель. Оставшись без данных воздушной разведки, без продовольствия и боеприпасов, и без эвакуации раненых, пехота и танкисты окопались в безводной пустыне и погибали многими тысячами. «CNN», как обычно, поначалу отправила в действующую армию корреспондентов, но когда победные репортажи сменились рассказами о полной катастрофе, репортажи быстро прекратились. Наверное, «CNN» тонко намекнули, что если у них осталось желание и дальше получать правительственные субсидии, лучше будет поддержать язык за зубами какое-то время. Когда «CNN» замолчала, новости из Ливии стали просачиваться в район *Шелдон-Рез* из уст искалеченных солдат, которые мало-помалу возвращались домой из госпиталей. Тогда ещё инвалидов войны было мало. Их ещё встречали как героев. И даже приглашали в школы, чтобы они толкнули патриотическую речь.

- Так точно, сэр! Две тыщи долбаный двадцатый, сэр! Я там столько товарищей порастерял! Не считая, естественно, всего прочего! - он снова покрутил в воздухе бесполезными обрубками рук. - Из моего взвода, осталось трое! Наши brave моряки грузили мёртвых баржами и возили хоронить - по морскому обычаю, в Средиземном море. Рыбам тоже надо что-то кушать, так? Ты знаешь, чувак, к концу этой бойни,

самолёты уже летали, вывозили покалеченных. Там был один самолёт - специально для таких, как я. Для «самоваров!» Нас привезли в аэропорт на двух грузовиках. Мы такие лежим в грузовике и слушаем, как наш медик ругается с сержантом из ВВС. Сержант такой: да как же я их тебе погружу, болван! У тебя по списку сорок четыре эвакуируемых. А в самолёт можно поставить только тридцать носилок. А наш медик ему: не кипятись, летун, у меня тут, братан, «спец-выпуск». Они все поместятся, и ещё место будет. Тебе что, не сказали? Это груз из долбаного госпиталя в Зуваре. «Самовары», без рук и без ног. *Оквдраченные!* Тут кто-то засмеялся. И все мы, ну, в обоих грузовиках, как начали хохотать! Во все наши сорок четыре самоварные глотки! Во, сказанул: «*оквдраченные!*»! «Спец-выпуск»!

Слушатели как-то притихли. Люди уже привыкли к историям об ужасах войны, но эта конкретная история немного зашкаливала.

- Ладненько, что это мы всё о грустном? - сказал в микрофон Джек-Потрошитель. - Леди и джентльмены! Следующая песня называется: «Каждый второй». Посвящается сыну Марка, идущему в армию, их соседскому парню, который тоже идёт в армию, и всем остальным, кто пойдёт воевать в этом году. Ты, чувак, передай парням, чтобы были там поосторожнее, и чтоб пришли оттуда целыми, а не как я, *оквдраченными, всасываешь?*

Подружка Джека уже вернулась на место звукооператора.

- Набери мне трак пятнадцать, детка. И добавь немного баса к каналу микрофона, - приказал ей Джек. Девушка потыкала пальцем в «iPad», выбирая заказанную фонограмму, потом поправила что-то на усилителе.

- Раз, два, раз, два... Хорошо, Мопкин-Попкин, понеслась. Жми воспроизведение, - Колонки загремели на весь рынок звуками синтезатора.

Я бы лучше на Куче копался в дерьмовом дерьме,
Но сказал ОВК: послужи, парень, стране. На войне!
Вперёд, братан, выполняй долг свой.
Рискуй головой. Вот такой геморрой.
И будешь герой. Счастливый и молодой!
Страна будет гордиться тобой.
Каждый второй - вернётся домой.
Как герой! Без ноги, без руки, но зато живой.

Я копаю в дерьме окоп, надо глубже в дерьмо копать,
Чтобы снайпер не смог на прицел тебя быстро взять.
И курок нажать! И пулю в тебя вогнать.
Калибра пять-сорок пять!

«Ни к чему быть героем,» - сержант так салабонам твердил.
Операция в джунглях на прошлой неделе.
Растяжку сержант зацепил.
Он свободу спас! И страну защитил!
Он остался живой. Он теперь - герой.
Он вернётся с войны домой.
Счастливый и молодой.

Слепой. Без обеих рук, но зато живой.

Чёрт возьми, подумал Марк. Песня как будто написана про Уильяма! «Слепой. Без обеих рук, но зато живой». Марк стоял, слушая песню и наблюдая, как один из безногих инвалидов, молодой, чуть старше его сына Майка, двигал коротко стриженной головой в такт рэпа. Ещё несколько человек подошли и опустили пожертвования в ведёрки инвалидов.

- Давайте пойдём, сэр, а? Я же не могу стоять тут весь день, - прошептал мальчик-разносчик, дёрнув Марка за рукав. Марк кивнул Джеку, извиняясь за свой уход до окончания песни. Джек-Потрошитель слегка кивнул в ответ, как бы принимая извинение. Марк двинулся за мальчиком с тележкой. Вослед им из динамиков, как какой-то безумный военный марш, катился рэп:

Будет он ходить, как герой.
Бравый инвалид. На груди медаль, с молодой женой.
Беременной и босой.
Ему скажут: мы тебя возьмём *делать Маршрут*.
Нам такие - без рук - нужны.
Таким, как ты, братан, хорошо подают.
Завтра утром идёшь собирать - вот тут, и вот тут.
Ты не знал, братан, что *делать Маршрут* - тоже труд?

У него будут дети. Три сына начнут *на Куче* копать в дерьме.
Скажет им ОВК: послужите, парни, стране. На войне!
Вперёд, пацаны, выполнять долг свой.
Рисковать своей головой. Любой: умной или дурной.
И каждый второй - вернётся домой.
Счастливый и молодой.
Без ноги, без руки, но зато живой.
Как герой![43]

Глава 14

В понедельник утром Марк проснулся с основательной головной болью. Уильям и Майк, наверняка тоже от неё страдают, подумал он. Как, впрочем, и Фредерик Штольц с его Арнольдом, да и Эльвира и Мэри тоже. По крайней мере, Майку и Арнольду не надо сегодня на работу. А что до армейской медицинской комиссии, куда парни должны были явиться в 10:45 и 11:00 соответственно, там бы наверное очень удивились, если бы призывники приползли на комиссию в любом другом виде кроме состояния «после вчерашнего».

Наскоро выпив вместо завтрака желудёвый кофе, - головная боль не способствовала аппетиту, Марк поехал напрямик на *Биржу*. Если мне удастся найти сегодня Жасмин Хобсон, это будет совсем неплохо, размышлял он по дороге. Особенно если учитывать головную боль в сочетании с погодой. Погода ещё с ночи стала портиться. Небо было затянуто тучами; противный мелкий дождик то останавливался, то начинался снова. Марк не взял из дома плащ, и пожалел об этом уже на пол-дороге. Однако, возвращаться не хотелось, да и лишние четыре мили с головной болью внушали куда больший ужас, чем морозящий дождь. Он оставил велосипед на попечении хозяина платной вело-парковки при входе на *Биржу*. Служебный бэдж ФБР, по крайней мере, позволял парковаться бесплатно.

Вполне может случиться что я стану частым гостем здесь, вдруг шевельнулось у Марка в голове. Вот уволят меня из ФБР, буду сидеть здесь, в ряду «Согласен на любую работу», держа в руках картонку с ценой рабочего дня. Интересно, сколько платят на *Куче* работникам моего возраста? Наверно, долларов триста в день. Затем, воображение нарисовало Марку ещё более печальную картину. Он был на *Бирже* вместе с Памелой и Патриком, причём дети были одеты как положено на *Куче*: в грязных лохмотьях, с соломенными шляпами и с резиновыми перчатками, заткнутыми за пояс. Марк держал картонку с надписью: «\$430». Справедливая цена за двух работников, которым нет ещё четырнадцати. Они легко справятся с работой по меньшей мере полутора взрослых. Ничего плохого в этом нет. А пристроив младших детей сортировать мусор, Марк будет вкалывать весь день в своей столярной мастерской. Не золотые горы, естественно - несколько сотен долларов в день максимум. Но по крайней мере, семья не будет голодать... Он потряс головой, освобождаясь от страшилки.

Полигон и его окрестности патрулировал самый большой околотов Полиции - восемь или девять человек. У конторы Марка поджидал направленный ему в напарники местный сержант, весёлый толстячок по имени Родриго. Примерно за час они обошли всю *Биржу*, но Жасмин тут, похоже, не было.

Вечерок получился даже очень ничего. Помимо семей Марка и Фредерика, гостей было человек пятнадцать, в основном, знакомые Майка и Арнольда с *Кучи*. Жаровню для барбекю установили на заднем дворе Штольцев, рядом с бассейном. Хозяин даже великодушно разрешил гостям в этом бассейне освежаться по мере надобности, хотя воды там было лишь по-колени. Основным предназначением его бассейна был теперь сбор дождевой воды с крыши дома. Поскольку сезон дождей ещё по-настоящему не

начался, а вода интенсивно использовалась для полива огорода, насчёт уровня воды жаловаться было бесполезно. Официальная часть попойки закончилась около половины десятого вечера - большинству надо было завтра на работу, к тому же, вдруг начал накрапывать дождик.

Когда гости распрощались, хозяева уселись на веранде и плавно перешли от пива к настойке из сахарного тростника, но её было мало, и тогда Фредерик вынес бутылку химически-чистого спирта.

«Украл в своей лаборатории,» - бодро признался он Марку: «Когда наша компания закрывалась, я подошёл к начальнику, и говорю: можно, я потихоньку увезу химикаты? Всё равно ведь разобьют или выльют не туда. Он только рукой махнул: забирай. Пока мои менее предприимчивые коллеги осаждали отдел кадров, я в три приёма вывез всё в свой подвал. Им дали чеки с выходным пособием на день раньше, зато я остался при всех делах.»

Саманту послали к соседям купить льда, и Эльвира принялась готовить водку. Строго по науке: в мерном стаканчике с делениями, размешивая стеклянной палочкой три объёма ледяной воды на два объёма спирта. По мере того, как бутылку со спиртом пустела, обстановка за столом становилась всё более весёлой. Уильям продемонстрировал собравшимся, как пить водку без помощи рук. Он обнял стопку губами, и, запрокинув голову, браво выплеснул в себя содержимое. Собравшимся понравилось, и они попросили повторить на бис. Марк рассказал, как в 2009 году участвовал в задержании предполагаемого террориста, на которого настучали в ФБР соседи-доброжелатели. Террорист оказался прозаическим студентом - химиком, изготавливавшим для приятелей мефедрон и другие столь же приятные в употреблении вещества. Упоминание о химии навело Фредерика на рассказ о его работе в исследовательском центре «Халлибёртона».

«Вы в курсе, парни, что у меня есть четыре американских патента?» - заявил он: «Самый классный... Ик! - По безопасным детонаторам. Вообще, безопасный детонатор - это тривиально. Надо просто вставить туда сопротивление... Или, ещё лучше, - стабилитрон, да! Но тогда - надо высокое напряжение. Да! А нам хотелось, в общем, детонатор, чтобы взрывался от простой батарейки. Но при этом - безопасный. Вот что бы ты сделал, Арне?»

«Ты мне это уже рассказывал, папа. Я знаю ответ».

«А, ну да, ну да. А вот Марк - точно не знает. Что бы ты сделал, Марк?»

«Без понятия, Фред. Мои познания в детонаторах? Ха, ограничиваются тремя часами лекций. На курсах ФБР. Причём, это было двадцать лет тому... Причём - я спал!»

«Ладн-а-а-ао. С-тобой,-Марк-всё-ясна-а-ао... Ик! Я-вам-всем-расскажу,-как-это-делается-а-ая. Ик!»

Кровь предков сказывалась^[44], и когда Фредерик был пьян, он говорил с

великолепным техасским акцентом, медленно растягивая слова в одну непрерывную цепочку. Куда девался акцент, когда Фредерик был трезв, мировая наука пока не знала: «Мы-сделали-тринарный-детонатор. Не бинарный, а три-нарный! Да-а-а! Пока он не активирован, можно его кувалдой плющить. Или в костёр. Он и от пули не взрывается! И высокое напряжение можешь подать. Хоть тысячу вольт. Детонатор сгорит, конечно, но не взорвётся.»

«И как его подорвать?» - спросил Майк.

«Ха! В этом весь секрет. Подаёшь положительное напряжение. Там происходит такая вот реакция...»

Он принялся было рисовать что-то пальцем на столе, но, заметив, что ясности это не добавляет, бросил и продолжил: «Ну, формулы - это не важно. В общем положительный импульс: три вольта, три секунды, или более. Потом: отрицательный импульс: тоже три вольта и три секунды. В этот момент детонатор становится «готов». То есть активируется, так? Дальше, любой положительный импульс три вольта приводит к подрыву за пять миллисекунд. Да, пять! Это очень хорошая спецификация для безопасного детонатора! Причём, если детонатор не подорвали, он сам деактивируется примерно через час. Снова можно кувалдой плющить. В общем, патент, всё такое. Имя придумали в Маркетинговом: «*TriSafe*». Ха! Знаете, кто эти *TriSafe* больше всего сейчас использует? Наши заклятые враги! Мусульманские экстремисты, латиноамериканские партизаны, борцы за независимость Юго-Восточной Азии, и все остальные - в том же духе. Вот ты, Билли. Я могу с тобой поспорить на что угодно, что в твоей Венесуэльской мине-ловушке стоял мой *TriSafe*.»

«Не буу я соо-ить,» - пробурчал Уильям набитым ртом. Он держал в углу рта, как сигару, две трети поджаренной сосиски и пережёвывал остаток. Он научился этому трюку только сегодня вечером. Остроумный Майк тут же придумал название: «Уинстон Черчилль».

Уильям проглотил прожёванное, позволил сосиске-сигаре упасть на стол и продолжил: «Я эти Ваши *три-сэйфы* не только видел, но и в руках держал, много раз. Пока было чем видеть и чем держать, ха-ха-ха!» - он подвигал культёй левой руки и безруким правым плечом вверх и вниз, демонстрируя, что теперь его все эти детонаторы уже мало интересуют: «Но спорить не буду не поэтому. Что в «моей» ловушке стояло, мы всё равно на сто процентов не узнаем, так? Значит, спор будет *теоретический*. А этих *теоретических* прибабасов мне последние девять месяцев и так хватает по горло. У меня теперь практически вся жизнь - проходит *теоретически*.»

«Это отчего ещё?» - спросил Фредерик. Он ещё не понял, что нарвался на одну из мазохистских шуточек Уильяма.

«Я, к примеру, умею играть на синтезаторе. *Теоретически*! Ха-ха!» - Уильям снова подвигал обрубком левой руки, показав, как он умеет теоретически играть на синтезаторе. Про синтезатор, это он недавно добавил, подумал Марк. Уильям и правда довольно сносно играл до ранения. Они когда-то тратили приличные суммы

денег на уроки музыки для детей. Марк подозревал, что он знает продолжение грустной шутки.

«А ещё например, я могу учиться на врача. *Теоретически!* Если я окончу Университет, *теоретически*, я буду ставить пациентам диагнозы - *теоретически*. А потом я стану их лечить. Тоже: *теоретически!*»

Лицо Фредерика вытянулось. Он наверняка не находил эту шутку забавной. Но Уильям не видел реакцию хозяина и продолжал ломать комедию: «А ещё, я могу сам сходить в уборную. А что? Легко! *Чисто теоретически*, у меня всё выйдет. Или лучше сказать: «из меня»? Хотя, конечно, академическая наука будет не согласна, что это *чисто* теоретическое исследование. Оно не особенно *чистое*. Оно даже очень *прикладное*. *Накладное!* Особенно - в штанах! Ха-ха-ха!»

Кроме самого Уильяма над шуткой никто не засмеялся, но Уильям давно привык к подобной реакции аудитории и продолжил как ни в чём не бывало: «А по поводу партизан с детонаторами *Три-сэйф* у меня тоже есть прикольная история. Рассказать?»

«Спрашиваешь? Уже слушаем,» - быстро сказал Фредерик. Шутка с «чисто теоретическими» возможностями Уильяма получилась какая-то невесёлая, и Штольц протрезвел, моментально утратив свой тягучий техасский акцент.

«В Венесуэле дело было. Если вы ещё не догадались,» - начал рассказ Уильям.

«А если - догадались? Где ты ещё мог повстречать партизан? Разве что - на углу, напротив штаба «*Пути Спасения*»?»

«Заткнись, Микки! Это было на второй день моего боевого развёртывания. Приходит к нам капрал из разведки. Спрашивает: у вас, парни, «Примакорд» есть? Не одолжите? Ну, мы рады помочь. Наш сержант говорит: а тебе какой? Тот: чем толще, тем лучше. Ну, ему сержант дал пол-катушки. Десятка RDX, жёлтая рубашка. Зачем - мы не спросили. Мало ли, что эти секретчики-разведчики хотят взорвать?»

«Погоди, ты говори по-человечески,» - перебил его Арнольд: «Что за «Примакорд» - жёлтая рубашка?»

««Примакорд» - это детонационный шнур[45]. Как бельевая верёвка, но со взрывчаткой внутри,» - перевёл на человеческий язык Фредерик: «RDX, то же самое, что и гексоген - это и есть взрывчатка. Хорошая, но, гад, дорогая. Только Пентагон себе может такую позволить. Если я правильно помню, номер десять в жёлтой рубашке - это пятьдесят гранов на фут, самый толстый.»

«Ну и память у Вас, мистер Штольц! Точно, жёлтая десятка - это полтинник,» - подтвердил Уильям: «Ну вот, капрал сказал спасибо и пошёл. А наш сержант вдруг и говорит: а чего это он в сторону реки подался? Дураки мы. Разведка рыбу пошла глушить. Нашим «Примакордом». Они будут рыбу жрать, а нас начальство поимеет за нецелевой расход взрывчатых веществ. И приказывает мне: ты у нас самый молодой,

беги, падай этому капралу на хвост. Отгребём уже по-всякому, зато, хоть, после того, как свежей рыбки поедим. А если офицер какой спросит, скажешь, что проводил с этими клоунами из разведки инструктаж по взрывному делу. Всё понял, рядовой? Понял, сэр! Исполни! Ну, я помчался за тем капралом. Выхожу к реке, и вижу такую картину. Разведчики захватили лодку, а с нею двоих парней. Партизаны.»

«Откуда ты знал, что партизаны? На них же не написано...» - спросил Арнольд.

«Ну, для начала, у них был «АК-47»...»

«Может, охотники?»

«Ага, охотники! С «Калашниковым». Ну а второй ствол у них был куда как круче: китайская управляемая ракета с лазерным наведением. Это уже не ручное оружие, но довольно портативное. Неплохой дизайн, кстати. Лучше того, что у нас было. Простая, как грабли, и меткость хорошая. Специально для тебя, Арне, если эти ребята и пошли на реку поохотиться, то они охотились за одним из наших бронекатеров...»

Марк подтвердил: «Я тут повстречал одну девушку. Её бронекатер такой ракетой подстрелили.»

«Девушка? На бронекатере? В Венесуэле?» - переспросила Клэрис.

«Ну да. Она была волонтером. На флоте служила.»

«Точно, я сам видел,» - кивнул Уильям: «На речных бронекатерах у нас теперь - как в том старом фильме. «В джазе только девушки»... Ну так вот, про этих партизан. Один - вообще пацан, лет тринадцать-четырнадцать. Второй - постарше. Примерно моего возраста. Оба избиты конкретно. Так только разведчики бить умеют. Ну, ясно: из партизан усердно добывали разведданные... Сержант, то есть, не наш, а этих разведчиков, - заметил меня. Говорит: ты, наверное, из свежего пополнения, сапёр? Наблюдай! Сейчас будем проводить операцию «Титаник». В общем, этим партизанам сказали по-испански, что-то вроде, что их отправят в лагерь для военнопленных...»

«Что-то вроде?»

«Ну, у меня с разговорным испанским - не очень. Когда я его в школе учил, почти все мексы уже умотали из Техаса на историческую родину. Не с кем было практиковаться. Короче, посадили этих двух парней в их же лодку и примотали их к скамейкам нашим «Примакордом». Как верёвкой. Они не сопротивлялись. «Примакорд» - он и правда похож на верёвку для сушки белья... Связали, присоединили к шнуру радио-детонатор. Такая маленькая зелёная коробочка. Там, кстати, мистер Штольц, внутри, помимо электроники, как раз Ваш детонатор «TriSafe», нам так в учебке говорили... Разведчики лодку оттолкнули от берега и стали дожидаться, чтобы её отнесло течением на безопасное расстояние. Тут тот партизан, что постарше, конечно, просек, что не в лагерь для военнопленных их сейчас отправят, а значительно дальше. Стал орать: *no, por favor, no*^[46]. А куда ты, *amigo*^[47], на хрен, денешься?»

«Ну и?»

«Ну - и всё. Лодка отплыла ярдов на семьдесят [прибл. 60 м], сержант-разведчик проорал, по уставу, три раза: «береги уши!» Достал из кармашка тактическую рацию, набрал на кнопках код... Ка-бум! Ни лодки, ни партизан. «Примакорд» так интересно работает. Вроде и взрыв не такой уж большой, а всё на мелкие-мелкие кусочки... Меня чуть не стошнило...»

«Ну, и в чём прикол?» - спросил Арнольд. Было похоже, что его тоже сейчас стошнит.

«Сам не знаю,» - признался Уильям: «Там, в Венесуэле, это было почему-то очень даже смешно. Кто-то говорит: операция «Титаник»! И все хохочут! Наверное, на фоне всего остального. Остальное, оно было ещё страшнее - ну, сами понимаете. Кстати, потом разведчики сбегали ниже по течению и собрали глушенной рыбы к ужину. Нам тоже дали. В качестве компенсации за наш «Примакорд». Только, насмотревшись на этот долбаный «Титаник», я после этого рыбу вообще не мог жрать! Вообще: ни кусочка. До самого моего «Мусоровоза»... А, лучше не вспоминать. Наверное, не стоило это вам рассказывать... Рисси, пупсик, посмотри, у меня там водка осталась в стакане?»

Операция «Титаник», и все хохочут, подумал Марк. По контрасту со всем остальным... Да, со всем остальным... Как эта история, рассказанная Джеком-Потрошителем во время утреннего концерта на рынке. Два грузовика, полные... *оквадраченных!* Мальчики, наверное. Не старше двадцати лет от роду. Инвалиды-«самовары», без рук и ног. Они там тоже все хохотали...

Несмотря на сильное опьянение, Марк плохо спал в ту ночь. Он проснулся около трёх часов утра, в холодном поту и тяжело дыша. Ночной кошмар был настолько реалистичен, что обнаружив себя в темноте спальни, Марку показалось, что он избежал смерти.

В его кошмарном сне, Марк шёл через грузовой терминал Хьюстонского аэропорта имени Уильяма Хобби. Марк бывал в этой части аэропорта несколько раз до *Обвала* и один раз - вскоре после *Обвала*, встречая и провожая начальство из ФБР. Непонятно отчего, Марк знал, что ему надо спешить, так как самолёт уже приземлился. И действительно, военный транспортник «Геркулес» уже разгружали перед одним из ангаров. Как ни странно, это был тот самый полуразобраный «Геркулес» из северных трущоб, с разбитым крылом и обнажёнными алюминиевыми рёбрами-шпангоутами. Около десятка человек в форме ВВС бегали туда-сюда с медицинскими носилками, и выкладывали ровным рядом на бетонку что-то похожее на зелёные армейские вещевые мешки.

Марк подошёл ближе и понял, что это были не вещевые мешки, а люди, одетые в выцветшие камуфляжные униформы. Инвалиды-«самовары» с ампутированными конечностями, полностью без рук и без ног. Где-то в голове у Марка крутилась мысль, что он прибыл в аэропорт именно из-за этих инвалидов, но он не знал в точности,

почему. А, конечно! Мистер Тодд, Старший Офицер «Пути Спасения»! Именно он попросил Марка прийти сегодня. Прибыли сорок четыре новых сборщика для участия в программе «Поможем Инвалидам»! Услуга за услугу. «Путь Спасения» помог ФБР устроить похороны Ника Хобсона и Амелии Хан. Теперь ФБР надо помочь «Пути Спасения» пристроить этих инвалидов. Правильно! Никаких проблем. Марк поможет с этим делом, это совсем его не затруднит. Марк пытался разглядеть лица этих несчастных калек, но ему никак не удавалось это из-за яркого солнца и лёгкого тумана (как это может быть одновременно, удивлялся Марк во сне).

Марк подошёл ещё ближе, и вдруг понял, что первый инвалид на бетоне был его сын Майк. Мистер Тодд вдруг нарисовался из тумана, в сопровождении той самой безупречно одетой леди с плаката в окне штаба «Пути Спасения». Плакатно-безупречная леди была с карандашом и блокнотом. Мистер Тодд аккуратно отколол «Пёрпл Харт» с униформы Майка и бросил медаль в красное ведёрко для пожертвований. Тебе медалька ни к чему, Микки, объяснил Старший Офицер: медаль - это для тех, кто не может показать настоящие боевые шрамы! Затем он продиктовал серийный номер ведёрка леди с блокнотом и поставил ведёрко на бетон, точнёхонько между коротких культёй Майка. Майк не двинулся и молчал. Он просто сидел и счастливо улыбался.

«Немного жарко сегодня, не так ли?» - обратился мистер Тодд к Марку: «Мистер Пендерграсс, будьте так любезны, помогите этому инвалиду снять куртку.»

«Никаких проблем, мистер Тодд. Всегда рад помочь,» - ответил Марк, присел на корточки и принялся расстёгивать униформу Майка. Он обнаружил, что на культях рук у Майка шрамы были неровные, как если бы хирург делал ампутации в жуткой спешке. То же самое, что и на культе левой руки у Уильяма, подумал Марк.

А мистер Тодд уже ставил ведёрко для пожертвований рядом со следующим «самоваром». Этому тоже надо помочь снять куртку, решил Марк. Девяносто пять градусов[48]! Сидеть в полном обмундировании в такую жару должно быть так мучительно. «Самовары»! Но это даже хорошо. Мистер Тодд даст им постоянные «точки». Им не надо будет проходить по много миль каждый день, как Уильяму и Клэрис... Он снял куртку со второго калеки, и, наконец, разглядел его лицо. Это был Арнольд Штольц. Арнольд тоже узнал Марка и вежливо кивнул. Конечно, он теперь не может говорить, догадался Марк. Прежде чем что-то сказать, Арнольд всегда поднимал два пальца - просил слова. Возможно, через некоторое время, мальчик научится вставлять своё мнение и без разрешения, так же, как мой Майк это делает?

Между тем, мистер Тодд и плакатная леди из «Пути Спасения», как хорошо смазанный механизм, продолжали раздавать инвалидам красные ведёрки. Тук! Медаль падает в пластмассовое ведро. Серийный номер такой-то. Вы правильно записали номер, мисс Смит? Спасибо. Тук! Ведро поставлено на бетон перед очередным «самоваром». Марк перешёл от Арнольда к третьему инвалиду и снова присел на корточки. Это была девушка, и Марк не знал, надо ли снимать с неё куртку или нет. Что если там под курткой у неё не было футболки? Неудобно получится. Спросить её, что ли? Как ни странно, военная форма выглядела очень похоже на школьную форму. Точь-в-точь как

форма «Сафари» в школе у младших. Или, точнее, школьная форма «Сафари» в последнее время повсеместно выглядела точно так, как сильно поддержанная военная форма.

«Приветик, папа,» - вдруг сказала девушка-«самовар».

Марк был в шоке. Папа? Папа? Он посмотрел на лицо девушки: конечно же, это была его Саманта. Марк разозлился.

«Почему, чёрт побери, ты пошла волонтером?»

«Я не волонтером, папа,» - сказала она. Её губы не двигались, и голос волшебным образом звучал у Марка в голове: «Меня же призвали, разве не помнишь?»

Конечно, вспомнил Марк. Её же призвали. Всех девушек призывают теперь! У них нет выбора!

«Ну что же Вы? Ей же жарко. Снимите ей куртку!» - Голос прозвучал в голове Марка, но при этом - откуда-то сверху. Марк, всё ещё сидя на корточках, посмотрел вверх. Военный хирург, с красными от постоянного недосыпания глазами, держал в руках аккуратненькую, хирургически-блестящую и очень стерильную бензопилу. Как ни странно, на хирургическом костюме хирурга были картинки, «*Барни и его Друзья*», весёлые разноцветные динозаврики. Как тогда, четыре года после *Обвала*, когда маленькая Сэмми подвернула лодыжку, и хирург в детской больнице долго объяснял Марку, что анестетики кустарного производства далеко не так безопасны как настоящие, и лучше вообще не вводить их детям.

«Давай, чувак, не стесняйся. Снимай её куртку,» - повторил голос хирурга в голове у Марка. Марк расстегнул куртку Саманты и с облегчением увидел, что у дочери был под курткой её любимый купальник. Культы рук у Саманты тоже были неровные, с зубчатыми шрамами, так же, как у Майка и Уильяма. Очень жаль. Эти кривоватые шрамы ей совершенно не идут, портят её красоту.

«Ничего не поделаешь, чувак,» - сказал хирург в голове у Марка: «Быстро и радикально, мы это так называем. Вашей Сэмми это даже понравилось. Быстрая операция - это всегда лучше, чем длительное консервативное лечение, а результат - всё равно одинаковый. Без антибиотиков руки не спасёшь, правда, Сэмми?»

Саманта согласно кивнула и улыбнулась хирургу с блестящей бензопилой. Саманта и хирург были в отличных отношениях. Нет, хирург вовсе не был маньяком, решил про себя Марк. Двадцать операций в день. Что ещё он может сделать?

Затем, Марк вдруг почувствовал, что он что-то упустил. Что-то важное. У него было это в голове, когда он только вошёл в аэропорт, но теперь это куда-то исчезло. Он вскочил на ноги и побежал вдоль длинной вереницы «самоваров», заглядывая инвалидам в лица. Лица выглядели знакомо, как все эти люди, которых он опрашивал во время расследования по делу «Шелдонского Мясника», но он не мог вспомнить

имён. Некоторые инвалиды узнавали Марка, кивали, или говорили что-то вежливое, так же, как Саманта и хирург, не разжимая губ.

Внезапно Марк остановился. Следующие двое ампутированных были Патрик и Памела. Они сидели на горячем от солнца бетоне, в их армейских (или всё-таки школьных?) униформах, с красными ведёрками «*Пути Спасения*» между бесполезными культиями ног.

«Приветик, папочка,» - сказал Памела (прямо в голову у Марка, не раскрывая рта): «Ты нас встречаешь, да? Прикинь, какая фигня, *воще*. Я и Рикки. Мы *обои теперь* самовары». Рук и ног у нас *воще больша нета*.»

«Сколько раз я говорил тебе, Памела, пожалуйста, не коверкай свою речь. Ты мне обещала, помнишь? Для начала, не «*обои*», а «оба». «Обои» - это бумага такая раньше была, стены оклеивать. А все эти «*теперь*», и «*воще больша нета*» - так только нищие на улице говорят.»

«Хорошо, хорошо, папочка. На настоящий момент времени, Патрик и я оба остались «самоварами» и не имеем ни рук, ни ног. Лучше?»

«Значительно лучше, Памела. Правда, звучит немного напыщенно... В контексте, я имею в виду. На твоём месте, я бы опустил «на настоящий момент времени». А в остальном - просто прекрасно. Ты же можешь говорить грамотно, если захочешь.»

Как глупо, подумал Марк. Как тогда, когда я рассказывал младшим детям о супермаркетах, банках, кредитах, акциях, облигациях, и среднем классе... Историческое знание, совершенно бесполезное в современной жизни! Из моей дочери сделали «самовар», - туловище без рук и ног. Теперь она годится только на то, чтобы сидеть с этим чёртовым красным ведёрком «*Пути Спасения*», выкрикивать «Поможем Инвалидам!» и время от времени не забывать говорить «спасибо» прохожим, если они бросят в ведёрко доллар-другой. «*Умине* рук и ног *воще больша нета*». Так только нищие на улице говорят. И правильно говорят, всем всё понятно. У Памелы такой великолепный уличный сленг, и ничего другого ей в жизни *теперь* *воще* не потребуется.

«И кто-то ещё говорит, что каждый второй погибает на войне, мистер Пендерграсс? Какое враньё!» - это был голос мистера Тодда сзади. Марк повернулся. Удивительно, но мистер Тодд говорил, как все люди, раскрывая рот и шевеля губами: «Каждый второй - это явное преувеличение. Правда же, мисс Смит?»

Леди с плаката «*Пути Спасения*» с готовностью кивнула: «Совершенно верно, мистер Тодд. Совершенно верно! Возьмите к примеру, мистера Пендерграсса. У него все пять детей вернулись с войны живыми и вполне здоровыми. Их, правда, слегка *оквадрили*, хе-хе-хе.»

«Самовары» на бетонке неожиданно захохотали. «Ха-ха-ха! *Оквадрили*! Нас - *оквадрили*!» Теперь их рты открывались и закрывались, как зияющие чёрные дыры.

Памела, Патрик, и ещё несколько «самоваров» не могли усидеть прямо и теперь катались по бетону, захлёбываясь в конвульсиях весёлого хохота. «Как Вы сказали, мисс Смит? *«Оквადра́тили»?* Вот умора! Замечательно! Прекрасно! Великолепно! Нас - *оквадра́тили!* *Во́ще!* Бу-хо-хо-хо!»

Марк проснулся в темноте. Ему потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться. Мэри пробормотала что-то во сне. Она тоже была пьяна. Будем надеяться, что ей не снятся кошмары, подумал Марк. Хорошо, что это был всего лишь сон. Ничего ещё не потеряно. Возможно, Майк и Арнольд не пройдут медицинскую комиссию. Или, если пройдут, их не будут развёртывать в зону боевых действий. Или развернут, но не в каком-то особенно дрянном месте, как Венесуэла, или Колумбия, или Иран, или Норвегия. Или их просто ранят, а не убьют. Ничего страшного, если Майк вернётся на костылях. Ничего страшного. Он тогда получит протез. Алекс говорил, что его сын научился ходить на протезе так хорошо, что никто даже не замечает, что у парня нет ноги... Только, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, - Марк внезапно начал молиться, взывая то ли к Богу, то ли к сыну: пожалуйста, Майк, вернись живым...

Глава 15

Около половины девятого утра, Родриго и Марк пересекли шоссе Беамонт, пробрались через полосу вонючих мастерских по утилизации вторсырья и оказались на самом мусорном полигоне дороги Маккарти. Если Жасмин работает не на свалке, а в одной из этих мастерских, придётся нам тут ходить до самого вечера, подумал Марк. Хотя, её соседка говорила, что видела у неё крючок для разборки мусора. Значит, девушка, скорее всего, трудится на самой свалке, а не в мастерской.

Даже будучи в сопровождении местного сержанта, на проходной у ворот пришлось предъявить охранникам бэдж ФБР. Свалку охраняли очень строго. Просто так никто не имел права сюда приходить. Хочешь разрабатывать мусор - купи лицензию. Однако все знали более удобный способ преодоления будки с охранниками. Бумажка в пять долларов служила пропуском ребёнку, а десятка - взрослому. Другое дело, что если прийти сюда самому, без «артели», поразбирать мусор удастся недолго. Территория свалки давно поделена между артелями мусорщиков, а самозванцам запросто дают по шее и отправляют восвояси.

Последний раз Марк был *на Куче* лет шесть или семь лет назад. Тогда ФБР позвали на место преступления: мусорщики обнаружили свежий труп мужчины с явными признаками strangulation и сочли за лучшее вызвать Полицию. Труп принадлежал главе крупной преступной группировки, и ФБР поэтому оказалось в эпицентре событий. Марк был уверен, что *на Куче* только один труп из пяти вообще достаивался чести вызова Полиции и какого-либо расследования. Большинство «находок» мусорщики тихо закапывали. Полиция огородит место преступления на пол-дня, тогда где работать? Шесть лет назад, *Куча* была ещё кучей в полном смысле этого слова. До *Обвала* бытовало даже мнение, что полигон дороги Маккарти был самой высокой точкой плоского как стол Хьюстона. Теперь, свалка была изрыта ямами и траншеями, более всего напоминая швейцарский сыр. Некоторые ямы уходили в напластования мусора так глубоко, что мусорщиков спускали туда на верёвках, как в какую-нибудь шахту.

Работников полигона дороги Маккарти называли по-разному: «мусорщики», «старьёвщики», «сортировщики отходов». А лучше было бы их назвать «горными инженерами» или «шахтёрами». То, что происходило сейчас на полигоне, было добычей полезных ископаемых, в полном смысле этого слова. В течение примерно ста лет, город Хьюстон и его города-спутники слой за слоем оставляли тут свой мусор. Как за миллионы лет гнилое бревно превращается в уголь, так и этот мусор после *Обвала* превратился в полезное ископаемое, которое можно было добывать и использовать. И, как всякое месторождение полезных ископаемых, мусор должен был когда-нибудь кончиться. Точно так же, как этот проклятый сланцевый газ, о котором давеча рассказывал Фредерик. Интересно, что будет с нами, когда *на Куче* закончится мусор, подумал Марк. Наверное этот самый «Нулевой Год» настанет, как в книжке про Пол-Потовскую Кампучию.

- Я должен дать Вам краткий инструктаж по Технике Безопасности, сэр, - сказал Родриго. - Вы предпочитаете полную официальную версию, или неофициально - одним

предложением?

- Неофициальной версии будет достаточно, сержант, - ответил Марк. Головная боль и так сводила его с ума, не хватало ещё и инструктажей по ТБ.

- Ладненько. Короткая версия звучит так: если хотите остаться живым, глядите под ноги и не теряйте бдительности.

- Я и без инструктажей гляжу. Правду говоря, тут у вас страшновато ходить.

- Вы совершенно правы, сэр. Я сам немного побаиваюсь. Каждый день какое-нибудь дерьмо происходит. Вот вчера, типа, было воскресенье, наполовину выходной, работников поменьше, чем обычно. Тем не менее, случилось два происшествия. Одного парня откопали живым. Там был обвал траншеи. Он сломал себе ногу, но это, считай, повезло. А на северной стороне, там - полное дерьмо. Бабу засосало в *гниль-яму*. Насмерть, ясный пень. *Гниль-яма* - это конец сразу.

- Что за *гниль-яма*?

- А это так у нас называют. Там, на северной стороне, вываливали просроченные продукты из супермаркетов. Целыми мусорными контейнерами привозили. По пять тысяч фунтов [прибл. 2000 кг], представляете себе? Кто бы сейчас выбросил пять тысяч фунтов вполне съедобной жратвы? Во, до *Обвала* была жизнь! Ну вот, из этих продуктов за двадцать или тридцать лет образовались под землёй такие как бы гнойники. Сверху, вроде, пласты твёрдого мусора, а под ними - карман с жижей. Вода из *гниль-ям* плохо вытекает. Это потому, что все продукты были тогда в пластиковой плёнке. Ну вот. Если в *гниль-яму* провалился - это всё. Засасывает моментально, как в болото. И ещё, бывает, - булькнет метаном пополам с сероводородом. У мусорщиков правило такое есть: если за пятнадцать секунд из *гниль-ямы* не вытащили человека, всё, можно дальше не беспокоиться. Даже тело не достают. Вы не поверите, *гниль-яма* человека как бы переваривает. Три дня, ну, максимум, неделя - и остаётся только скелет.

Марк прикинул в уме размеры полигона. Получалось не меньше квадратной мили [прибл. 2,6 кв. км]. Да, тут придётся походить, причём учитывая все эти траншеи, *гниль-ямы* и ещё чёрт знает что, поиски Жасмин могут затянуться до вечера, даже и без посещения мастерских. Он был слишком оптимистичен, когда сказал Киму что отыщет девушку за пару часов. Кроме размера, *Куча* поражала бурной деятельностью. Наверное, с высоты птичьего полёта полигон выглядел, как муравейник. Двадцать тысяч человек, вспомнил Марк давний разговор с сыном. И это только на самой *Куче*. Ещё, наверное тысяч десять кормится в этих бесконечных перерабатывающих мастерских. Плюс тысячи две кандидатов в мусорщики ждут своей очереди на *Бирже* через дорогу.

У Марка не было фотографии Жасмин Хобсон. Сначала он не слишком беспокоился по этому поводу, думая, что бельмо на глазу и следы химических ожогов на её лице сделают поиск достаточно простым делом. Оказалось наоборот. Каждый раз, когда

Марк пытался спросить кого-то из мусорщиков, не знают ли они девочки-подростка со шрамами от ожогов, все отрицательно качали головами. Родриго объяснил извиняющимся тоном, что работники тут очень не любили, когда кто-то из Полиции упоминал несчастные случаи на производстве. Однажды вы скажете Полиции что-то, что полицейским знать совершенно не стоит, и наживёте себе смертельного врага в лице хозяина какой-нибудь перерабатывающей мастерской. Сержант сказал, что на свалке куда проще полагаться на свои собственные ноги и глаза, а не тратить время на вопросы. Кроме всего прочего, Родриго припоминал, что несколько раз видел *на Куче* девушку с бельмом от ожога. Если видел раньше, почему бы не обнаружить её снова?

К обеду они обошли менее половины полигона. Марк совершенно вымотался. К головной боли от выпитого вчера алкоголя теперь добавилась головная боль от специфического запаха свалки. Каждый компонент сам по себе, вроде, ничего: запах дыма от костров, запах прелых листьев, запахи машинного масла, гнилой древесины, и так далее. А вместе - получался отвратительный «букет». Похоже, вся его одежда пропиталась этим запахом. От мелкого дождя рубашка стала влажной и неприятно царапала кожу, а его полуботинки и брюки до колена были покрыты толстым слоем жирной, глинистой грязи. Он пожалел, что оделся, как для офиса. Теперь Мэри будет жаловаться, что он совершенно не бережёт одежду, и надо делать внеочередную стирку. Кроме всего прочего, во рту у Марка было сухо, как в пустыне, но он не мог заставить себя пить. Стоило взять в рот глоток воды, и от запаха, а также от самого вида отбросов его буквально выворачивало наизнанку.

Как они вообще тут работают? Привыкли? Хотя нет, к такому вряд ли можно привыкнуть. Интересный «разрыв поколений» получается, подумал Марк. Мусорщики постарше, скажем, того же возраста, что и Марк, были одеты в длинные брюки, куртки с длинными рукавами, у многих были резиновые сапоги или грубые ботинки. Почти все имели на руках перчатки, а у некоторых рот и нос прикрывала тряпичная маска. Притом, по их лицам было заметно, что им ни обстановка, ни запах *на Куче* откровенно не нравятся. Конечно, до *Обвала* у них была совсем другая работа. Юристы, финансисты, менеджеры... Как мама депюти Кима, переквалифицировавшаяся из финансового аудитора в мусорщицу. Да даже если кто-то и не был раньше «белым воротничком», заполнять полки в супермаркетах или крутить гайки в авторемонтной мастерской - это всё равно работа почище, чем здесь.

А вот мусорщики помоложе, те, кому не было двадцати, у них никакого отвращения на лицах не наблюдалось. Вот девушка отпустила шутку про парня и, звонко засмеявшись, бросилась убежать, разбрызгивая босыми ногами грязные лужицы. Парень погнался было за ней, но запнулся *вьетнамкой* и чуть не упал, вызвав взрыв смеха среди остальных мусорщиков. Он комично запрыгал на одной ноге, освобождаясь от второй *вьетнамки*, но гнаться за девушкой уже передумал. Она и сама спускалась с кучи мусора, чтобы возобновить работу. Несмотря на испортившуюся погоду, многие молодые люди работали полуголыми, даже девушки. Странноватый рабочий костюм, состоявший из грубых армейских брюк снизу, и лифчика от бикини сверху был довольно обычным делом. Рабочей обуви тоже не было и в помине; большинство молодых людей обходилось парой *вьетнамок* с подошвами из старых покрышек, а многие вообще предпочитали работать босиком. Почти что все

перебирали мусор голыми руками. Резиновые перчатки были у каждого третьего, но обычно их носили за поясом, а не на руках. Они надевали резиновые перчатки только если в мусоре обнаруживалось что-то действительно опасное - аккумуляторная батарея или металлическая стружка. Конечно, это были те, кто родились уже после *Обвала* или за несколько лет до него. Они просто не видели ничего другого в жизни. Для них свалка была нормой. Пусть не самым приятным местом, но достаточно годным.

А на свалке уже подрастает третье поколение. Вот две женщины, присев на какие-то строительные обломки, кормят грудью малышей. Одной из них, наверное, шестнадцать. Вторая чуть постарше; у её ног, сидя прямо в луже, лепит куличики из грязи совершенно голый двухлетний карапуз. Вот он откопал в грязи ржавую пробку от «Кока-Колы» и торжественно вручает её мамаше. Та, улыбаясь сыну, отправляет находку в свою корзину. Да, для этих малышей свалка - дом родной. Где ещё можно так хорошо посидеть в грязной луже и откопать такую великолепную пробочку? Марк даже слышал, что беременные женщины здесь работают, что называется, «до последнего» и рожают прямо на кучах мусора.

- И как им не противно ходить по этой гадости без сапог? - не то спросил, не то констатировал факт Марк. Толстяк Родриго был из поколения промежуточного между бывшими «белыми воротничками» и двадцатилетними. Одет он был с комфортом: на ногах резиновые сапоги, на плечах - пластиковая накидка от дождя. Запах помойки на него не действовал совершенно. Когда подошло время обеда, он купил у разносчицы пару буррито[49] и принялся их уплетать на ходу.

- Без сапог? Да нет, а почему должно быть противно? - удивился вопросу сержант, задержав надкушенный буррито перед ртом. По-видимому, вопрос о сапогах и мусоре никогда его не занимал.

- Ну, не противно, а, скажем, опасно. Всякие инфекции? В мусоре, неверное, и шприцы старые попадают, и всё такое. - Марк уже как-то смирился с тем, что его младшие везде бегают босиком, но не по свалке же?

- Да нет, это не так опасно, как кажется на первый взгляд. Некоторые мусорщики даже утверждают, что босиком *на Куче* безопасней. Меньше шанс куда-нибудь провалиться. Типа, если ты босиком, ноги чувствуют, что земля пружинит, всё такое. Я, честно говоря, полагаю, что это сказки. Однако, ходить тут босиком вряд ли опаснее, чем в городе. Я и сам так хожу изредка. Сегодня вот легко было угадать погоду - надел сапоги. А летом, бывает, с утра сухо, придёшь в сандалиях, а к обеду соберётся такая гроза! Бах, и грязь по колено. Или наоборот, с утра дождь, придёшь в сапогах, а к обеду - солнышко, и за девяносто градусов[50]. Если до конца дня в резиновых сапогах проходишь - к вечеру останешься без ног. И так, и этак, поневоле приходится разуваться. Хотя, я стараюсь на службе босой не ходить. Авторитет Полиции, знаете ли.

- Никогда не поверю, что тут безопасно ходить без обуви, - сказал Марк.

Сегодня утром у Марка случился почти идентичный разговор с Самантой. После

обязательного утреннего похода на *Шелдон-Рез* за водой (эту обязанность все дети в их квартале традиционно выполняли босиком, и Марк не возражал - по крайней мере, *больше* не возражал,) Саманта запрыгнула на трехколесный грузовой велосипед, чтобы ехать на *Кучу*.

«И куда это ты собралась в таком виде, Саманта?» - закричала Мэри из гостиной.

Саманта внимательно оглядела свои джинсы и футболку и даже попыталась заглянуть себе за спину: «В каком виде, мамочка?»

«На *Кучу*?! Без сапог?» - последовало объяснение от мамочки. Озадаченное выражение на лице Саманты сменилось обычным - озорным. Наверное, она поначалу подумала, что там что-то действительно серьезное. Например, на спине прицеплена записка от Памелы и Патрика, доброе напутствие неопытному водителю трицикла, что-то в духе «Осторожно: Чайник». А оказалось, какая-то сущая мелочь: сапоги забыла.

Далее началась «война авторитетов». Марк сражался на стороне Мэри, повторяя те же самые доводы, что он только что представил Родриго. Хотя на заводике Фредерика Штольца дело было, вероятнее всего, не так плохо, как на самой *Куче*, опасные отходы можно было встретить повсеместно. В конце концов, это же был *химический* завод! Разве у них нет правил Техники Безопасности, как положено на химических заводах?! Наконец, в переговорах был достигнут компромисс. Да, Саманта будет делать то же самое, что Майк делал до неё: она прицепит резиновые сапоги под сиденьем велосипеда и обуется в них по прибытии на завод. Тут Марк указал дочери, что помимо резиновых сапог под сиденьем, Майк ещё всегда обувал свои шлёпанцы на время езды от дома до свалки. На это Саманта просто махнула рукой: только неженки ездят на великах в шлёпанцах. Майк всегда был таким неженкой, заявила она, а я - *не-неженка*. Словечко из лексикона *Кучи* немного развеселило Марка. В конце-концов, резиновые сапоги переключали из угла гаража на крючок под сиденьем, и Саманта отправились на работу, как и подобает настоящей *не-неженке*, то есть налегая на педали грузового велосипеда своими привычными босыми подошвами.

Родриго покачал головой - Вы знаете, с точки зрения инфекции, по-настоящему опасны только свежие отходы. Человеческие бактерии и вирусы в мусоре долго не живут. Свежие отходы на полигон не привозили уже лет десять. Мы, так сказать, на экспорт сейчас работаем. Так что, всё успело хорошенько перегнить, а верхние слои - ещё и прожарились на солнце. Иголки от шприцев, например, ржавеют за пол-года и опасности никакой. Есть ещё, конечно, обломки стекла, они не гниют, и с непривычки можно немного пораниться. Однако, если кто привык ходить без обуви, стопа сама реагирует на острый предмет. Нет проблем.

- А Вы сами когданибудь резали здесь ногу, сержант? - спросил Марк.

- Я-то, сэр? Ни разу. Вот что по-настоящему опасно - это химия. Химия не гниёт. И все эти резиновые сапоги и резиновые перчатки от неё не сильно спасают.

- Как кислота в аккумуляторах?

- Не только. Самая мерзкая штука - диоксин. Раньше было много веществ, даже бытовой химии, с хлором. Когда всё гниёт, хлор с органикой и образует диоксин. Мужикам-то ещё ничего, а для женщин - это явно плохо. Особенно для беременных! Выкидыши часто бывают. А иногда - рождаются живые, но такие, что лучше бы и не рождались. Я жене так сказал: пока не нарожаешь, сколько тебе надо, *на Кучу* - ни ногой.

- А сколько «ей надо», если не секрет?

- У нас пока семеро, ждём восьмого в октябре. Одно плохо: шесть девочек, а пацан всего один. Поживём-увидим...

Пока Родриго доедал свои буррито, они понаблюдали за работой новейшего изобретения местных умельцев. Устройство называлось «Механический Мусорщик». Паровая машина - локомобиль крутила огромное маховое колесо с присоединённым к нему шкивом. Мусорщики заносили на кучу мусора стальной якорь с канатом; конец каната пару раз оборачивали вокруг шкива. «Поберегись!» - кричал оператор и натягивал канат. Паровая машина делала всё остальное, вспарывая якорем неглубокую траншею в мусоре. К развороченной траншее тут же бросались мусорщики с корзинами, а якорь снова заводили на холм отбросов. Кочегары, в одних шортах, с лоснящимися от дождя, пота и копоты чёрными спинами, забрасывали в топку лопатами гнилую древесину. Из трубы локомобиля валил жирный чёрный дым. Марк когда-то видел нечто подобное в кино. Он уже не помнил названия картины; какая-то научная фантастика или, может, фэнтези. Там были такие же ужасные паровики, изрыгавшие такой же чёрный дым, и такие же чумазные кочегары, прислуживавшие стальным монстрам.

Они потихоньку двинулись дальше. Моя гипотеза о «разрыве поколений» не выдерживает проверки фактами, отметил про себя Марк. Плод моего воображения. Далеко не все в старшем поколении испытывали явное отвращение от работы с мусором. Вот бодро протопали два мужичка, примерно одного с Марком возраста, с палкой на плечах, под которой висела перетянутая жёлтой пластиковой лентой пачка упаковочного картона. Никакого отвращения на лицах у них не наблюдалось. Наоборот, сверкали широкие улыбки. Их «улов» сегодня был хорош. За такую пачку картона можно было выручить не меньше двух тысяч. Оба счастливчика были голые до пояса и основательно измазаны подсохшей грязью. Ни резиновых сапог, ни перчаток у них не было и в помине. Шедший впереди был в шлёпанцах-«вьетнамках», а второй был обут в сандалии из старых покрышек, но только наполовину. Он был инвалидом, и одну ногу до колена у него заменяла примитивная деревяшка. Потом им повстречалась группа пожилых женщин. Они принесли работникам обед. Уверенно ступая по замусоренной тропинке босыми ногами, женщины занимались любимым делом - перетирали местные сплетни. Никаких тебе грустных лиц, наоборот, ехидные улыбочки, - В самом деле, Розалинд? Вот никогда бы не поверила! Что, они *это* делали прямо у тебя под окнами? Вот, молодёжь... Как будто они не шли по свалке, а прогуливались по фешенебельному торговому центру между витринами модных магазинов.

Наверное, дело всё-таки не в «разрыве поколений», - решил Марк. Приспособляемость индивидуальна. Молодёжь просто в-среднем приспособляется чуть быстрее пожилых. Наверное, правильно. Взять, к примеру, транспорт. Если бы мне сказали где-нибудь в 2008-м, что начиная с 2020-го года я буду ездить на работу на велосипеде, я бы посмеялся. Тогда велосипед в Хьюстоне был «спортом», именно в том смысле, в котором это слово использовали англичане в восемнадцатом-девятнадцатом веке. «Спорт» означал «развлечение», «веселье». Отъевшиеся леди и джентльмены от нечего делать занимались упражнениями на свежем воздухе. У Марка и Мэри в 2008-м были великолепные велосипеды, на которых они катались не чаще двух раз в месяц. Марк цеплял велосипеды к специальной стойке на заднем обвесе своего «Форд-Территори», и они ехали за двадцать миль в парк. Там «Территори» ставили на стоянку, велосипеды снимали, и часок-другой бодро крутили педали. В парке, на свежем воздухе. Затем, немного усталые, скушав под живописным деревянным навесом бутерброды из корзинки для пикника, снова вешали велики на стойку и мчались по шестиполосной автостраде обратно домой. Как и подобает усталым «спортсменам»: в автомобиле, со скоростью шестьдесят миль в час [прибл. 97 км/ч].

Тогда, в 2008-м были, конечно, энтузиасты, ездившие на велосипедах на работу каждый день и в любую погоду. Но таких было мало, и они вызывали улыбки и незлобные шутки коллег. А теперь? Велосипед стал практически единственным средством транспорта. Автобусов уже почти не осталось, только армейские. Омнибусы с парой пони передвигались чуть быстрее пешехода. Для работы на свалке Майк собрал себе свой трехколесный монстр с грузовой платформой. Этот же трицикл дети использовали для ежедневной доставки воды из *Шелдон-Рез*. Если Саманта приживётся на заводе у Штольца, этот трицикл достанется ей. Саманта и Памела ездили в школу на сильно постаревшем, поцарапанном, но ещё вполне годном велосипеде Мэри. Когда Марк получил в ФБР служебный велосипед, он отдал свой старый велик старшему сыну Уильяму, а тот передал свой подростковый - маленькому Патрику. Сейчас велосипед Уильяма пока висит на стенке в гараже. Уильяму он стал ни к чему, а Клэрис наотрез отказалась им пользоваться, и ходит пешком - из солидарности с мужем. Пусть себе висит - достанется Патрику, когда тот подрастёт, чтобы доставать до педалей. Марк представил себе, как вытянулись бы лица его детей, если предложить им поехать в парк и покататься пару часов просто так, для удовольствия. Мы и так крутим педали чуть не весь день, сказали бы они. Нам и для поездок *по делу* педалей вполне хватает!

Или вот школьные автобусы. Они в Хьюстоне были, и в большом количестве. Отводишь детей на остановку - в назначенное время подкатывает великолепный жёлтый автобус, водитель нажимает рычаг, - и с левой стороны откидывается знак «Стоп». Школьники поднимаются по лесенке, рассаживаются на мягких сиденьях, и их везут в школу. Между прочим, не так далеко - мили три, максимум. Дальше трёх миль [прибл. 4,8 км] школьников возили только где-нибудь в деревне. Но вот начался *Обвал*, и все эти жёлтые автобусы остались без бензина и встали на прикол. Городское руководство начало обсуждать, как бы перевести автобусы на природный газ - этого добра ещё хватало, несмотря на кризис. Примерно через полтора года сумели

модифицировать несколько автобусов. Подъезжает автобус к остановке, а школьников-то нет! За полтора года все кое-как приспособились. У кого школа рядом - ходят пешком. Кто-то ездит на велосипеде. Ну и что, что далеко, а ты вставай пораньше, и ножками, ножками! Ну, а у кого школа совсем далеко, учатся дома. Или не учатся. Как недавно сказал Уильям: необходимость образования сильно преувеличена. Чтобы копаться в отбросах на свалке или ухаживать за огородом, даже начальное образование не *очень-то* необходимо. Решили с перевозкой школьников больше не заморачиваться, и жёлтые школьные автобусы продали с аукциона. Больше по городу они не ездят, а стоят в трущобах, превратившись в великолепные (по масштабам трущоб, конечно) апартаменты. Теперь в них люди живут.

Или вот наркотики. До *Обвала*, Полиция гоняла всех этих подпольных «фармацевтов», делавших синтетические наркотики и «лекарства для развлечений». А теперь? Большинство этих «фармацевтов» вели вполне легальный и очень уважаемый бизнес, производя заменители препаратов. Всего того, что стало невозможно достать в связи с повальным банкротством фармацевтических компаний. Марк припомнил давнишний разговор с одним из сержантов в Участке.

«Вы не поверите, сэр,» - рассказал тогда сержант: «Знаю этого парня со времени, когда я был ещё зелёным стажёром. Я его лично отправил за решётку пару раз, за приготовление «льда». А сейчас он арендует пол-дома на нашей улице. Аптекарскую лавку открыл. Называется, Вы не поверите: «*Красная Таблетка - Синяя Таблетка*». Да! Как в том старом фильме, «*Матрица*». Я его спросил: мы когда раньше, до *Обвала*, вламывались в такие чёртовы лаборатории - противогазы надевали. То, что ты сейчас делаешь - это то же самое, или менее опасно? А он посмеялся. Говорит: те противогазы только с виду прикрывали ваши мордовороты. На самом деле, они прикрывали задницу вашему начальству. Если что-то пойдёт не так, и вы сделаете в лаборатории какую-нибудь дурость, ваш Шериф всегда мог сказать: а мы же дали депьюту средства индивидуальной защиты, так? Ещё он сказал, если работает специалист, никакой опасности нет. А загрязнение воздуха, мол, не больше, чем от какой-нибудь кузницы или мыловарни... А вообще, наш местный химик - нормальный мужик. Зла на Полицию не держит. Так и сказал: вы до *Обвала* делали своё дело, а я - своё. Никаких проблем. Ещё сказал так: если тебе, чувак, нужно будет какое-нибудь моё средство: анальгетик там, или снотворное, приходи, мол, тебе, как старому знакомому, - со скидкой отстегну.»

Погруженный в такое философствование, да ещё и с головной болью после вчерашнего, Марк вдруг допустил самую большую ошибку, кто-либо может сделать на *Куче*. Он перестал смотреть под ноги и уделять сто процентов внимания тому, что творилось вокруг! И коварная *Куча* немедленно наказала его за это, но к счастью, не смертельно: Марк вдруг поскользнулся, и, рухнув на живот, съехал по отбросам в глубокую траншею.

- Вот чёрт! Не везёт, так не везёт! Я же говорил: под ноги надо смотреть! - запричитал Родриго, бросаясь вслед упавшему ФБР-овцу. Сержант, наверное проклинал себя за то, что не выдал Марку инструктаж по Технике Безопасности по полной программе, а ограничился одним предложением.

Однако всё оказалось как раз наоборот - им очень даже повезло. Перед лицом Марка вдруг возникла пара тонких и загорелых босых ступней, и девчачий голос спросил, - Вы не ушиблись, сэр?

Глава 16

Оскальзываясь в жидкой грязи, Марк кое-как поднялся на ноги. Теперь его офисная одежда была испачкана целиком и полностью.

- Вроде не ушибся, - ответил он девушке и поднял глаза.

Если бы он не поскользнулся тут, он с совершенно чистой совестью прошёл бы дальше. Девушка работала в траншее, и с поверхности навряд ли можно было разглядеть её лицо, спрятанное под огромной соломенной шляпой. Лицо девушки было покрыто знакомыми звёздочками шрамов, а на правом глазу красовалось бельмо от ожога. Это была та, кого он искал целый день. За прошедшие три года Жасмин вытянулась, превратившись из несуразной девочки-подростка в стройную и весьма симпатичную девушку. Шрамы и бельмо совсем её не портили, разве что, самую малость. Она была одета, как типичная мусорщица, но не без претензии на стиль: коротковатые джинсы в обтяжку, с соответствующим моде количеством дырок и надрезов, камуфляжная армейская футболка, поверх неё - джинсовая мужская рубашка с отрезанными рукавами и тоже с дырками (во всех стратегически-важных местах), причём не застёгнутая, а завязанная на животе узлом.

- Жасмин Хобсон, если не ошибаюсь?

- Да-а. А откуда Вы меня знаете?

Тут только Марк догадался, что узнать его было для Жасмин очень непросто. Спереди он был с ног до головы вымазан грязью. Лицо и руки тоже.

- Есть где умыться? - спросил он, пытаясь вытереть лицо плечом. Получилось только хуже, так как плечо тоже было покрыто грязью.

- Щас, - сказала Жасмин и убежала по траншее.

Во дурак, подумал Марк. Нашёл - и сразу упустил. Теперь придётся гоняться за ней по всему полигону. Будем надеяться, сержант умеет быстро бегать. Я на свалке, по этой скользкой грязи - пас...

Однако, не прошло и минуты, и девушка вернулась с пластиковой канистрой. Вслед за ней пыхтел Родриго. Опытный в делах свалки, он не стал съезжать в траншею вслед за Марком, а нашёл обходной безопасный путь. Из-за широкой спины сержанта высывались любопытные мордашки юных мусорщиц.

- Вода, сэр. Только она немного тухлая. Другой *тута ваще нета*, - извинилась Жасмин. Она открутила пробку и стала тонкой струйкой сливать воду на руки Марка. Вода была жёлтой, тёплой и отвратительно пахла тем же неистребимым запахом свалки. Кое-как Марк умылся.

- Ой, а я Вас помню, сэр, - воскликнула Жасмин, - Вы секретный полицейский, да? Вы

были в облавах, на *Бирже*. Я тогда как раз осталась без глаза, а Вы посылали меня к фельдшеру, помните?

- Помню великолепно. А я тебя как раз искал. Это по поводу твоей старшей сестры, Мел, и её брата Ника.

Жасмин неуверенно попятилась от Марка, по-видимому, соображая, не стоит ли стукнуть его канистрой и сделать ноги. Однако, апертура траншеи была надёжно закупорена тушей сержанта, и бежать ей было некуда.

- Что ещё по поводу сестры? Я *вобще* ничего *низнаю*! - заявила девушка.

- Подожди, не кипятись. Бежать от нас не надо. Мы тебе ничего плохого не сделали, так ведь? Здесь есть место, где поговорить?

- Ладно, пойдёмте, - Она заглянула за спину сержанта и сказала какой-то девчонке, - Минни, присмотришь за моей корзинкой, хорошо? Я недолго. Только отведу джентльменов к запруде, наберу воды и сразу назад. А то в канистре воды *больша нета*.

Жасмин повела Марка и Родриго через свалку, лавируя в лабиринте траншей и канав. Девушка шла, легко перепрыгивая через лужицы. Марк поразился, что её подошвы были розовые, и лишь чуть-чуть испачканы глиной. Одежда у неё тоже была относительно чистая. Грязь к Жасмин почему-то не приставала. Примерно через семьсот ярдов [прибл. 640 м] показалась местная запруда, заполненная такой же жёлтой и вонючей водой, как была у девочек в канистре. Жасмин уселась на краю бетонной дамбы, болтая в воздухе босыми ступнями, и указала Марку место рядом. - *Тута* можно поговорить. На дамбе нас *вобще* никто *ниуслышит*... Но если кто близко подойдёт, я уйду, ладно? *На Куче нилюбят*, когда кто-то говорит с полицейскими.

Поколебавшись немного, Марк скинул облепленную грязью обувь и подвернул испачканные рукава рубашки.

- Я лучше разуюсь, - прокомментировал он свои действия. - Не хватало ещё ботинок утопить в запруде.

Он явно не знал, с чего начать разговор. Технически, он даже не должен был говорить с несовершеннолетней без её родителей или опекуна. Однако, Марк знал, что родителей у Жасмин не было, да и опекуна тоже. Марк немного поразмышлял, не стоит ли вызвать для разговора женщину-полицейского, но отказался и от этой идеи. Все офицеры в околотке полигона были мужчины, а вызывать кого-то из другого околотка (ближайшим кандидатом была бы депюти Лиз Холстад с проезда Меза, прикинул он), - заняло бы больше часа. Ну ладно, будем считать эту встречу неофициальной. Кроме того, маловероятно, что Жасмин знает что-либо про «Шелдонского Мясника», поэтому её показания вряд ли придётся представлять в суде.

- Вы, вот что, - сказал Марку сержант, - Пока тут разговариваете, я сбегаю куплю

пожрать. А то от Ваших падений я так переволновался! А когда я волнуюсь, у меня всегда - волчий аппетит. Вам - принести чего-нибудь?

- Спасибо, - отказался Марк, - я какнибудь так.

- А мне - купите, пожалуйста, один рисовый колобок, сэр. Если Вас не очень затруднит, конечно, - попросила Жасмин.

Когда сержант ушёл, Марк перевёл дух и проступил к разговору, - Во-первых, я не представился. Меня зовут Марк, и я не из Полиции, а из ФБР.

- А разве есть разница? Но всё равно, очень приятно, сэр.

- Я расследую серийные убийства. Ты, Жасмин, слышала про «Шелдонского Мясника»?

Девушка затрясла головой. - Это не «Мясник», сэр. Не «Мясник». Точно, это Джо их убил! Если бы только Мел Ника *нипослушалась*... - Она захлюпала носом.

Марк осторожно обнял её за плечи, стараясь не измазать грязью её рубашку. Почему-то я думал о ней как о взрослой, - поразился вдруг Марк. А она ведь всего на пол-года старше моей Саманты! Бедная девочка.

- Послушай, Жасмин. Ты Джо Во имеешь в виду, да? Я не думаю, что это его рук дело. Видишь ли, мы в ФБР знаем, как отличить настоящего серийного убийцу от подражателей. Я не могу рассказать тебе все секреты, но поверь мне: это был не Джо, а «Шелдонский Мясник». Точно. Просто, Ник и Мел оказались не в том месте, не в то время... Мне... мне очень жаль, Жасмин.

- Правда не Джо? - она снова всхлипнула. - Всё равно, ничего не поправить.

- Слушай, расскажи мне о вашей семье. О родителях. О Нике и Мел.

- А чего рассказывать? Родители были из Нью-Йорка. Отец сажал меня на колени по вечерам и рассказывал... Так удивительно! Про Нью-Йорк! Центральный Парк, Музей Естественной Истории, и этот, да: Кони-Айленд. А я сама про Нью-Йорк - ничегошеньки не помню. Маленькая ещё была. Мы в Хьюстон переехали, когда мне было всего два года. Когда музей в Хьюстоне закрывали, папа сказал: поехали, посмотрим напоследок. Там было так клёво! А папа сказал: в Музее Естественной Истории *всё* в сто раз лучше...

- Я знаю, что твой отец погиб. Соседи рассказали.

- Да. Он упал с третьего этажа на кирпичи. Сломал себе спину. Доктор посмотрел и сказал: *нижилец*. А мама пыталась его выходить, вот. С этого всё и началось. Нужны были деньги. Лекарства, всё такое. Мама продала три кольца, серьги и цепочку. А у неё ничего *всё* больше нета. Тогда золото и камешки сильно подешевели. А потом она ходила куда-то и приносила денег. На пару недель хватало, ну и она шла снова. А

папа всё равно умер. Прожил... три месяца почти. Он не шевелился, только дышал так, и стонал... Она снова заплакала, уткнувшись Марку в плечо.

- Ну вот. А потом пришёл этот Джо Во. Я притворилась, что сплю, а сама слушала. Джо говорит: я Вам денег давал, как изволите отдавать? Мама говорит: я отдам, только не сразу, а частями. А Джо ей: мы так *ваще* *нидоговаривались*, уважаемая. Мне частями - *ваще* никак. Придётся отработать. Как отработать? Это мама спросила. А он ей: Вашей Амелии уже четырнадцать. Я её устрою. Поработает на меня ровно четыре года, а там и вашей второй - как её, Жасмин? - возраст подойдёт. Жасмин пойдёт к мне, а Мел - я, так и быть, отпущу. Ну и с Жасмин - то же самое. Четыре года работает на меня, и мы, как говорится, в полном расчёте. Я Вам дело говорю. Мои девочки их всему научат! Они у меня такие... изобретательные. А Вам потом тоже будет прибыль. Вы потом купите дочкам ошейники и станут они сами зарабатывать, - от клиентов *ваще* отбоя не будет. По рукам? Тут мама стала плакать. Говорила: нет, я сама пойду. А он, не смешите меня, мадам, кто же за Вас больше трёх сотен даст? Впрочем, я Вас, говорит, *нитороплю*. Даю Вам два месяца на размышление. То, что я предложил - прекрасный выход из создавшегося положения. А *ваще*, если за два месяца найдёте деньги, я не в обиде. Заплатите должок, считайте, что и разговора не было. И ушёл.

- Да, грустная история. Ты тогда поняла, что этот Во маме предлагал?

В ФБР подобные истории рассказывали пачками - на занятиях по организованной преступности. Даже термин появился специальный: «вовлечение в проституцию через грабительский кредит».

- Тогда - *нета*. Потом уже догадалась. Дальше было *ваще* плохо. Мама стала вдруг кровью кашлять. Она и раньше покашливала, но к врачам идти *нихотела* - сэкономила каждый доллар. Соседка уговорила врача прийти *забесплатна*. Тот посмотрел. Говорит: рак лёгких у вашей мамы. От *асд-беста*. *Асд-бест*, знаете такую штуку? Пыль такая бывает. Когда они там небоскрёбы разбирали, там и был этот самый *асд-бест*... Доктор сказал: недолго ей осталось. Пока мама умирала, Джо не появлялся. Да нам он был пофиг. Мы с Мел ходили на *Биржу*, а братишки собирали помои у соседей. Знаете, как плохо, когда еды совсем *нета*... А только маму похоронили, Джо нарисовался. Принёс еды и бутылку настойки. Типа: помяните родителей, сиротки. Он только с Мел говорил, но я подслушала. Ты, Мел, говорит, теперь в семье старшая, тебе и ответ держать. Жалко мне вас *ваще*, но бизнес есть бизнес. Долги отдавать положено. Мел сказала: *нета*. Я, говорит, лучше от голода сдохну, чем к тебе пойду. Джо тогда, так легко: ну, беби, на нет и суда нет. Смотри, не пожалей. И пошёл. Мел сказала: козёл старый, скатертью дорога... А через неделю... Теперь Жасмин уже плакала всю, размазывая по лицу грязь с рубашки Марка.

- Через неделю мы пришли домой с *Кучи*. Шли весёлые. Нам повезло на *Бирже*. Нас взяли работать на два дня. Мы еды купили. Вот и повеселились... Короче, дома нас уже ждали. Пятеро их было. Затащили нас внутрь, прикрыли дверь. Рты заклеили изолентой. Меня... В общем, два раза только. Больно было, и кровь текла. У них один так посмотрел и сказал: оставьте эту глисту в покое. Сдохнет *ваще*, а нам это надо? И

стали делать это с Мел. Они смеялись, говорили «делаем карусель». Знаете, что такое карусель? Это как в Луна-Парке, на шоссе Беамонт. По кругу! Один встаёт, другой ложится... Потом главный сказал Мел: ну что, сука, понравилось? Завтра можешь делать, что хочешь. Хоть Полицию зови, нам *ваще* пофиг. А послезавтра - чтоб всей семьёй были у Джо, ровно в десять утра, поняла? Джо тебе там объяснит, что к чему. А если *нипридете*, будет вам ещё одна такая ночка. Только я приведу совсем других ребят. Им девочки *ваще* пофиг, а любят они только мальчиков. О братиках подумай, и решай сама...

- И вы - пошли к Джо?

- А куда было деваться? Соседи утром вызвали Полицию. Те приехали, всех опросили. Фотографии чикали. Мазки брали на анализ. Знаете... оттуда. Но потом сказали, что тест про ДНК делать не будут - дорого. В общем, на другой день мы пошли к Джо. Милли, Бerti и я - Джо не посмотрел *ваще*. Позвал своего шестёрку, говорит: отведёшь этих глистов *на Кучу* и продашь «тряпичным баронам». Всё равно, *заскоко*. Знаете, *заскоко* он нас продал? Всех троих - за *тыщу* долларов. Но у «баронов» - не на всю жизнь, так? Им ведь взрослые пофиг. Как исполнится тебе четырнадцать - тебя нам *нинада*, гуляй. На меня - у Джо были планы. Типа: когда я подрасту, то в бордель.

- А Амелия?

- Амелию Джо оставил в борделе. Домой её поначалу *ваще* *нипускали*. Потом она стала с *пузом*. В смысле: забеременела. Джо похотел, сказал вот говно! Извините, сэр. Это он так сказал. Отвели её к какому-то там доктору. И доктор из неё беби вытащил! Мел так и сказала: по кусочкам разорвал, и вытащил. А потом, что-то там у *ней* вырезал. Короче, чтобы детей *больша* *ваще* *небыло*. Джо, такой: ты, Мел, понимаешь, что попала на всю жизнь? Я, сказал, за тебя *стока* *бабок* заплатил, тебе *стока* *низаработать*. Но после операции её из борделя стали отпускать. Сказали: теперь она уже «порченная» внутри, не убежит. Потом Джо Мел так сказал: твоя Джесси уже большая девочка, нечего ей *на Куче* ковыряться. Давай, говорит, вали к «баронам», скажешь им: Джас пойдёт в мой бордель. Типа, Джо приказал. «Бароны» против Джо не пойдут, так? Короче, хотели меня научить, чтобы я была у Джо в борделе. Меня бы тоже проституткой сделали, но мне очень повезло.

- Повезло?

- Ну да, повезло. Аккумулятор взорвался. Помните, Вы меня встретили, тогда, второй раз, на *Бирже*, я была вся в ранках от кислоты? Я ещё соврала, что меня зовут Амелия Хан, и мне четырнадцать? Мел привела меня к Джо. А я такая с белым глазом, и вся в пластыре! Джо поглядел, говорит: мне такое говно *ваще* *нинада*... Извините, сэр. Это Джо так сказал. Короче, сказал: такое го... в общем, *нинада*. Мне, сказал, *ваще* *похер*, чего ты будешь *по-жизне* делать. Вали, сказал, обратно на свою говняную *Кучу*, ковыряйся дальше. А я от него шла, и прыгала от радости. По мне, так лучше говно... простите, сэр... Дерьмо голыми руками из сортиров выгребать, чем к Джо в бордель...

Ничего себе, что этой девочке пришлось пережить, подумал Марк. Для неё даже потерянный глаз - называется «повезло»! Больше всего ему сейчас хотелось отправиться к Джо Во и испытать на этом ублюдке служебный пистолет. Вдруг эта штука ещё стреляет?

- Ну, а дальше что было?

- Ну, дальше стало *ваще* полегче...

К ним подбежал запыхавшийся Родриго. В левой руке он держал банановый лист с четырьмя рисовыми колобками, а в правой - рацию. Сунув лист в руки Жасмин, он доложил, отдуваясь, - Нам только что передали общий сбор. Какое-то большое происшествие: три трупа, пятеро покалечилось. Короче, я побежал.

- Мне надо туда с Вами, сержант? - предложил помощь Марк.

- Да нет, спасибо. Это не юрисдикция ФБР, по всякому. Обычное дело, что-нибудь такое тут каждый день. Сами разберёмся. Я только заберу свой колобок. Не доел по дороге, когда рация заверещала... Он подхватил чуть надкушенный колобок с бананового листа и помчался в направлении свалки. Опять сержант переволновался, подумал Марк. С такой нервной работой так легко набрать лишний вес!

- Хотите рисовый колобок? - предложила Жасмин. Марк нерешительно взял с листа угощение. Странно, но запах свалки куда-то исчез. То ли на дамбе его относил ветерком, то ли Марк уже так этим запахом пропитался, что обоняние отказывалось его регистрировать. Колобок оказался вкусным. Ещё бы, время за полдень, а я с утра не ел, подумал Марк.

- Ты, Жасмин, сказала, что стало полегче.

- Да, полегче. Когда меня обожгло... В смысле: из аккумулятора, наша тётушка Кун... Она мне никакая не «тётушка», *ваще*. Это у «баронов» так называется: они там все «дядюшки» и «тётушки»... Короче, тётушка Кун дала мне жестянку из-под консервов и сказала: на *Биржу* чтоб ни ногой. Увижу - по голове настучу. Ты *теперь* у нас покалеченная, вот те плошка, иди и проси милостыню. У «баронов» так заведено. Если кто покалечился, они его на *Биржу ваще ниставят*. - Ну да, подумал Марк. Это испортило бы им всю конспирацию. Вот к примеру, три года назад, если бы у той женщины было три девочки, и одна из них с бельмом от ожога, он бы, без вопросов, отправил пройдоху - «тётушку» в кутузку.

- Ну, я ходила с плошкой какое-то время, - продолжала рассказ Жасмин. - Но мне подавали плохо. Я же не инвалид войны. Руки-ноги на месте. Кто мне подаст?

«Скажи нищим *НЕТ*,» - вспомнил Марк лозунг на плакате «Пути Спасения».

- Тогда я пошла на *Биржу*. Сама по себе. А что мне эта дура Кун *ваще* сделает? Она меня даже не догонит! Ну, и мне как-то сразу повезло. Меня наняла одна леди. Они

там раскапывали *гниль-ямы*. Знаете, сэр, что это такое?

- Только сегодня узнал. Сержант рассказывал. Это как гнойник под землёй?

- Сержант точно сказал: как гнойник. В общем, им нужен был кто-нибудь: очень лёгкий и очень смелый. Чтобы ходил и не проваливался. А я тогда была лёгкая, как пушинка.

- И очень смелая?

- Не-а. Я *еще* боялась, *до-усра*... Сильно боялась, короче. Вы извините, сэр. *На Куче* у нас такие слова говорят! Но я-то знаю, что это слова плохие, и говорить их *еще нинада*! Да, вот, я сильно боялась, но никому не говорила, что боюсь! А они мне сделали лыжи. Знаете, такие доски на ноги, чтобы ходить и не проваливаться? И я стала работать у них в артели. А потом та леди сказала: ты, нам, Джас, очень нравишься, и работаешь ты хорошо. Оставайся у нас. Они и бумагу тогда подделали, что мне уже четырнадцать. Платят в артели нормально, так что мы с Мел и братиков вытащили. Из этой дурацкой бумажной мастерской.

- В смысле: от «баронов»?

- Ну да. Да это, типа, нетрудно. Я пришла к ним в один вечер, говорю: ночью *ниспать*! Как мастер уйдёт, досчитаете про себя до двадцати тысяч, потом вставайте потихоньку, перелезете через забор, а я вас там буду ждать. Пойдём домой. И всё получилось О-кей. Правда, только со второго раза. В первую ночь я ждала-ждала, ждала-ждала... Милли считал про себя - и заснул! А на другую ночь, я ему булавку дала. Сказала: будешь в руку себе втыкать через каждые пятьсот. И на вторую ночь они вылезли! И мы просто ушли домой. А «бароны» нам *нифига нисделали*. Если у кого есть еда, «бароны» *еще нифига нимогут*! Милли и Берти пошли обратно в школу. Они пропустили по два года, но их приняли. Мел ходила, сказала зам-директору, так и так, у нас родителей *больша нета*, всё такое. Ну вот, они с утра идут в школу, а после школы - ко мне, *на Кучу*. Наша артель им приплачивает, как за четвертушку дня...

- Ясно. Расскажешь мне про Ника?

- Да я о нем мало чего знаю. Я даже *низнала*, что у папы был ещё сын до нас. Мама и папа про это *еще ниговорили*... Короче, Ник объявился в Хьюстоне где-то год назад. Он был тогда ещё на костылях. У него ноги *нета*, знаете?

- Видел.

- Ну вот. Он был ранен в Венесуэле, потом был на плавучем госпитале. Он его так странно называл: «*Мусоровоз*». Я-то всегда думала, что мусоровоз - это такая машина. Знаете, на них возили мусор - давным-давно?

Точно: давным-давно, подумал Марк. Двенадцать лет назад. Тогда ещё раз в месяц в

их тупичок приезжал мусоровоз и забирал «твёрдые отходы». Впрочем, тогда уже мусор не выкидывали, а перерабатывали на месте. Обьедки и очистки - в компостную яму, либо беднякам, всё, что может гореть - в камин, металл - местному кузнецу. Через какое-то время, мусоровозу уже незачем было приезжать.

- Когда его высадили в Галвестоне, он решил съездить повидать «другую семью отца». Он так нас называл: «другая семья отца». Странно, правда? Они с Мел ходили на могилу к родителям, и Ник натёр себе руки костылями... Ну, Мел ему всё рассказала. Как мама с папой умерли, и про этого Джо Во, и кем она работает. Ник тогда сказал: потерпите ещё год. Я пока никакой - калека на костылях. Вот сделаю себе новую ногу, приеду вас выручать. А потом он уехал в Нью-Йорк. У него был пропуск на военный поезд до Нью-Йорка. Он потом нам часто писал по электронной почте. Мел всегда так радовалась, когда он писал...

- Он приехал снова в Хьюстон три недели назад, так?

- Да. Он так хорошо научился ходить на протезе. Было *ваще* *низаметно*, что у него ноги *нета*. Вы бы даже *низаметили*, сэр. Только, если поглядеть на его велик. Он велик провёз из Нью-Йорка, с такой скобой на педали... Да, и у него был план.

- Как вытащить вас от Во?

- Да. Милли, Берти и я - мы могли потихоньку смыться в любое время. Джо до нас было глубоко пофиг. А вот Мел - её они бы враз стали искать! Она, короче, делала вид, что ей нравится работать на Во. В смысле: спать с клиентами и всё такое. Поэтому ей разрешали уходить домой утром, но только на несколько часов. К двенадцати, предел к часу дня, она уже должна была быть на работе. Один раз она опоздала, так Джо ей сказал: бить я тебя не буду, куколка. Поставить тебе фингал под глазом - это всё равно что деньги из кармана вынуть и на дорогу бросить. А вот твоя сестрёнка Джасси - совсем другое дело. Её-то мы и будем наказывать за твои, куколка, опоздания. В первый раз, - не проблема, и наказание будет ма-а-аленькое. Например, сделаем ей «джакузи с горячим душем!» Но если ты, куколка, опоздаешь снова, придётся отправить моих пацанов *на Кучу*, чтобы они сделали твоей сестрёнке настоящего «майкла-джексона». Вы, сэр, знаете, что такое этот самый «майкл-джексон»?

- Это когда тебе отрезают нос? - Марк видел подобные проделки гангстеров - много раз на фото, и пару раз - в живую. Выглядит жутко, ничего не скажешь.

- Ага. А ещё он добавил: твоя одноглазая Джасси и так красотка что надо, а с «майклом-джексоном» вместо носа, так будет *ваще*. Просто прелесть...

- А что это за «джакузи с горячим душем»?

- Вы никогда не слышали про «джакузи», сэр? Ну, короче, они находят сортир, который уже почти полный. И проталкивают тебя... В смысле: в дырку. Прямо в гов... В общем, в жижу, там, внизу. Причём, головой вперёд! А когда ты начинаешь вылезать оттуда,

говорят: *ща, не торопись*, поможем тебе умыться. Стоят над дыркой, и ссут тебе на голову. Эта часть называется «горячий душ», вот.

Марк был ошеломлён. Он знал про это жуткое наказание, только под другим именем. На юге, банды называли это «покажите гражданину туалет и дайте ему умыться». - И они... Они тебя... затолкали в уборную?

- Слава Богу, *нета*. Мел их упросила, чтобы меня простили на первый раз. Джо сказал: ладно, детка, уболтала, «джакузи с душем» отменяется. Но, ещё сказал, типа: *за базар отвечаю*. Сказал: первое же опоздание, и никаких тебе *больша «джакузи»*. Твоя Джасси сразу попадает на «майкла-джексона», по полной. *Всасываешь?* Мел так испугалась! Насчёт «майкла-джексона», Джо не шутил. Они тогда сделали «майкла-джексона» одной *насебьячке*. Ну, знаете, это как легальная проститутка, с ошейником. Работает на себя, а не под сутенёром. Их у нас так и называют: «насебьячки». В общем, если кто из них Джо перебежит дорогу, он отправляет к *насебьячке* своих пацанов. Чик-чик, и бабе приходится искать новую профессию. С «майклом-джексоном» заместо носа как *ваще* быть проституткой, так? В общем, Мел боялась, что мне нос отрежут, и приходила в бордель каждый день даже ещё до двенадцати.

- И что же придумал Ник?

- Денег у него было мало, но он решил, что найдёт в Хьюстоне какую-нибудь работу. Потом будет время от времени приходить к Джо и покупать Мел на ночь. Ну, как будто он просто клиент. Джо ведь не знал, что у Мел есть сводный брат. А лицом они *ваще* не похожи, так что Джо ничего бы и не понял. Надо было сделать так несколько раз, чтобы Джо подумал, что Мел Нику нравится, и всё такое. У проституток часто бывают постоянные клиенты, так? Ещё они придумали, что Ник с Мел будут уходить из борделя куда-нибудь в лес. Так тоже бывает. Не все мужчины любят делать это в комнатухе, когда кто-то другой сопит за стенкой. Ну вот, а потом бы он купил её на всю неделю, как постоянный клиент. И у нас бы хватило времени сделать ноги из Хьюстона.

Чёрт возьми, этот план вполне мог сработать, подумал Марк. Надо же было им нарваться на «Мясника» в первую же ночь! - Им просто не повезло, Джас. Это точно был «Шелдонский Мясник», а не Джо Во. Вообще, это тайна следствия, но я тебе маленький кусочек могу рассказать: Джо послал одну из своих «подкладок» на кладбище, когда Ника и Мел хоронили. Ну, проверить, кто на самом деле убит. Подумай, если бы он сам приказал их убить - стал бы он посылать кого-то? Вы теперь не ночуете дома. Думаешь, Во не оставит вас в покое после гибели сестры?

- Ну, я боялась, что это... Что это был Джо. Мы всю неделю спали здесь, *на Куче*. Ночевать *на Куче* «ка-те-го-рит-чёски» запрещено, знаете? «Ка-те-го-рит-чёски» это у них специальное слово. Значит, что охране надо платить не пять баксов, а пятьдесят. А отстанет Джо от нас или *нета* - *низнаю*. Как проститутка я ему *нинужна* всяко. Он сам говорил: у меня все девочки - высший сорт. Уродин не держим. Я - правда уродина, да?

- Что ты, Жасмин. Ты очень даже симпатичная. У Джо просто другие стандарты

красоты. Он ведь сам-то - не человек, поэтому человеческая красота ему непонятна. Раз ты знаешь, что Ника и Мел убил не Джо - вернёшься домой? Спать *на Куче*, это в самом деле, неправильно. «Категорически» или «не категорически».

- Знаете, сэр, я всё равно боюсь. Я-то ему *нинужна*, а вдруг он придумает какое-нибудь дерьмо... В смысле: гадость, - для Милли и Берти?

Сейчас бы сделать такое мужественное лицо и, выпятив квадратный подбородок, сказать: «Я вернусь!»^[51] - подумал про себя Марк. Воображение нарисовало, как он, вместе с сержантом-следователем Зуйко, врывается в логово этого Джо Во, сжимая в каждой руке по автомату «Узи», как во все стороны летят стрелянные гильзы, а «пацаны» Джо покрываются аккуратными красными дырочками пулевых ранений. А потом сержант, с лёгким хрустом, артистично ломает обмочившемуся в штаны Джо шейные позвонки... Почему-то в воображении Марка Джо сидел за огромным компьютерным экраном, как злодей в каком-нибудь шпионском боевике. Вот Марк, слегка пораненный и немного усталый, возвращается сюда на дамбу и спокойно так говорит: «Можешь идти домой, Жасмин. Джо теперь не до тебя. У него проблемы... Со здоровьем.» Но Марк был простой следователь ФБР, а не герой боевика. А на дворе был прозаический 2030-й год, а не героический Шварцнеггерово-Уиллисово-Иствудский 1980-й. «Узи» можно было получить в Участке, лично, под расписку, только один в руки, и с личного разрешения начальника (учитывая нехватку патронов для «Узи», майор Бенито Ферелли редко кому давал подобные разрешения). Потом следовало отчитаться за каждый выстрел. В Полиции грустно шутили, что полицейскому всегда следует оставлять в обойме последний патрон. Закончил операцию - выстрелил себе в голову, и нет проблем. Куда быстрее и приятнее, чем заполнять бумажки.

- Понятно, Жасмин. Знаешь что? Я позвоню одному человеку. Тут недалеко, практически *на Куче*. У тебя как с химией?

- Никак. Я закончила только четыре класса. *Час-тич-но*. Это не подойдёт, да?

- Неважно, - Марк встал, и набрал номер мобильного Фредерика Штольца. Тот ответил на четвёртом гудке. - Как там наша Саманта? - поинтересовался Марк после дружеских приветствий.

- Справляется. Майк был прав, она отлично знает химию, - проскрипел в динамике голос Фреда, - Конечно, в её образовании есть некоторые пробелы. С нашей школьной программой, чего ещё можно ожидать? Но эти пробелы мы быстро заполним.

- Можно попросить тебя об одолжении, Фред?

- Тебе, Марк, - всё что угодно!

- У тебя на твоём заводе - есть где переночевать пару недель троим подросткам? Считай, что по линии ФБР. Защита Свидетелей, - Вот такая у нас теперь «Защита Свидетелей», подумал Марк. Денег на это у ФБР больше не было, приходилось

импровизировать.

- В офисе у нас можно. Только - без комфорта. Это только название такое: «офис». Сарай - он и есть сарай. А так - пусть ночуют. Сторож будет доволен. Будет, кого за водой послать. И присматривать за кочегаркой по ночам.

- Ну, тогда мы через двадцать минут будем у тебя. Только ты не пугайся. Я немного... того. В общем выгляжу, как будто целый день на свалке мусор перекапывал. Читал у Конан-Дойля, как Шерлок Холмс умел перевоплощаться в кого угодно?

Глава 17

Марк решил не заезжать в Участок. Сначала он хотел вымыться на заводе у Штольца, но обнаружил, что качество воды там было ничуть не лучше, чем в запруде полигона. Он выбрал более безопасный вариант и приехал на берег Западного Канала, всего в нескольких сотнях ярдов от заднего двора собственного дома. Хорошо, что шёл дождь. Не нужно объяснять Мэри почему на нем мокрая одежда. А главное, не нужно извиняться перед соседями за злоупотребление источником воды.

В округе уже давно шёл спор, следует ли считать Западный Канал источником питьевой воды. Кое-кто считал, что поскольку канал вытекает из Шелдонского водохранилища, вода в нем была бы достаточно безопасна, если бы только все соседи вверх по течению не купались в канале и не стирали в нем одежду. Другие возражали, что другого источника воды для мытья и стирки всё равно нет, поэтому слив мыльной воды в канал должен быть разрешён, а за питьевой водой можно сходить и к общественному колодцу. Или даже прогуляться до самого водохранилища, если кому не лень. В семье Марка, они предпочитали последнюю опцию, а воду из канала использовали только для полива овощей. Даже воду для душа они набирали из *Шелдон-Рез*. Хорошо, что у них был грузовой велосипед Майка и достаточно работников в семье, чтобы привозить оттуда воду.

Дрожа под мелким дождиком, Марк разделся до трусов и начал счищать грязь с одежды. Вода в канале отдавала дешёвым мылом и грязной уборной. Вскоре к аромату присоединился и отчётливый запах свалки, чуть не вызвав у Марка приступ рвоты. Грязь с полигона была жирной, липкой и отказывалась растворяться в воде. Кое-как смыв с одежды и обуви основную грязь, Марк попытался вымыться сам. Конечно, чтобы почувствовать себя более или менее чистым, надо будет ещё принять дома душ, решил Марк. К сожалению, с утра погода была облачной, и вода в бочке вряд ли была намного теплее, чем в канале.

По крайней мере, день не прошёл без пользы, думал Марк, оттирая налипшую грязь. Несмотря на рекомендации из Вашингтона, он всё-таки нашёл девушку. Жасмин и её братьям не придётся больше ночевать *на Куче*. Возможно даже, что Жасмин получит работу получше. Фредерик Штолец был очень впечатлен её практическим знанием пластмасс, хотя она и не училась химии. В своём расследовании Марк тоже сделал достойный прогресс. Ему не нравилось, когда какие-нибудь обстоятельства дела оставались неразъяснёнными. Теперь вся информация вписывалась в картину, и наблюдения с последнего места преступления не содержали загадок. Никаких загадок, кроме тайны личности убийцы, напомнил сам себе следователь.

И, если им немного повезёт, Алекс сможет даже справиться с этим отморозком Джо Во и его бандой. Нет, конечно, не автоматами «Узи», как в разыгравшемся воображении Марка. Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Даже в золотые времена до *Обвала*, Полиция и ФБР не могли (или, скорее, даже и не пытались) физически уничтожить организованную преступность. Гангстеров «контролировали», как контролируют численность опасных хищников. Искусство поддержания динамического равновесия в системе «Бандиты-Полиция» достигло небывалых высот. Как Алекс

однажды выразился, это было похоже на классический балет. Вот этот парень в чёрном - это наш злодей. А этот красивый молодой человек в белом - это наш герой. Они будут прыгать, крутить сложные пируэты, и даже размахивать картонными мечами. И злодей рано или поздно рухнет на сцену в агонии, под торжествующие звуки ударных из оркестровой ямы. А потом, в самом конце, злодей в чёрном и герой в белом, оба выйдут к публике, живые и невредимые, держась за руки. В ряду других танцоров, оба будут кланяться, и наслаждаться заслуженной овацией восхищённых зрителей.

«А теперь представь себе,» - сказал тогда Алекс: «Что вместо картонного меча белый герой достанет настоящий меч. И порубает нашего чёрного злодея - на кусочки. Кровища по всей сцене, отрубленная голова летит в партер... Или, наоборот. Чёрный злодей, вместо одного из этих тройных пируэтов, делает настоящий удар каратэ, и белого героя уносят со сцены с необратимым повреждением мозга. Я так думаю, что в подобном случае овации не будет. Подавляющее большинство зрителей будет, наоборот: совершенно разочаровано. Это же не годится! Как можно нарушать правила высокого искусства! Вот так точно и Полиция с Мафией. Счастливы сосуществуют, как герои балета на сцене. Изюба в день, мы показываем уважаемой публике балет по всем правилам. Вот чего нам не надо по жизни, так это народной самодеятельности! Как, к примеру, если в перерыве кто-то перепил коньяку в буфете, и лезет на сцену, чтобы потанцевать балет рядом с «про». Именно таких уродов и надо мочить безжалостно. Причём, и Полиция, и Мафия мочат их с одинаковым остервенением.»

Когда Марк позвонил Алексу о том, что Жасмин Хобсон найдена, «Русский Медведь» заверил следователя ФБР, что, располагая всей информацией, Джо Будет нетрудно контролировать.

«Не проблема,» - заявил Алекс: «Джо - это как улица с односторонним движением. Если *вытягивать* информацию из Джо Во почти невозможно, то *давать* ему информацию - это легко и просто. Вопрос правильной стратегии разговора.»

«Какой стратегии?» - спросил Марк.

«Я просто возьму телефон и наберу себе Джо. Дружеский звонок. Почему бы сержанту полиции не поговорить со своим старым знакомым? Сначала, мы поговорим немного о погоде. Что-то многовато у нас дождя для апреля, не так ли? Затем, мы поговорим о хобби. Я буду хвалиться своим новым приобретением. Я тебе не говорил, мы с сыном Питером купили себе портативную газосварку? Великолепная штука! И температура регулируется: от шестисот до тысячи трехсот градусов! Каждому стоит иметь такую в своём гараже. Рекомендую. Затем, мы станем говорить о здоровье. Джо, скажу я, тебе, братан, уже таки пятьдесят пять. Надо быть осторожнее. При всем твоём нездоровом образе жизни: курении и употреблении алкоголя? Надо бы тебе, скажу, сходить и к проктологу. Проверить, нет ли там чего такого.»

«Всё это звучит достаточно мирно.»

«Абсолютно. А затем, мы начнём говорить за бизнес, и я «нечаянно» проговорюсь Во.

Что мои друзья из ФБР, наконец, получили хорошую зацепку на «Шелдонского Мясника». Естественно, он не покажет никакого интереса, но слушать будет в два уха. Он заинтересован в этом деле - персонально заинтересован. Даже нашу лапочку Лиен на похороны посылал! Ну вот, скажу я Во, мы знаем, что убитая была проституткой - нелегалкой, что жила она в ТШГ, что мы установили её адресок, и что у убитой остались младшая сестрёнка и два братика. Ну, а дальше - прямо в дамки! Меня, скажу, *лично* поставили охранять этих троих детишек. Они, скажу, наши главные свидетели, когда мы потащим «Шелдонского Мясника» на виселицу. И если с этими детьми хоть что-то случится, да что угодно, вообще, того, кто это сделал, я буду искать - персонально. И непременно найду! Но до смерти убивать не буду. Я же не садист. Просто сделаю ему *газосварочно-проктологическое обследование*.»

«Газосварочно-проктологическое?»

«Ага. Это как обычное проктологическое обследование, только с газосваркой. И температура плавно регулируется. Так исторически сложилось, что изначальная версия этой деликатной медицинской процедуры была разработана в России, ещё в девяностые годы прошлого века. Главным образом, её использовали тогда для скоростного взлома компьютерных паролей и для удобства перевода средств с одного секретного счета в швейцарском банке на другой такой же. Только технология тогда была ещё не на уровне. Представляешь, они это делали - электрическим паяльником! Вот варвары!»

Марк поёжился. С «Русским Медведем», ты никогда не знаешь, где суровая проза жизни, а где - полет его воображения. «Ладно, я всё понял. Уверен, что к твоим «газосварочным» аргументам Джо прислушается.»

«Да куда он денется! Возможно, мне даже не придётся упоминать о газосварочной проктологии. Посуди сам: на одной Амелии Джо уже отбил достаточно *бабок*. Жасмин ему, по его же собственному признанию, ни к чему. Будет ли Джо рисковать своей задницей заради двух каких-то там её малолетних братьев? Во-вторых, Джо не хочет быть связанным с делом «Мясника». Это ему только лишняя головная боль, и плохо для его бизнеса. Ну и в третьих, я так полагаю, у меня лично - великолепная репутация среди местных банд. Особенно после того небольшого случая. Тот пацан был из другой банды, однако, как у нас говорят: слухом земля полнится...»

«Значит, правду говорят, что ты прострелил ногу этому бедолаге?»

Алекс усмехнулся и повторил, слово - в - слово, то, что он тогда ответил Мировому Судье: «Нет, что-то не припоминаю такого, Ваша Честь. Не припоминаю... И притом, на пистолете ведь не нашли моих отпечатков пальцев, не так ли?! Честно говоря, Ваша Честь, я так полагаю, что ни один *добрый* полицейский не может совершить *такое*. Даже подумать об этом невозможно, Ваша Честь. Если уж *добрые* полицейские начнут делать *такое*, это же будет *полный позор* для всей нашей Полиции...»

Затем, выдержав театральную паузу, Алекс снова усмехнулся: «Строго между нами, партнёр, этот клоун сам себе ногу прострелил. Мачизмо так и прёт. Тестостерон у

него, видите ли. Или - моча в голову ударила. Прикинь: патрон в патроннике, а как ставить пушку на предохранитель, его в школе не учили. Конкретный пацан! Хотел показать мне, как он умеет быстро вытаскивать свою пукалку, ха! Но, с христианским смирением: кто я такой, чтобы испортить парню *такую* историю? Ежели я расскажу всем, как дело было, молодой человек потеряет авторитет в своей банде...»

У Марка не было причин сомневаться, что Алекс доставит сообщение Джо Во. Классический балет - всё по правилам искусства! К сожалению, с развалом цивилизации, методы с обеих сторон становились всё менее и менее цивилизованными. Подумать только, все эти жуткие «*джакузи с горячим душем*» и «*майклы-джексоны*», а теперь ещё и «*газосварочно-проктологическое обследование*»! Как здорово было раньше, когда просто отправляли кого-то «*спать с рыбами*»!

А ещё сегодня у меня есть и личное достижение, с улыбкой подумал Марк. Удалось побывать на новом месте работы Саманты! Он так много раз обещал себе посетить бензиновый заводик Штольца и посмотреть, что же именно там делал Майк последние три года. И у Марка никогда не хватало на это времени! Он знал по рассказам сына, что заводик был немного похож на лабораторию сумасшедшего учёного, и что Майку приходилось возиться с какой-то опасной химией. Однако, при всем при этом, Майк приходил домой в прекрасном настроении, по субботам у него в кармане хрустела приличная зарплата за неделю, а его одежда была чистой, не как у всех этих мусорщиков с *Кучи*. Честно говоря, Марк побаивался идти на эту экскурсию. Не то чтобы он не доверял Фредерику, но до Марка доходили слухи о жутких условиях труда и полном отсутствии на перерабатывающих заводиках техники безопасности.

Теперь, после визита на заводик, Марк был уверен, что там всё было в пределах разумного. Конечно, поначалу он был немного шокирован. Когда он и Жасмин вошли на грязноватый двор, рабочие загружали обломки пластмасс в одну из *бомб*, а Фред и Саманта сливали жёлтый синтетический бензин из другой *бомбы*. Запах паров бензина был повсюду. Глаза Марка мгновенно наполнились слезами, и он несколько раз чихнул. Для защиты от бензина, на Саманте и Фредерике были резиновые перчатки и сильно поцарапанные пластиковые очки. Их носы были зажаты бельевыми прищепками, а во рту у обоих были гофрированные пластиковые трубки. С противоположной стороны, трубки были приделаны к толстой пластиковой трубе от канализации. Эта большая труба уходила куда-то вверх, на крышу сарая. Всё это и вправду было похоже на лабораторию сумасшедшего учёного из какого-нибудь второсортного научно-фантастического фильма.

«Не подходите ближе,» - приказал Фредерик, на мгновение вынув трубку изо рта. Из-за прищепки на носу его голос звучал немного смешно. Он вложил трубку обратно в рот и сделал глубокий вдох, чтобы подготовиться к следующей фразе: «Это займёт ещё пару минут.»

Бензин перестал капать из сливной трубы, и Фред закрыл задвижку. Сделав ещё один глубокий вдох из своей трубки, он заткнул трубку пластиковой крышкой и отпустил её. «О-кей, теперь можете подходить. Вот эту *бомбу* ещё загрузим, и на сегодня всё,» - сказал он Марку, стягивая очки и снимая прищепку с носа.

Марк осторожно потянул носом воздух. Запаха бензина почти не было. «Что это за трубы, Фред?»

«Это наши *шнорхели*. Арне придумал,» - объяснил Фредерик: «Раньше мы использовали респираторы, но фильтры довольно быстро забивались. Сейчас трудно найти хорошие фильтры от фенола, знаешь ли.»

Из-за спины Фредерика, Саманта обнадёжила Марка: «Всё в порядке, пап! Воздух в *шнорхеле* отличный! Бензином даже и не пахнет!» Закручивая крышки бензиновых канистр, она всё ещё была с прищепкой на носу и со *шнорхелем* во рту. Также, как и Фредерик чуть ранее, она вытаскивала трубку изо рта, чтобы прокричать фразу, а затем вставляла трубку обратно в рот, чтобы глотнуть чистого воздуха.

Жасмин тоже очень понравились эти *шнорхели*. «Просто класс,» - заявила она: «В плавильной мастерской, где мне выжгло глаз, у нас *ещё* ничего такого не было. И в бумажной мастерской, где Милли и Берти работали, тоже такого *нета*. У братиков всегда глаза были красные, и из носа текло. Они работали с *гиппо-клоп-ритмом*!»

Фредерик улыбнулся: «С чем-чем они работали?»

«С *гиппо-клоп-ритмом*, сэр. Это типа отбеливателя. Делает старую бумагу снова белой.»

«О, это же гипохлорит натрия! Ты, должно быть, та девушка, которой нужно тут у нас пожить какое-то время?»

Марк кивнул: «Позвольте вас представить. Это Жасмин. Она пока одна, её братья, Альберт и Мильтон, придут позже. Жасмин, а это - мистер Фредерик Штольц.»

Фредерик протянул руку для рукопожатия: «Как поживаешь, Жасмин? Я смотрю, твои познания в химии куда глубже, чем у некоторых моих рабочих! Я - совершенно серьёзно! И как ты умудрилась это запомнить: *гиппо-клоп...?!*»

Саманта закончила возиться с крышками канистр, заткнула колпачком свой *шнорхель*, сняла прищепку с носа и, переместив пластиковые защитные очки на лоб, приблизилась к трио.

«Сэмми, ты определилась с весом поташа?» - спросил Фредерик.

«Почти, мистер Штольц. Титрование я уже сделала. Остаётся только доделать расчёт. Пять минут, не больше.»

Только тут Марк заметил, что его дочь работает босиком! Когда она завинчивала канистры, он не мог видеть её ноги.

«Чёрт побери, Саманта! Что случилось с резиновыми сапогами?» - спросил он.

«Ах да-а-а... С сапогами?» - она метнула быстрый обеспокоенный взгляд куда-то вправо. Рабочие резиновые сапоги, доставшиеся Саманте вчера «по наследству» от Майка, по-прежнему висели на крючке под сиденьем грузового трицикла, точно так, как Саманта повесила их сегодня утром.

«Саманта, ты же мне обещала обуться! Вот этим самым утром, разве нет?»

Тут Саманта применила стандартный манёвр уклонения. Она улыбнулась, с удивлением посмотрела на свои ноги, как будто только что поняла, что забыла почему-то обуть сандалии, и пошевелила пальчиками ног в густой чёрной грязи. «Но пап! Дождик же был! Всю ночь, и всё утро тоже! Грязь така-а-ая мягкая сегодня!»

У неё всегда было подходящее оправдание. Если шёл дождь, земля была «так-а-а-ая мягкая», если светило солнышко «так-а-а-ая тёплая», а зимой, естественно, земля могла быть и «так-а-а-ая прохладная». Если тротуар выглядел чистым (именно: выглядел; со времён *Обвала*, по-настоящему чистых тротуаров в Хьюстоне не водилось), Саманта немедленно объявляла его «кристально-чистым». А если дорога была покрыта грязью, то определение зависело от погоды: либо «така-а-ая классная пыль на подошвах», либо «така-а-ая мягкая грязь между пальчиками». И главное: вне зависимости от состояния поверхности и погоды, она всегда настаивала, что ходить босиком по всему *этому* - приятно! Мол, папа, почему бы тебе самому не разуться и не попробовать?

Марк заметил, что Жасмин также пошевелила пальчиками ног в грязи. На лице у неё появилось удивлённо-вопросительное выражение. Ей, наверное, совершенно непонятно, о чём спор, подумал про себя Марк. Она же росла в трущобах, и у неё, скорее всего, обуви не было если не с рождения, то наверняка с момента переезда семьи из холодного Нью-Йорка в тёплый бесснежный Хьюстон. Для неё не было удивительно, что земля «така-а-ая тёплая», а грязь «така-а-ая мягкая». Какая есть грязь - такая и есть. Что в ней такого особенного?

«Послушай, Саманта. Я уже давно не возражаю, что ты босая ходишь в школу, но нельзя же работать босиком *на Куче!*»

«Почему нельзя, папочка?» - невинное лицо и удивлённые глазки, как если бы папочка сморозил несусветную глупость.

«А что, если ты наступишь тут на какую-нибудь гадость и порежешь ногу?»

«А я не собираюсь наступать на какую-нибудь гадость, пап! Я не неженка, как Микки и Билли. Я тыщу лет ходила без сандалий и знаю, как это делается!»

Фредерик слушал их перепалку с улыбкой. Сам-то он был обут, но в дешёвые сандалии с подошвами из старых покрышек, а не в тяжёлые химические резиновые сапоги, как можно было бы ожидать от сумасшедшего учёного и хозяина опасного химического производства.

«Марк, оставь Сэмми в покое. Если ей удобнее работать без сапог, пусть работает без сапог. Битого стекла у нас тут не валяется. Погляди, все так работают, и Луна не падает на Землю. Что за проблема?» - он указал на группу рабочих на противоположной стороне двора, занятых около первого слева реактора сортировкой и измельчением пластиковых отходов. Никаких специальных противохимических сапог у них не было. Как, впрочем, и любой другой обуви. Только один молодой человек, работавший на помосте у загрузочной горловины реактора, был обут в шлёпанцы-«вьетнамки». «Сэмми, пожалуйста, отнеси канистры в склад, и начинай-ка делать свои расчёты. А ты, Жасмин, если хочешь, можешь пойти осмотреться. Только чур, руками ничего не трогать, договорились?»

«Однако, Фред, это же химический завод! Ты-то должен знать лучше меня! До *Обвала*, были все эти правила Техники Безопасности и Охраны Труда... Куда они делись?»

«У нас на заводе, Марк, с охраной труда и с безопасностью всё в порядке. Вон, к примеру, наши *шнорхели*. Они позволяют нам дышать отличным чистым воздухом во время слива бензина и загрузки пластика. А когда *бомба* запечатана, там всё герметично, и *шнорхели* ни к чему. Это называется: «инженерный контроль». То есть, мы хорошо знаем, с чем имеем дело, и применяем технические меры защиты. Так только инженеры и должны делать. А что до «правил безопасности», заметь: с ударением на «правила», а не на «безопасность», так это всё фигня!»

«Почему фигня?»

«Потому, что правила - они и есть «правила». Делай так-то и так-то, а не то будет бо-бо. «Процедурный контроль»! Это означает, что вам надо делать что-то точно так и никак иначе! Типа «сапёр ошибается один раз». Раньше на нашем заводе было много таких процедур, а теперь осталась всего одна. А все остальные мы, как грамотные инженеры - *раздербанили* технически. Либо поставили надёжную «защиту от дурака», либо механизировали. Или даже автоматизировали! Арне до сих пор репу чешет, как автоматизировать эту последнюю оставшуюся, чтоб там человек был не нужен. Но пока не выходит - сложновато.»

«А как же средства индивидуальной защиты? Все эти комбинезоны, ботинки со стальными носами, специальные перчатки, каски, очки? Помню, до *Обвала*, с этим было очень уж строго. Все должны были носить эти комбинезоны и каски всё время. Не только в промышленности. В Полиции и в ФБР были те же правила.»

«Ох уж эти долбаные комбинезоны и каски *всё время*! В «*Бартоне*», я ими был сыт вот по сих пор!» - Фредерик указал ладонью на горло: «Я тебе по-простому объясню. Инженерный контроль - это для тех, кто одновременно трудолюбивый и умный. Сначала ты пользуешься мозгами, чтобы придумать безопасный метод работы, а затем надо ещё и руки приложить, чтобы построить и довести до ума машину. Ну, то, что ты там напридумал. Зато потом - красота! Машина за тебя работает, а ты можешь немного расслабиться, ну и срубить *бабла* заодно. Лишние проценты профицита ещё

никому не вредили. Жмём дальше. Процедурный контроль - это для трудолюбивых, но не очень умных. Если придумать не можешь, так делай, как тебе сказано, точно по правилам, и молись, что не ошибёшься. Потому как сапёр ошибается... так то! А теперь переходим к обязательным средствам индивидуальной защиты *всё время*. Это придумано для тех, кто-либо просто ленивый, либо ленивый и тупой одновременно. Если не хватает мозгов, чтобы понять, как передоверить опасную работу машине, и при этом лень делать работу точно по инструкции - что осталось? Ну замотай себя в три огнеупорных комбинезона из «Номекса»[52], надень защитные очки, каску, ботинки со стальными носками и перчатки. Они даже помогают. Немного. Когда бабахнет, вместо ожога девяноста процентов поверхности тела, получишь восемьдесят пять процентов. И при нашем сегодняшнем состоянии медицины, помрёшь на три часа позже. Тебе это лучше?»

«То есть, на твоём заводике всё так круто, что средства индивидуальной защиты не нужны?»

«Я не говорил, что вообще не нужны. Нужны, но *очень редко*! Та единственная опасная операция что я упоминал: заливка нейтрализатора! Так вот, приятель, для этой операции требуются: химические резиновые сапоги, резиновые перчатки по локоть, защитная маска на лицо, кожаный фартук до пола. И ещё: пара крупных мужчинских яиц в штанах. Для смелости! Концентрированная серная кислота, скажу я тебе - опасная вещь. Может проесть тебя прямо до костей, причём за какие-то секунды. Но главная опасность - это не сама кислота, а процесс. Кислоту в бомбу надо заливать точнёхонько: не слишком медленно, и не слишком быстро. И смотреть на приборы. Ежели ошибёшься, либо бомбу разорвёт, либо она оторвнёт на тебя расплавленным пластиком. Ну а в случае разрыва реактора, ещё не придумали таких сапог, чтобы защитить твои ножки. И нет на планете Земля такого фартука, чтобы спасти всё остальное. Вот так! Я всегда делаю эту операцию лично. Почти четыре года, что этот заводик работает, я её ещё никому не доверял. Абсолютно никому, даже Майку и Арне. Несмотря на то, что они постоянно просились попробовать. А я им так говорю: у вас, ребята, для заливки нейтрализатора есть и мозги, и яйца, а вот седых волос пока не хватает... Но я уклоняюсь от темы. Я вот о чём начал: заливка нейтрализатора очень опасна, и требует средств индивидуальной защиты. Но вся операция, заметь, занимает две минуты. Три раза в день - это шесть минут. А вот если я буду из-за этих шести минут разгуливать весь день по заводу в сапогах, перчатках, маске и кожаном фартуке - я буду выглядеть, как полный идиот. И скоро полным идиотом и стану!»

«Ну, насчёт идиота ты преувеличиваешь, Фред.»

«Да нет, почему же! Здравый смысл, чувак. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. Все буквы прописные! Знаешь, когда я до *Обвала* в нефтянке работал, они требовали, чтобы все ходили в этих треклятых комбинезонах из «Номекса», ботинках, перчатках, касках и защитных очках. Везде, и всегда! *Всегда*! Поймают тебя в лаборатории без очков, всё: ты уволен! Если говорить по правде, они это делали, чтобы предотвратить судебные иски. Травмированных работников. Так вот, ты можешь не верить, но посмотрели статистику, и увидели, что все эти комбинезоны и перчатки с очками количество травм

на производстве не уменьшают, а увеличивают! Сказать тебе, - почему?»

«Почему?»

«Каждая операция требует своих средств защиты. Думай головой! Вот тут нужны очки, а вот тут - щиток на всё лицо. А вот тут - ничего не надо. А если заставить работников носить средства защиты постоянно, весь день, а не только тогда, когда это требуется для конкретной операции, то их Здравый Смысл моментально вылетает в трубу. Люди начинают верить, что кто-то другой должен за них думать: менеджер, начальник отдела техники безопасности, директор компании, короче, кто-то, но не они лично. А дальше, так: мужик ходит в защитных очках *весь день*. Нужны, не нужны - всё равно в очках. Трах-бабах! И ожог лица! Глаза тоже! Как же так, говорит он. А в этом конкретном месте не очки были нужны, а щиток на всё лицо. А ещё лучше, надо было подумать, как бы сделать это по-другому. Чтобы ни щиток, ни очки не требовались. Чем ты думал, болван? А я не думал. Мне менеджер сказал: в очках ходить!»

«Затем менеджмент осознает, что Здравый Смысл вылетел в трубу, и начинает новую кампанию, что-то вроде «Техника Безопасности - Это Ваша Ответственность». Да только уже поздно. Мозги у людей уже скукожились. Ваши работники слушают и головой кивают: да, сэр, конечно, сэр, так и будем делать, сэр. А взаимного доверия - нет! Менеджер становится - как дешёвый клоун. И начальник отдела ТБ - тоже как дешёвый клоун. И все работники - клоуны. И вместо работающего доходного бизнеса, у них получается дурацкий цирк - в защитных очках, клоунских ботинках со стальными носами, и в комбезах из «Номекса»! Ты знаешь, Марк, я вот думаю, что *Обвал* - он в этом отношении нам помог. По крайней мере, люди снова научились думать самостоятельно, а не валить всё на менеджмент...»

«Да, а все эти несчастные случаи *на Куче*? Вот сегодня, сержант сказал: троих убило...»

«А, ну да: этот дурацкий «Механический Мусорщик». Якорем восемь человек зацепило, из них троих насмерть. Мы им сразу говорили: у вас, ребята, «защиты от дурака» нет! Ты прикинь: там стоит оператор и набрасывает канат на шкив. Процедурный контроль! Как сапёр, этот оператор ошибается один раз... Вот, скажем, я заливаю нейтрализатор всего три раза в день. Так, к каждому из этих трёх раз, я могу мысленно подготовиться. Забыть обо всем прочем на эти две минуты. И сделать всё точно и правильно, на сто процентов. Но ведь оператор «Механического Мусорщика» не три раза в день канат на шкив набрасывает! Он это делает каждые шесть или семь минут - целый день. Ты думаешь, он может сосредоточиться на все сто процентов? Видишь ли, Марк, проблема нашей *Кучи* в том, что там всё ещё работает старшее поколение. Все эти бывшие менеджеры, начальники отделов техники безопасности и всякие другие мерчендайзеры. Те самые дешёвые клоуны в «Номексе» с перманентно скукоженными мозгами. Ну, допустим, со времён *Обвала*, кое-что у них в мозгах и выправилось, однако... Ты видел, у меня на заводе - только молодёжь? У них, может, образования *нета*, зато мозги не скукоженные и Здравый Смысл в трубу не вылетал. Кстати, говоря о средствах индивидуальной защиты, к сегодняшней аварии с «Механическим Мусорщиком» эти средства защиты никакого отношения не имеют.

Если на тебя несётся якорь весом триста фунтов [прибл. 136 кг] с силой в две тыщи фунтов [прибл. 900 кгС] - тебя никакой комбинезон не спасёт. Ты можешь себе комбез хоть из углеродистой стали склепать! Как какой-нибудь рыцарь средневековый будешь ходить. Всё равно - не поможет!»

Пока они обсуждали проблему охраны труда, Саманта и Жасмин перетаскивали канистры с бензином в склад. Затем, Саманта подошла к заваленному оборудованием верстаку под навесом. Она подняла с верстака блокнот, заляпанный, с загнутыми уголками страниц. Это было сокровище, которое она унаследовала от Майка вместе с грузовым велосипедом и резиновыми сапогами. Саманта открыла блокнот на заложенной резинкой страничке и принялась за вычисления. Жасмин крутилась около верстака: примерила защитные очки и прищепку для носа, затем принялась заглядывать через плечо Саманты на циферки в блокноте. Марк отметил про себя, что расчёт давался Саманте нелегко. Время от времени, она останавливалась, покусывая кончик карандаша и легонько притопывая по бетонном полу измазанной в грязи ступнён. Наконец, с математикой было покончено, и девушка подошла, чтобы показать страничку блокнота Фредерику.

«Сто двадцать два фунта [прибл. 55,3 кг]. Похоже на правду. Эта партия не так хороша, как предыдущая,» - согласился с вычислениями инженер-химик: «Но на твоём месте, Сэмми, я бы добавил ещё четыре фунта, для верности. Помнишь, я тебе вчера объяснял про коэффициент безопасности? Настоящие инженеры всегда носят и брючной ремень, и подтяжки!»[53] Так, я вижу, Денни почти закончил с загрузкой лома. Пожалуйста, пойди скажи ему, чтобы начинали взвешивать химикаты по твоему расчёту. Это недолго. А затем, рабочие могут идти на кофе-брейк. Да и, пожалуйста, пожалуйста, если они хотят покурить, пусть курят за воротами. На дворе - ни в коем случае!»

«Хорошо, мистер Штольц,» - ответила Саманта, и повернулась, чтобы уйти. Она сделала это несколько поспешнее, чем следовало бы, отметил про себя Марк. Очевидно, хочет предотвратить мою попытку обуть-таки её в резиновые сапоги. Ну да. Грязь сегодня была такой удивительно мягкой, было бы кощунством проходить обутой всю вторую половину дня!

«Саманта,» - позвал Марк. Наверное, Фредерик прав, и я должен дать дочери послабление, решил он. Ходить босиком на заводе у Штольца было вряд ли опаснее, чем на некоторых задних дворах в их квартале. Особенно на тех из них, что использовали «совершенно безвредные» удобрения от «Симпсона и Кауфмана»! Раз уж Фредерик говорит, что на заводе можно работать без сапог, пусть так и будет. Марк не сомневался, что Здравый Смысл Фредерика никогда не вылетал в трубу, даже во времена того дурацкого цирка, что был до *Обвала*.

«Что, папа?»

«Твои резиновые сапоги, Саманта...»

«Но, пап?!»

«Всё в порядке. Совершенно неофициально, я даю тебе разрешение работать на заводе у мистера Штольца без сапог. Но, если мама спросит, этого разговора у нас с тобой не было. Вам всё ясно, юная леди?»

Саманта просияла мегаваттной улыбкой, и ответила, как когда-то учил её Марк: «Не припоминаю, о каком таком разговоре Вы вообще толкуете, сэр!»

«О, я вижу влияние ФБР,» - засмеялся Фредерик.

«Однако, Саманта,» - продолжил Марк: «Это разрешение действует только на заводе мистера Штольца! Вот, конкретно, на этом дворе, ясно? Если ты идёшь за пределы завода, особенно на полигон, пожалуйста, обувай сапоги! Обещаешь?»

«Обещаю, папочка! Ясное дело!» - У неё, естественно, совсем не было намерения обуваться и за пределами завода, но что Марк мог с этим поделать?

Фредерик начал объяснять Марку что-то о технологическом процессе: как отсортированную и нарезанную пластмассу загружают в *бомбу*, как варят её в щелочной среде, пропуская через смесь пар при таком-то и таком-то давлении, как затем нейтрализатором изменяют водородный показатель, pH, и так далее. Он даже попытался рисовать для Марка какие-то формулы, но Марк не слушал. Вместо этого, он исподволь наблюдал, как Саманта пересекла двор. Вот она остановилась и сказала что-то рабочим возле первого реактора. Вот она уверенно поставила босую ножку на ржавую трубу мостков и, задрав голову, завела разговор с молодым человеком в шлёпанцах, стоявшим вверху на мостках над распахнутым загрузочным люком *бомбы* со *шнорхелем* во рту...

Таки-так. У нас намечается ещё одно сражение Домашней Гражданской Войны, подумал Марк.

Глава 18

Прежде всего надо для битвы придумать хорошее кодовое название. Назовём-ка мы её так: «*Мама, я Хочу Работать у Штольца*». Сегодняшняя неудачная попытка обути Саманту в резиновые сапоги была не более чем разведкой боем. Утренняя штыковая атака «Северян» после полудня была успешно отбита «Южанами»[54]. Командирша «Южан» будет до самого вечера наслаждаться победой, как настоящая *не-неженка* разгуливая босиком по «тако-о-ой мягкой» грязи. А разведывательный батальон «Северян» под командованием Марка был разбит, и командир решил, что лучше отступить на исходные позиции для переформирования, а начальству отписать, что ничего не случилось. Основная битва была ещё впереди.

Как Санта-Клаус с его двумя списками: «послушных» и «непослушных» ребятишек, Мэри держала в голове списки «как принято» и «как не принято». Если надо выйти из дому, надо одеваться «как принято»: одежда должна быть почти новой и совершенно чистой. Футболка, великолепно выстиранная и отглаженная, однако с небольшим неустрашимым пятнышком или с крошечной дырочкой на видном месте, считалась пригодной для дома, но её нельзя было надеть для выхода из дому. Причём куда угодно, даже в тренажёрный зал. А уж если пятно или дырочка превышали некий критический размер, футболка попадала в категорию «как не принято», и с ней надо было как можно быстрее расстаться. До *Обвала*, около торговых центров стояли такие специальные контейнеры для пожертвований. «Одежда для Бедняков». А ещё, можно было оставить ненужную одежду перед благотворительными магазинами «*Трифт Стор*» «*Армии Спасения*». Представители среднего класса чинили только по-настоящему дорогие вещи: меховые манто и тому подобное. Даже стандартные чёрные костюмы сотрудника ФБР рассматривались как расходный материал, и их не стоило чинить. После шести или семи циклов химчистки, надевать костюм становилось «не принято», и он заканчивал свою блестящую карьеру в контейнере для пожертвований. Ну и так далее. Прогуливаться босиком по пляжу было «принято». А делать то же самое в супермаркете было «не принято». Резиновые шлёпанцы-«вьетнамки» идеально подходили для похода в супермаркет, но были категорически «не приняты», если семья собиралась поужинать в ресторане. Если детям хотелось погулять в парке или сходить на детскую площадку «как принято», необходимо было обути в пару кроссовок «Найк». Даже для посещения аквапарков два раза в год, у них была специальная «обувь для аквапарка» и специальные «костюмы для аквапарка». Конечно, как и всё остальное до *Обвала*, это было чрезмерно и расточительно.

Помимо списков «как принято» и «как не принято», была ещё и непреодолимая проблема выбора. До *Обвала*, у Марка в действующем гардеробе было почти пятьдесят рубашек, сорок или около того галстуков и десять поясных ремней. А ещё запонки, подтяжки и десять пар мужских туфель! Он никогда не мог сам одеться «как принято»! Наденешь сорочку и галстук, а Мэри говорит: «Дорогой, разве ты не видишь, этот галстук к этой сорочке не идёт?» Тогда он заменял галстук, только чтобы обнаружить, что именно этот галстук «не идёт» к сегодняшнему вечернему платью Мэри. А ещё у Мэри было пятьдесят пар вечерних туфель. Некоторые из них были предназначены под конкретное вечернее платье, и поэтому она доставала их из коробки раз в два года.

После *Обвала*, граница между «как принято» и «как не принято» начала исчезать. Некоторые из соседей Марка и Мэри вдруг вспомнили, что у них где-то в доме есть швейная машинка. Вечерние платья стали перешивать в повседневные. А затем начали шить и из всего остального, что попадалось под руку: все шторы, скатерти, салфетки и тому подобное, пошли на изготовление одежды. Со временем местные леди повышали квалификацию, и всего через десять лет после кризиса, одежда, произведённая в гаражах, а не на фабриках, была по качеству ничуть не хуже, чем импорт из Китая и Бангладеш был до *Обвала*. Во время самых тяжёлых лет сразу после начала кризиса, Мэри носила вечерние туфли на барахолку, одну пару за другой. Тогда пару дизайнерских туфель на шпильках можно было обменять на поддержанную армейскую футболку или на несколько фунтов свинины. Всё лучше, чем ничего... Но, несмотря на все эти перемены, списки «как принято» и «как не принято» оставались в силе! Чтобы выйти из дому, дети Марка и Мэри обязаны были снять эту вот, приобретённую на барахолке камуфляжную футболку с большими дырками, и надеть вместо неё вон ту, приобретённую на той же барахолке камуфляжную футболку с меньшими дырками и двумя заплатками. Марк до сих пор безуспешно пытался выяснить для себя логику Мэри, по которой дырки в футболках переводили вещь из разряда «как принято» в разряд «как не принято». Вроде бы, размер отверстия играл какое-то значение, но надо было учесть и много других факторов: положение отверстия относительно пупка, было ли отверстие круглым или продолговатым, и так далее.

С одной стороны, Мэри прекрасно понимала, что из-за последствий *Обвала*, детишки в трущобах не могли одеваться «как принято» и должны были ходить в лохмотьях и зачастую - без обуви. Возможно, их бедные родители не могли позволить себе купить даже поддержанную военную униформу. Или всё-таки могли, но один комплект одежды и обуви должен был переходить от одного ребёнка к другому, служа в течение пяти или шести полных лет. С другой стороны, каждый год Мэри приходила в школу на собрание Ассоциации Родителей и голосовала там за то, чтобы дети ходили в школу «как принято». По мнению партии Мэри, школьная форма не должна была иметь никаких лишних отверстий и должна была включать пару обязательных к носке сандалий. В прошлом году, эта её «Партия за Как Принято» проиграла в родительском голосовании с разгромным счётом 7:89.

Пока дети Марка и Мэри не подросли, ситуация была достаточно проста. Дети слушались родителей и делали так, как им указывали мама с папой. Но затем, около четырёх лет назад, откуда ни возьмись, у них в семье началось то, что Марк в шутку называл «Домашняя Гражданская Война».

Первые выстрелы «Домашней Гражданской Войны» прозвучали прекрасным весенним вечером. Марк вернулся домой со службы, со своим пистолетом «Глок» в потайной кобуре и с сорока четырьмя тысячами долларов месячной зарплаты в кармане. В отличие от докризисных времён, зарплаты больше не переводили на банковские счета. Таких банков просто не существовало. Немногие оставшиеся банковские учреждения в Хьюстоне, с мерами безопасности круче чем в Форт-Ноксе[55], занимались какими-то секретными финансовыми махинациями, и никакого отношения к обычной публике не имели. Инфляция неслась бешеным галопом, делая любые накопления

бессмысленными. Получив деньги, все их немедленно тратили. Марк был счастлив. Его тесть, Дэйвид - старший, наконец-то избавился от инфекции мочевого пузыря, и не нужно было опять искать дорогие антибиотики. Все долги были выплачены, и все необходимые закупки сделаны. На этот раз, Марк мог выполнить своё обещание и купить Саманте новую бейсболку и новую пару школьных сандалий. Её старые украли в школе около двух с половиной месяцев ранее, поэтому она пока ходила в школу без сандалий (тогда, четыре года назад, Марк и Мэри почему-то наивно полагали, что ходить в школу босиком - это такое жестокое наказание!)

Марк обнаружил Мэри на веранде. Она сидела с двумя соседками: миссис Конг из дома слева и миссис Левин из дома справа. Женщины занимались составлением плана посадки овощей на этот год. У них было что-то навроде сельскохозяйственного кооператива. Миссис Конг традиционно держала первенство в выращивании томатов, баклажан, папайи и яблок. Мэри специализировалась на огурцах, сладком перце, клубнике и арбузах. Миссис Левин преуспела в выращивании картофеля, специй, табака и марихуаны. Она же была известным всей округе экспертом в области изготовления эрзац-кофе из прожаренных желудей и каких-то там ещё секретных ингредиентов. Одеты все три изысканные леди были совершенно «как не принято»: в старых мужских рубашках и старых штанах с заплатками, и босиком. Но поскольку каждая из них только что сделала десять ходок на Западный Канал, принося каждый раз по четыре галлона воды [прибл. 15 литров] для полива овощей, Мэри мысленно передвинула их стиль одежды в размытую область неопределённости между «как не принято» и «как принято».

«Получил зарплату, дорогой?» - поинтересовалась Мэри.

Марк похлопал себя по нагрудному карману: «Зову Саманту?»

«Ты ещё спрашиваешь?! Бейсболку лучше всего купить в «*Универсальном*» у мистера Белла. Но сначала, поезжайте на рынок и проверьте ту тележку сапожника, про которую я тебе позавчера говорила. И убедитесь, что размер не впрытик, ладно?»

«Как скажешь, дорогая.»

Марк просунул голову с веранды в дом и прокричал: «Саманта! Давай-ка одевайся, только мигом. Едем на рынок за сандалиями!»

«И не забывай, что на рынке принято торговаться,» - продолжала инструктировать Мэри: «Постарайся сбить цену хотя бы на сотню долларов.»

«Хорошо, дорогая, как скажешь,» - торговаться Марк ненавидел.

Всего через несколько минут Саманта появилась на веранде, причём в сопровождении Памелы, которая тоже почему-то переоделась в «как-принятую» футболку для поездки на рынок. Когда девочки подошли к папе с обеих сторон и одновременно поцеловали его в обе щёчки, Марк заподозрил, что последует какая-нибудь «особенная» просьба.

«Папочка,» - начала издалека Саманта: «Я тут подумала... Эти школьные сандалии из старых шин. Может, не будем их покупать? Они та-а-ак уже вышли из моды!»

«И что бы ты хотела вместо них?» - спросил её Марк.

Сейчас моя дочь попросит пару этих непрактичных деревянных *гета* с ручной росписью. Вроде, это сейчас модно? Или, может быть, она решила выпросить у мамы одну из оставшихся пар вечерних туфель? Но это было бы совершенно нелепо. На ногах лаковые туфли на шпильках, или пара расписных *гета*, а сверху - школьная форма, состоящая из подержанной военной футболки цвета хаки и шорт, выкроенных из старых камуфляжных брюк?

«А мне вообще сандалии ни к чему, папа,» - ответила Саманта: «Другие девочки в нашем классе ходят же без всяких там сандалий. Нет проблем.»

«Меня «другие» - не интересуют,» - заявила Мэри: «Делай, что тебе говорят! Ходить в школу надо в сандалиях, «как принято».»

Но у одиннадцатилетней Саманты уже было собственное мнение на этот счёт: «Мам! Ты не слушаешь. Я имею в виду: если мы не будем покупать эти сандалии из шин... Можно сэкономить, и купить что-то... *полезное*.»

«Так. И что мы считаем «полезным» на текущий момент?» - поинтересовался Марк.

«Можно мы купим вместо сандалий - *цейлонки*?»

«Ты имеешь в виду, - *вьетнамки*?» - не поняла Мэри.

«Да нет, мам! *Цейлонки*! Они недорогие! Пятьсот баксов, максимум. Я знаю одну леди, недалеко от нашей школы. Она - дизайнер! Плетёт такие классные браслеты и *цейлонки*, и всё такое. Они такие замечательные! Пожалуйста, мам, пожалуйста, пожалуйста...»

«Да что ещё за *цейлонки*?»

«А я знаю,» - похвасталась миссис Левин: «*Цейлонки* - это последний крик молодёжной моды, хотя идея стара, как мир. Придумали их, вроде, в Индии, году эдак в пятитысячном. До нашей эры. Имя ещё не устоялось, и в Хьюстоне их все по-разному называют: «*пайял*», «*цейлонки*», «*гавайские сандалии*», «*кама'а-оле*». Обе мои дочери от них без ума. Честно говоря, даже я подумываю, не стоит ли приобрести и себе пару.»

Кому бы не знать, как миссис Левин, подумал Марк. В отличие от Мэри, мистер и миссис Левин никогда не настаивали на том, чтобы их дети ходили «как принято». Скорее всего, они даже не подозревали, что слово «принято» можно использовать в том смысле, в котором его постоянно употребляли в семье Марка. Семейство Левин принадлежало к движению *нео-хиппи*, странно разросшемуся за годы после *Обвала*.

Насколько Марк мог припомнить, дети в семействе Левин всегда были одеты «как не принято», и им разрешали бегать босиком по любым трюцобам и играть в грязи с кем угодно и сколько вздумается. Что совершенно не помешало им вырасти хорошо воспитанными, прилично образованными, здоровыми, и очень умными.

«Ах, так вы ещё не видели *цейлонок*?!» - продолжила миссис Левин, заметив, что взрослые по-прежнему ничего не могут понять: «Ну как бы вам объяснить? На пальцы ног надевают такие колечки, и от них к щиколоткам идут цепочки бус. Представьте себе изящные вечерние босоножки, только совершенно без подошвы. Очень мило!»

Миссис Конг потрясла головой. Уж в её-то семье знали правильное употребление выражения «как принято»: «То есть, сверху это выглядит, как босоножки, а снизу - ноги и взаправду босые? Может и красиво, но какая от них тогда *польза*?»

«Что Вы понимаете в молодёжной моде, дорогуша?» - не то спросила, не то констатировала печальный факт миссис Левин: «Огромная польза. От *цейлонок* совершенно не бывает мозолей. В них не только можно, но даже настоятельно рекомендуется шлёпать по лужам. Они красивые. И ходить в них - круто! Поэтому девочки в таких *цейлонках* нравятся мальчикам гораздо больше, чем девочки без *цейлонок*. Вот Вам и польза! Никакого сравнения с этими уродливыми школьными сандалетами! От сандалий из старых покрышек пользы точно никакой, одно беспокойство. «Из моды вышли» - эти не совсем точно. Они с модой и рядом-то не стояли! Мальчиков они не приманивают, а отпугивают. К тому же, в нашем влажном, тропическом климате такие сандалии уж точно ни к чему.»

«Мне всегда говорили, климат в Хьюстоне - субтропический,» - наконец нашёл что возразить Марк.

«Вы забыли про глобальное потепление, Марк!» - махнула рукой Руфь Левин: «Теперь мы - такие же тропики, как и Гавайи. Так что, «гавайские босоножки» в Хьюстоне - это очень даже правильный выбор.»

Марк кивнул. Наверное, наша молодёжь просто любит моду из дальних стран, подумал он. Перед *Обвалом*, экзотические места планеты были выставлены на продажу. Если вам хотелось увидеть Гавайи, вы просто заказывали себе тур. Как то короткое свадебное путешествие Марка и Мэри: авиабилет бизнес-классом до Гонолулу и шестизвёздочный отель на четыре дня. Это было незабываемо, жаль только, что путешествие так быстро закончилось! Теперь Штат Гавайи всё ещё считается частью США, но с тех пор как Тихоокеанский Флот закрыл там военно-морскую базу, новостей с островов что-то не приходило. Молодёжи приходится изобретать экзотику прямо здесь, у себя дома. Где теперь купишь билет на Гавайи?

Тем временем миссис Левин повернулась к Памеле: «А ты, Пэм?»

«Что - я, миссис Левин?»

«Я догадываюсь, тебе тоже срочно понадобилась пара *цейлонок*?»

«Не совсем. Но я подумала, если папа и Сэмми поедут покупать *цейлонки*... Может, я поеду с ними, и попрошу папу купить мне этот клёвый *калфлет*!»

«Калф-чего?» - спросил Марк. Час от часу не легче.

«Калф-лет, папа!» - девятилетней Памеле приходилось объяснять папочке основы основ: «Это как анкет, только носится не на щиколотке, а под коленом!»

Тут Мэри решила положить конец дискуссии: «Никаких браслетов, анкет, *цейлонок*, *калфлетов*! Ни-че-го! Памела остаётся дома. Саманта едет с папой, и они покупают новые! Школьные! Сандалии! Всё, разговор окончен.»

Марк заметил слезинки в глазках Памелы и решил немного смягчить ситуацию: «Ну ладно, раз уж Памела оделась, пусть едет с нами.»

Итогом дня стала покупка пары крепких и уродливых школьных сандалий для Саманты, в точности, «как принято». Однако, Марк не смог отказать дочкам, и они прокатились на велосипедах до гаража той самой леди-дизайнера недалеко от школы. *Цейлонки* в самом деле оказались милым, если и совершенно непрактичным типом «обуви». Леди-дизайнеру было около тридцати пяти, и она тоже была *нео-хиппи*, что-то в духе их соседей Левин. Марк не осмелился нарушить запрет Мэри, так что от покупки *цейлонок* пришлось отказаться. В качестве утешения, обе его дочери получили по симпатичному *калфлету* со стеклянными бусинками. Так первое сражение «Гражданской Войны» было выиграно «Северянами», но с намёком на будущие победы мятежных «Южан».

С того памятного дня, «Гражданская Война» потихоньку продолжалась. Босоногие, но находчивые и решительные «Южане» против закованных в броню, но вечно-сомневающих «Северян». Поначалу «Север» был представлен Мэри и Марком, а «Юг» - Самантой и Памелой. Солидный Уильям и маленький Патрик соблюдали строгий нейтралитет, в то время как хитрый лис Майкл присоединялся то к одной, то к другой стороне для получения какой-нибудь краткосрочной политической выгоды. Некоторые сражения проходили вяло и выигрывались малой кровью. Как, к примеру сражение «Папа, Зачем Нужны Сандалии Если Просто Идёшь на Рынок?» Марк только улыбнулся. Саманта и Памела едва-едва обували сандалии, когда они шли в школу; как требовать от них, чтобы они обували сандалии для похода на местный рынок? Другие сражения были куда более кровопролитными. Как трехдневная битва при Геттисберге[56] «Мама, за Хлебом и Яйцами Можно Сбегать и в Домашней Футболке». После тяжёлой пушечной бомбардировки с обеих сторон, «Южане» решительно примкнули байонеты и захватили себе в лихой штыковой атаке право выходить из дому в любых футболках: «как принято», и совершенно «как не принято», независимо от количества, положения и размера дырок. А вот над полем почти столь же кровопролитного сражения «Мам, Мне Скоро Четырнадцать, Можно Я Сделаю Себе Татуировку?» гордо реяло пробитое картечью боевое знамя «Северян», причём «Южане», побросав мушкеты, бежали в панике, оставляя противнику пушки и едва успевая подбирать раненых.

В отличие от настоящей Гражданской Войны, в их домашней войне стрелка весов начала со временем склоняться в сторону «Южан». Патрик подростком и присоединился к «Югу», дав два совершенно выдающихся сражения под своим общим командованием: сначала была партизанская кампания *«Мам, Это Же Нормально Ходить по Улице Без Рубашки, Все Пацаны Так Ходят»*, а затем последовала месячная морская блокада *«Мам, Говори, Что Хочешь, а Я Всё Равно Буду Носить Эту Бандану»*.

После своего «круиза» на «Мусоровозе», даже Уильям был склонён воевать на стороне «Южан». В прошлом году, Мэри попыталась как-то доказать ему, что *делать Маршрут* надо «как принято», то есть в военной форме с медалью. Уильям только улыбнулся, напомнил матери результаты выигранной Патриком кампании *«Мам, Это Же Нормально Ходить по Улице Без Рубашки»* и заверил Мэри, что если на шее болтается красное ведёрко для пожертвований, обнажённый торс с коллекцией шрамов - это очень даже «как принято».

И добавил: «Почему бы тебе не бросить это деление на «принято» и «не принято», мам. Простота - это путь к спасению. Вот моя жизнь до армии - была такой сложной. Но на «Мусоровозе» эту опухоль благополучно удалили. Ампутировали весь мой снобизм, так сказать. А без снобизма, всё в моей жизни упростилось.»

«Упростилось? После того, как ты остался инвалидом?» - вспыхнула Мэри: «Только не пытайся убедить меня, что ты счастлив!»

«Что такое счастье, мам? Рисс мне заявила как-то, что счастье - это разность между тем, что у тебя есть и тем, что тебе хочется иметь. А это значит, что если тебе почти ничего не надо, можно быть счастливым, не имея почти ничего.»

«Тебе это Рисс сказала? Я не подозревала, что она такой философ.»

«Ну, я тоже был немного ошарашен её умозаключениями. Однако, и вправду, всё, что мне нужно в жизни, в порядке приоритетов: полноценная сессия поцелуев с моей Рисс, эти вот шорты, это вот красное ведёрко на шее, и кусок хлеба в конце дня. А всё остальное - просто суэта и никому не нужные сложности...»

Выходило так, что «Северяне» должны были рано или поздно проиграть войну вчистую. Марк поразмышлял, не стоит ли ему самому поскорее дезертировать из армии «Северян» и примкнуть к войскам набирающего силу «Юга». Он позволит дочерям носить мужские рубашки, не застёгнутые, а завязанные узлом выше пупка, точно в соответствии с подростковой модой. Возможно, для подписания мирного договора, стоит купить девочкам хорошие подарки. К примеру, эти самые *цейлонки*, если они им так нравятся. Да и Мэри пара *цейлонок* совсем бы не помешала. Ей нужно немного расслабиться и позабыть, наконец, что у нас там «как принято», а что «как не принято». Да уж если на то пошло, он позволит Саманте сделать её возжеленную татуировку. Почему бы нет? В конце концов, ей в самом деле уже четырнадцать, и теперь она даже стала независимым кормильцем для семьи. Эй, Марк был даже готов

заплатить за эту самую татуировку! Безопаснее делать эту штуку в дорогом тату-салоне с хорошей репутацией, чем у девушки с передвижной тату-тележкой *на Куче*!

А если говорить о предстоящем сражении «*Мама, я Хочу Работать у Штольца*», было очевидно, что вопросов для обсуждения будет ровно два, подумал Марк. У них было то же самое три года назад, когда Майк решил оставить школу. Первым вопросом будет, что работать *на Куче* опасно и вредно для здоровья. Конечно, Марку не нравилась вся эта химия (как это называл Фред - фенолы?) в воздухе, и он предпочёл бы, чтобы его дочь работала там, где не нужно время от времени надевать на нос бельевую прищепку и дышать через гофрированную пластиковую трубку во рту. Но, с другой стороны, Фредерик Штольц был хороший сосед и квалифицированный инженер-химик. Он хорошо знал опасности своего маленького бизнеса, и не пытался их скрывать. Кто знает, что будет в любом другом месте работы? Работа может выглядеть чище и безопаснее, и подальше от этой проклятой свалки, но будет ли эта работа безопасной на самом деле? Взять тот же диоксин, Родриго упоминал несколько часов назад. Этот самый диоксин не увидишь, не унюхаешь, не нащупаешь, а потом - слишком поздно. Или асбест! Или радиация! Или любая другая подобная отрывка индустриального общества. Нет, учитывая все прочие варианты, с точки зрения безопасности и здоровья, бензиновый заводик Штольца совсем не был плохим выбором! Марк убедился в этом сам, и он легко мог убедить в этом Мэри.

Гораздо труднее было принять рациональное решение по второму вопросу: стоит ли Саманте уходить из школы. Конечно, если Саманта начнёт работать на заводе постоянно, о школе можно забыть. Даже о вечерних классах. Вместо этого, дочери придётся, наверное, урывать часок-другой для самообразования. Читать то, что ей интересно или то, что необходимо для работы. Майк и Арнольд поступали именно так. Это совсем не означает, что уровень образования у Саманты будет ниже, чем если бы она училась в школе, скорее, как раз наоборот! Но, самообразование означало, что у неё не будет школьного диплома, а значит и возможности поступить в Университет. Ясно, что Мэри такая перспектива не нравилась. Честно говоря, Марку она тоже была не по душе. Решения, решения!

Когда Марк учился в школе, его родители постоянно повторяли: сын, ты должен получить высшее образование. Только человек с университетской степенью может сделать реальную карьеру. И правда, именно магистерский диплом привёл Марка в ФБР. Теперь, после *Обвала*, ситуация на рынке труда была совершенно иной. Сельское хозяйство и работа *на Куче* - вот две самые распространённые профессии в этой части Хьюстона. Или, ещё можно сделать карьеру на доставке питьевой воды. Раздобыть себе пару ведер и коромысло. Всё, что нужно из образования - это таблица умножения: десять ходок на водохранилище в день, десять баксов за каждую ходку... В самом лучшем случае, можно было научиться ремеслу, например стать механиком, кузнецом, портным, сапожником или ремонтником электроники. Ни одна из этих профессий не требует даже диплома об окончании средней школы, а что уж говорить про высшее образование! Сейчас единственная профессия, где университетский диплом был полезен, - это медицинская практика. Но «полезен» не значит «необходим». Теперь стало много медицинских работников без университетских дипломов, и даже без дипломов об окончании школы. Марк вдруг подумал про все эти

усилия, затраченные Уильямом в старших классах на изучение математики, химии, биологии и физики. Его сын даже ходил на специальные курсы: по латыни и по анатомии человека! И для чего это всё? Чтобы стать сборщиком пожертвований в «Пути Спасения»? Марк вздрогнул, как от зубной боли, и вернулся от своих размышлений к реальности.

Не обращая внимания, что Марк думает о своём, Фредерик продолжал лекцию по химической технологии. В его блокноте пол-страницы уже было покрыто формулами органической химии, а ниже инженер-химик изобразил поперечное сечение реактора, где аккуратные изогнутые стрелочки указывали температурные режимы. Он заметил, как нахмурился Марк и, вероятно, подумал, что этот уровень химии был малопонятен для агента ФБР, с его-то гуманитарным образованием. «Ладно, чувак. Хватит с тебя химии!» - сказал он, захлопывая блокнот.

Марк вежливо кивнул, словно соглашаясь с Фредериком: «Я вижу, наша Саманта уже вписалась в коллектив.»

«О, как мой дедушка сказал бы: *Зеер Гут*[57]! Лучше и быть не может. Как я уже говорил по телефону: у неё всё получится. Второй день на работе, но уже знает кое-что про наши бомбы. И, надо признать, титрование у Сэмми выходит куда аккуратнее, чем у Майка или Арне,» - улыбнулся Фредерик. Он указал на ряд разнокалиберных канистр в зарешеченной разгородке склада. «Вон, посмотри: совершенно официально, первая партия бензина твоей Сэмми! Мы слили сегодня почти пятьдесят галлонов [прибл. 190 литров]. На рынке, это будет двадцать пять тысяч баксов. Двадцать шесть, если повезёт. Неплохой выход продукта, учитывая, что твой Майк и мой Арне сегодня не на работе. И, несмотря на этот проклятый дождь!»

«Первая партия Сэмми! Ты преувеличиваешь её заслуги, Фред. Саманта ещё не волшебница, а лишь ученица волшебника, причём только второй день! Я уверен, что ты наколдовал всё это сам,» - не согласился Марк.

«Может и наколдовал. Но без такой ученицы, это было бы намного труднее. Видишь ли, Денни - отличный десятник,» - усмехнулся Фредерик, указывая на молодого человека во *вьетнамках* стоявшего на помосте над горловиной реактора. Теперь Денни был с пластмассовым ведёрком и сыпал в бомбу какой-то белый порошок. «И остальные ребята тоже в порядке. Работяги. Ленивых мы не держим. Однако, если речь идёт о технологии, за ними нужен глаз да глаз. Вчера вечером Сэмми подходит ко мне и говорит: извините, мистер Штольц, только я думаю, они забыли добавить катализатор в реактор номер пять. Ну, я спрашиваю Денни: вы катализатор добавили? А он и говорит: опа, забыли! Какого чёрта ты тогда запечатал реактор? Если бы не зоркие глазки твоей Сэмми, мы бы сегодня из этой бомбы и галлона бы не слили. Так что, это именно её партия, без вопросов!»

В этот момент зазвонил телефон Марка. Майк доложил, что он и Арне успешно прошли медицинскую комиссию и сегодня же будут отправлены в учебный лагерь. Фредерик и Саманта не могли покинуть завод до вечера, но, в отличие от Марка, им не требовалось срочно искупаться.

«Знаешь что, Фред?» - сказал в спешке Марк: «Я постараюсь убедить мою Мэри. В смысле, чтобы Саманта осталась работать у тебя. Постоянно.»

«Я буду более чем рад, Марк,» - ответил Фредерик: «Сэмми тут всем очень понравилась. А если ты беспокоишься о её образовании, могу заверить тебя, что всё будет О-кей. По крайней мере, если речь идёт о точных и инженерных науках, то здесь, на заводе, она выучится лучше чем в любой школе...»

Затем Марк и Жасмин помчались обратно *на Кучу*. В будке охранников Марк использовал бэдж ФБР, чтобы впустить девушку на полигон, не платя разорительные пять долларов. Перебежав через шоссе Беамонт, Марк получил свой велосипед (и изумлённый взгляд от владельца парковки) и поспешил к Западному Каналу, чтобы отмыть с себя грязь. Три часа спустя, они с Мэри стояли под дождём в маленькой толпе друзей и родственников, грустно глядя вслед двум военным автобусам, увозившим призывников в Сан-Антонио. Ещё хорошо, Мэри так волновалась о Майке, что даже не спросила Марка почему тот вернулся домой в мокрой и грязной одежде.

Глава 19

Марк решил провести вторник в офисе. После вчерашних приключений на свалке, ему требовалось время, чтобы прийти в себя. Он прикатил в Участок в начале восьмого, закрыл стеклянную дверь своего маленького кабинета и начал «работу с документами». Надо было ответить на две сотни сообщений электронной почты - ничего важного, просто обычный «шум».

Затем он закончил рапорт об осмотре места преступления. Подробная информация об Амелии Хан: полное имя, дата рождения, и так далее, были должным образом введены в электронную форму и отправлены в путь по волоконно-оптической линии на какой-то неведомый сервер ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия. Вот и всё, что осталось от девушки, подумал Марк. Небольшая кучка свежей земли на кладбище и несколько килобайт данных на сервере. Дело номер шестнадцать теперь было официально приостановлено, и добавлено к другим пятнадцати преступлениям «Мясника». Что нового они узнали? Не так много, решил Марк. Теперь они знали, что серийный убийца был хорошо сложенный мужчина, примерно как Алекс, и что у него была чёрная маска-балаклава и небольшой чёрный рюкзак. Плюс, конечно же, свидетель подтвердил, что у серийного убийцы были теннисные туфли тёмной расцветки, рабочие перчатки с резиновыми пупырышками и табельный армейский нож. Это был, конечно же, лучше, чем ничего, но, безусловно, совершенно недостаточно.

Алекс был среднего роста: 5-9,5 [прибл. 176,5 см]. Если убийца был такого же роста, плюс-минус дюйм, около четверти взрослых мужчин в округе можно считать подозреваемыми. А что, если мистер Геллер ошибся, и убийца был немного выше или немного ниже? Тогда в число кандидатов можно смело записать пятьдесят процентов мужского населения. Они даже не были совершенно уверены, что убийцей был мужчина. Конечно, мужчина в качестве серийного убийцы был гораздо более вероятен, чем женщина. Однако, жертвы не подвергались сексуальному насилию, а, учитывая что стероиды для «качков» были по-прежнему широко доступны, женщина с ростом 5-9 и хорошо накачанными мышцами, одетая в чёрное, несомненно, могла сойти за мужчину. Вот, к примеру, Лиз, депюти с проезда Меза, размышлял Марк. Дайте ей свободно облегающую чёрную куртку и балаклаву, кто бы мог сказать, что она женщина, особенно ночью, с расстояния в нескольких сот футов?

Существует ещё одна возможность, конечно, подумал Марк. Что, если «Мясник» вообще не из района *Шелдон-Рез*? Например, возьмём по максимуму: что, если он живёт в тридцати милях [прибл. 48 км] отсюда? Это было бы примерно в районе Дайри Ашфорд на западе или озера Даттон на востоке. Как он добирается сюда за тридцать миль, чтобы совершать свои убийства? На велосипеде, естественно. Автомобилю и лошади слишком приметны, автобусное сообщение почти не существует последние два года, а на омнибусе - это день пути в одну сторону. Тридцать миль на велике, с парой остановок для отдыха, это около четырёх часов. И такое же время, чтобы вернуться. Добавить несколько часов для совершения убийства. Вполне можно выехать из дому во второй половине дня и вернуться рано утром. Это немного надуманно? Марк не был уверен. Если убийца жил в центре Хьюстона, или даже дальше к западу, он мог быть одним из трейдеров, которые бесконечно ездили туда-сюда, подвозя морепродукты из

портов Залива[58]. Но, это значит, «их» убийца должен был иметь что-то вроде грузового велосипеда и должен был где-то ночевать. Марк сделал мысленную заметку, чтобы послать депьюту проверить охраняемые парковки и гостиницы трейдеров. Ему нужно было придумать несколько инновационных идей для нового плана расследования, а то на следующей телеконференции начальство ФБР в Вашингтоне прорежет ему и Бену по второй дырке в заднице. Или даже хуже: Бену прорежут дырку, а Марка - выпнут из ФБР. К сожалению, новые идеи не приходили в голову. В последние двадцать два месяца они перепробовали более или менее всё.

Во всяком случае, можно попытаться развить идею об убийце женского пола, как бы глупо это ни звучало. Марк запустил браузер и набрал в адресной строке URL базы данных Офиса Военной Карьеры. Он ввёл в качестве имени пользователя адрес своей электронной почты, и принялся вспоминать пароль. Ему как-то потребовалось два полных дня бюрократической волокиты, чтобы получить себе права доступа, но, как ни странно, он использовал свой доступ только пару раз за месяц. Куда проще сходить к судебным экспертам и попросить их порыться в базе.

Фредерик упоминал, что Офис Военной Карьеры будет теперь регистрировать девушек? Надо проверить, если мои дочери уже попали в эту проклятую базу данных, и надо начинать беспокоиться, решил Марк. Так как он имел доступ «только для чтения», интерфейс был прост. Он щёлкнул «женский» флажок в разделе «Пол», набрал «П*» в поле «Фамилия», затем нажал кнопку «Поиск». Две секунды спустя, строчки выскочили на экран. Девятнадцать совпадений. Палмер, Панини, Парно, Пибоди... фамилии Пендерграсс в списке не было. Слава богу, подумал он, пока ещё нет. Интересно, а сколько женщин вообще зарегистрированы в их районе? Он удалил «П» из формы и нажал «Поиск» ещё раз. После небольшой задержки, сервер ответил: *«Обнаружено 1492 записи(ей)»*. Он ожидал большего. Очевидно, массовая регистрация девушек для призыва ещё не началась, и база данных содержала только волонтеров. В отличие от северных штатов, в Техасе служба волонтером-контрактом не была столь популярна среди девушек. Имена волонтеров были аккуратно разбиты на страницы, по сто имён в каждой. Он бездумно прокрутил первую страницу, и его взгляд задержался на знакомой фамилии. *«Боуэн, Алейша С., 05/23/09, волонтер, ВМФ США, 08/26 - настоящее время, на действительной военной службе»*. *«Боуэн, Ванда, 02/17/03, волонтер, ВМФ США, 08/20 - 08/25, резерв-ВМФ»*. Он, вероятно, пропустил бы эти записи, если бы не «волонтер» и не «ВМФ» в таблице. Кейти Боуэн, новая подружка депьюты Кима, подумал Марк. Она служила на флоте и именно волонтером. Почему же её нет в базе данных?

Подозревая, что он напал на что-то важное, Марк щёлкнул «мужской» флажок и опять по кнопке «Поиск». Как и ожидалось, на этот раз сервер думал целых две минуты, прежде чем ответить: *«К сожалению, в данном виде поиск вернул 338 521 записи(ей). Это слишком много для отображения. Пожалуйста, сузьте область поиска, предоставляя более подробную информацию в полях формы»*. Судмедэксперт Том говорил, эта база данных охватывает лишь пригороды с восточной стороны Хьюстона, чуть более миллиона человек, вспомнил Марк. Попробуем так. Он очистил «женский» флажок, набрал «Пендерграсс» в качестве фамилии и снова щёлкнул по кнопке «Поиск». Сервер сразу ответил: *«Найдено 3 записи(ей)»*. Пендерграсс - довольно

редкая фамилия. «Пендерграсс, Марк М., 09/10/82, зарегистрирован, НА, НА - НА, Особый резерв». «Пендерграсс, Майкл Д., 03/11/13, призван, Пехотные Войска США, 04/30 - настоящее время, на действительной военной службе». «Пендерграсс, Уильям М., 01/29/11, призван, Инженерные Войска США, 10/28 - настоящее время, на действительной военной службе». Удивлённый, Марк почесал в затылке. Первые две записи были, как ожидалось. Сам он никогда не служил, но был зарегистрирован в качестве особого резерва. В случае глобальной войны сотрудников ФБР могли призвать, чтобы пополнить ряды военной разведки и военной полиции. Майк только что прошёл медкомиссию и был где-то на пол-пути к тренировочному лагерю. Естественно, кто-то в ОВК обновил его запись. А вот последняя запись не могла быть правильной. Уильям был инвалидом уже девять месяцев и имел бумагу о почётной отставке, а теперь ещё и письмо о своей компенсации за увечья, хотя ещё и не оплаченной. При всем при этом, в базе он до сих пор числится «на действительной военной службе», с октября 2028 по настоящее время! Открытие было столь значительным, Марк не мог усидеть на месте. Он бросился к Тому, который был местным гуру по базам данных.

Судмедэксперт сидел за столом и стучал по клавишам - набивал какой-то отчёт.

- Можно оторвать Вас на секунду, Том? - спросил Марк.

- Хоть на весь день. Для ФБР я готов на что угодно. И на что угодно, чтобы не заниматься сегодня этой кучей дерьма. Мне поручено расследовать дело о хищениях бензина. Как будто никто не знает, что весь настоящий бензин, доступный для простых смертных в Хьюстоне, - украден из армии...

- Вы можете войти в базу данных ОВК? - Марк быстро объяснил, что него вышло с запросом, и через несколько секунд Том воспроизвёл тот же результат на своём экране. - Смотрите: вот мой сын Уильям до сих пор числится на действительной военной службе. Но ведь он - инвалид, уже девять месяцев.

- Устаревшие записи, сэр, ничего особенного. Видите ли, все почему-то считают, что компьютеры знают всё мгновенно. На самом деле, кто-то должен сказать базе данных, что Уильям уже не служит, так?

- Но... Уильям получил документы об отставке, когда был на «Мусоровозе», извините, Том, это «Санта-Лючия», плавучий госпиталь... Ещё в августе прошлого года! Наверняка, кто-то должен был изменить его статус в базе данных. А ещё, на прошлой неделе он получил бумаги об инвалидности. Значит, компьютер знает, что мой сын был уволен в отставку, разве нет?

- Это знает центральная база данных: Объединённых Вооружённых Сил, в Пентагоне. Наша локальная база данных ОВК - это совершенно другая система на совершенно другом сервере.

- Ну, и как в ОВК знают, что кто-то уволен из армии? Или погиб?

- А зачем им это знать? База данных Офиса Военной Карьеры нужна для того, чтобы *призывать* на службу. Если кто-то заканчивает военную службу, он возвращается домой и становится на учёт. Есть Федеральный закон, а ещё - законодательство Штата. Ты должен сообщить в местный ОВК в течение месяца после переезда к новому месту жительства, не так ли? Большого геморроя в этом нет. Можно через Интернет. Просто входишь со своим полным именем в качестве имени пользователя и своим Номером Налогоплательщика[59] в качестве пароля... Но это работает только для военнообязанных. Ну, тех, кто годен к строевой.

- А почему инвалиды не могут зайти и зарегистрироваться по Интернету? - спросил Марк.

- Раньше могли. Десять лет назад, когда только ввели воинскую обязанность, там был в форме такой флажок. Надо было только добавить медицинское заключение в формате PDF. Ну вот: всякие умники просекли, что PDF можно подделать. Честно отслужил свои три года, приходишь и регистрируешься как инвалид. Хлоп, и ОВК ты становишься неинтересен, и больше тебя не беспокоят. Но потом все стали так делать, и в ОВК отреагировали. Теперь, если кто вернулся из армии инвалидом, в ОВК можно зарегистрироваться, но только персонально. Предъявив удостоверение личности. И отсутствующую ногу. И всё равно будут проверять в Пентагоне.

- Какая забота об инвалидах! Типа: вернулся на костылях и топай десять миль, чтобы отметить в базе данных.

- Ну, когда они отменили регистрацию инвалидов, они примерно так и мотивировали: чего бедолагам в такую даль таскаться? Хотя, на самом деле, правила поменяли не из-за этого. Оказалось, что в любое время перед Офисом Военной Карьеры ждали в очереди калеки в форме. Когда один или два, а бывало и по два десятка. А это плохо влияло на моральный дух

- На моральный дух? Кого - инвалидов?

- Кого, к чертям, волнует моральный дух инвалидов? Я имею в виду пацанов-призывников, которые приходили туда же на медицинскую комиссию. Я по себе помню, пришёл в наш ОВК, по повестке. А там - целая бригада калек. Семь или восемь, все на костылях. Спрашивают у меня, ну, типа, по приколу: далеко собрался, парень? Никак в войнушку поиграть захотелось? Ну, тогда вперёд! Одна нога здесь - другая там! И дальше все шуточки в том же духе. За те пол-часа, что я ждал своей медкомиссии, я уже почти собрался дезертировать... В общем, чуть позже в ОВК сочли за лучшее, что инвалидам вообще не надо сообщать о своих передвижениях.

- Поэтому они продолжают числиться как на действительной военной службе?

- Ну да. Вот что происходит дальше. Один раз в год, администратор местной системы в Офисе Военной Карьеры делает, как это называется, «чистку базы». Он или она выводят список всех людей, которые были на действительной военной службе и должны были вернуться в течение предыдущих двух лет. Затем, отправляют этот список

администратору в Пентагоне, а тот отвечает с обновлением статуса. Если военнообязанный был уволен в запас, но не зарегистрировался по месту проживания, ОВК начинает слать письма, звонить по телефону, или, ещё, просят нас, Полицию, сходить проверить по последнему известному адресу. Не регистрироваться - это уголовное преступление. Ну ещё, ОВК сверяет свои базы с Налоговой. На случай, если кто-то платит налоги, однако не хочет идти на войну. Те, кто потерялся, так и числятся в БД как на действительной военной службе. Они попадут в список проверки в следующем году. Автоматически.

- А что делают, если Пентагон отвечает, что такой-то солдат стал инвалидом или погиб?

- Тогда, запись помечают как «неактивную», и она больше не показывается. Кого вообще интересуют эти безногие-безрукие калеки? Офису Военной Карьеры они уж точно больше не понадобятся, ведь так?

- Понял, - подтвердил Марк. Мысль, что его Уильям твёрдо вошёл в категорию «безногие-безрукие калеки, которые точно больше никому не понадобятся» была несколько неприятна. - Теперь, можете вывести на экран всех женщин в базе данных?

Том повиновался, и список появился на экране компьютера. - И кого мы ищем?

- Её в списке нет. Новая подружка депьюти Кима, из околотка трущоб шоссе Гаррет. Она была волонтером на флоте. По контракту. Видите вот тут: Боуэн и Боуэн, обе из ВМФ. Имя нашей девушки Кейти Боуэн, так что она должна была бы быть между[60] этими двумя. А её нет.

- А когда она вернулась?

- Месяца два, я думаю.

- Нарушаем? Значит, она не сообщила своё место жительства в ОВК, так?

- Не нарушаем. Она вернулась инвалидом. Без обеих ног.

- Без обеих ног? У депьюти интересный вкус!

- Ничего такого. Она у него вообще - первая и единственная. С ногами или без ног, а с головой у неё всё в порядке. Она нам здорово помогла в этом деле с «Мясником». Обрати к базе данных, если то, что Вы мне рассказали, верно, эта Кейти Боуэн должна быть указана, как на действительной военной службе, так? Точно так же, как мой Уильям.

- Ну, значит, она не из восточной части Хьюстона, угадал?

- Нет, она вообще не из Хьюстона. Детройт, штат Мичиган.

- Именно поэтому она и отсутствует в этом списке. Видите ли, базы данных ОВК

полностью децентрализованы. На случай большой, то есть термоядерной, войны. Только в одном Хьюстоне, есть семь независимых баз: Центр, Север, Восток, Юг, Запад, Побережье Мексиканского Залива, и ещё одна - для сельской местности в окрестностях города. Хотя, последняя и не такая большая, как остальные... У нас есть доступ только к базе «Восток Хьюстона». Наверно, подружка Кима до сих пор числится в её родной базе данных - в Детройте. Годика через три её волонтерский срок закончится, и её запись оттуда удалят. Ей спешить некуда...

- Да, без обеих ног по самую задницу, спешить куда-либо - трудновато. Но, я правильно понял, что в базе данных Пентагона Кейти Боуэн будет сразу указана, как инвалид войны, так?

- Конечно. Пентагон хранит записи вечно. Даже для мёртвых. Однако мы не можем искать в них. В смысле, я имею в виду: делать дил-кью.

- Делать дил-чего?

- DLQ. Direct Logical Query. Прямой логический поиск. В базе.

- О, я помню, Вы объясняли это нашему майору... Ну, когда... Нашли сожжённый труп... Вы можете повторить ещё раз? Я тогда был занят своими мыслями, и всё прослушал.

- Конечно. К сожалению, если речь идёт о базе Объединённого Командования, мы только можем использовать DIQ, а не DLQ.

- Перестаньте сыпать алфавитом и начинайте говорить по-человечески. Вы разговариваете с гуманитарием, Том. Хотя, уже бывшим. Мне тут вчера пытались объяснить, как работает химический реактор. А до этого - про безопасный детонатор. Скоро и у меня наступит просветление.

- DIQ - это Direct Identification Query. Прямой идентификационный поиск. Он работает так. Вы должны предоставить полное имя человека и его военный идентификационный номер. То, что выбито на военном медальоне, так? Тогда, база данных возвращает Вам стандартную форму учёта на этого конкретного человека. Или, ещё, вместо идентификационного номера, Вы можете указать Номер Налогоплательщика. То же самое: полное имя и SSN. Очевидно, только один человек может иметь и то, и другое. База данных возвращает Вам строго одну запись или говорит Вам, что этот человек Пентагону пока не известен. Говоря проще, ответ бинарный: либо, «да, есть такой, вот его запись», либо «такого не знаем».

- А если я сделаю опечатку в имени? Или, скажем, неправильный SSN?

- «Такого не знаем».

- А что делать, если у меня есть отпечатки пальцев, и хочется узнать имя?

- А, это называется BIQ. Биометрический идентификационный поиск. Надо сначала

составить дактилокод, ну, посчитать все эти «петли» и «дельты» на отпечатке. А потом вводим дактилокод, и база возвращает все совпадающие записи. Для одного пальца, может быть шесть или семь совпадений, для частичного отпечатка - ещё больше. Но это мы редко сами делаем. Дактилоскопия - это искусство. Мы доверяем это нашим леди из Бюро Идентификации, в штаб-квартире Полиции на улице Трэвис. Для полноты картины, могу добавить: есть также биометрические запросы для кодов ДНК и для радужной оболочки глаз. Всё.

- Значит, нельзя искать по адресу или по месту службы или по дате рождения, или по роду войск?

- Не-а. Ничего такого. Национальная безопасность.

- Что: национальная безопасность?

- В самих Вооружённых Силах, доступ к DIQ есть у очень многих. А вот DLQ - лишь у горстки людей в самом Пентагоне. Видите ли, если у кого-то есть доступ к логическому поиску, он может легко выяснить численность армии, сколько людей развёрнуты в каком месте и так далее. Любой шпион был бы просто счастлив.

- И что делать, если вам, к примеру, нужно составить список всех, кто служил в спецназе? Вроде того, что ты нам делал в прошлом году?

- Сначала надо отправить запрос офицеру связи ФБР в Вашингтоне. Она передаст запрос в Пентагон, и в течение месяца или двух, они вернут Вам все записи, соответствующие профилю. Но, этот тип поиска имеет очень низкий приоритет. Они всегда отвечают, но очень уж медленно.

- Однако, в тот раз Вы выдали нам список через несколько дней. Повезло?

- Нет, я использовал трюк. Просто сделал псевдо-индекс по местной базе данных ОВК.

- Псевдо-индекс?

- Изобрёл в свободное время между разделкой трупов и отслеживанием нелегального бензина. Сначала, лезем в местную базу данных ОВК и ищем всех подходящих кандидатов: по возрасту, датам службы и всё такое. Получается список из нескольких тысяч имён и SSN. Затем скормливаем весь список моей программке на «Питоне». Она лезет с каждым именем и SSN в базу данных Пентагона и достаёт оттуда запись о человеке. Точно так, как если бы я сидел за компьютером и делал множественные DIQ, но полностью автоматически. Сервер в Вашингтоне думает, что тут сидит бедный судмедэксперт и набирает имена и SSN всю ночь, как проклятый. На самом деле, судмедэксперт спит в тёплой постельке, а печатает за него программа-робот. Короче, когда я делал выборку для расследования по делу «Мясника», я запустил процесс вечером в понедельник, а к утру среды у меня на жёстком диске было несколько тысяч записей, выдернутых программкой из базы Пентагона. Дальше просто. У меня есть ещё одна программа на «Питоне», которая читает все эти записи и вводит что мне

хочется в мою базу данных. Я использую для этого «MySQL».

- Круто. Таким хакером, как Вы, давно следовало заинтересоваться кому-нибудь в ЦРУ или в NSA. Ладно, я никому не скажу! К тому же, я понятия не имею, как Вы всё это просекли, Том... Итак, что Вы сделали дальше?

- Использовал «MySQL», чтобы сузить поиск. Я искал спецназ, «Морских Котиков», десантников, и тому подобное. В конечном итоге, осталось несколько сотен записей, представляющих интерес. Кстати, в тот раз Пентагон ответил примерно через пять недель. У них было шестьсот с чем-то в списке, а у меня было пятьсот девяносто девять. Они нашли пять или шесть парней, которых у меня не было. Помните, я ещё по электронке посылал Вам дополнительные имена? Зато, в моем списке было трое идеальных кандидатов, которых Пентагон не заметил.

- А большинство записей в обоих списках?

- Идентичны! Только, я получил мой результат на месяц быстрее.

Марк прекрасно помнил этот список. Шестьсот девять бывших военнослужащих, у которых могли быть навыки спецназа. Марк попросил Бенито Ферелли выделить для ФБР шесть полицейских на две недели. Майор выделил лишь двоих, зато на два месяца. Целых два месяца они ходили по адресам, задавая один и тот же набор вопросов. Что Вы делали в армии? Где Вы работаете сейчас? У Вас есть табельный армейский нож? Ответы на первые два вопроса различались. На вопрос о ноже почти всегда отвечали: да, есть; а почему Вы спрашиваете? Проблема состояла в том, что в то время ФБР почти не имело информации о преступнике. Табельный нож и рабочие перчатки с резиновыми пупырышками - это было всё, о чём они могли спросить. Притом, Марк запретил полицейским упоминать рабочие перчатки при расспросах. У них и так было слишком много утечек информации, и следователь боялся, что у «Шелдонского Мясника» появятся подражатели. Расчёт был на то, что кто-то из списка занервничает, столкнувшись с Полицией. Если бы кто-то при виде полисмена кинулся наутёк, это дало бы основания для дальнейшей разработки. Однако - не судьба. Если убийца и был в списке, у него хватило хладнокровия, чтобы оставаться спокойным во время короткого интервью. Ещё была вероятность, что «Мясник» услышит от полицейского вопрос об армейском ноже и решит заменить своё оружие. Это бы косвенно указало, что «их» человек был в списке. Однако, и тут не повезло. Нож в серии последовавших убийств остался прежним. Может быть, «Мясника» не было в списке потенциальных подозреваемых. А может, он решил оставить нож, как есть. Как было указано в психологическом профиле: осведомлён о возможностях современной криминалистики.

- Великолепно, Том. Как Вы думаете, могут ещё быть в нашем районе бывшие спецназовцы, не попавшие в Ваш окончательный список?

- Ну, для начала, те, кто решил не регистрироваться по месту проживания. Например, кто-то переезжает в Хьюстон из другого города, и «забывает» поменять адрес регистрации. В базе данных Пентагона, последний адрес будет недействительным, а

ОВК и налоговики и знать ничего не будут. Хотя, большинство таких перелётных птиц на одном месте не сидит. Уклонение от налогов и уклонение от регистрации в Офисе Военной Карьеры. И то, и другое - это уголовные преступления. Так что, каждый год они - на новом месте. Или даже чаще.

- Ладно, этих на данный момент можно исключить. «Мясник» с нами уже почти два года. К сожалению... Было бы круто, если бы он решил куда-нибудь от нас переехать.

- Точно!

- Кто ещё может не быть в списке?

- Ещё переехавшие из других городов, если они не годятся для армии. Например, как эта безногая подружка депьюти Кима. Хотя, рано или поздно, таких всё равно регистрируют: в базе данных Пентагона и в Налоговой. Получение компенсационных выплат, протезные клиники, и всё такое прочее. Наконец, как я говорил, мой псевдо-индекс не видит тех, кого недавно уволили из армии, в пределах от одного года до примерно трёх лет. Устаревшие записи в базе ОВК, помните? Но в базе данных Пентагона эти, по определению, есть.

- Устаревшие записи - то есть инвалиды, кто до сих пор числится как на действительной службе? Как мой Уильям?

- Да, именно.

- Ладно, этих тоже можно пока не трогать. Насколько нам известно, наш «Мясник» - не инвалид.

- Понятно... Хотя, одна мыслишка сэр...

- Да?

- Между понятием «инвалид» и «не годен к строевой» есть некоторая разница.

- Например?

- Ну, если у кого-то внутренняя травма. Отсутствует почка, или сидит осколок в лёгком. Или, к примеру, если у человека ВСМД или устойчивая форма ТБ. Таких людей мало кто называет «инвалидами». Но к службе в армии они, естественно, не годятся.

Марк кивнул в подтверждение. Вакцинация ВИЧ, изобретённая ещё в 2015 году, помогла удержать под контролем этот опасный вирус. Энтузиазм от медицинской победы была недолгим. Новое венерическое заболевание, ВСМД, или Вирус Синдрома Мышечной Дистрофии, возникло словно из ниоткуда несколько лет назад, и с тех пор неуклонно распространялось. Это заболевание было не менее смертельно, чем СПИД, а ни вакцины, ни средств лечения до сих пор не придумали. Устойчивый к

антибиотикам туберкулёз был ещё одной страшной неизлечимой болезнью, хотя в Техасе его последствия и не были столь заметны, как в некоторых других штатах.

Сейчас у правительства нет денег для исследовательских грантов в области микробиологии. Эй, да у них теперь не хватает ресурсов даже для производства и доставки уже известных вакцин! Двадцать лет назад, полиомиелит почти искоренили по всему миру. В США этой напасти точно не было лет пятьдесят. А сейчас - сообщения о вспышках «детского паралича» следовали одно за другим. В их квартале жили два мальчика с парализованными, скрученными конечностями - ужасное напоминание о крупной эпидемии полиомиелита Хьюстон пережил летом 2024 года. У Патрика и Памелы тогда ещё не было прививок. Марку и Мэри удалось купить вакцину почти через год после начала эпидемии. На самом деле, они даже не были уверены, что их дети не были инфицированы. Возможно, они и подцепили вирус, но им просто повезло, и болезнь прошла в лёгкой форме, не оставив последствий. Вся семья провела тот год в постоянном страхе. Марк припомнил, как Мэри объясняла младшим детям, почему они не должны посещать конкретно вот этот дом около шоссе, или играть с теми, кто жалуется на головную боль или повышенную температуру. И почему следует избегать этих несчастных маленьких калек, «мальчиков-паучков» - как все в квартале начали называть их через некоторое время. И вот теперь они проходят тот же опасный период с маленьким Дэйви. Малыш был на листе ожидания для обязательной вакцинации, однако полномасштабных эпидемий в Хьюстоне пока не было. Вероятно, надо подождать ещё год или около того, прежде чем найдётся порция вакцины. Ограниченные партии вакцин направлялись лишь туда, где в них нуждались больше всего.

- Если Вы хотите, сегодня по дороге домой я заскочу в Офис Военной Карьеры и попрошу их системных администраторов выдать мне список деактивированных записей, - предложил Том. - Они хранят все резервные копии. А завтра, я запущу мой псевдо-индекс и выкачаю данные из пентагоновской базы. Так что, мы получим список мужчин, которых мы пропустили в прошлом году. Если кто-либо из них служил в спецназе, можно будет сходить проверить.

- Хорошо, давайте так и поступим. Только - если у Вас нет ничего более срочного в плане. До ОВК - четыре или пять миль, что-то вроде этого? - неохотно согласился Марк. Идея ходить и стучаться в двери больных ВСМД или туберкулёзом была не слишком-то привлекательной. Тем не менее, стоило попробовать и это предложение. В отсутствие лучшего. Будем надеяться, что в новом списке не будет слишком много кандидатов.

- Не проблема, сэр. Как я сказал, для меня это по дороге. Ну, почти... Кроме прочего, мне хочется поглядеть там на одну девочку - системную администраторшу. Надо, наконец, установить, выглядит она также круто, как её голосок по телефону или нет...

- А, ну это хороший повод, чтобы прокатиться лишнюю милю или две. Даже в дождь, - Будем надеяться, что дожди будут продолжаться какое-то время, подумал Марк про себя. «Мясник» никогда не убивал в дождливую ночь. Наверное потому, что не слишком много влюблённых парочек гуляло в лесу под дождём. А может, убийца

просто не любил сырую погоду, - Кстати, а прошлогодние списки у Вас остались?

- Конечно, сэр. У нас в лаборатории ничего не теряется. - Это утверждение не было полной правдой. Полгода назад одного из дельца в Участке поймали, когда он подменял героин в пластиковых пакетах с вещественными доказательствами на сахарную пудру. Но, действительно, с точки зрения хранения компьютерной информации, репутация отдела была безупречна. - У меня тут список всех возможных совпадений из Восточной базы данных, а также - прошлогодний список всех экстремистов. Который из них Вам нужен, сэр?

- Сколько человек в полном списке?

Том пощёлкал мышкой некоторое время, открыв нужный файл. - В полном списке - чуть меньше шестидесяти тысяч человек.

- Отслуживших полный срок и с полным комплектом рук и ног? Негодные к строевой не включены?

- Так точно. Этим я смогу добавить только завтра.

- О-кей. Можно оставить только тех, у кого рост - от пять-восемь до пять-десять[61]?

Пальцы Тома пробежались по клавиатуре. - Четырнадцать тысяч записей, плюс небольшой довесок. Это называется, повезло. Пять-девять - это средний рост взрослого мужчины, так что нормальное распределение играет против нас. Если бы у нас на подозрении был гигант, или, наоборот, коротышка, поиск по росту имел бы смысл, а так...

Если им потребовалось два месяца, чтобы проверить шестьсот человек, проверка четырнадцати тысяч займёт... Ну, что-то около трёх с половиной лет, грустно подсчитал Марк, - А можно отсортировать из этих четырнадцати тысяч только тех, кто хорошо сложен? Скажем, наподобие нашего «Русского Медведя», где-то между 185 или 260 фунтами [прибл. от 84 до 118 кг]?

- Нет, не получится, сэр. В послужных списках указаны рост, цвет глаз и цвет кожи, но не масса тела. Наверное, в Пентагоне можно как-то получить медицинские карточки, но у нас прямого доступа к ним нет.

- Хорошо, давай копать с другой стороны. Из шестисот прошлогодних спецназовцев, можно отсортировать всех, кто ростом между пять-восемь до пять-десять?

- Легко, - ответил Том, набирая ещё один запрос. - Триста восемьдесят семь. Видите ли, для тех, кто в спецназе, распределение по росту не такое, как по всему населению. Например, те, кто коротковат ростом, не могут быстро бегать...

- ...А те, кто слишком высокий - наверное, не могут хорошо прятаться?

- Где-то так!

- Ладно, пошлите мне список этих трехсот восьмидесяти семи счастливыхчиков. Я попрошу Бена, чтобы он дал мне пару депюти. По крайней мере, в следующую пятницу мы сможем убедить Вашингтон, что мы делаем что-то полезное. И, ясное дело, заскочите сегодня в ОВК, если время будет.

- Будет сделано, сэр...

Глава 20

Марк вернулся в свой кабинет, развернул кресло к карте на стене и уставился на созвездие цветных точек. В первый раз он показал Вашингтонским экспертам карту с пронумерованными точками после убийства номер шесть. В то время эксперты утверждали, что рано или поздно в распределении точек будет видна какая-то закономерность. Предполагалось, что серийный убийца не стал бы совершать преступления вблизи от дома, а, передвигаясь пешком, он мог бы совершать убийства в радиусе десяти, максимум - пятнадцати миль. Так что, распределение мест преступлений должно было косвенно указывать на расположение жилища преступника. Они даже посоветовали специальную компьютерную программу, которая могла сравнивать время передвижения по всем возможным дорогам до каждого из мест преступлений. Бен тогда спросил экспертов, сколько ещё людей должны умереть, прежде чем картина проявится. Один эксперт ответил, что статистика работает надёжно, если число мест преступлений больше двадцати. Затем другой эксперт заметил, что программа разработана для подсчёта передвижений преступников в автомобилях и по дорогам. А теперь преступники ходят пешком и ездят на велосипедах. Причём не по дорогам, а по любым тропинкам. Эти «короткие пути» были вытоптаны теперь повсеместно. Так что, надёжнее было не использовать компьютерные программы, написанные до *Обвала*, а просто глядеть на карту.

Теперь, после убийства номер шестнадцать, распределение точек на карте совсем не походило на ожидаемый бублик. Места преступлений рассыпались примерно равномерно в прямоугольнике десять на двадцать миль: от полигона дороги Маккарти на западе до озера Мулшоу на востоке. На севере, одно убийство было на пересечении автомагистрали Сэма Хьюстона с улицей Локвуд. На юге, две жертвы были найдены на территории бывшего спортклуба бывшей компании «Тексако», на полпути между улицей Кросби и Восточным Шоссе. Единственное совпадение, все убийства были в лесу. Это соответствовало методу совершения преступления, «Мясник» искал молодые пары, ходившие в лес на свидание.

Может быть, стоит бросить клич и собрать добровольцев? Патрулировать леса после наступления темноты? Не очень перспективный, да и просто опасный ход, подумал Марк. Как там «Русский Медведь» объяснял про классический балет? Зрители перепились коньяку в буфете и лезут на сцену, чтобы потанцевать балет рядом с «про»? Добровольцев соберётся более чем достаточно, это точно. Но, добровольцы - они же не профессионалы, и не будут действовать с холодной головой. Произойдут неизбежные ошибки. Не слишком плохо, если дружинники поймают и поколотят пару-тройку мелких воришек. А что, если они *убьют* кого-то - причём, совершенно невинного человека? Хуже того, «Мясник» может и сам записаться в ряды добровольцев. Он будет патрулировать лес, потихоньку изучая всё, что ФБР о нем знает и не знает. И подготавливать новые убийства. Эксперты из Вашингтона тоже советовали не торопиться с добровольцами. Они были уверены, что никому не удастся держать дружинников под контролем дольше чем неделю или две. Нет, они позовут добровольцев, только если у них будет достоверная информация о преступнике. Или не будет никакого другого выхода...

Остаток дня прошёл без осложнений. Ещё несколько телефонных звонков. Ещё несколько сообщений электронной почты. Подготовка плана расследования... Когда Марк ехал на велосипеде домой, погода была ещё более мрачной, чем утром, а дождь продолжал моросить. За время поездки, Марк придумал, как рационально объяснить себе и Мэри, почему Саманта должна уйти из школы. Это была ещё одна мантра, его родители любили повторять: «образование - лучший способ вложения денег». Это было абсолютной правдой. Лучший способ вложения денег. Долгосрочные инвестиции. К сожалению, после *Обвала*, долгосрочные инвестиции, да и краткосрочные тоже, работали просто отвратительно. Если вы не знаете, что и как ломается в экономике завтра утром, как можно планировать вложение денег на десять лет вперёд? Было бы гораздо разумнее учиться на рабочем месте, шаг-за-шагом, и изучать только то, что требуется в текущее время. Ну вот, вдруг подумал Марк, я продал мою дочь *на Кучу*, а теперь уже почти доказал себе, что это хорошо и правильно.

Дома, атмосфера была ещё мрачнее, чем погода на улице. Оказывается, Саманта не стала ждать Марка со службы и попыталась самостоятельно убедить мать, что школу лучше бросить. Но хуже всего было то, что по дороге с *Кучи* Саманта решила сделать остановку возле дешёвой уличной парикмахерской. Вместо школьной причёски «как принято», теперь её волосы были укорочены до мальчишеского полу-дюймового «ёжика», в полном соответствии с последним криком молодёжной моды *на Куче*. Мэри была в ярости. Такая стрижка положительно находилась в категории «как не принято». Да даже если бы эта стрижка и была «как принято», прежде чем менять причёску, следовало спросить разрешения у мамочки! Новое сражение «Домашней Гражданской Войны» приближалось неотвратимо и стремительно. А на фронтах настоящей (все-американской, исторической) Гражданской Войны, ситуация тоже была беспокойной. Памела принесла из школы свой тест по Истории, на котором красовалась огромная «двойка» с восклицательным знаком[62] и приписка от учителя, что он горит желанием увидеть родителей в школе. Теперь бедняга Памела сидела у себя в комнате и зубрила ключевые даты Гражданской Войны в США. Как будто это могло ей как-то пригодиться в жизни!

Клэрис, в совершенстве владевшая искусством разминирования подобных напряжённых ситуаций, сегодня, к несчастью, не была в своём обычно-оптимистическом настроении. Маленький Дэйви пожаловался на боль в животе, поэтому Уильяму и Клэрис пришлось прекратить их сегодняшний *Маршрут*, собрав лишь пятьдесят два доллара. Теперь Клэрис сидела с больным сыном в их спальне наверху. Уильям и Патрик быстро придумали оправдание, и оба тоже ушли наверх, в комнату мальчиков, как они сказали, чтобы «добить» школьное задание Патрика. Это задание надо было сдавать лишь через две недели. Как правило, им требуется гораздо больше понуканий, чтобы делать домашние задания не в последний вечер перед сдачей, отметил про себя Марк.

Оставшись без поддержки остальных «Южан», Саманте не оставалось ничего иного, как вести оборону в одиночку. В соответствии с лучшей тактикой Гражданской Войны, она расположилась в гостиной и отдала своим бравым батальонам приказ рыть траншеи и вести беглый сдерживающий огонь из мушкетов. Усевшись в любимом кресле Майка,

она делала вид, что изучает технологические записи из его «секретного блокнота». Она даже держала карандаш в зубах, точно так, как это делал Майк. Мэри, заняв командные высоты на кухне, дала своим войскам указание примкнуть байонеты и приготовиться к тяжёлой бомбардировке позиций противника, с последующим наступлением развёрнутым фронтом. Немедленно по прибытии, Марк очутился под «дружественным огнём» из кухонных редутов. Мэри бессердечно палила по своим, выдав мужу отменную выволочку за испорченную *на Куче* офисную одежду (а вчера я так надеялся, что пронесёт, - думал про себя Марк, давась холодным ужином).

Судя по всему, Марк сегодня был единственным человеком, кто мог если не предотвратить кровопролитное сражение, то, по крайней мере, уменьшить жертвы среди невинных мирных жителей.

- Как прошёл день? - спросил он Саманту, одновременно нажимая кнопку включения питания на маленьком телевизоре. Телевизор ожил, показывая прогноз погоды на завтра. Оттуда сказали, что какой-то тропический шторм, вызревавший уже с неделю в Мексиканском заливе, только что дорос до силы урагана категории-2[63]. Как и полагается уважающему себя урагану, этот уже имел имя: «Артур».

- Немного рановато для сезона ураганов, как ты думаешь, Саманта?

- А, теперь никогда не знаешь, пап. Помнишь, три года назад? Когда Майк начал работать *на Куче*, так? Тогда, первый ураган тоже пришёл в апреле...

- Даже слышать не хочу: «когда Майк начал работать *на Куче*!» - раздался первый залп тяжёлых пушек Мэри из кухни, - Майк, к твоему сведению, носил домой из школы только «двойки» и «тройки». А иногда - «единицы»! Как специальный подарок маме! Не сомневаюсь, что когда он решил уйти работать на свалке, все его учителя устроили себе весёлую вечеринку. Ты, Сэмми, - совсем другое дело...

Саманта закатила глаза, показывая Марку, что разговаривать сегодня с мамой было совершенно невозможно.

- Оставь Саманту в покое, дорогая, - защитил дочку Марк. - Мы вообще говорили о погоде. Ураган «Артур» к работе *на Куче* никакого отношения не имеет...

Его дочь кивнула в знак признательности, повернулась в кресле на девяносто градусов и, забросив ноги на подлокотник, продолжила доверительным шёпотом, - Кстати, день прошёл прекрасно. Утром, мистер Штольц и я ездили на рынок, чтобы продать бензин. Мистер Штольц продолжает называть его «первая партия Сэмми». Как будто, я сама всё сделала! Он даже сказал хозяйке бензиновой лавки: если будут какие-то проблемы с этой партией, звоните прямо моему новому главному технологу, Сэмми! Потом мы чинили протекавший клапан в реакторе номер четыре. Мистер Штольц хотел его продать на металлолом и идти искать новый, но я сказала: почему бы нам не просверлить отверстие побольше и не нарезать новую резьбу? Мистер Штольц посмотрел ещё раз и сказал: О-кей, Сэмми, попробуй. Выбросить эту штуку мы всегда успеем. Сверлить было трудно, но Денни мне помог.

- Починили?

- Как новый! Больше не протекает. Мистер Штольц был доволен. Боюсь, он теперь начнёт называть наш номер четыре «Реактор имени Сэмми Пендерграсс», или что-то в этом духе... Затем мы сливали продукцию из номера два и загружали пластик в номер четыре. А после обеда мистер Штольц послал меня в сварочную мастерскую в трущобах проезда Меза. Забрать детали для бомб, которые он заказал им на прошлой неделе.

- Случаем, не в «Механическую Мастерскую и Электросварку Майка Хобсона»?

- Нет, не в неё. «Чепмен и Сыновья», это с южной стороны. Мистер Штольц объяснил, что они тестировали продукцию у обоих. Майк Хобсон лучше делает нагрузочные швы, ну знаешь, если требуется высокая прочность на разрыв, и всё такое. Но чтобы сварка держала высокое давление, надо обращаться исключительно к Чепменам. У них даже «TUBOSCOPE» есть.

Ничего себе, подумал Марк. «Высокая прочность на разрыв», «держала высокое давление», «TUBOSCOPE». Она всегда хорошо разбиралась в технике. Влияние двух старших братьев, как можно предположить. Саманта никогда не играла в куклы, а её любимой игрушкой с раннего детства был «Томас, Маневровый Паровоз» с комплектом пластмассовых рельсов. А ещё конструкторы «Лего», от Уильяма и Майкла...

- Ты знаешь, пап, один из «сыновей»...

- Из каких «сыновей»?

- Из тех, что в «Чепмен и Сыновья». Он примерно моего возраста. Называет себя Зап, но я уверена, что это прозвище, а не имя. «Зап» - это как звук дуговой сварки, так? Он мне такую *фенечку* подарил!

Из-под футболки, она извлекла что-то навряд ли кулона и подала Марку, - Клёвая, правда?

Вместо шейной цепочки у кулона был чёрный нейлоновый шнурок от офисных туфель (Марк их ненавидел: нейлоновые шнурки имели отвратительную тенденцию развязываться в самый неподходящий момент). А на шнурке висел небольшой шарикоподшипник, с несколькими болтиками и гаечками, приваренными по бокам, зачернёнными и частично отполированными в нужных местах. Из подшипника и гаечек получился такой пост-апокалиптический механический цветок.

- Клёвая, - согласился Марк, возвращая *фенечку* дочери.

- Зап сказал, он их сам делает. Ну, когда у них в мастерской заказов нет. Пока мы ждали мистера Чепмена, Зап рассказывал мне всякие истории. Ты знаешь, он такие истории знает, просто обхохочешься! Но, к сожалению, детали для мистера Штольца

были уже готовы, поэтому мне пришлось ехать обратно на завод.

- К сожалению, - Марк был уверен, что его дочь ещё не раз увидится с художественно-одарённым юным сварщиком. Как минимум, Фредерику для его бомб ещё понадобятся детали со сварными швами, которые хорошо держат давление! Наверное, именно поэтому Саманта вдруг решила сменить причёску, неожиданно для себя догадался Марк. Вы просто не можете надеть на шею этот «клёвый» механический цветок, если у вас волосы подстрижены «как принято», а не как *на Куче*. - Только, Саманта, ты уж, пожалуйста, поосторожнее. Я в смысле: с мальчиками *на Куче*, хорошо?

- Ой, пап! Мальчики в школе - то же самое! Никакой разницы.

- Однако, в школе мальчики не делают девочкам цветочно-механические *фенечки*.

Пока проблем нет, решил про себя Марк. Его дочь всё ещё откровенничает с отцом о мальчиках. А вот когда, уже не в столь отдалённом будущем, она начнёт секретничать, отрицать, что мальчики в её жизни вообще существуют, но при этом исчезать каждый второй вечер в лесу до полуночи, вот тогда-то мы и начнём волноваться.

- Вот именно пап! - сказала Саманта, - Поэтому мне и нравится *на Куче* куда больше, чем в школе. *На Куче* - всё по-настоящему. Даже *фенечки*, - и те из стали. А в школе - всё *невзাপравда*. В смысле: понарошку. Что бы мама ни говорила, я в школу не вернусь! На заводе мне нравится куда больше. Мистер Штольц - он знает всё на свете! Задаёшь ему вопрос - он берёт карандаш, бум-бум-бум. И всё сразу понятно. А в школе? Задаёшь вопрос учителю, а он тебе в ответ - то же самое. Снова и снова, только другими словами. Я всегда подозревала, что многие учителя в нашей школе понятия не имеют, чему учат...

Марк кивнул. Это утверждение было не слишком далеко от истины. С доходами даже ниже, чем у мальчика на побегушках, ядро школьного учительского корпуса состояло из откровенных дуболомов. В школах ещё изредка попадались энтузиасты преподавания, но они были исключением из правил.

- Честно говоря, папа, я сыта по горло этой школой, - продолжала Саманта. - Ты знаешь, как Пэм *брямкнула* сегодня своего учителя истории?

- Это мистера Коннели? И как именно она его «брямкнула»?

Саманта прижала указательный палец к губам, оглянулась, чтобы проверить, не стоит ли Мэри в дверях кухни, и продолжила, ещё тише, чем раньше, - Она ему сказала: «Ваша *История-Шмистория*, сэр, не годится даже для изготовления нафталиновых шариков от моли.»

Марк заметил, что кончик пальца Саманты был чёрным. Вот, теперь и у неё пальцы будут чёрными от металла, как у Майка и Арнольда, подумал он про себя.

- Тут твоя сестра явно переборщила, - Марк был не слишком уверен, что Памела была неправа в жесткой оценке преподавания Истории мистером Коннели, но нужно было поддерживать дисциплину. - Знать немного истории - это полезно.

Саманта улыбнулась и покачала босыми ступнями в воздухе. Она очень хорошо знала, что именно её папочка думает про школьных учителей вообще и про мистера Коннели в особенности.

- В общем, работа тебе нравится, так? Там хороший коллектив? - Марк решил сменить тему.

- Всё круто, папа. Денни - он наш десятник...

- Это тот молодой человек на мостках, вчера? Единственный, кто работал в шлёпанцах?

- Точно, это он. Он очень трудолюбивый и очень серьёзный. Совсем как Билли был... раньше, до армии. Извини, я не хотела... В общем Денни - он обо мне заботится, и помогает. И остальные - тоже. Джек и Пол - эти двое точно, как Майк. Клоуны. Постоянно всех разыгрывают. Линди и Кэролайн. Линди - это старшая сестра Джека. С ней тоже весело работать. Денни влюблён в неё по уши, но старается не показывать виду... Хотя все про это в курсе, конечно... Ещё - мистер Кингсли, он кочегар, следит за котлами и покупает дрова и уголь. Черри Кингсли - это его дочь. Она тоже работает в кочегарке. Миссис Прокноу. Ты её не видел вчера, она только приносит обед и заваривает кофе. Ещё есть мистер Сполдинг. Его ты тоже не видел. Ночной сторож. Он тоже ничего... только немного странноватый.

- Станноватый?

- Ну, когда мистер Штольц нас знакомил, мистер Сполдинг показался мне таким букой. Пробормотал что-то вроде: и на хрена она нам тут? Но потом, он как-то узнал мою фамилию. Подходит ко мне и спрашивает: Вы сестра Майкла, не так ли? Я говорю: да. И после этого, он стал со мной таким обходительным: Саманта, как у Вас дела? Саманта, Вам что-нибудь принести? Никогда не называет меня «Сэмми», как все остальные, исключительно «Саманта». Ну, он меня не очень-то достаёт. Он же сторож: уходит утром и приходит вечером.

- А кроме этого... Сполдинга, с остальными у тебя всё в порядке?

- Да, папа. У меня и с мистером Сполдингом всё *нормалёк*. Никаких проблем вообще. Я так хочу остаться на заводе у мистера Штольца! И неважно, что там мама говорит... Пап, помоги маму убедить? А? Пожалуйста?!

- Значит, главнокомандующий Конфедерации[64] настаивает, чтобы её дорогой папочка дезертировал из армии «Севера» и присоединиться к армии «Юга»?

- Как будто ты сам не собирался дезертировать, пап!

Интересно, как она догадалась, подумал Марк. Ну, похоже, с моей стороны никаких особых решений уже не требуется. Его дочь всё решила. Парламентёр вскочил на коня и понёсся к линии траншей «Южан», размахивая белым платком вместо флага. Марк поднёс указательный палец к губам и посмотрел на дверь кухни.

- И кто-то ещё говорит, что историю изучать бесполезно? Вот, тебе, Саманта, Гражданская Война! Никогда не знаешь, кто твой друг, и кто твой враг. В завтрашнем сражении, мои батальоны неожиданно выступают на стороне Конфедерации. Однако, маме про это знать пока ни к чему, не так ли? А не то - потеряем элемент внезапности.

Саманта кивнула.

- О-кей. Прежде всего, та лавка недалеко от вашей школы. Леди-дизайнер, что делает браслеты, анклеты и всё прочее... Эта лавка всё ещё функционирует?

- Не то слово. Они стали гораздо больше.

- Великолепно! Теперь обещай мне кое-что, Саманта.

- О-кей.

- По-настоящему, а не как вчера.

- Как - вчера?

- Вчера утром, ты пообещала маме обуть резиновые сапоги, когда приедешь на завод, так?

- Опа! Опять ты за эти проклятые сапоги...

- Я не про утро. Я знаю: грязь была така-а-ая мягкая. Или кристально-чистая? Но потом, когда я приехал на завод. Ты пообещала мне, что будешь надевать сапоги, если выходишь за пределы завода мистера Штольца, так? Я тебе ещё показал: вот с этого двора, конкретно?

- Да-а-а?

- А теперь, только честно. Расскажи мне - про сегодня.

- Ах, ну да. Когда мы с мистером Штольцем ездили на рынок, я, конечно, не обувалась. Но мы же договорились с мамой: если на рынок - *сандали* можно не *таскать*, так?

- Для начала, не «*сандали*», а «сандалии». Про это мы уже сто раз говорили. И не «*таскать* сандалии», а «надевать сандалии». Или «обувать сандалии», как тебе больше нравится. Говори грамотно.

- А все говорят: «*таскать сандали*».

Ещё один маневр уклонения, подумал Марк. Перевести всё в филологический спор.

- Когда «все» говорят «*таскать*», они чаще всего именно это и имеют в виду, Саманта. К сожалению, для большинства подростков твоего возраста «*сандали*» - это предметы особого поклонения, запертые в шкафу и надеваемые по праздникам, и даже по праздникам - их экономят. Но ваша договорённость с мамой - вполне конкретна. Сандалии должны быть у тебя на ногах, а не засунуты за пояс, как украшение костюма.

- А чем плохо, когда *сандали* засунуты за пояс? Наша мамочка хочет, чтобы все видели, что у нас есть *сандали*, всё «как принято». Вот я и буду *таскать сандали* за поясом, пусть все видят и завидуют. Мамочке. А мне - так удобнее.

- Всё, проехали. Я твои маневры уклонения изучил по полной программе. Если я всё помню правильно, договор с мамочкой распространяется только на наш местный рынок здесь, а не на большую толкучку на шоссе Беамонт!

- Но, пап. Толкучка на шоссе - это же тоже...

- Ну ладно. В конце-концов, чисто теоретически, толкучка на шоссе - это тоже «рынок». А вот скажи-ка мне: когда ты ездила в трущобы проезда Меза, к сварщикам. На тебе были резиновые сапоги? - Марк, конечно, знал ответ.

- Но пап!

- Неважно! Я не о сапогах и не о *сандалях*. Тьфу: не о сандалиях. Это только для примера, чтобы тебе было понятно. А теперь пообещай по-настоящему, а не как вчера.

- Обещаю, пап. По-настоящему.

- Завтра. Никаких резких телодвижений! И даже не думай сделать над собой что-нибудь варварское. Как твоя сегодняшняя стрижка, или кольцо в нос, или чайные блюдечки вместо серёжек, как у племени Умба-Юмба в Африке, или что-нибудь в том же духе. Это для твоего же собственного блага. Не раздражай нашу мамочку по пустякам, поняла? Я знаю, девушки *на Куче* необычайно преуспели в вопросах высокой моды. Просто выжди ещё месяц-другой, прежде чем следовать этим модным веяниям. Договорились?

- Договорились, пап.

- Едем дальше. Завтра утром, когда пойдёте за водой, скажешь Памеле и Патрику, чтобы они себя в школе вели образцово. Образцово-показательно, ясно? Если сумеют, пусть принесут домой одну-две «пятёрки», но на этом я не настаиваю. Главное, чтобы они случаем не *брякнули* ещё какого-нибудь учителя. Договорились?

- Как прикажете, генерал.

- Наконец, самое главное завтра. Без меня сражение не начинать, понятно?! Сидите тихо, выполняйте твои любимые маневры уклонения, говорите «да, мамочка», «конечно, мамочка», что угодно. Я приду со службы, и мы начнём планомерную осаду мамочки, по всем правилам военного искусства.

- *Без базара, папочка, всё зашибись.* В смысле: обещаю. По-настоящему.

Вот так. *Без базара.* Интересно, она нахваталась таких выражений за три дня *на Куче*? Наверняка, нет. Это из школы. Просто, до сих пор она умело скрывала свои лингвистические познания от родителей.

Таким образом, сражение «*Мама, я Хочу Работать у Штольца*» было отсрочено ещё на один день. На следующее утро Саманта действовала строго в соответствии с планом, предупредив Памелу и Патрика. Завтрак и поход за водой прошли мирно. К удивлению Мэри, Саманта поцеловала её в щёчку и принесла искренние, глубочайшие извинения за вчерашнюю стрижку. Затем случилось немыслимое. Без каких-либо напоминаний, перед отъездом *на Кучу* Саманта повесила резиновые сапоги на крючок под сиденьем грузового велосипеда и обулась «как принято» в совершенно немодные и «бесполезные» школьные сандалии. Мэри заподозрила, что это всё было лишь для шоу, но тем не менее улыбнулась. Марку даже не нужно было что-то подозревать. Он-то знал, что грязь была сегодня опять так-а-ая мягкая, и улыбнулся он несколько позже, когда наблюдал со своего велосипеда, как Саманта сделала короткую остановку перед перекрёстком с главной дорогой. Там, она сняла сандалии и повесила их туда, где они наверняка так и провисят весь день, - под сиденье трицикла, рядышком с её резиновыми сапогами. Будем надеяться, что она не забудет остановиться на обратном пути и обуть сандалии перед прибытием домой, подумал Марк. Тогда иллюзия, что всё идёт «как принято», будет абсолютно полной.

Глава 21

Ровно в восемь тридцать утра телефон Марка запищал тоном срочного вызова из Полиции.

- Марк Пендерграсс.

- Мистер Пендерграсс, это депюти Ким... Только не это, подумалось Марку. Только не пара очередных трупов. Шла вторая неделя с момента предыдущего убийства, и он стал всё больше и больше нервничать. Однако, накануне вечером погода была не очень, так что...

- Мистер Пендерграсс, наша Шерлок-Холмс-на-колёсиках, она думает, что откопала что-то важное.

Шерлок-Холмс-на-колёсиках. Так, мы больше не стесняемся, улыбнулся Марк. Он был готов выслушать любые сумасшедшие идеи. Всё лучше, чем мчаться на новое место преступления, а потом увольняться из ФБР.

- Заткнись и отдай мне трубу! - услышал он в телефоне голос Кэйт, - Мистер Пендерграсс, извините! Мы тут дерёмся за телефон... Это Кэйт Боуэн.

- Как у тебя дела?

- Великолепно, спасибо, сэр. Почему я звоню, я думаю, у меня кое-что есть для Вас. Только Ким говорит, что это фигня.

- Рассказывай.

- Я тут перебирала старые отчёты... На улице дождик, так что, на *Маршрут* я решила не ходить... То, есть, не ездить. Нет, в Техасе так тоже не говорят. Тут у вас *Маршрут делают*. Неважно... Ну вот, я нашла один протокол, и хотела бы, чтобы Вы на него поглядели тоже, сэр. То есть, Марк... Я его уже вбила в базу. У Вас есть чем записать?

Марк подтвердил, и Кэйт продиктовала ему идентификатор базы данных. Через несколько секунд, отчёт был перед Марком на экране компьютера. То, что он увидел, заставило его подпрыгнуть в кресле.

- Кэйт, пожалуйста, сообщи Киму, что если он ещё раз назовёт это фигнёй, я попрошу «Русского Медведя» приехать в ваш Околоток и дать обоим депюти дополнительный урок самообороны без оружия. Им не поздоровится! Это не фигня, совсем не фигня.

- Ким, ты всё слышал? - Голос Кэйт звучал победоносно.

- Так, Кэйт, у тебя тут записаны адреса и телефоны пострадавших. Ты не могла бы проверить, можно ли ещё до них дозвониться?

- Уже дозвонилась, Марк. Сегодня утром. Линда Черби, одна из пострадавших. Сейчас она предпочитает, чтобы её звали Линдой Эспинозо. Она, типа, замужем за вторым пострадавшим, хотя официально и не зарегистрирована. Ну вот, она дома. Адрес у них сменился, но мобильник прежний.

- Ким, ты слушаешь?

- Да, сэр, мы на динамике.

- Садись на велик. Встретимся на углу шоссе Кинга и шоссе Гаррет. Прямо сейчас, О-кей?

Марк выключил телефон и бросился к своему велосипеду. В холле он наткнулся на начальника участка.

- Ты, Марк, выглядишь, как будто Санта выдал тебе все рождественские подарки на пол-года раньше срока, - прокомментировал Бен.

- Так оно и есть. Возможно, мы нашли ниточку к «Мяснику», Бен. Извини, избавлю тебя от подробностей. Не спугни мне удачу.

- Не буду её пугать. И персонально удавлю каждого, кто хоть пальцем твою удачу тронет! Привези мне хорошие новости, чувак.

Марк жал на педали изо всех сил, едва касаясь сиденья ягодицами. Наконец-то! Наконец-то! Хоть что-то! Может быть, этот старый протокол поможет им с точкой отсчёта времени. Или даст дополнительные сведения о личности убийцы. А может, это тот самый случай, когда убийца допустил оплошность. Ясно, что дело пошло у него не по-плану: потенциальные жертвы-то остались живы...

В соответствии с приказом, Ким ждал Марка на перекрёстке. Но он был не один. Кэйт помахала Марку с багажника полицейского велосипеда.

- Я не смогла усидеть в офисе, сэр. Это моё первое полицейское расследование! Можно я поеду с вами?

- Но, Кэйт, это будет официальный опрос свидетелей. Боюсь, гражданским лицам в нем нельзя участвовать.

- Я думал, ей уже можно, сэр, - сказал Ким, извиняясь. - Кэйт уже почти что приняла на работу в Полиции. Ну, технически, бумаги ещё не оформили, но она уже вот так близко, - Он показал двумя пальцами, что Кэйт от вполне официальной работы в Полиции отделяют всего два дюйма.

- В самом деле? - Марк не поверил, что это произойдёт так быстро. Только вчера утром у него состоялся короткий разговор с майором Ферелли. Марк намекал, не стоит ли

создать позицию клерка в околотке трущоб шоссе Гаррет. Начальник участка кивнул и пообещал поспешествовать, но настроен он был не очень-то оптимистично.

- Представляете, вчера мне вдруг звонят из Кадров. И просят послать им резюме Кэйт. Они мне сразу сказали, что это только формальность. У них уже было её личное дело, ещё с Флота. Полчаса спустя, они послали мне форму заявления и велели Кэйт её заполнить. Так что, она уже почти что работает у нас.

- Класс! Вот, что я называю мгновенной реакцией! А сколько они согласны платить?

- Двести десять, до налогов, - улыбнулась Кэйт.

- Двести десять в день? Обалдеть.

- Нет, сэр. Это в неделю. Потому что работа на полставки. Двадцать часов в неделю.

- Во, козлы! Средняя зарплата у полицейского клерка должна быть в четыре раза больше, - Сверх-низкая заработная плата объясняла быстроту реакции HR. Они получили задачу этом году сократить среднюю ставку. Очевидно, что с безногим инвалидом можно было не церемониться. Опять «Социальный Оптимум» в действии, подумал Марк.

- Ну, пол-ставки умножаем на пол-девочки... Так и выходит - ровно одна четвёртая. Я не жалуясь. В конце концов, работая по двадцать часов в неделю, что мешает мне кататься с моим красным ведёрком по *Маршруту*?

- Знаешь что, Кэйт?

- Да, сэр?

- Если твоё открытие сегодня сработает, ты сможешь звякнуть прямо в Офис Шерифа и потребовать повышения зарплаты. Сразу.

Марк последовал за Кимом в трущобы. Вскоре им пришлось слезть с велосипедов и толкать их вдоль раскисшей от дождя тропинки.

- Вот наш адрес, - Ким указал на неуклюжую лачугу, кое-как сляпанную из обломков мебели, картона и старых шин. Он постучал в подобие входной двери, - Миссис Эспинозо? Откройте, Полиция...

Дверь открылась; перед ними стояла девушка на последнем сроке беременности. При всём желании, Марк не мог заставить себя назвать её женщиной - судя по внешности, беременной было где-то между четырнадцатью и шестнадцатью. Притом, эта беременность была у неё не первой, - «беременная девушка» держала на руках голую девочку возрастом год-полтора. Какого чёрта молодёжь так спешит делать детей в наши дни, подумал Марк. Может, им не хватает кукол? Тряпичные и деревянные куклы местного производства были, конечно, не так хороши, как фабрично-

пластмассовые беби до *Обвала*.

- Доброе утро. Миссис Линда Эспинозо? - спросила Кэйт. Марк увидел, как Линда скользнула глазами по пустому пространству ниже туловища Кэйт. При этом беременная попыталась сделать вид, что она ничего особенного не заметила.

- Ясный пень, Эспинозо, кто ещё-то?

- Можно нам войти?

- Ясный пень... Вы же - Полиция. Только у нас, типа, грязновато. Места, типа, не хватает...

Кэйт опёрлась локтем о сиденье велосипеда и, оторвавшись от багажника, соскользнула на землю. Скейта с ней не было, только деревянные бруски для рук. Уверенно шлёпая по мокрой глине деревяшками, она подползла к двери и закинула обрубок тела внутрь. Ким и Марк последовали за ней, оставив велосипеды у двери. Как и везде в этой части трущоб, в лачуге почти не было свободного пространства. Двухспальная кровать, с выдавшим лучшие времена одеялом и парой подушек, занимала почти всю комнатушку. К тому же, лачуга была завалена одеждой, посудой, детскими бутылочками, пачками макулатуры и всем прочим. Марку, как самому старшему из трёх гостей, был предложен единственный табурет. Ким и миссис Эспинозо сели на кровати, а Кэйт, чтобы не пачкать своими брюками и без того неопрятную постель, вежливо отказалась присоединиться к ним и осталась сидеть на покрытом грязным линолеумом полу.

- Я звонила Вам сегодня утром, миссис Эспинозо, - начала Кэйт, представив Кима и Марка хозяйке. - Это насчёт Вашего заявления два года назад... Вы подавали заявление о попытке ограбления, не так ли?

- Ясный пень, подавали. Но нас, типа, не совсем ограбили. Мужик же, типа, того - убежал. Ясный пень, я говорю Педро: пошли, заявим в Полицию. А так, ничего такого.

- Я читал полицейский протокол, и думаю, что Вы можете помочь ФБР с одним очень серьёзным расследованием, мэм, - сказал Марк, - Расскажите нам, что Вы помните. Любые детали.

- Ясный пень, все детали. Нет проблем, сэр. Я - как сейчас всё помню, мистер Пер... Пендигус. Пожалуйста, спрашивайте, типа, что угодно.

- Расскажите нам всё по порядку. Я буду задавать вопросы, если что-то не ясно.

- Ну, типа, мы лежали с Педро в кустах. Мы тогда, типа, встречались. Примерно полгода. Он, типа, тогда только вернулся. Из армии, ясный пень... Мой папашка, такой: у тебя чо, крыша съехала? Замуж в тринадцать лет? Не пущу! А я, такая: ну и хрен с тобой, старый хрыч. Все мои подружки уже, типа, спали с пацанами, а я, типа, чо, дура? Ну, мы, типа, ходили... Ну, типа, трахаться... В лес. А чо, как все. Ясный пень...

У нас там было, типа, хорошее такое место. С дороги, типа, не видно. Знаете, типа, просеку на шоссе Гаррет? Где провода под высоким напряжением были ещё? Ну потом, типа, столбы ещё *разборщики* порезали? На металлолом? Ну вот, так там кусты ещё. Высокие такие. Клёво...

Значит, ей сейчас как раз пятнадцать, вычислил Марк. И ждёт второго ребёнка. Как замечательно.

- Я там был, - подтвердил Ким поведив пальцем по сенсорному экранчику своего телефона. - Вот здесь. Только на спутниковом фото ещё есть линия электропередачи и ещё нет кустов. Все фото устарели, сэр.

Беременная посмотрела на экран и кивнула. - Ну, типа, там, сэр. Но, *во-оше*, я с картами того, не очень... Ну, типа, мы с Педро приезжали туда, типа, почти что каждую ночь... В тот раз, ну, всё было обычно. Я поехала из дома в пол-девятого. Сказала мамане, типа, так и так. К подружкам с работы. Я тогда ещё, типа, работала. В ателье... Типа, пока не стала совсем пуганая. До моей первой *ляльки*...

- Вы помните дату?

- Ясный пень. Апрель. Ну, типа, пятнадцатое... Или шестнадцатое?

- Вы заявили в Полицию в 23:30, шестнадцатого, - напомнила Кэйт с пола, - Вы подали заявление в тот же день, когда на вас напали?

- Ясный пень, в тот же день. Когда нам ещё-то заявлять? - Беременная ещё раз бросила испуганный взгляд на пустое пространство ниже туловища Кэйт и попыталась притвориться, что она туда даже не смотрела.

- Значит это было шестнадцатого апреля 2028 года? - Точно, подумал Марк. Чуть более двух лет назад, и за два месяца до первого установленного убийства «Мясника».

- Ну, типа, мы, такие, лежим в кустах. Ну, там целуемся, всё такое. Готовимся, в общем... Ну, вы, типа, поняли... И, типа, мужик выскакивает. Из кустов. А у него, типа, ножик...

- Нож у него был в правой руке или в левой?

- Ясный пень, в руке. Где ножу ещё быть-то? В правой руке, как обычно.

- Что это был за нож?

- А типа, обычный нож. Армейский. У всех, типа, такие, - она тяжело поднялась с кровати и сделала два шага в направлении крошечного обеденного стола у окна, - Ясный пень, вот такой вот ножик, какой ещё?

Она держала в руках табельный армейский нож, исцарапанный и с тонким лезвием от

длительного использования, но по-прежнему узнаваемый.

- Этот мужчина. Как он выглядел? Какого он был роста? Высокий? Вы помните его лицо?

- Не-а, не высокий. Но, типа, и не коротышка. Средний такой. Пять-восемь, ясный пень. Пять-восемь. Ну, или, пять-девять. Но сильный. *Бицы*, типа, накачанные такие.

- В чём он был одет?

- В майке чёрной, типа, был. И в тёмных брюках... Да, типа, военных брюках, но не в обычной камуфляжке. Я бы камуфляжку узнала, ясный пень. А чо, легко! Мы их перешивали, типа, в ателье.

- Лицо, Вы его лицо запомнили?

- Ясный пень, запомнила. Я чо, дура? Нормальное лицо. Обычное. Немного худой. Волосы чёрные. Ну, типа, лицо я не того, не совсем. Ясный пень, я всё на ножик *зырила*, а чо мне на его лицо пялиться-то?

- Был он белый? Латинос? Чёрный? Азиат?

- ...Белый, ясный пень. Я же говорю: нормальное лицо. Или, может, латинос. Но такой, типа, почти что белый.

- А как насчёт носа? Губ? Цвет глаз, может быть? Усы, борода?

- Нос? Нормальный, типа, нос. Обычный. Извиняюсь, сэр. Нос, я типа, того, не помню. И цвет глаз не видела. Там же темно было, ясный пень. А усов у него не было. Ни усов, ни бороды, ясный пень.

- А что Вы думаете про возраст этого мужчины?

- Ну, типа, старый такой.

- Старый?

- Ясный пень, старый. А чо, молодой, чо ли? Ну, типа, не такой старый, как Вы, сэр...

Вот спасибо, подумал Марк. Теперь меня записали в старики. Однако, для этой пятнадцатилетней мамы любой человек старше её мужа будет в категории стариков. Марк указал на Кима и Кэйт. - Ну, скажем, мужчина был того же возраста, что депьюти Ким? Или, того же возраста, что мисс Боуэн?

Девушка посмотрела на Кэйт сверху вниз, снова тщательно избегая глазами пустое пространство на месте отсутствующих ног.

- Старше. Старше, чем депьюти. Ну, типа, тридцать. Ясный пень, тридцать. Или тридцать пять. Я не уверена.

- Хорошо. Вы ещё что-то заметили про того мужчину?

- Ясный пень, заметила. Перчатки, сэр. Как у Микки вон там, над кроватью, - Она указала на стену за спиной. На пластмассовых ходиках, Микки Маус весело показывал текущее время.

- А на ногах у него что было? Он был в сандалиях или в ботинках?

- Ясный пень, не в *сандалях*. *Спортивки* у него были. Типа, светлые. Я на его ноги не *зырила*. А чо мне на них зырить? Я - всё на ножик, ясный пень.

- Ладно, он выскочил из кустов, что было дальше?

- Ну, я же говорю, Педро был в армии. Он был, типа, обычный солдат. Ясный пень, пехота, кем его ещё возьмут-то? Но у него было, типа, четыре месяца в разведке... Он, такой, увидел мужика с ножиком, и, такой: бац! И вскочил на ноги. А тот мужик. Он, такой, тоже: бац. И прыгнул... Типа, влево от нас. И, такой, рванул в лес. Педро, такой: я его, суку, щас догоню и яйца вырву! А я, такая: ты чо, долбанулся? Ясный пень, я не хотела сидеть в кустах, типа, одна. Чо я, дура?

- Как далеко был от вас двоих тот мужчина, когда Педро вскочил на ноги?

- Ясный пень, футов десять. Десять, двенадцать футов [прибл. 3,0-3,7 м].

- В общем, вы решили сообщить об этом происшествии в Полицию?

- Да я, такая, говорю Педро: надо пойти заявить. Этот козёл, типа, опасный, ещё грохнет кого-нибудь. А Педро, такой: да чо там опасный? Придёт назад, я у него нож отберу и в задницу ему вставлю, делов-то. А я, такая: ты чо: долбанный Супермен, всех спасать? Чо тебе, запахло Полиции сообщить? И пусть они ловят. Околоток всё равно по дороге. Давай, типа, трахнемся, а потом пойдём заявим. Ну, мы, типа, кончили. Два раза. А потом пошли в Околоток, и вот этот офицер, типа, написал нам протокол...

- Помню, точно, я тогда дежурил, - признался Ким. - Но, честно говоря, до сегодняшнего дня я не видел абсолютно никакой связи между этим мужчиной с ножом и Вашим расследованием, сэр. Разве что, только нож. Но, такие ножи есть почти везде, так?

- Педро. Сейчас он Ваш муж? - спросил Марк.

- Ясный пень, муж. Мы в церкви венчанные!

- Ваш муж - он сильный? Хорошо сложен? - спросил Марк. Посмотреть бы на урода-

священника, который согласился венчать эту парочку, подумал Марк. Интересно, они в церкви вообще спрашивают о возрасте невесты? С другой стороны, всё указывало на то, что на венчание будущая мама-подросток припёрлась уже с пузом. Жених теперь может поцеловать невесту[65]. А невеста может ложиться и начинать рожать, улыбнулся Марк про себя.

Беременная ответила, - Ясный пень, мистер... Пендигус. Мой Педро, он, типа, повыше, чем Вы. И, типа, накачанный. Может поднять, типа, триста фунтов [прибл. 136 кг]. Я *во-о-ще* думаю, тот мужик в лесу поэтому, типа, и рванул от нас. Ну, типа, *позырил*, что с Педро у него хрен чо выйдет. Ясный пень. А *во-о-ще*, мужик был, ещё, того...

- Чего: того?

- Ну, того. Хромой! Он, типа, когда рванул, прихрамывал так. На правую... Не-а, это, типа с нашей стороны будет - на правую. Извиняйте. На левую ногу он был хромой. Ясный пень, на левую. Как ему ещё-то хромать?

Уяснив все детали, и записав всё, они собрались уезжать. Ким присел на корточки, Кэйт положила одну руку ему на плечи, и он ловко подсадил Кэйт на багажник велосипеда. Было заметно, что они делали этот трюк уже не в первый раз.

- Можно задать Вам личный вопрос, миссис Эспинозо? - улыбнулась Кэйт девушке, которая стояла на пороге лачуги и ждала, когда полицейские уедут.

- Ясный пень, мэм.

- Вы всё смотрели на мои ноги... То есть, где были ноги... Как будто Вы чего-то боитесь, что ли?

- ...Да как Вам сказать, - выдавила из себя «беременная девушка» после некоторого колебания, - Видите, мэм, Вы же инвалид, у Вас ног *нет*. Я дико извиняюсь, *конечно*, Вы же не виноватая. Но ведь и я, типа, ну, ясный пень, я *ляльку* жду...

- Ну, и что?

- Ну если я буду на Ваши *культяпы* зырить, *лялька* выйдет тоже, типа, без ног...

- Это предрассудки. Всё будет в полном ажуре с Вашей *лялькой*.

- Не знаю, мэм. Всяко бывает... Вот, наша соседка, на той стороне... В прошлом году, была, типа, беременная. Ходила, типа, счастливая, всё хохотала... Ясный пень, дохохоталась.

- Что - дохохоталась?

- В январе, бац, идёт, такая. *Лялька*-то за спиной, привязанная. Ну, у нас тут почти все так, типа, ходят. И, типа, грустная такая. Плачет. Больше не хохочет, ясный

пень! Ну, мы, такие, спрашиваем: а чо глаза-то на мокром месте? Случилось, типа, чего? А она, такая: бац! Случилась, говорит. Хотите, говорит, *позырить*, как у меня лялька вышла? Ну мы такие: бац, ну *покаж* свою ляльку! Она такая: ну *зырьте*. Достала ляльку со спины, бац, разворачивает. Мы, такие, бац: а у неё ручек-то *нета*! Заместо ручек, типа, ласты. Коротенькие такие. Долбануться! Ну, ясный пень, ножек тоже *нета*. Откуда у неё ножки-то? Одна ступня растёт, *иззажопица*.

- *Изажопица*?

- Ну Педро мой так сказал: «*иззажопица*». Прямо из задницы растёт, ясный пень. Два пальчика на ней, а *больша* ничего *нета*! Во, как бывает.

- А *мои-то* ноги тут при чём? - удивилась Кэйт.

- Дык, мы, такие, эту Парри спрашиваем... Ну, соседку то есть. Её Парри звать... Спрашиваем: а тебя, беременную, никто не пугал? А она, типа: ясный пень, пугал. Я, такая, иду через парк ночью, а там, бац: безногий инвалид! Он, типа, меня и напугал... Ясный пень, Парри так и сказала! Инвалид, сказала, напугал до смерти, вот и *получилась* у неё лялька с ластами.

- Эта Ваша соседка работает *на Куче* или что-то вроде этого? - спросил Марк.

- Ясный пень, *на Куче*! А где ей *ищо-то*? Я же говорю: лялька на спине привязанная. Кто *на Кучу* ходит, все, типа, так привязывают. Ну, чтобы руки были свободные, ясный пень. И вся семья у этой Парри: и муж ейный, и сеструха, и мамашка... Все *на Куче*. А где им *ищо-то* работать?

Диоксин. Или какие-нибудь ещё чудеса современной химии. Мы катимся прямо в средневековье, подумал Марк. Ещё одно поколение, и мы будем объяснять инфекционные заболевания влиянием злых духов, а не грязной водой и дефицитом вакцин. Или начнём ловить ведьм и жечь их на кострах за то, что молоко не вовремя прокисло...

- Ну, и что вы про это думаете? - спросил Марк Кима и Кэйт, когда они добрались до твёрдой дороги.

- Даже не знаю, сэр, - ответил Ким, - Раньше я думал, что это просто случайное совпадение. Однако, этот мужик с ножом вполне мог бы быть нашим «Мясником». А может, и нет. Не уверен.

- А я считаю, что это был «Мясник», однозначно, - уверенно кивнула Кэйт. Она использовала короткую остановку, чтобы свернуть себе папироску с «травкой». - Ну ладно, табельный армейский нож мог быть у кого угодно. Однако, учитывая спортивную обувь и перчатки...

- Потерпевшая про обувь и перчатки нам ничего конкретного не сказала. Мы только знаем, что у мужика на ногах были «*спортивки*», а на руках - «перчатки от Микки

Мауса», - Ким уверенно играл роль адвоката дьявола.

- А как ты представляешь себе пару «*спортивок*»? Не «сандалий», не «*вьетнамок*», и не «армейских ботинок», заметь? Конкретно: «*спортивок*»? - Кэйт очень хотелось отстоять свою теорию.

- С точки зрения криминалистической науки, термин «*спортивки*», то есть «спортивная обувь», может означать практически что угодно. Кроссовки. Футбольные бутсы. Спортивные сандалии. Спортивные шлёпанцы. Даже сапоги спортивные могут быть. Для конного спорта, например.

- Спортивные шлёпанцы! Тоже, выдумал! Ты, вообще, много понимаешь в спортивной обуви, мистер Научный Криминалист?

- А ты, типа, в спортивной обуви много понимаешь?

- Типа! Понимаю побольше тебя. Особенно в спортивной. По сравнению с местными, я - вообще эксперт. Всю жизнь в спортивной обуви ходила. Это тут, в Хьюстоне, все ходят либо в ковбойских сапогах, либо в шлёпанцах и сандалиях. Или даже босиком. Посмотрела бы я, как бы ты рассекал босиком по Детройту. Особенно зимой!

- Какой ты, нафиг, теперь эксперт? Ты - девочка-обрубок, вместо ног - колёсики, что ты теперь можешь в обуви понимать?

В этот момент Ким получил игривый шлепок по спине.

- Прекратить боевые действия! - оборвал Марк «научно-криминалистический» спор. - Я также считаю, что это нападение могло быть первой попыткой нашего «Мясника». Во-первых, его рост. Линда сказала: 5-8 или 5-9. А у нас есть ещё один непосредственный свидетель, который думает, что преступник был 5-9. Кроме того, у нас есть эта парочка, видевшая подозрительного человека в лесу, хотя и не на месте преступления. Они также подтверждают, что тот человек был около пяти футов, девяти дюймов. Совпадение? Может быть, но я надеюсь на лучшее. Во-вторых, вполне вероятно, что «Мясник» служил в каких-то спецподразделениях.

- Почему? - спросили Ким и Кэйт одновременно.

- Он появился как из ниоткуда, в десяти или двенадцати футах от потенциальных жертв. Действовал тихо и решительно. Он, ведь сразу был с ножом в руках, не так ли?

- Да.

- Тут Педро резко вскакивает на ноги, и наш преступник... Помните, что сказала Линда? Преступник вдруг оказывается у них с левой стороны. С левой стороны! Увидев вскочившего на ноги противника, средне-статистический Джо будет либо смело продолжать атаку, либо передумает и сделает шаг назад. У нас так инстинкты устроены. Шаг в сторону, чтобы оказаться слева от противника - это как раз то, чему

учат в боевых искусствах. Так что, либо наш преступник занимался каратэ в детстве, либо он служил в спецназе. Мой голос в пользу последнего.

- А откуда мы знаем, что это не было обычным грабежом? - спросил Ким.

- Ну, мы, конечно, не знаем на все сто процентов. Однако, вот вам третье соображение. Средне-статистический грабитель не хочет никого убивать. Это плохо для его бизнеса, особенно если тебя в конце-концов поймают. Ещё, чего доброго, на суд Линча попадёшь, повесить могут, так? Грабитель подходит, показывает ножик, и внятно сообщает о своих намерениях. Кошелёк или жизнь! Что-то вроде этого. Забирает кошелёк и отваливает с добычей. Человек, нападавший на Эспинозо в лесу, был готов их грохнуть сразу. Никаких тебе разговоров, никакого запугивания. Только прямые действия. Не нем даже маски не было. Если ты планируешь убить обоих, зачем скрывать лицо?

- Но, Вы говорили, другой свидетель видел его в какой-то маске. В чёрной балаклаве, не так ли?

- Ну, он, возможно, усвоил урок. После неудавшегося нападения. В случае осечки, свести к минимуму шансы быть опознанным. Или, может быть, он подумал, что без маски его легче заметить в темноте.

- Если бы он служил в спецназе, он бы вместо балаклавы лицо краской намазал, разве там не так учат?

- Камуфляжная краска лучше чёрной балаклавы только если ты - в армии. Бегать по городу с окрашенной в камуфляж мордой - довольно глупо. А маску снял - и в карман. Единственное, что плохо совпадает, так это как раз «*спортивки*». Линда сказала, что туфли были светлые. А другие свидетели говорят: чёрные или хаки. То ли преступник обувь покрасил, то ли поменял. Ну, чтобы не светились в темноте. А может, эта Линда Эспинозо запомнила всё с точностью до наоборот.

- Ну ладно, я согласна, что «*спортивки*» - это не совсем то. Заявляю это, как уже бывший, но, заметьте, вполне квалифицированный, пользователь спортивной обуви! Я вот что думаю. Во-первых, наша свидетельница была так заиклена на ноже, что всё остальное она помнит смутно, - сказала Кэйт, - Во-вторых, она, вообще, умишком не блещет. Я получила недельную порцию «типа» и «ясных пней»! Однако, наверняка стоит заехать к ним вечером и поговорить с Педро Эспинозо. Только вечером я с Кимом не поеду. Если эта дура вдруг разродится «*лялькой*» с ластами вместо рук и ног, меня обвинят, что я её напугала, ха-ха! - Она рассмеялась и сделала ещё одну затяжку из «лечебной» папироски.

- А не поздновато ли ты спохватилась, уважаемая девочка-обрубок-на-колёсиках? Ты уже там наследила своими деревяшками. Теперь, что бы ни случилось с их «*лялькой*», обвинят именно тебя. Представь: миссис Эспинозо, у Вас *лялька* вышла какая-то неправильная. Вас напугал кто, или как? Ясный пень! Сижу я, такая, дома. Вдруг подваливают, такие, полицейские, а у депюти на багажнике, типа, девочка-обрубок!

Ага! Безногая! Напугала меня до смерти. Ясный пень, - Ким разыграл в лицах возможный сценарий дальнейшего развития суеверия.

- Ещё один «ясный пень», старик, и - всё! Можешь откручивать себе яйца! Тебе они в жизни более не понадобятся. Потому, что остаток твоей жизни будет коротким, но ужасным. Но, кроме шуток, ты должен к ним съездить ещё разок. Объективно, Педро - это второй свидетель. Надо и его допросить, отдельно от этой Линды.

- Согласен. Поеду поговорить с этим Педро сегодня же вечером. Но, на откровения можешь особенно не надеяться. Я этого парня хорошо запомнил - ещё когда они приходили в Околоток той самой ночью. По сравнению с Педро, Линда - как Эйнштейн. Педро, он, типа, ясный пень. Это тебе, девочка-на-колёсиках, - для полноты коллекции... Ой! - Кэйт снова приложила по спине Кима, на этот раз куда сильнее.

- Получил?

- Прости меня, девочка-на-колёсиках, не мог удержаться... Короче. Вот три фразы, которые этот гений освоил за свои двадцать пять годочков. «Да, сэр.» «Нет, сэр.» «Что, сэр?» Линда трещала, как пулемёт, а её парень только башкой кивал, ясный пе... Только по почкам не бей, пупсик... У тебя рука тяжёлая - накачалась, понимаешь, со своим скейтом.

- Кстати, а что ты предпринял после того, как эти двое сообщили в Околоток о нападении? - спросил Марк, улыбаясь. Наблюдать шуточную потасовку Кима и Кэйт было забавно.

- А что я мог предпринять, сэр? На них напали где-то в половине десятого, а они пришли сообщить об этом в одиннадцать тридцать. За два часа, преступник уже мог быть за десять миль, или даже больше. Ну, я съездил на велике к месту происшествия, посмотрел. Мой фонарик сдох через десять минут. Приехал снова, после восхода солнца. Ничего. Кроме того, все живы-здоровы, никто не пострадал, ничего не украдено. Так что, я положил протокол в папку и попросил депьюту Тана сходить провести дружескую воспитательную беседу с известными правонарушителями. На случай, если это был один из них. Всё...

Вернувшись в Участок, Марк помчался к своей маленький кабинет и открыл таблицу на триста восемьдесят семь имён. О-кей, ребятки из спецназа, кто из вас соответствует нашему профилю? Мужчины в этом, укороченном, списке были уже отсортированы по росту. Теперь Марк хотел отобрать всех, кто мог сойти за белого или, может, за светлокожего латинос. Сначала он попытался отсортировать записи по цвету кожи, но быстро отказался от этой идеи. Проще и надёжнее было открывать каждый из личных файлов в PDF-читалке и сразу сортировать кандидатов по фотографиям и по возрасту. Чтобы не ошибиться, он решил отбирать всех от двадцати пяти до сорока лет. Определение возраста пятнадцатилетней мамашей было не так уж надёжно. Примерно через час, он сумел просмотреть сотню файлов и отобрал тридцать четыре потенциальных кандидата. Чтобы сделать короткий перерыв, он отправился с визитом к судмедэкспертам.

- Добрый день, сэр, - кивнул ему Том, набирая какую-то программистскую магию на компьютере.

- Нашли ту девушку - системного администратора в ОВК?

- Нашёл. И правда, симпатичная.

- Симпатичная. Только, к вящему сожалению Тома, она играет за другую команду, - хихикнула в своём отсеке Натали.

- Ну да, ну да. Лесбиянка, и смело это признает... - кивнул Том.

- Ты бы лучше занялся той девушкой с *Кучи*, Том, - предложила альтернативный вариант Натали, - Помнишь, Алис, которая нам видео снимала? А что, приятная девочка. Профессия престижная. Квалифицированная мусорщица, а не какая-то там системщица-администраторша. При всём при том, и симпатяга, и не дура. И модная! Татуировка такая клёвая, аж завидно. Серёжки только надо подбирать одного стиля, а не вразнобой, но это легко поправить.

- Ладно, проехали, - тряхнул головой Том, возможно взвешивая, не стоит ли продолжить роман с модной соседкой-мусорщицей, - В ОВК я получил все неактивные записи. Сейчас рассортирую их и запущу мой скрипт. К сожалению, первоначальный список довольно длинный: почти 360 000 человек.

- Что, так много инвалидов?

- Нет, не совсем. Во-первых, около трехсот тысяч стали неактивными из-за возраста. Регистрация только для возрастов от четырнадцати до шестидесяти, так? Во-вторых, двадцать две тысячи погибших.

- Двадцать две тысячи?

- Да. Примерно за тридцать лет. И в последнее время их становится всё больше. Только в нашей базе - «Восток Хьюстона», при последней сверке было почти тысяча шестьсот погибших.

- Нифига себе! Да, это печально. А сколько инвалидов?

- Все остальные. Тридцать пять тысяч! Я не врубаюсь. Я ожидал увидеть гораздо меньше. Пять, может быть, шесть тысяч инвалидов, максимум. Что-то не так...

- А сколько населения покрывает база?

- «Восток Хьюстона»? Примерно миллион четыреста тысяч. Плюс-минус сто тысяч. Выходит, что один из каждые сорока человек у нас - инвалид. Я не вижу никаких ошибок в моей программе, но количество калек слишком велико, чтобы быть правдой.

Наверное у меня двойной счёт где-то выскакивает, только не пойму - где.

- Я думаю, ошибки нет, Том. Последний раз я разговаривал с моим другом из «Пути Спасения»... Он тоже утверждает, что инвалидов у нас где-то два с половиной процента, то есть один инвалид на сорок человек... Даже в нашей тупичке статистика подвинулась, подумал Марк про себя. Сегодня утром, когда он ехал в Участок, ему неожиданно повстречался соседский парень. Его призвали, вроде, в прошлом году, и вот он уже вернулся: без ноги, на костылях. Теперь на их маленькой улице было не семь, а уже восемь инвалидов войны. Точнохонько два с половиной процента. А еще у них в тупичке было по крайней мере трое погибших. А может и четверо или даже пятеро, Марк не был вполне уверен.

- Странновато, что про это нет ничего в новостях. Даже в Интернете. Словно бы инвалиды не существуют, - Том покачал головой, всё ещё не веря своим данным.

- Это всё, что умеет наше правительство, Том. Улыбаться и делать вид, что всё идёт по плану... Ладно. Скажите-ка мне лучше, из этих тридцати пяти тысяч инвалидов, сколько в возрасте от двадцати пяти до сорока лет?

- Вы просто наугад прикинули возраст «Мясника», или Вы знаете что-то новое?

- Что-то новое. Помните, я вчера упоминал Кэйти Боуэн?

- Девушку депюти Кима? Без ног?

- Ясный пень... - Вот ведь чёртова пятнадцатилетняя мамаша, улыбнулся Марк. Теперь этот «ясный пень» сам срывается с языка! - Кэйти Боуэн, она же Кэйт-на-колёсиках, она же Шерлок-Холмс-на-колёсиках, она же Эркюль Пуаро, она же мисс Марпл. И она же - Джон Хэмиш Уотсон, доктор медицины! Восходящая звезда Полиции Округа Харрис. Она откопала для меня протокол о попытке ограбления, двухлетней давности. В нашей базе этот протокол никогда не был, так и лежал в бумажном виде... Похоже, этот протокол про то, как наш «Мясник» первый раз вышел в лес с ножиком и попытался зарезать влюблённую парочку. Хотя, к счастью, в тот раз у него ничего не вышло. Повезло... Короче, вот что мы узнали сегодня: наш убийца, вероятнее всего, белый, в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Ладно, на всякий случай, пусть будет сорок.

- Шерлок Холмс на колёсиках? Круто! Сортировка по возрасту - это легко, - Том постучал по клавишам, - Так, двадцать одна тысяча записей. С довеском.

- Хорошо, а теперь давайте сортировать по роду войск. Отберём всех, кто может иметь специальную подготовку.

Том модифицировал запрос ещё раз. - Всего триста пятнадцать записей! Для этих, я смогу извлечь карточки учёта к полуночи. Завтра утром, я Вам выдам полный список, сэр.

- Сможете также отобрать мужчин, которые подходят под категорию «белый»? Добавьте туда также латиноамериканцев, но со светлой кожей, близких по типу лица к белым.

- Запросто. Как только выкачаю карточки из Пентагона. В базе данных Офиса Военной Карьеры фото не предусмотрено.

- Да, я именно это и имел в виду. А можно отделить тех, у кого руки на месте? Тех, кто был ранен в ноги, можно оставить. Свидетельница сказала, что «Мясник» немного хромым на левую ногу. По крайней мере, был хромым - два года тому назад.

- Про руки и ноги, сэр, боюсь, ничего не выйдет. В послужном списке такое не пишут. Там только: «Пёрпл Харт» и «уволен в отставку с почестями» тогда-то и тогда-то. Про ранения пишут только в медицинских картах, так что надо будет отправлять запрос в Вашингтон. Потребуется время, по-всякому...

- Ладно, чёрт с ним. Сортировать по рукам и ногам не надо. Если выдадите мне белых и вроде-как-белых латиносов, этого будет вполне достаточно для начала.

- Как только, так сразу, сэр. Уже делаю...

Глава 22

Через пять минут Марк вернулся в свой кабинет чтобы продолжить сортировку оставшихся бывших спецназовцев. Это должно сработать, в конце концов! Он чувствовал себя как рыбак, борющийся с огромным тунцом: рыба ещё не на палубе, но уже прочно на крючке. Ещё два часа работы, и у него в папке было девяносто две фотографии, скопированных из PDF и готовых к показу Линде и Педро Эспинозо. Для объективности следствия, он удалил имена и все остальные данные, оставив только номера файлов. Великолепно, что общее количество фотографий было меньше сотни. Разные люди по-разному рассматривают фото. У некоторых, мозг отключается уже после десятка-другого фотографий, и все остальные лица выглядят одинаково незнакомыми. Будем надеяться, что зрительная память Педро получше, чем его вербальные способности... Архивирование файлов и отправка их на электронную почту Кима заняла считанные секунды. Добро пожаловать в лодку, господин тунец! Не сорвись с крючка!

Оптимистическое настроение Марка не улетучилось до самого вечера. Даже после того, как Ким прислал ему СМС, сообщив, что Педро и Линда пролистали все 92 фотографии и не смогли идентифицировать преступника, он не почувствовал разочарования. Всё дело в концентрации внимания. Завтра они перетасуют фотографии и попробуют опознание ещё раз. К тому же, надо добавить туда ещё фотографии, которые Том выкачает к завтрашнему дню из базы Пентагона. Можно также попросить экспертов поехать к свидетелям и сделать фоторобот преступника, а затем прогнать программу сличения лиц. На служебных фото из файлов изображены молодые люди, отлично выбритые, с короткими армейскими стрижками и в безупречной парадной форме, рассуждал Марк. Добавить им несколько лет возраста, растрёпанные волосы, потёртую одежду, - и будет совершенно другой вид. «Типа, старый такой,» - улыбнулся он про себя, «но не такой старый, как Вы, сэр.» Отличное описание! Ещё лучше будет, решил Марк, если мы сможем отретушировать фотографии. Натали отлично владеет графическими редакторами. Она может добавить возраст, изменить причёску и заменить военную форму на чёрную майку, чтобы всё соответствовало полученному от Линды Эспинозо описанию преступника.

Из Участка, Марк поехал прямо в лавку «леди-дизайнера» возле школы. Сразу было видно, что за последние четыре года бизнес значительно вырос. Теперь бывший гараж выглядел почти как настоящий магазин. Кроме впечатляющего выбора браслетов, анклетов и других подобных вещей, в лавке продавалось всё «самое необходимое» для настоящего хиппи: от бандан и солнцезащитных очков до самодельных табакерок, курительных трубок, папиросной бумаги, табака-самосада и, естественно, марихуаны. Две школьницы, возрастом чуть постарше Памелы, пожирали глазами витрину с коллекцией браслетов из бисера.

Дежурная продавщица магазина, девочка лет двенадцати, заметив велосипед Марка, подбежала к двери и крикнула куда-то в глубину дома, - Па?! Тут к нам чувак в штатском! На полицейском велике!

Девочки-школьницы оглядели Марка с ног до головы. На их лицах было любопытство с

оттенком страха. Двадцать секунд спустя, «Па» появился в гараже. Он был лет сорока, с длинными волосами в стиле Джона Леннона. Для полноты впечатления, его волосы были подвязаны расшитой бисером ленточкой, а на носу красовались и круглые Джон-Ленноновские очки. Чёрную майку украшала надпись: *«СКАЖИ НЕТ СИНТЕТИЧЕСКИМ НАРКОТИКАМ. Химия убивает тебя и природу.»*

- Ко мне, начальник? - спросил «Па» - Я вашим парням в Околотке уже говорил: у нас всё абсолютно законно. Мы - ответственный бизнес.

Марк и сам видел, что, как минимум, официальная часть «бизнеса» велась ответственно. Объявление на стене гаража уведомляло «уважаемых клиентов», что всё, предназначенное для курения чего бы то ни было, не продаётся лицам, не достигшим четырнадцати, никаких исключений, даже не просите, спасибо, хорошего Вам дня.

- Расслабься, приятель. Я здесь в качестве «уважаемого клиента», не более того, - сообщил Марк владельцу.

Хозяин расплылся в улыбке, - Ой, тогда извини, старик. Сейчас времена такие: не знаешь, чего от кого ждать. Меня зовут Джон, кстати, - он протянул было руку для пожатия, но решил не делать этого и с извиняющимся жестом продемонстрировал Марку ладони, густо покрытые красноватой деревянной пылью. В левой руке у него была наполовину отполированная курительная трубка и кусочек наждачной бумаги. - А что ты куришь? Табак, Травку или Смесь?

- Меня зовут Марк, и я не курю. К счастью или к несчастью... Просто нужно купить подарки, - Марк указал на витрины с поделками из бисера.

- А, ну *зашибись*, старик. По вопросу бисера, Кири даст тебе самый что ни на есть профессиональный совет. Это *не моя* часть магазина, уж всяко. А теперь, ты извини, старик, я должен закончить эту трубку. «Уважаемые клиенты» не могут ждать.

Марк улыбнулся и кивнул, и Джон исчез обратно в дом. На спине его майки было написано: *«КУРИ ТОЛЬКО НАТУРАЛЬНОЕ. Без ущерба для окружающей среды и здоровья».*

- И что бы Вы хотели, сэр? - спросила девочка-продавец.

- Вы всё ещё продаёте *цейлонки*?

- В смысле, *кама'а-оле*? Гавайские босоножки?

- Ну да, наверное, это они. Мне нужно четыре пары, пожалуйста.

Девочки-школьницы снова посмотрели на Марка с оттенком страха. Теперь они думают, что я какой-то фетишист, подумал Марк.

Однако, покупка в целом прошла великолепно. Юная продавщица Кири действительно была экспертом в области молодёжной моды. Школьницы вскоре перестали смотреть на Марка букой и присоединились к Кири, предлагая второе, и третье, и четвёртое, и кто-их-теперь-сосчитает веские мнения. Следуя советам девочек, Марк вдумчиво выбрал свои подарки. Для Памелы, «гавайские босоножки» были светло-зелёные с коричневым (они великолепно подойдут к школьной форме, сэр!) Жёлтая с оранжевым пара, с бусинками-«смайликами», была как будто специально сплетена для Клэрис (отличная пара *кама'а-оле* для оптимистов, сэр!) Чёрную пару для Саманты Марк выбрал сам. Тут уж он совершенно не нуждался в советах: в нитки бисера были вплетены зачернённые и частично отполированные крошечные шарикоподшипники, которые идеально подойдут к этому её механическому цветку, подарку мальчишки со странным электросварочным именем Зап.

Наконец, Марку очень понравилась роскошная чёрная-с-золотом пара, и он решил приобрести её для Мэри. Почувствовав, что тут речь идёт о самом главном подарке дня, Кири немедленно стала предлагать аксессуары, и Марк закончил покупкой не только сандалий, но и подходящего к ним по стилю браслета из бисера и соответствующих бус. (Если это для вашей жены, сэр, бусы и браслет - это *ещё* необходимо! Вы знаете, сэр, вот эти кристаллы в середине - это же *настоящий* Сваровски! Они очень редкие! Их добывают только на Куче, сэр!)

Сервис у Кири был поставлен не хуже, чем в каком-нибудь дорогом магазине высокой моды до *Обвала*. Сначала размеры сандалий были скорректированы под размеры будущих владелиц (Хорошо, что я позаботился утром записать эти размеры, подумал Марк.) Затем подарки были упакованы в красивые коробочки, сделанные из старых гляцевых журналов. Затем Марку объяснили, что цены тут «фиксированные» и назвали сумму: четыре тысячи пятьсот долларов. По запросу Марка, Джон-Леннонского «Па» позвали в гараж, и он тут же дал Марку щедрую оптовую скидку. Весь лот ушёл всего за \$3800. Стоит столько же, сколько одна пара обычных сандалий из старых покрышек, подумал Марк. Зато удовольствия куда больше. За цену одной пары этих немодных, ужасных и «бесполезных» сандалий, он приобрёл «обувь» сразу для всех четырёх леди!

Из магазина хиппи Марк отправился на рынок и купил в пекарне огромный, семейного размера, яблочный пирог. Румяный и чуть присыпанный сахарной пудрой - в точности, как Мэри любит. Подготовка к сегодняшнему сражению «Домашней Гражданской Войны» была завершена.

Приехав домой, Марк обнаружил Дэйвида-старшего и Уильяма сидевшими на крыльце.

- Так, подкрепление прибыло, - прокомментировал Уильям, услышав характерный стук прислонённого к перилам велосипеда.

- Надеюсь, вы ещё не начали воевать? В смысле: без меня? - Опять Саманта не послушалась, подумал он. Только раздаёт обещания «по-настоящему» направо и налево.

- Нет, командир. Войска ещё только строятся. Младшие кушают ужин, стрельбы не слышно. В качестве миротворцев ООН сегодня - дедушка Дэйвид и я. Вот сидим пока, любимся синим небом. Отдых перед боем. Я где-то читал, что так положено перед крупной битвой. Но в Инженерных Войсках у нас ничего подобного не практиковалось. Сапёры под ноги должны глядеть, а не на небо, - Небо сегодня было по-прежнему облачным, но Уильям, с его четырьмя десятитысячными мегапикселя, условно считал его синим.

- А где Клэрис? - спросил Марк, скидывая перед порогом сандалии.

- Наверху, - ответил Уильям. - Она сидела с Дэйви весь день. У него с утра была температура.

- Может, надо отвести Дэйви к врачу? - спросил Марк. Может быть, стоит отложить сражение ещё на день? Без Клэрис, их домашнего миротворца-профессионала, сражение могло получиться слишком личным. От Дэйвида-старшего пользы было мало, а Уильям по сравнению с Клэрис был жалким любителем. К тому же, в последнее время он стал частенько переходить на сторону «Южан», а миротворцам на чью-либо сторону переходить не положено.

- Я её спрашивал. Она говорит: а смысл? Врач посоветует всё то же самое: Аспирин, побольше жидкостей, и постельный режим. Мы и так уже всё это делаем.

- Значит, вы сегодня не ходили *делать Маршрут*?

- Рисси и Дэйви не ходили. А я ходил. Сам! Сделал сто семьдесят с чем-то баксов. Не так уж плохо для первого раза.

- Ничего себе: сам! И как ты ориентировался?

- Элементарно. Самое трудное в этом деле - добраться от нашего дома до шоссе. Но благодаря навигационным упражнениям с Рисс и Дэйви, эту часть пути я знаю отлично. А на шоссе всё просто. Стоял и орал: «Поможем Инвалидам, Поможем Инвалидам!» Каждый раз, когда кто-нибудь кидал в ведёрко доллар, спрашивал: «А Вы, случаем, не в сторону рынка направляетесь?» В конце концов, до рынка меня довели. А возвращаться было ещё проще. Я взял одного безногого инвалида на буксир, а он показывал мне дорогу.

- И ты был на рынке весь день? Сам?

- Ага. Джек-Потрошитель давал концерт. Я присоединился к его «группе поддержки». Мистер Тодд может называть это «держал точку». Но мне наплевать.

Группа поддержки. Марк представил, как Уильям стоит с красным ведёрком на шее. В ряду этих безногих и безруких инвалидов. Наверняка, этот маленький *амер-индийский* грубиян с двухколесной тележкой и зонтиком шептал сегодня кому-то: «А этому Вы, сэр, зачем дали денег? Он же бесполезный урод! Лучше бы Вы заплатили мне

шестьдесят. Кому нужны эти инвалиды?» Да уж, кому они в самом деле нужны? Только не Правительству. Правительство улыбается и делает вид, что проблемы не существует.

- Этот парень, Джек-Потрошитель, он просто уникал! - сообщил Уильям, - У него, оказывается, столько композиций! Прикинь, мужик исполнял свой рэп весь день, и начал повторять песни только под самый конец. А одну композицию он переименовал сегодня. Теперь она официально называется «Билли, каждый второй».

- Я её слышал, кажется.

- Точно про меня написана, правда?

- Ты имеешь в виду: там сержант возвращается с войны? Без рук и слепой?

- А, нет, не совсем. Хотя и это тоже. Нам на «Мусоровозе» все твердили, какие мы герои. А выгрузили: бац! И мы никому не нужны. Точно как в песне.

Никому не нужны. Как в песне - подумал Марк.

- М-да. Кстати, Уильям...

- Что?

- А в туалет... ты как ходил сегодня?

- Девочка Джека-Потрошителя. Она сказала: «Да чего уж, свожу двоих, мне не в лом.» Мопкин, кажется. Он её так называет.

- Такая юная блондиночка, в почти несуществующих джинсовых шортиках?

- Откуда мне-то знать, блондиночка она или нет? Но тактильные ощущения были вполне на уровне! - Он рассмеялся собственной шуточке.

Марк вошёл в дом и проверил диспозицию. Пока и в самом деле всё было спокойно, но на лицах Саманты, Памелы и Патрика была видна холодная решимость закалённых в боях «Южан». Бравая пехота, под барабанный бой и свистки сержантов, уже заряжала мушкеты и выстраивалась в линию. Мэри сидела за тем же столом со смарт-фоном и делала вид, что читает что-то в Интернете. Она наверняка не ждала особой поддержки от Марка. Сегодня, она легко могла победить «Южан» и в одиночку. В конце концов, у неё было право вето! Однако, она ещё не знала, что её бывший главный союзник не только переметнулся на сторону Конфедерации, но и подготовил предательскую атаку с фланга.

Марк водрузил на стол яблочный пирог, - Дорогая, может, попьём чаю?

- Ты подкупаешь меня, чтобы я позволила Саманте уйти из школы, не так ли? -

выпала Мэри. Возможно, она уже поняла, что войска «Северян» начали разбегаться.

- Да, подкупаю, - смело признался Марк. Остальные «Южане» за столом затаили дыхание.

- Не сработает, дорогой. На яблочный пирог я не куплюсь. Несмотря на то, что он мой любимый, - заявила Мэри.

- К сожалению, пирог придётся съесть так и так. Пекарня его назад не примет. Но, конечно, если тебе и такой подарок не по вкусу, это я могу завтра вернуть, - Марк торжественно поставил перед Мэри коробочку, сделанную из старого журнала.

Мэри улыбнулась и открыла коробку. Она делала это так, как будто открывала красный кожаный пенал, со многими каратами золота, платины и бриллиантов внутри. То, что могло стоить \$3800, не в долларах-пустышках 2030 года, а ещё в тех настоящих долларах, году эдак в 1930-м. Когда же в последний раз я дарил ей настоящие украшения? Это было... ну да, ещё до GFC версии 2.0. Наш пятилетний юбилей свадьбы. Следующий подарок был, естественно, запланирован на 2018 год. Но он так и не состоялся, по понятным причинам. У нас было почти нечего есть, и бриллианты почему-то не попали в списки покупок. А теперь... Всё, что я могу подарить жене, это вот: дешёвый стеклянный бисер, зато с очень редкими кристаллами *настоящего Сваровски*, сокровища, которое мусорщики иногда добывают *на Куче*.

- О, они... замечательные! - Воскликнула Мэри. Она надела браслет и подняла руку к свету, любуясь блеском чёрных и золотых бусин и маленькими радугами в кристалле. Затем было надето ожерелье. - А как это надевается? - Спросила она, вынимая пару «гавайских босоножек» из коробки, - И как это называется, кстати? *Каме-оле*?

- *Кама'а-оле*, мамочка. С двойным «а», - сказала Памела. В ту же секунду, Саманта и Памела уже были на полу у её ног, застёгивая «гавайские босоножки» на маминых щиколотках.

- Да они точно по размеру! - удивилась Мэри, притопывая голыми пальцами ноги по полу.

- Я всё ещё могу угадать твой размер, дорогая!

- Они... такие непрактичные. И ходить в них «не принято»! А я всё равно буду их надевать. Они такие... *клёвые*. Спасибо, дорогой. - Мэри обвила руками шею Марка, и Марк получил один великолепный долгий поцелуй.

Затем, чтобы закрепить успех неожиданного наступления, Марк быстро распределил остальные коробки с подарками. Памела и Саманта немедленно принялись примерять новую «обувь». Уильям попросил Марка дать ему коробочку «прямо в руки», и отправился наверх, держа подарок в зубах, чтобы обрадовать Клэрис.

Остаток вечера прошёл мирно. Мэри как-то очень легко позволила Саманте остаться

работать на бензиновом заводике Штольца до конца лета. Предположительно, это означало, что к концу лета всё устаканится, и Саманта больше не вернётся в школу.

Патрик сделал было попытку отправить вслед отступающей армии «Северян» свою кавалерию, и между делом выпросить для себя разрешение носить армейский нож (у всех уважающих себя мальчиков есть армейские ножи, начал было объяснять он), но «голубые каски» под командованием Уильяма выставили на пути конницы «Южан» бронетранспортёры, и их безрукий командир холодно и жёстко проинформировал лихого десятилетнего капитана-кавалериста, что пустит в действие пулемёты. Кавалерийский рейд по тылам был таким образом остановлен, и про него сразу забыли.

В самом конце, Саманта чуть было не испортила бескровную победу, обнародовав план, как она будет завтра разгуливать по заводу Штольца в новых *кама'а-оле*. Но Марк был начеку, и отреагировал мгновенно, - Саманта, «гавайские босоножки» не предназначены для работы *на Куче*. Помнишь, мистер Штолец говорил, что для каждой операции надо надевать правильную одежду и обувь? Средства защиты, так?

Это было не совсем то, что им говорил Фредерик, но Саманта всё поняла правильно и исправила свой ляп, - Ну конечно, пап! Я имела в виду: я просто возьму *кама'а-оле* с собой. Похвастаюсь перед девочками. А так, конечно: на велосипеде надо ездить в школьных сандалиях из шин, а если *на Куче*, надо *таскать* сапоги. Я же обещала, пап. «По-настоящему»!

- Не «*таскать сапоги*», Саманта, а «*надевать сапоги*», - по привычке поправил дочь Марк.

- Конечно, папочка. *Надевать!* Сапоги и сандалии. «Как принято».

Возможно, это было началом конца их «Домашней Гражданской Войны»? Обе стороны научились-таки идти на уступки? Саманта перестанет устраивать свои демонстрации по утрам. Чтобы мама зря не волновалась, Саманнины пальчики могут немного пострадать в этих ужасных, совершенно немодных и «бесполезных» школьных сандалиях. Всю дорогу от их дома - и до поворота на шоссе, там, где мамочка уже не увидит. Ну и такое же (кстати, весьма небольшое) расстояние - по дороге обратно домой. За спокойствие в семье стоит немного пострадать. А мамочка, в свою очередь, будет делать вид, что она даже не догадывается, что дочка разгуливает *на Куче* босая, совершенно «как не принято».

Позже, уже в постели, Мэри призналась, что хотя подарки были приятной неожиданностью и сильно помогли мирному исходу дела, её решение позволить Саманте уйти из школы было куда более рациональным, чем думал Марк.

- Я же сходила в школу сегодня, - объяснила она. - Ну, к этому самому мистеру Коннели, учителю *Истории-Шмистории*. Знаешь, меня не впечатлило! Он же полный идиот! Для начала, оказалось, что не только Пэм получила «двойку», но и добрая половина её класса. Правда, надо отметить с родительской гордостью, что наша дочь была единственной, кто умудрился получить не просто «двойку», а «двойку с

восклицательным знаком».

- Что, тест был слишком сложным?

- И да, и нет. Там всё, абсолютно, - о датах. Шестнадцатого июня, полковник такой-то, с полу-батальоном пехоты и при одной пушке, идёт в такую-то деревню, и остаётся там в течение двух дней. Потом, восемнадцатого июня, он же идёт на север, в деревню такую-то. На соединение с основными частями генерала такого-то. И так далее. Все эти маленькие фактики этот идиот сам не знал год назад, но прочитал недавно в пятисот-страничной монографии. Ни к селу, ни к городу! Ничего о причинах войны, ничего о стратегии, ничего о политике, ничего про оружие. Он не истории учит, он заставляет детей учить дурацкий календарь! Причём - позапрошлого века.

- Зная нашу Памелу, она не из тех, кто будет держать язык за зубами, - сказал Марк. Ещё пара таких походов в школу, и Мэри, возможно, даже младших оттуда заберёт!

- Детям должно быть скучно, до остоленения! Ну, все остальные, кто получил «двойку», они честно пытались вспомнить все эти дурацкие даты. Мистер Коннели поведал мне, что одна девочка даже получила «пятёрку». Я его спрашиваю: что, неужели она все даты запомнила правильно? А он говорит: нет, только сорок пять процентов, но это отличный результат. Отличный результат, обалдеть!

- А что такого Памела сделала, чтобы заслужить себе восклицательный знак? К её «двойке»?

- Она не стала писать никаких дат. Несмотря на то, что помнила несколько. Вместо этого она написала: «Эти даты совершенно бесполезны. Зачем нам нужен этот геморрой?» А потом, на следующем уроке истории, Пэм ещё выдала учителю на словах. Перед всем классом! Хочешь услышать, что она ему сказала?

- Саманта мне уже доложила. «Нафталиновые шарики от моли». Честно говоря, с этим определением я полностью согласен.

- Ладно, давай оставим *Историю-Шмисторию* в покое. Она этого не стоит, - сказала Мэри, слегка поцеловав Марка в щёчку, - Только, пожалуйста, не говори Пэм, что это нормально: ходить по школе и ругать учителей.

- Дорогая, официальный термин не «ругать учителей», а «блямкать учителей». Мне так объяснили.

- О, я забыла тебе сказать, Майк прислал электронное письмо сегодня!

- В самом деле?! И как там у него?

- Прекрасно. У Арне - тоже. Представь, они оба оказались в одном взводе. Майк пишет, что им дали униформу с рисунком для пустыни. Как в Северной Африке, или на Ближнем Востоке. Уильям считает, что это отличная новость. Процент выживания в

пустыне гораздо лучше, чем в джунглях.

Марк подумал про себя, что надежда была призрачной, но решил мудро промолчать. Было вполне возможно, что в тренировочном лагере просто временно не хватило камуфляжа для джунглей. Перед развёртыванием солдатам дадут форму правильного цвета. Или не дадут, а отправят их воевать в джунгли как есть, прямо в камуфляжах для пустыни. Отчего они будут в джунглях, как готовая мишень для снайпера. Вместо этого он сказал, - Это замечательная новость, дорогая! - и вернул поцелуй...

Двадцать минут спустя, две подушки и простыня были на полу, ночная рубашка Мэри и шорты Марка валялись скомканные на кровати, а сами Марк и Мэри, совершенно голые, лежали обнявшись и молчали, прислушиваясь к дождю за окном.

- Ты знаешь, дорогой, с этими твоими *цейлонками*, - ты опоздал. На четыре года! - заявила вдруг Мэри.

- Почему?

- Помнишь, то первое сражение нашей «Домашней Гражданской Войны»? О школьных сандалиях для Сэмми? Теперь я думаю, что если бы ты, дорогой, сказал мне тогда: «А почему бы тебе не заткнуться, голубушка?» А потом просто пошёл с дочками и вместо уродливых школьных сандалий из покрышек купил девочкам то, что они просят. *Цейлонки* или эти, как их, *калфлеты*? Если бы ты так поступил тогда, никакой «Гражданской Войны» у нас бы не случилось.

- Лучше поздно, чем никогда, - ответил Марк, *калфлеты* - я им и так купил. Они тебе их не показывали? Хорошо умеют хранить военную тайну. А вот с *цейлонками*... для Саманты... Честно говоря, я побоялся! Ты бы сказала, что ходить в них «не принято», что они бесполезные, совершенно непрактичные, и пустая трата денег. Я ничего не упустил?

- Совершенно верно, дорогой, именно так: бесполезные, совершенно непрактичные, и пустая трата денег. Ну и что? Зато, в них хорошо шлёпать по лужам. От них не бывает мозолей. Они красивые, клёвые... И сексуальные. Мальчикам нравятся. Кстати, мальчик, тебе сегодня - понравилось?

Вместо ответа, Марк выдал Мэри ещё один долгий поцелуй, - Значит, «Гражданская Война» закончилась? Мир?

- Мир! Закончилась! Никакой войны *больша нета*! Как тебе мой уличный сленг? Правда, уже лучше? И прекрати ругать Пэм, что она так говорит иногда. Как говорить грамотно, она знает. Но ничего плохого в этом её «*больша нета*» уже *воще нета*!

- Я в изумлении, дорогая! Что же будет дальше?! Разрешим Саманте сделать татуировку?

- Татуировка - пусть пока подождёт. Но насчёт всей остальной молодёжной моды - я

совсем не против. Даже если наши местные кутюрье работают *на Куче*, а не в парижских модных салонах.

- Я уверен, все бывшие кутюрье в Париже теперь тоже работают - *на Кучах*. Их собственных, парижских...

- Точно! Так же, как всё остальное. *Кутюрье-шмутюрье! История-Шмистория!* - в темноте, Мэри шутливо шлёпнула Марка по бедру, - «Как принято», «как не принято»... Если ты посмотришь на нашу теперешнюю жизнь без обычных шор, что у нас вообще осталось «как принято»?

- Ну, наш дом - в порядке... всё - «как принято».

- Ты называешь это «как принято»? У нас унитазов даже нету! Сортир - с дыркой в полу. Мы принимаем душ - с холодной водой и за шестьдесят секунд.

- Ну, дорогая, в трущобах - и таких удобств нет.

- В трущобах? В трущобах? Дорогой муженёк! Если ты ещё не заметил, мы сами живём в трущобах! В принципе - не так уж плохо. Твоя дорогая жена, профессиональный программист с дипломом, копает грядки и носит воду на коромысле целый день, как какая-нибудь китайская крестьянка две тысячи лет назад. В школе наши дети изучают *Шмисторию* вместо Истории. Наша старшая дочь только что избрала себе гениальный план карьеры: уйти из школы и идти работать на местной свалке. А, кстати! Она же пошла по стопам своего брата - он уже ушёл из школы в четырнадцать, и отработал *на Куче* целых три года! А другой наш сын - у него карьера ещё круче. Сходил на войну, а теперь инвалид без рук. Просит милостыню для «*Пути Спасения*»...

- Уильям не просит милостыню, дорогая. Он *собирает добровольные пожертвования*. А у «*Пути Спасения*» для этого есть лицензия. А Саманта и Майкл работают совсем не на свалке. От свалки до заводика Штольца - не меньше пол-мили [прибл. 800 м]. Минуту назад я думал, что война закончилась. А ты опять начинаешь жаловаться.

- Не «опять», а «снова!» Кто сказал, что я жалуюсь? Я просто тебе говорю, что наш *Обвал* никогда не кончится. Ни при нашей жизни, ни при жизни наших детей. И их детей - тоже. Просто: ни-ког-да! У нас в мозгах всё наладится, если только мы прекратим притворяться.

- Как притворяться?

- А как мы притворяемся. Как мы говорим себе: это временные трудности. Надо потерпеть, и всё наладится. А притворяться - не надо. И терпеть - не надо. Надо принять *Обвал* как он есть, и на постоянной основе. А потом - просто счастливо жить одним днём. Сегодняшним. Вот и весь секрет.

- Я должен тебе сказать, дорогая. Я... Короче, меня могут уволить из ФБР.

- Мелочи жизни, дорогой.

Она как будто не обратила на это никакого внимания, подумал Марк.

- Я имею в виду дорогая, меня могут уволить. Из ФБР! Очень даже скоро. В следующем месяце, или даже раньше.

- Из-за «Шелдонского Мясника», да?

- Ага. Эти дармоеды в Вашингтоне. Сколько ещё людей убьют - им неважно. Но нужен козёл отпущения.

- Ну и фиг с ними, дорогой. Увольняйся на здоровье.

- И как мы будем жить после этого?

- Нормально будем жить. Просто. Совершенно «как не принято». Как наша Рисс говорит: счастье - это разность между тем, что у тебя есть и тем, что тебе хочется иметь. Надо просто немного потренироваться не хотеть лишнего.

- И жить одним днём? Счастливо, как наша Рисс?

- Ну да! - Мэри перевернулась на живот и поцеловала Марка в нос, - У меня есть ты. Я только тебя хочу, ничего лишнего мне не надо. Давай-ка спать!

Мэри и Марк были разбужены в половине четвёртого утра, - телефон Марка пищал тоном экстренного вызова. Электронный голос на другом конце линии сообщил Марку, что объявлен общий сбор Полиции, и ему следует немедленно прибыть в Участок. Пока он одевался, на телефон пришла ещё и СМС-ка от Бенито Ферелли с объяснением неожиданной утренней тревоги. Ураган «Артур» только что дорос до категории-4 и, похоже, намеревался выйти на сушу вблизи Хьюстона.

Марку потребовалось полтора часа, чтобы добраться до Участка. Вчерашний моросящий дождик теперь превратился в заряды довольно плотного настоящего дождя, но ветра пока не было. Будем надеяться, «Артур» останется в категории-4, думал Марк. Или, по крайней мере, пролетит мимо густонаселённых районов. Последнее вряд ли возможно, поправил он себя. Из-за всех этих мигрантов из северных штатов, теперь всё побережье Мексиканского залива, от Флориды на востоке до границы с Мексикой на юго-западе, было именно «густонаселённым районом».

К концу XX века, для чрезвычайных ситуаций были деньги. Если Соединённые Штаты и не были защищены от стихийных бедствий, по крайней мере, было достаточно ресурсов для борьбы с последствиями. Для урагана категории-5, например, «Эндрю» 1992 года, правительство штата объявило бы обязательную эвакуацию населения. Мобилизовали бы Национальную Гвардию, чтобы помочь людям выехать из опасной зоны. Школы, больницы, спортивные сооружения - всё превращалось в центры

экстренной медицинской помощи и эвакуационные убежища. Десятки поисково - спасательных вертолётов были бы в воздухе, а сотни аварийно-спасательных групп - на земле. Всемогущее Министерство Обороны подтянуло бы в район урагана сколько угодно лодок, грузовиков, автобусов, электрогенераторов, установок для очистки воды и полевых кухонь. После катастрофы, федеральное правительство завалило бы зону бедствия миллиардами долларов на восстановление ущерба (долларов полновесных, девяностых годов прошлого века!) И добавило бы к этим миллиардам несколько тысяч отличных сапёров из Инженерных Войск.

В начале XXI века, перед *Обвалом*, режим реагирования на чрезвычайные ситуации всё ещё существовал, но уже в сильно облегчённом виде. Если ураган «Эндрю» категории-5 забрал 65 жизней, «Эйк» категории-4 убил 135. А «Катрина», ураган категории-5, закончился с разгромным счётом погибших и пропавших без вести: 1971! Причины человеческих жертв были ясны всем. Вместо обязательной эвакуации - добровольная. Садись в свою машину и уезжай. Если сможешь. Добровольцы, пожалуйста, подойдите в местную школу. Приносите еду, воду и одеяла. Если можете. Полиция будет патрулировать улицы, но не для того, чтобы оказать помощь пострадавшим, а для предотвращения грабежей и пожаров. Если они смогут их предотвратить. Наконец, нарисовались шестьсот национальных гвардейцев, с парой устаревших десантных амфибий, разваливающихся от соприкосновения с водой. Уставшие от войн и развёрнутые сверх всяких норм американские военные доставили пару-тройку спасательных вертолётов. Каждый делает по два-три полёта в день, в основном, чтобы оценивать ущерб и возить платёжеспособных клиентов - вроде телевизионщиков новостей «CNN». Да, и не забудем про «BBC-1». Вот он: уже кружит над зоной бедствия. Чтобы Президент мог видеть из звенящей высоты голубого неба, что случилось с городом. И парашютировать пострадавшим, в качестве моральной поддержки, по несколько миллионов долларов (значительно менее весомых долларов 2005 года) помощи - здесь и там. Если Соединённые Штаты и справились с последствиями «Катрины», это удалось лишь благодаря добровольным частным пожертвованиям и неправительственным организациям.

Ну а теперь, после *Обвала*, ситуация была ещё веселее. Начать с того, что никакой эвакуации не будет вообще - ни обязательной, ни добровольной. Если нет ни автомобилей, ни автобусов, ни грузовиков, как эвакуироваться? Пешком, вам удастся сделать, максимум, пятнадцать миль в день, а в плохую погоду, вероятно, и того меньше. Велосипед или омнибус с парой усталых пони позволят вам увеличить радиус эвакуации на десять миль или около того[66]. Всё равно, этого не хватит, чтобы убежать от урагана. Даже если можно было бы эвакуироваться, что могло ждать людей в конце пути? Там не было ничего: ни еды, ни одежды, ни жилья. У Пентагона больше не было свободных ресурсов: ни Национальной Гвардии, ни Инженеров, ни оборудования - всё было давным-давно отправлено в зоны боевых действий, на все эти большие и маленькие войны. После урагана, Президент, конечно, прилетит посмотреть на разрушения. У «BBC-1» пока хватает керосина, чтобы совершать полёты по несколько раз в год. А политическая популярность по-прежнему важна, не менее, чем до *Обвала*.

Марк припомнил, как по «CNN» показывали визит Президента в Новый Орлеан, в 2027

году, после урагана «Шон» категории-4. Шёл предвыборный год, начало сентября, такую возможность ни один политик не упустит. «*CNN*» показала, как Первая Леди раздавала школьные формы. Поскольку количество детишек в пострадавших районах намного превышало количество школьных комплектов, прибывших на борту «*BBC-1*», школьникам сначала выдавали на выбор футболку, или шорты, или школьную сумку (с эмблемкой Республиканской партии). Тем, кто оказался в середине бесконечной очереди, предложили несколько менее полезные вещи: кепку - бейсболку (тоже с Республиканским слоником), или пару *вьетнамок*. А те, кто был в самом конце, - получили ручку, карандаш, или тетрадку, или просто тёплое рукопожатие Первой Леди, пожелание удачи в жизни, и нежный толчок в спину от телохранителей из Секретной Службы: к сожалению ребятки, вам ничего не осталось, проходите, проходите. Тогда, они всей семьёй смотрели телевизор, и Уильям сказал: «Позор на всю Америку! Наверное, какой-нибудь бедняга-«пиарщик» в Белом Доме потерял из-за этого выпуска новостей работу... А может, они просто уволили эту бригаду «*CNN*». И редактора программы - заодно с ними. Один раз парни решили быть честными и показать народу, как у нас всё на самом деле...»

Лучшее, что население Хьюстона могло делать сейчас, было уцепиться за свои пожитки, сидеть дома - и надеяться, что ураган проскочит, не натворив много бед. Но была в этом деле и положительная сторона. За годы после *Обвала*, люди научились надеяться только на себя, причём в самые трудные времена. К примеру, в районе *Шелдон-Рез* никто не будет жаловаться сегодня, что в доме отключилось электричество, а в кране нет воды. Они жили без водопровода и электричества уже почти десять лет. Нечему было отключаться.

Глава 23

Когда Марк прибыл в Участок, большая часть полицейских была уже на службе. Их вызвали той же автоматической системой оповещения. Большой ЖК-экран в коридоре был включён на канал «SRTV». Вместо обычной ночной тест-таблицы канал сейчас показывал электронную карту с расчётной траекторией урагана «Артур» и циферками скорости ветра, количества осадков, доплеровским радаром, и другими параметрами. Большинство полицейских сидели с телефонными трубками у уха, пытаясь импровизировать хоть какой-то план реагирования в чрезвычайных ситуациях.

В плане по чрезвычайным ситуациям было записано, что Марк возглавляет спец-команду офиса коронёра[67] в составе себя любимого и двух младших судмедэкспертов из Офиса Шерифа. Предполагалось, что они смогут как-то передвигаться по участку и быстро определять, были ли погибшие просто жертвами урагана, или если урагану кто-то помог. Для тех, в смерти кого можно было подозревать руку человека, а не разбушевавшейся стихии, была назначена ещё одна спец-команда, с «Русским Медведем» в качестве следователя, Аланом Моссом в качестве судебно-медицинского эксперта и парой полицейских депюти - для огневой поддержки. Марк обнаружил свою команду в гараже позади офиса. Натали, в комбинезоне, и Том, спартанский костюм которого составляли обрезанные по колено джинсы, стояли над сдувшейся десантной лодкой «Зодиак» и обсуждали, как вернуть эту лодку в более или менее пригодное состояние. Полиция получила эти «Зодиак» лет десять назад, из военных излишков, - тогда в природе ещё существовала такая категория, как «военные излишки». На момент приобретения, лодки были уже в зрелом возрасте. Теперь, десять лет спустя, синтетический каучук держался вообще на честном слове.

Натали зло топнула босой ступнёй по проклятой резине, - Нарекаю этот благородный корабль USS «Дырка от Бублика», - торжественно произнесла она, разбивая воображаемую бутылку шампанского о воображаемый корпус «корабля», - Я боюсь, что если мы рискнём плавать на этой штуковине, мы сами моментально окажемся клиентами в офисе коронёра.

- Скорее уж - в офисе психиатра, Натали, - развеселился Том, - Чтобы плавать на *этом* во время урагана, надо иметь во-о-от таких тараканов в голове. Конечно, когда всё утихнет, можно будет попробовать. Надеюсь, этот антиквариат выдержит двоих. На спокойной воде. Кстати, Марк, карточки учёта из Пентагоновской базы уже выкачались. Только, у меня не было времени, чтобы их разобрать. Мне сказали, что починка лодок сейчас важнее.

- О карточках не беспокойтесь, Том, - кивнул Марк, - Если надо чинить лодки, будем чинить лодки. Вам помогать?

- Нет, сэр, сами справимся. И не подходите близко: безумие заразительно. А то и у Вас в голове поселятся во-о-от такие тараканы...

Марк вернулся в свой кабинет и подготовился к возможному наводнению. Тщательно

поставив места убийств карандашом, он выдернул цветные булавки и свернул карту. Фотографии и распечатки с данными жертв со стола отправились в ту же папку. Затем, он синхронизировал телефон с ноутбуком, отключил клавиатуру, мышь и экран, вытащил пару папок из ящиков стола, и упаковал всё это хозяйство в картонную коробку с пометкой: «ФБР. МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ. ЭВАКУИРОВАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ». Теперь, если надо будет срочно перебазироваться на крышу, это не займёт много времени.

Примерно в половине седьмого Марку позвонила Мэри.

- Дорогой, Сэмми хочет идти на завод, - прокричала она в трубку. - Я говорю: никуда ты не пойдёшь. А она говорит: не волнуйся, мама, всё нормально.

- Она одна собирается идти или с Фредериком?

- Они все вместе собрались. Фред, его Марти и наша Сэмми. Сказали: поедут на трицикле Майка.

- Тогда, я думаю, всё в порядке, дорогая. Отпусти Саманту с Фредом. Там должно быть безопасней. В случае наводнения, они могут перейти на полигон. Это самая высокая точка в Хьюстоне, ты в курсе?

- Самая высокая точка, в задницу! - Но её голос звучал уже спокойнее, - Ладно уж, отпущу её. Школы официально закрыты. Объявление было по телевизору. Так что, все остальные остаются дома.

- Конечно, дорогая, все остальные остаются дома. Ты знаешь, что делать. Проверьте окна. Убедитесь, что телефоны полностью заряжены. И фонарики тоже. Скажи Патрику, пусть отыщет «вечное радио». Ну, тот приёмник, с генератором. Он валяется где-то среди игрушек, в комнате мальчиков... И, наберите пару канистр питьевой воды - и затащите на второй этаж...

- Да ладно тебе, дорогой! Мы это всё проходили. Чай, не в первый раз, - ответила Мэри, уже совсем успокоившись. Конечно, она не нуждается в его инструкциях. До *Обвала*, правительство тратило деньги налогоплательщиков миллионами, на все эти тупые телевизионные ролики: «*ВАШИ ДЕЙСТВИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ*». За четырнадцать лет после *Обвала* эти ролики стали ни к чему. В состоянии перманентной чрезвычайной ситуации, здравый смысл, наконец, вернулся к американцам, и они снова научились думать своей головой, без всяких роликов.

Марк помог Бенито Ферелли упаковать папки из кабинета начальника участка, затем немного поспрашивал по Участку, предлагая помощь тут и там. В «стекляшке» комнаты для совещаний Алана Мосса, сам старший эксперт чистил свой служебный «Глок», а двое молодых полицейских и Алекс снимали консервационную смазку с автоматов «Узи» и набивали магазины патронами. Неплохая идея, подумал Марк. Вернувшись в свой кабинет, он достал из нижнего ящика ветошь и масло, расстелил на столе какой-то ненужный отчёт и принялся разбирать собственную «пушку».

Заглянул Бен, улыбнулся и похвастался, - А я свою стрелялку ещё вечером почистил. Ни с того ни с сего. Вдруг решил: бум! Надо почистить. Как знал, что с утра объявят чрезвычайную ситуацию. Кстати, если тебе нужны дополнительные патроны, загляни в оружейку. Шериф сегодня решил быть хорошим мальчиком, и с его разрешения я приказал вскрыть неприкосновенный запас.

- У меня и так две полные обоймы, - ответил Марк.

- А ты всё равно сходи, чувак. Запас карман не тянет. А «Узи» вам с Натали и Томом не нужен напрокат?

- Думаю, нет. В отличие от клиентов «Медведя» и Алана, наши клиенты отстреливаться не будут. Трупы не умеют стрелять. Даже если они - зомби. А вот если потеряем пулемёт - потом придётся писать оправдалки до самого Рождества.

- Вообще, ты прав, - согласился Бен. Как это часто бывает в чрезвычайных ситуациях, сейчас им абсолютно нечего было делать. В пределах доступных им ресурсов, они были готовы. Даже бутерброды и желудёвый кофе были доставлены в Участок предусмотрительными владельцами близлежащих ресторанчиков. Надо ждать урагана, а потом - реагировать по обстоятельствам. Закончив с пистолетом, Марк отправился в оружейную комнату за патронами. Когда он проходил мимо экрана в холле, там высветилось, что «Артур» только что переведён в категорию-5.

Где-то около полудня, группа «Русского Медведя», наконец, получила первый вызов. Где-то на юге района произошло вооружённое ограбление, застрелили хозяина продуктовой лавочки. Алекс, Алан и оба депьюти, упаковавшись в жёлтые дождевики и резиновые сапоги, отправились вести следствие по горячим следам. Группу Марка не приглашали. Если у жертвы - пулевое отверстие во лбу, коронёр вряд ли понадобится.

До *Обвала* во время стихийных бедствий часто случались массовые набеги на супермаркеты. Даже законопослушные граждане не могли устоять от искушения заскочить внутрь, чтобы схватить жестянку с детским питанием или упаковку бутилированной минеральной воды. К месту событий обычно высылали полицейский автомобиль. Служители закона чаще просто стояли у входа, мирно наблюдая за грабежом. Соединённые Штаты - это вам не Китай с Северной Кореей. Стрелять по безоружной толпе никто не решился бы. Да к тому же, все эти «Уол-марты» и «Уол-грины» были застрахованы, и грабёж магазина просто не мог стать большой потерей для хозяев-миллионеров. Теперь, после *Обвала*, набегов на супермаркеты не будет. По причине полного отсутствия супермаркетов. Владельцы лавок и магазинчиков будут защищать свои скудные полки до последнего патрона, а некоторые - даже до последней капли крови. Эти полки - это всё, что у них есть, а страховки у них нет и никогда не будет. Ни одна из страховых компаний не пережила кризис. Хозяева уже сидят в своих заведениях, двери - на засов, патрон - в патроннике, палец - на спусковом крючке. Тут уж повезёт тому, кто выстрелит, как в ковбойском боевике: первым и метко. Если застрелят хозяина - расследовать будет группа «Медведя»

Алекса. А если перестреляют неудачливых грабителей, Марк, Том и Натали придут удостовериться, что всё было в пределах необходимой самообороны.

Около половины второго телефон Марка снова запищал частным вызовом. Снова звонила Мэри, и снова - встревоженным голосом. - Дорогой, ты знаешь, у Дэйви температура снова поднялась. Я померила - сто три градуса!^[68] Надо его к врачу, да? Рисс собралась идти одна, а куда она - с её-то животом?

Марк выглянул в окно. На улице уже вовсю хлестал дождь, но, судя по верхушкам деревьев, ветер был пока несильный. - Дорогая, ты вот что. Клэрис пусть остаётся дома, с тестем, Памелой и Патриком. А ты иди, но не одна, а с Уильямом. Помощи от него будет, может, и не так много, но, по крайней мере, тебе не придётся идти одной.

- Я лучше сама пойду. В такой дождь, вести Уильяма и нести Дэйви будет неподручно.

- Нет, дорогая. Идти одной - это не очень хорошая идея. Давай так. У Клэрис ведь есть эта штука для переноски младенцев? Ну, чтобы носить ребёнка за спиной? Она её примеряла не так давно, я видел. Попробуйте, может Уильяму она тоже подойдёт? Если Уильям понесёт Дэйви, а ты поведёшь Уильяма, у тебя руки будут свободны, так?

- Хорошо. Попробуем. Мы далеко не пойдём. К доктору Смитсу, тут и пол-мили не будет. Только, я до него дозвониться не могу. Уже пять раз пробовала. Отвечает, что телефон выключен или не в зоне действия сети.

- Неважно. Может, у него батарейки сели. Или что-то с сетью. Всё равно идите. Если доктора Смитса дома нет, там, дальше по улице, ещё есть лицензированный фельдшер... Мистер Бхапари, кажется. В общем, постарайтесь найти кого-нибудь. Да, заberi с собой все деньги. Ты знаешь, где у нас спрятано.

- Все деньги? - переспросила Мэри. Марк мысленно подсчитал, сколько у них ещё осталось в секретной «зачатке», внутри пластикового корпуса теперь бесполезного электрического подъёмника для ворот гаража.

- Возьми всё, что есть в гараже. Там должно быть около сорока килобаксов, если я не ошибаюсь. И ещё двенадцать - в спальне. И спроси у Клэрис, может у неё ещё есть тысяча или около того на чёрный день? Кто знает, сколько лекарства могут стоить, особенно антибиотики. К тому же - во время этого проклятого урагана. А то, давай я тут отпрошусь и приеду домой?

- Не-ет. Ты по такой погоде два часа будешь добираться. К тому времени - уже ни одного врача не найдём. Мы как-нибудь сами, дорогой...

Вот не вовремя, подумал Марк. В самом деле, по такому дождю потребуется не меньше двух часов, чтобы добраться до дома. И это будет уже четыре часа дня. А потом - придётся возвращаться обратно в Участок. Навскидку, ещё два-три часа. Да ещё надо накинуть какое-то время, пока они найдут доктора. Он сможет вернуться в

Участок лишь ночью. К сожалению, ураган «Артур» никто не отменял, как и должностные обязанности агента ФБР на случай урагана. Ладно, будем надеяться, что у маленького Дэйви просто небольшая простуда...

В двери кабинета появился Том, слегка поцарапав пальцами о косяк. - Проблемы, сэр?

- Да так... У внука температура, надо к врачу, а погода - видите, что творится? Наверное, без наводнения не обойдётся. Вы с Натали «Зодиак» накачали?

- Накачали. Вроде держат... Натали пошла вздремнуть. В «обезьяннике», в камере. Там всё равно никого нет. Арестов не было с утра... Я чего пришёл: пока время было, я отсортировал файлы, как Вы просили, сэр. Возраст от двадцати пяти до сорока, рост от пять-восемь до пять-десять. Белокожие. Шестьдесят девять кандидатов, сэр. Я Вам уже скинул архив по электронке.

- Спасибо, Том, - ответил Марк, поднимая со стола телефон и ударяя кончиком пальца по почтовому ящику на экранчике, - Вы бы лучше отдохнули.

- Отдохнул? Я когда что-то такое делаю с «Питоном», я отдыхаю, по полной программе.

- Тогда ладно. Давайте посмотрим на Ваш улов дня.

Смотреть файлы на экранчике телефона было неудобно, поэтому Марк встал с кресла, открыл приготовленную к эвакуации картонку и вытащил свой ноутбук. Через пару-тройку минут на экране компьютера была первая карточка учёта: молоденький красивый офицер. Марк принялся читать вслух рубленные военно-бюрократические определения: «Брадли, Сэмюэл О. Кадет, академия «Уэст-Поинт», 2012.» - Великолепная фамилия для кадета[69], не правда ли?

- Вы про генерала Брадли или про боевую машину пехоты?

- То и другое. Да, крутая фамилия помогла нашему кадету в академии... Окончил с отличием, 2016. Точнохонько перед *Обвалом*. Второй лейтенант,[70] прикомандирован к миротворческим силам ООН в Сомали, 2017. «Медаль за Отличие». Затем: Первый лейтенант, Мексика, 2018. А там ему дали «Силвер Стар»[71].

Дальше он читал про себя. После Мексики, была Ливия, 2020. Значит, наш молоденький, но перспективный лейтенант поучаствовал в этой дурацкой операции «Газовый Щит». Или в операции «Газовая Гангрена», так, кажется, называл её Джек-Потрошитель? Дальше, одновременно: «Дистингуишед Сервис Медал»[72], «Пёрпл Харт» и капитанские погоны. И отставка с почестями. Был перспективный лейтенант, и весь вышел! Последний известный адрес: учреждение компактного проживания инвалидов открытого типа «Дом Надежды», шоссе Воллесвилль, Хайлендс, штат Техас. В графах «телефон» и «адрес электронной почты» стояли прочерки. Однофамилец лихого генерала, выпускник «Уэст-Поинта» с отличием, неоднократно награждённый медалями, капитан в отставке Сэмюэл О. Брадли стал Пентагону совершенно неинтересен.

- Это навряд ли наш клиент, Том. Скорее, всего, один из этих: после операции «Газовая Гангрена». Оквадраченный...

- Что это - *оквадраченный*? - не понял судмедэксперт.

- Извините, это я так, к слову пришлось. Это у них такая армейская шуточка была. Я слышал у нас на рынке, от одного мужика. Вы, лучше, присоединяйтесь к Натали в «обезьяннике». В курсе, что «Артур» уже в категории-5? Ночь предстоит - закачаешься. Я тут часа два-три посижу, поперебираю карточки. Может, моя жена ещё позвонит, они к доктору пошли. А потом - разбужу Натали, а сам пойду поспать.

Кстати, подумал он, пока мы в режиме ожидания, стоит озадачить её, чтобы она начала модифицировать фото тех девяноста двух парней. Чёрная майка, щетина, волосы подлиннее, всё такое.

- Великолепно, сэр. Тогда - я пошёл в тюрьму. Как сотрудник этого отеля, имею я право иногда пользоваться комнатами - со скидкой?

Марк открыл следующий файл из архива, прочитал, выкусил фотографию в отдельную папку. Этот парень служил в «Морских Котиках», уволен в отставку с почестями, но без «Пёрпл Харт», значит, не ранен в бою. Заболел чем-то серьёзным или покалечился по дурости? Раз может быть что угодно - добавим в список подозреваемых...

Просидев где-то час, Марк отобрал ещё десяток потенциальных кандидатов для проверки. Следующая карточка на экране. Фамилия выглядела знакомо. Сполдинг, Эрик. Сполдинг, Сполдинг - а! Позавчера, Саманта говорила, что у них на заводе есть ночной сторож по фамилии Сполдинг. Странноватый, она так сказала.

С фотографии на Марка смотрел молодой офицер, в сером мундире выпускника «Уэст-Поинта». Худощавое мужественное лицо, глаза чуть прищурены, подбородок гордо поднят. Марк начал читать текст. Кадет, академия «Уэст-Поинт», 2010. Окончил с отличием, 2014. Точная копия послужного списка капитана Бадли, того, с первой карточки. Только выпуск на два года раньше. Второй лейтенант, 2014-2015, стажировка в Академии ФБР, Квантико, Вирджиния. А, это становится интересным. Молодого человека не отправили куда-нибудь воевать, а послали поучиться дальше. Ну да, тогда ещё воевали не так интенсивно. Был Афганистан, Ирак, потом - Иран, Мексика, Квебек, Болгария. Тогда, до *Обвала*, вооружённые силы комплектовались исключительно волонтерами по контракту. Дальше было ещё интереснее. Первый лейтенант, 2016, Штаб Объединённого Командования ВС, округ Арлингтон, Вирджиния. Сразу попадаем в Пентагон? Что, чёрт возьми, может делать лейтенант - в Пентагоне? Пентагон - это такое особое место. Там лейтенант значит меньше, чем дырка от бублика, а генералам и адмиралам подполковники кофе заваривают. В охрану его бы не поставили. Ни к чему учить офицера четыре года в «Уэст-Поинте», а потом два года в Квантико, чтобы сделать его помощником начальника караула. Конечно, может быть, наш лейтенант - сын какой-нибудь большой «шишки». Пристроили на тёплое местечко после *Обвала*, чтобы не надо было идти на войну, как всем остальным

прочим.

Опа! «Дистингуишед Сервис Медал» и «Пёрпл Харт», 2017. Как в пяти стенах Пентагона можно заработать медаль за особые боевые заслуги? Пятизвёздочного генерала в задницу целовать? Вывихнув при этом челюсть, чтобы ещё и «Пёрпл Харт» дали? В Пентагоне, конечно, дают медали за целование генеральских задниц. Но уровень этих «боевых наград» куда ниже, чем сияющие высоты «Дистингуишед Сервис Медал». Каким бы «блатным» офицер не был, на «теплом месте» медаль за особые боевые заслуги не дадут. Значит, лейтенант Сполдинг в Пентагоне только числился, а служил - совсем в другом месте. Причём, судя по наградам, в месте очень и очень опасном. Интересно. А дальше - вообще что-то из ряда вон. Произведён в капитаны, 2017. 2018, база морской авиации Королевского Флота Йовилтон, Великобритания. Но, постойте, он же не морской офицер, не лётчик, и не морпех? И - не англичанин! Что может американский пехотный капитан делать на базе военно-морской авиации Королевского Флота? И вот: 2020, «Медал оф Онор»[73] и вторая «Пёрпл Харт». Зря капитан на британском флоте паёк не жрал, это однозначно. Затем, совершенно неожиданно для себя, Марк прочитал: 2021, Военная Тюрьма ВВС США, база Лейкенхед, Великобритания. Уволен в отставку, 2027. Но это не было позорной «отставкой без почестей»: по определению карточки, Сполдинга просто «исключили из действующего списка»[74], с сохранением воинского звания и всех наград. Последний известный адрес: проезд Меза, Хьюстон, Техас. Адреса электронной почты и номера телефона в карточке не было. Зато была вторая фотография. Тюремная. В полевой форме, без погон и знаков различия. Анфас и профиль, с регистрационным номером внизу и линиями для определения роста на светло-голубом заднике. Точнѐхонько пять футов - девять дюймов, отметил Марк. Вместо мальчишки-лейтенанта с первой страницы, на тюремном фото был зрелый мужчина. Лицо стало, вроде бы, ещё тоньше, нос заострился и немного нависал. Плотные стриженные волосы. Глаза. Те же глаза с прищуром. Но теперь они напоминали глаза затравленного зверя.

Марк смотрел на фотографию и потихоньку погружался в панику. Эрик Сполдинг. Допустим, он работает на заводе у Фредерика. Тогда, источником всех этих «утечек информации» был, разумеется, сам Марк. Приходя домой, но частенько болтал с Майком и другими членами семьи о ходе расследования по делу «Шелдонского Мясника». Нет, ничего секретного членам семьи он никогда не говорил, однако, Майк, за прошедшие два года, наверняка знал о деле «Шелдонского Мясника» больше, чем любой работник прессы. Дальше просто. Сполдинг как бы невзначай спрашивает Майка о семье, о работе отца. Разговорить Майка - пара пустяков. Вот и к Саманте Сполдинг стал подлизываться. Чтобы не потерять с уходом Майка в армию ценный канал информации, не иначе. К тому же, Сполдинг стажировался два года в Квантико. Вряд ли по психологии - к Саманте он подкатил очень уж топорно. Значит - по криминалистике? «В курсе возможностей современной криминалистики», - так охарактеризовали убийцу эксперты из Вашингтона. Не «в курсе возможностей», а «отлично обучен» криминалистике. Причём профессорами из Академии ФБР!

Он поднял со стола телефон и нашёл номер Уильяма в списке контактов. Этот телефон Уильям подарил Майку перед уходом в армию, а теперь он перешёл от Майка к Саманте, но Марк не озаботился изменить имя в адресной книжке.

- Аллэ?! - раздался в динамике голос после второго гудка, - Это ты, Марк?
- Клэрис? Почему телефон у тебя, а не у Саманты?
- Сэмми вчера забыла его зарядить. Поэтому оставила дома, в заряднике.
- Очень мудро! Как раз, когда телефоны нужны больше всего! Ладно. Как там у вас?
- Нормально. К урагану приготовились. Сидим, смотрим «*Правдивую ложь*» на DVD. Там ещё этот, Арнольд Шварцнеггер, играет такого супер-шпиона, классный боевик. На улице такой ветер - аж дом трясётся! Я, правда, немного волнуюсь за Мэри, Билли и Дэйви.
- Они не вернулись ещё?
- Пока нет. И телефон у Мэри не отвечает. Вне зоны действия сети, говорит.
- Наверное, там какая-нибудь проблема с мобильной связью. У доктора Смитса тоже телефон не отвечал. Ладно, ты особо не волнуйся. У них, наверное, всё в порядке, просто не могут позвонить. Пока, я сейчас наберу Штольца...

Марк отключился и набрал номер Фредерика. Давай, подними трубку, приятель! Потом скажи мне, что твоего ночного сторожа зовут вовсе не Эрик Сполдинг, а Джо Сполдинг. Что роста он пять футов, два дюйма. Или наоборот, что он играл в баскетбол в НБА. И что он в армии никогда не служил, потому что у него - грыжа, от игры в баскетбол. А подлизывается он к моей дочери - просто потому, что такой странный по жизни. После шестого гудка телефон заговорил: «Добрый день! Вы позвонили в компанию «Синтегаз». Я - директор и научный руководитель, Фредерик Штолец, а секретарши у меня нет. Если я не поднимаю трубку - это одно из двух. Первое: я занят чем-то, отчего мой заводик может взлететь на воздух. Второе: бум! Он уже взлетел! Короче. Если Вам надо просто купить бензина - идите на вебсайт три дабл-ю точка синтегаз точка ком. Остальные: оставьте сообщение после гудка, - я Вам позвоню, честно. Но только в первом случае. Би-и-и-п.»

Марк усмехнулся. Эту версию автоответчика Фреда он ещё не слышал.

- Фредерик, это Марк Пендерграсс. Перезвони, пожалуйста, если ты и Саманта ещё не взорвали завод, - сказал он в телефон.

У Фредерика Штольца и вебсайт был такой же - весь в приколах, бизнес с юмором. Например, на страничке «*Немного о химии*» сначала популярно объяснялось, почему из старой пластмассы нельзя сделать полноценный бензин, а затем было написано: «*если нельзя, но очень хочется*», и шло объяснение, почему продукцию заводика всё-таки можно заливать в топливный бак без особого риска для двигателя. А на страничке «*Жалобная книга*» был опросник. Среди прочего, там был вопрос: «*В нашем бензине Вас не устраивает: (a) цена, (b) октановое число, (c) содержание фенолов, (d)*

содержание асфальтовых смол, (e) запах, (f) цвет, (g) вкус». Если клиент щёлкал по опции «цена», на странице выскакивало: «Уважаемый клиент, на дворе»: - дальше следовали сегодняшние месяц, день и год. «Заметьте, год 2030, а не 1998. Цена - какая уж есть. Извиняйте.» А если клиент щёлкал по опции «вкус», выскакивало окошко: «Ошибка: Неверный порт ввода. Сплюньте немедленно!»

Мэри, с её программистским опытом, помогала делать этот вебсайт. От оплаты она категорически отказалась, но Фред принёс ей в подарок фарфоровую фигурку смешного медвежонка, отмахивающегося от пчёл. Статуэтку можно было открыть и поставить внутрь банку мёда. Мэри говорила: «Фред, у Вас ведь серьёзное химическое предприятие. Зачем все эти *фенечки*? Как бывший программист и веб-дизайнер Вам заявляю: выглядит совершенно непрофессионально.»

На что Фред отвечал: «Мэри, дорогая, серьёзные химические предприятия все закончились десять лет назад. То, чем мы с мальчиками занимаемся, - называется «хобби». Относиться к этому серьёзно - не даёт мне моя, теперь никому не нужная, докторская степень. Однако, поскольку наше хобби позволяет мне время от времени кушать мои любимые немецкие сосиски с моим любимым пивом, я не жалеюсь...»

Раздумья Марка прервал дежурный депьют, который постучал в косяк двери и доложил, - У нас попытка ограбления, сэр. С двумя трупами. Хозяин говорит: ещё трое - убежали. Угол шоссе Беамонт и улицы Ирин.

- А, это как раз к группе офиса коронёра, депьют, - кивнул Марк. Если в Полицию звонил сам хозяин лавки, трупы наверняка принадлежали потенциальным грабителям. - Натали и Том - спят в «обезьяннике». Не затруднит Вас их разбудить?

- Без проблем, сэр, - ответил депьют и умчался.

Марк выключил и упаковал ноутбук, скинул сандалии и надел резиновые сапоги, ещё раз проверил свой «Глок», оглядел кабинет на предмет готовности к эвакуации, затем снял с крючка на стене полицейский прорезиненный дождевик. В дверях кабинета показались, зевая, Том и Натали, тоже в жёлтых дождевиках.

- Ну вот, депьют сказал, есть работка и для нас, - зевнул Том, - Как мы будем туда добираться? На лодке - вроде бы, ещё рановато. Вода пока мелковата.

- Ты пессимист, Том, - засмеялась Натали.

- Скорее, реалист. Смотри, какой дождь.

- Ничего не поделаешь, попробуем на великах, - неуверенно сказал Марк. Да, было бы здорово, если бы у нас было побольше дизтоплива для наших полицейских автомобилей, подумал он про себя.

На великах у них получилось плохо. Порывы ветра были такие, что даже стоять было трудно. Пришлось спешиться и толкать ставшие бесполезной обузой велосипеды.

Несмотря на дождевики, они мгновенно вымокли до нитки. В сапогах у Марка противно хлюпала вода, и он с завистью смотрел на обутую в резиновые *вьетнамки* Натали, как ни в чём не бывало шлёпавшую прямо по лужицам. Ноги были одинаково мокрыми, но у неё хотя бы не хлюпало.

Глава 24

Хорошо ещё, что идти было относительно недалеко - около полутора миль [прибл. 2,5 км]. На углу их встретил местный депьюти.

- Зря мы вас, наверное, вызвоили, ребята, - извинился он. - Можно было просто заснять всё на телефон и вы бы выдали коронерское заключение заочно.

- Ну, раз уж мы всё равно здесь... Кто, кого и где убил? - поинтересовался Марк.

- Салун «Заглянем на пару крепкого» - вон там, - махнул рукой депьюти. - Вообще, очень приличное заведение. Хозяина знаю - отличный мужик. Сам туда хожу постоянно. У них всё было, конечно, закрыто, но грабители вежливо постучали, сказали, что они трейдеры, до дома далеко, всё такое, не позволите обсушиться? Ну, хозяин сжалился, открыл. А ребята начали вытаскивать пушки и ножики. Не учли только, что сын хозяина тихо-вежливо сидел за стойкой бара. С винтовкой в руках. А служил он в Мексике, и был там снайпером. Бах, бах - два выстрела, два трупа. Те трое, что не успели войти внутрь, сделали ноги.

Они быстро осмотрели место несостоявшегося вооружённого ограбления. Натали, пощёлкав камерой, надела латексные перчатки и упаковала в пакеты содержимое карманов неудачливых грабителей. Из оружия присутствовали: допотопный, семидесятых годов прошлого века, револьвер, блестящий бронзовый кастет и табельный армейский нож. Том снял карманным сканером отпечатки пальцев и уже через десять минут доложил, что грабители идентифицированы. Оба парня были из западного Хьюстона. Скорее всего, и в самом деле - трейдеры. Только сегодня не успели закупить копчёную рыбу в Галвестоне и решили подзаработать разбоем. То, что сын хозяина не превысил пределов необходимой обороны, было ясно с одного взгляда. Пулевые отверстия у обоих убитых были точно в верхней трети груди - стрелял, как учили, причём в нападавших, а не в убежавших. При этом, он до сих пор сидел на полу у стойки, закутанный в одеяло, с бутылкой дешёвого бурбона в руке, и его до сих пор трясло. Одно дело - всадить в кого-то пулю за пятьсот ярдов [прибл. 460 м], и совсем другое - вот так, глаза в глаза.

Оставив местного депьюти дописывать протокол и решать, что делать с трупами (при всём желании они не могли их забрать с собой - не на велосипедах же их везти!) команда Марка выбралась на свежий воздух, под навес рядом с дверями бара. «Артур» бушевал вовсю. Шоссе Беамонт ещё не было затоплено, но вода в сточных канавах уже стояла почти вровень с дорогой. Марк набрал ещё раз номер Фредерика Штольца. Снова гудки, затем: «Добрый день! Вы позвонили в компанию «Синтегаз». Я - директор...» Чёрт возьми, что он там делает? Он набрал телефон Мэри. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны мобильной связи,» - сказала трубка. Оставался ещё телефон Уильяма.

- Аллё, Марк?

- Клэрис! Мэри и Уильям ещё не вернулись?

- Ещё нет.

- А Саманта?

- Тоже нет. Вряд ли они сегодня вернутся. По «SRTV» показывают, на Восточном шоссе уже вода. Может, они у доктора ураган пересидят? Я надеюсь, Сэмми и Штольцы решили остаться на заводе, а не пробираться сюда.

- Понятно. Ладно, сидите и не высовывайтесь. Насчёт Саманты и Штольцев - я попробую сам до них добраться. Я перезвоню.

Он нажал «отбой» и повернулся к судмедэкспертам, - Том, можно гипотетический вопрос?

- Конечно. Обожаю всё гипотетическое, сэр.

- Если мы запрашиваем Пентагон не о конкретном человеке, а по профилю, ну: возраст такой-то, служил в спецподразделениях, и так далее. Может быть так, что нам какие-то имена не пришлют?

- Может, конечно. Администратор базы данных - тоже человек. А человеку - свойственно ошибаться. *Errare Humanum Est*^[75]. Так ещё древние римляне говорили. Хотя, у них, конечно, не было компьютеров, чтобы из маленьких ошибок делать огромные.

- Нет, я не о том. Не о человеческих ошибках, а если они убирают имена специально. Что, если кто-то во время службы занимался чем-то очень секретным? На атомной подлодке служил, например?

- Если на атомной подлодке служил, там так и будет написано. Сейчас это совсем не секретят. Они и в море-то не ходят. Но, если что покруче, какие-нибудь очень продвинутые диверсионные части или разведка, файл либо выдадут, либо нет. Помните, я говорил, что запрос занимает больше месяца? Ну, пару-тройку недель он просто в очереди дожидается, а потом - они ведь должны сами просмотреть карточки и решить, что Полиции следует знать, а что - нет. А почему Вы спрашиваете?

- Да так, есть одно соображение, - уклонился от ответа Марк. - Вот что, вы двигайтесь в Участок, а я заскочу проверю заводик Штольца. Тут недалеко - и мили не будет.

- Может, не стоит разделяться, в такую-то погоду? - неуверенно возразил Том, - Давайте - вместе пойдём?

- Не стоит вам туда-сюда таскаться. К тому же, наверняка, вы нужнее в Участке сейчас.

Скорее всего, его фантазии об Эрике Сполдинге - это чистой воды паранойя. Даже

если именно этот, вычеркнутый из списков, Сполдинг и работает у Фреда, почему он непременно должен оказаться серийным убийцей? Боевой офицер, с высшими военными наградами, дважды ранен. Скорее всего - стратегическая военная разведка. Ну, посадили его за что-то. Отсидел. И даже не получил «отставки без почестей». Оставлен в своём звании и с медалями. Значит то, в чём он там провинился, - это не самое худшее из преступлений. Скажем, наотрез отказался участвовать в какой-нибудь военной операции? После операции «Газовый Щит» многие потеряли веру в своих отцов-командиров. Операция «Газовая Гангрена». Наверное, её не зря так называли!

- Нет, ребята, вы со мной не ходите, - сказал он решительно, - Выйдем на шоссе, мне - налево, вам - направо. Я буду в Участке где-то через час. Может, - час с небольшим...

- Ладненько, удачи, - сказала Натали, - В случае чего - звоните.

Она скинула *вьетнамки* и закрепила их на багажнике, рядом со своей спец-сумкой. Том последовал её примеру и тоже разулся, повесив резиновые сапоги на раму велосипеда. Ливневые желоба не справлялись, и вода уже почти доходила до колен. Эксперты перешли вброд разлившуюся лужу и принялись толкать велосипеды по мокрому шоссе, наклоняясь против порывов ветра и залпов дождя.

Марк разуваться не решился. Переходя лужу у шоссе, он черпнул правым сапогом воды, но в принципе было уже всё равно. По крайней мере, ему ветер дул в спину, и идти, точнее, почти что бежать, притормаживая подгоняемый ветром велосипед, было довольно легко. Интересно, как же я назад-то пойду - подумал он.

Когда Марк приблизился к полигону дороги Маккарти, загаженные переулки были пусты. Перерабатывающие заводи́ки были закрыты, но из некоторых труб поднимался дым, ещё более заметный на фоне дождя. Майк говорил как-то, что большинство плавильных печей работают днём и ночью. Наверняка, там внутри сидел кто-то, посматривая одним глазом на печь, а другим - на дверь. И сжимая в руках какое-нибудь оружие. Как в лавках и барах, все двери и окна мастерских были закрыты на засов. Марк коснулся было ручки одной из дверей, но потом решил не объявлять о своём присутствии. Несмотря на жёлтый полицейский плащ, испуганный охранник будет сначала стрелять, и только потом - задавать вопросы. Даже бэдж ФБР не поможет. Кто будет разглядывать какие-то там удостоверения в такой дождь?

Марк обдумал, что он скажет Сполдингу, если это был, конечно, тот самый Эрик Сполдинг, а не какой-то другой Сполдинг. Предположим, Фредерик, Мартин и Саманта уже ушли домой. Ночной сторож, конечно, будет на заводе, вместе с Жасмин Хобсон и двумя её братьями. Саманта говорила, что он был единственным, кто приходил на работу вечером и уходил утром. Двери будут наверняка заперты, и сторож будет вооружён. Будем надеяться, что от академии «Уэст-Поинт» у капитана Сполдинга всё ещё остались в мозгах армейские правила использования оружия: сначала идентифицировать цель, а уже потом - стрелять? Я снова предположил, что ночной сторож - это тот самый капитан Эрик Сполдинг, а не какой-то другой Сполдинг, напомнил себе Марк. Вполне возможно, что сторож начнёт палить в белый свет, как в

копеечку, а потом окажется, что сторожа зовут Джо, и он - бывший баскетболист, причём - с грыжей?

Ещё очень может быть, что сторож - это и есть капитан Эрик Сполдинг, но к «Шелдонскому Мяснику» он никакого отношения не имеет. Тогда - всё великолепно. А вот если сторож - это и есть «Шелдонский Мясник», ситуация будет намного хуже. Марк не имел абсолютно никакой логической цепочки к тому, что Эрик Сполдинг был серийным убийцей. Всего лишь смутное подозрение, основанное на послужном списке из базы данных Пентагона. Юридически, арестовывать Сполдинга было не за что. Даже в первые годы после *Обвала*, когда соблюдение законности не было таким уж строгим, они бы постеснялись арестовать человека на основании столь расплывчатых подозрений. Причём, судя по файлу этого Сполдинга, арестовывать его без двух-трёх вооружённых депюти - это трудное и опасное предприятие. Значит, об аресте не могло быть и речи. Но тогда, внезапный визит Марка на заводик скажет Эрику Сполдингу, что ФБР им заинтересовалось, и его поведение станет непредсказуемым.

Марку нужна была какая-то отговорка. Конечно! Жасмин и её братья. Это можно использовать в качестве версии прикрытия. Надо смотреть на Эрика Сполдинга, как на мебель. Типа, не мешайтесь, гражданин, я - из ФБР, за Хобсонами из Программы защиты свидетелей пришёл. Гражданских попросим не вмешиваться... Скажу: «Здравствуйте, я - старший следователь Пендерграсс, из ФБР.» Покажу бэдж. Дальше так: «Как Ваше имя, сэр? Эрик Сполдинг? Приятно познакомиться, сэр. Эти трое подростков - Хобсоны, они на заводе? Мистер Штольц Вам говорил, что их придётся переместить в другое место? Куда? Боюсь, я не могу Вам этого сообщить, сэр. Программа защиты свидетелей, знаете ли. Нам, наконец-то, утвердили финансирование. Лучше поздно, чем никогда, верно? И - спасибо за заботу о детях, сэр, бла, бла...» Если Марк разыграет этот диалог достаточно профессионально, Сполдинг, может, и не заподозрит ничего. Старший следователь Пендерграсс, тупой бюрократ из ФБР, делает своё тупое дело.

Наконец, Марк добрался до ворот заводика Штольца. Ворота были заперты, но над короткими обрубком кирпичной трубы котельной поднимался шлейф дыма, указывая, что реакторы работают. Майк говорил, что у них на заводе котельная должна была работать круглосуточно, и это было даже более важно, чем в переплавочных мастерских. Если бомбу запустили, останавливать её не стоит, пока весь цикл не завершится. Остановишь раньше - придётся вручную вычищать полу-разложившуюся пластмассу из резервуара.

Марк стучался в ворота несколько минут, пока кто-то изнутри не ответил, - Это ты, Джас?

Немного спустя в створке ворот отхлопнулось смотровое окошко, и какой-то мужчина выглянул наружу. Его лицо было в тени капюшона плаща. - Ты кто, чёрт возьми? Проваливай.

Марк вытащил бэдж и начал с заготовленной фразы, - Здравствуйте, я - старший следователь Пендерграсс, из ФБР.

- Надо же! Из самого ФБР! - за воротами загремел засов, и одна створка слегка приоткрылась, - Пожалуйста, входите.

Марк пощупал левым локтем свой «Глок», и, ощутив успокаивающую тяжесть пистолета, толкнул велосипед внутрь. Всё, вроде, идёт по плану. Однако, Эрик Сполдинг это, или нет?

- А Ваше имя, сэр? - спросил Марк, одновременно пытаюсь разглядеть лицо сторожа. Пока, он лишь убедился, что сторож был одного роста с «Мясником» - точнѐхонько 5-9. Ещё, у сторожа было оружие: гладкостволка двенадцатого калибра. В своей прежней жизни, это ружьѐ, наверное, использовалось для стендовой стрельбы - по тарелочкам, но теперь оба ствола и приклад были отпилены, превратив ружьѐ в бедняцкую версию тактического дробовика.

Ночной сторож громыхнул засовом, повернулся и сбросил капюшон плаща. Наконец, Марк увидел его лицо. Оно имело много общего с лицом капитана Эрика Сполдинга с фото из файла, но этот человек был однозначно не Эрик Сполдинг. Намѐтанный глаз Марка мгновенно насчитал с десятков различий: нос, форма уха, чуть выгнутые брови... Марк почувствовал огромное облегчение.

Человек протянул руку и представился, - Рик Сполдинг, ночной охранник. Как поживаете, сэр? И, хм, извините за обрез. Разумные предосторожности.

- Приятно познакомиться, мистер Сполдинг, - ответил Марк, пожимая руку, - И, я прекрасно понимаю, оружие просто необходимо. Лишняя осторожность ещё никому не навредила.

Укороченное «Рик» могло означать «Ричард», «Патрик» или, естественно, «Эрик», но это было, скорее, просто совпадение. Человек казался достаточно доброжелательным, и не выглядел обеспокоенным.

Сполдинг махнул рукой вглубь двора, приглашая Марка следовать за собой, - Чѐтов дождь. Давайте лучше зайдѐм в офис, сэр.

Марк прислонил велосипед к воротам и двинулся вслед за сторожем. Какие у него шикарные резиновые сапоги, отметил он про себя. «Веллингтон». Такие сейчас даже в ФБР не достанешь. Ещё он отметил, что сторож не хромает. Расслабься, и не будь параноиком, скомандовал он себе. Это не тот Сполдинг. Совсем другой, совершенно абстрактный Сполдинг, просто ночной сторож с заводика *на Куче*. Десять тысяч шансов против одного, что это - не «Мясник».

У двери офиса сторож постучал сапогами, чтобы сбить налипшую грязь. Затем, он обстоятельно, неторопливо, распахнул дверь и жестом пригласил Марка войти.

- Чем могу быть полезен, сэр? - Произнёс он. Как какой-нибудь британский дворецкий из старого фильма.

Следовать заранее разработанному плану разговора не имело смысла, и Марк спросил напрямик, - Мистер Штольц, Мартин и Саманта? Они тут? Я немного волновался... Ну, ураган, всё такое... А звоню - отвечает автоответчик...

- Местная мачта мобильной связи отказала. После обеда телефоны не работали.

- А как же - автоответчик? Ну этот: «Здравствуйте, Вы позвонили на завод «Синтегаз»,» - и так далее?

- У мистера Штольца - дорожный план. Автоответчик - он на самом деле на телефонной станции. Даже превращает голосовые сообщения в текст, очень круто.

- Ясно. Они ушли на завод утром: Фредерик, его Марти и моя Саманта. Я просто немного волновался за дочь. Вот, решил заскочить по дороге.

- А, как же я сразу не понял! Вы - отец Саманты и Майкла! - расплылся в улыбке сторож, - Великолепные у Вас дети, сэр, просто загляденье! Как там дела у Майкла - в армии? Знаете, когда Саманта начала тут у нас работать, я сразу сказал мистеру Штольцу: как хорошо, просто замечательно!

Тут сторож, конечно, врёт. Саманта сказала, что поначалу сторож проворчал что-то вроде: «и на хрена она нам тут?» Обыкновенный подлиза. Есть такой тип людей: всегда вам говорят только то, что вам приятно слышать.

- Так они здесь, или нет? - Переспросил Марк.

- Домой ушли. Уже часа полтора будет.

Марк посмотрел через полуоткрытое окно на залитый дождём двор. Грузовой трицикл Майка был на обычном месте - в углу под навесом. На платформе стояли две оранжевые канистры. Наверное, Фредерик, Мартин и Саманта решили не брать с собой трицикл. Толкать его под дождём было бы глупой затеей. Резиновых сапог под сиденьем трицикла не было. Хорошо, что Саманта догадалась обуться, подумал Марк. Если дорогу затопит, под водой может оказаться всякая гадость.

Он достал из-под плаща телефон и начал искать номер Фредерика, но заметил, что иконка сверху показывает отсутствие мобильной связи. - А где Жасмин и её братья, мистер Сполдинг?

- Их тоже нет, сэр. С утра мальчики пошли в школу, и Джас - тоже с ними. Наверное, испугались урагана, и теперь уже заночуют там? Не знаю...

С тобой всё ясно, Марк, - сказал Марк сам себе. У пациента был небольшой приступ паранойи. «Прозак» надо бы Вам попить, голубчик, для профилактики. Рик Сполдинг с завода - это не капитан Эрик Сполдинг из файла и не «Шелдонский Мясник». Саманта назвала его «странным» потому, что он просто такой подлиза. Но быть подлизой -

это ещё не преступление. Не о чем беспокоиться. Фредерик и дети ушли домой. Жасмин и её братья проведут ночь в школе, всё безопаснее, чем здесь, рядом с работающими *бомбами*. А телефон не отвечал - да просто потому, что там что-нибудь сломалось. После *Обвала*, всё потихоньку ломается. Особенно - в ураган.

- Ну ладно, тогда я пошёл. Выпустите меня из ворот? - Попросил Марк сторожа.

- Подождите, сэр. На Вас же сухой нитки нет! Давайте, я сначала напою Вас кофе. У меня - великолепный желудёвый кофе. Почти как настоящий, - он пододвинул Марку колченогую табуретку, - Снимайте плащ. Присаживайтесь. Я настаиваю, сэр!

Марк решил принять приглашение. Он скинул плащ и осмотрелся в темноватом офисе. Обстановка была спартанской. У окна стоял импровизированный кофейный столик - фанерный ящик с самодельными ножками, покрытый несвежей клеёнкой. Вдоль стен были прибиты такие же самодельные полки, с какими-то папками и справочниками. Под стать столику и полкам были и три грубо сколоченные табуретки. В углу находился доисторический несгораемый шкаф, рядом стояли впритык два огромных обшарпанных рабочих стола с приткнувшимися к ним чёрными офисными креслами на колёсиках. На дальнем от окна столе была в беспорядке навалена гора бумаг и книг, а ближний - был пуст, не считая какой-то непонятной жестянки с контактами, тумблерами и кнопками. В дальнем конце помещения была небольшая дверь: то ли кладовка, то ли спальенка для ночного сторожа.

Сторож достал две кружки, дунул внутрь, чтобы убрать воображаемую пыль, и разлил в кружки кофе из термоса. Напиток и правда оказался великолепным, почти как настоящий кофе.

- Вы зря ходите вокруг нашей *Кучи* один, да ещё в такую погоду, сэр, - завёл разговор сторож. - Я бы, сэр, один - ни за что не вышел отсюда! Ни за какие коврижки! Оно конечно, у Вас пистолет, всё такое. Однако, не ровен час... В Участке-то знают, что Вы *на Кучу* пошли?

У Марка был во рту горячий кофе, поэтому ответить он не успел. В ворота кто-то постучал. Сначала робко, а затем в полную силу.

- Кого ещё чёрт принёс? - Озабочился Сполдинг, - Эти чёртовы *крысятники* с *Кучи*, наверное. Ну эти, знаете, у которых своей территории, ну, делянки, как они её называют, - нет... Пока дождь, наворовали пластмассы и притащили продать по дешёвке. Не пойду открывать, ну их нафиг.

- А может, это Жасмин и мальчики? - Возразил Марк. В ворота забарабанили снова, ещё более настойчиво.

- Да нет. Откуда Жасмин? Это точно *крысятники*. Я уже зарекался у этих гадов лом покупать. Подсовывают всякую гадость. Я в пластмассе - не разбираюсь. Я же - не химик! Все эти ПВХ, ПЭХ, Лексан, Делрин, Нейлон - в них сам чёрт ногу сломит! А мистер Штольц потом ругается. Одно из двух: либо не то купил, либо то, но много

заплатил. И так, и этак - я кругом виноват.

Странно. Жасмин он теперь не ждёт, отметил про себя Марк. А когда он ходил к воротам в прошлый раз, крикнул как раз наоборот: «Это ты, Джас?»

- Ладно, пойду выгляну, - неохотно сказал сторож, снимая с крючка мокрый плащ. Как будто, он не решается оставить меня тут одного, подумал Марк. Сполдинг взял со стола обрез, переломил, взглянул на латунные головки патронов, защёлкнул снова. Тем временем, стук прекратился. Сторож поколебался немного, но потом всё-таки двинулся к двери. Через некоторое время сквозь шум дождя Марк расслышал: «Джас?» Потом щёлкнуло смотровое окошко, а через несколько секунд загредел засов.

Неожиданно, порыв штормового ветра ударил чуть сильнее, и дверца в дальнем конце офиса, звеня стеклом, распахнулась. Да, это точно была спальня сторожа - каморка четыре на шесть футов [прибл. 2,2 кв. м], с топчаном у стены.

Чёрт возьми, подумал Марк. Поверх цветного детского одеяльца, на топчане лежали вещи. Два туго упакованных рюкзака: один огромный, из камуфляжной ткани, какой бывает у парашютистов-десантников, второй - маленький, чёрный, наподобие школьного. Поверх большого рюкзака были привязаны резиновые сапоги Майка (точнее - уже Саманты, поправил себя Марк.) Он знал совершенно точно, что это были сапоги Саманты, а не просто чьи-то похожие. На носке верхнего сапога была наклеена аккуратная заплатка. Марк отлично помнил, как в прошлом году его сын проколол где-то сапог, недели три сетовал, что никак не может найти правильный клей, кое-как заматывал дыру тряпками или изолентой и, наконец, провёл ремонт обуви по всем правилам.

Марка озадачило совсем не то, что у ночного сторожа были собраны вещи. Он просто приготовился к урагану «Артур», на случай если заводик начнёт затапливать. Не удивило его и то, что Саманта, вот так, запросто, одолжила свои сапоги сторожуподлизе, а сама пошлёпала домой босиком. Тут нечему было удивляться. «По-настоящему» она обещала или нет, сегодня она найдёт себе какое-нибудь достойное оправдание. Ну, например, что шоссе было «та-а-ак замечательно затоплено», или что ей не нравится, как в сапогах хлюпает вода (тут уж трудно с ней не согласиться), или что-нибудь в том же духе. Марка даже уже не волновало, что под водой может оказаться всякая гадость: его младшие дети, как совершенно *не-неженки*, могут запросто отправиться босиком хоть на другой конец Хьюстона, и ничего им не сделается. Однако, при всём при этом: у сторожа уже есть пара великолепных «Веллингтонов». С чего бы это вдруг ему просить у Саманты ещё одну пару резиновых сапог?

И вдруг, Марк понял, точнее, каким-то инстинктом почувствовал, что его дочь не ушла домой, а была где-то совсем недалеко. Он тихонько вытянул из кобуры пистолет, опустил предохранитель, загнал патрон в патронник и осторожно выглянул в окно. И вовремя: краем глаза он заметил, как под дождём к двери офиса приближается ночной сторож, с обрезом наперевес. «Рик Сполдинг» двигался немного боком, осторожно ступая своими шикарными «Веллингтонами» по осклизлой глине. Так подбираются на

расстояние уверенного выстрела охотники. Или спецназовцы. Марк поднял пистолет на уровень глаз и отступил в спальню сторожа.

Ночной сторож, однако, не стал входить в офис. Толкнув слегка входную дверь, он обнаружил, что его каморка открыта, и понял, что водить за нос следователя ФБР больше не удастся. Бабахнув из одного ствола обреза не глядя вглубь помещения, он отскочил назад, и помчался через двор в сторону химических реакторов. Марк рванулся к окну, но сторож обернулся и выстрелил второй раз. Осколки разбитого вдребезги окна зазвенели по комнате. Пока Марк опомнился, «Сполдинг» уже скрылся за реактором номер три.

- Чего не стрелял, следователь? - Раздалось оттуда. «Сполдинг» говорил отчётливо, выкрикивая слова, как команды, чтобы перекрыть шум дождя.

- Успею ещё пострелять, - в тон ему отозвался Марк, - Где Саманта? Остальные?

- Ха, приятель. Ты уж извини... Саманту твою я - того...

У Марка оборвалось сердце.

Глава 25

- Да нет, шучу, шучу, - выдержав драматическую паузу, продолжил сторож, - Жива твоя Сэмми. И всё остальные тоже.

Между реакторами три и два неожиданно промелькнула тень. Марк снова не успел выстрелить.

- Хочешь убедиться, приятель? Саманта, милочка, скажи папочке, как ты его любишь...

Тут же раздался голос Саманты, - Папа!

- Саманта?! Ты в порядке? - закричал Марк.

- ...Да-а, - неуверенно прокричала Саманта. Конечно, учитывая обстоятельства, «в порядке» было огромным преувеличением.

- Фредерик? Мартин? Жасмин? Мальчики?

- Мистер Што... - голос дочери оборвался, как будто ей заткнули рот.

- Цыц, сучка. Не разглашай диспозицию, - сказал сторож. Потом, громче, для Марка, - Поговорили - и будет. Теперь ты знаешь, что дочка твоя живая. Пока - живая. Чтобы между нами не было недомолвок... Ты же не хочешь недомолвок, следовательно?

- Не хочу, - прокричал Марк. Всё что ему оставалось - вести переговоры. У «Сполдинга», или как там его настоящее имя, были заложники. В том числе - дочь Марка.

- О-кей. Для начала, приятель, я тебе вкратце объясню, что у меня тут заряжено. Пуля Минье[76], слышал про такую штуку? Ну вот. Она работает примерно так. Ежели я выстрелю такой пулькой снизу в челюсть твоей дочки, её прелестное личико останется тут. Целым и невредимым. И немножко удивлённым. А вот за её мозгами и верхушкой черепа - тебе, папочка, придётся прогуляться до самого шоссе. Просекаешь? Теперь мы, тихо-мирно, пойдём с Сэмми через двор - в котельную. И не вздумай дёргаться, приятель. У моего обреза - о-о-очень чувствительный спуск. Скажи мне, что ты всё правильно понял, приятель.

- Понял, - ответил Марк. Интересно, кто у него ещё в заложниках и где они находятся? Фредерик и Мартин - это как минимум. Интересно, здесь ли Хобсоны и ещё эти: кочегар мистер Кингсли и его дочь Черри? По логике вещей, остальные заложники должны быть в котельной, тогда «Сполдинг» хочет добраться туда, чтобы контролировать ситуацию и использовать всех заложников в переговорах. Однако, непонятно, почему Саманта оказалась за реактором номер два, а не с остальными.

- Хорошо, что понял. Постарайся обойтись без сюрпризов. Мы выходим, - прокричал «Сполдинг».

В проходе между реакторами два и три показались Саманта и сторож. Дочь Марка шла впереди. Она была вымокшая до нитки, босиком, в подвёрнутых ниже колен джинсах и в разорванной на груди футболке. Рот девушки был заклеен серой изоляцией, а руки были, по-видимому, связаны за спиной. «Сполдинг» двигался сзади, приставив дуло обрез к шее Саманты.

- Потихоньку, полегоньку, - подбадривал Саманту сторож, - Вот и славненько. Теперь - не поворачивайся. Приставными шагами - влево. И, ради Бога, смотри под ноги и постарайся не поскользнуться. А то у нас будет несчастье.

Он шёл пригнувшись и всё время держался за её спиной, минимизируя шансы Марка на прицельный выстрел. Да Марк и не стал бы стрелять. Только в кино пуля в голову убивает мгновенно, и заложник остаётся живым и невредимым. На самом деле, если преступник держит ствол направленным на заложника, а палец - на спусковом крючке, предсмертной конвульсии будет достаточно, чтобы произошёл выстрел. В ФБР учили, что в подобной ситуации, даже в случае снайперского попадания в лоб преступника, заложник получает «свою» пулю с вероятностью более девяноста пяти процентов.

Сторож и Саманта, так же боком, дошли до проёма в кирпичной стене котельной и стали пятиться внутрь. Марк увидел, как «Сполдинг» дотянулся левой рукой и поднял с верстака электрический фонарик. Потом они скрылись за кирпичной отгородкой бойлера.

Голос «Сполдинга» раздался вдруг тише, но настолько отчётливо, что Марк чуть не подпрыгнул. - Молодец, приятель. Хорошо, что не стрелял.

Между окнами офиса с потолка спускалась пластиковая труба, а на конце у неё была воронка. Голос ночного сторожа раздавался из этой трубы.

- Испугался, приятель? Это - звукопровод. Одна из штучек нашего Арне. Вообще - это он для меня сделал. Ночью, котёл остывает - тут в котельной звенит звоночек. А я это слышу в офисе и иду подбрасывать дров... Ну вот. Теперь - мы все на месте, связь работает, и можно начинать мирные переговоры. Так у вас в ФБР в инструкциях написано?

- Давай так, «Сполдинг». Как твоё настоящее имя, кстати? Ты оставляешь всех заложников, и я даю тебе спокойно уйти отсюда. Стрельбы и преследования по горячим следам не будет. Это я тебе гарантирую. Дальше - твоя удача. Быстро побежишь - не поймут, - Пока Марк говорил, он не терял времени даром. Подобрал с пола кусок разбитого стекла, а с полки - рулончик изоляции, он отломил ножку у одной из табуреток и сейчас мастерил себе импровизированный перископ, чтобы осматривать двор без риска получить пулю.

- Моё имя тебе ни к чему. Я - не Сполдинг, это ты верно просек. Называй меня «Рик», не ошибёшься. А я тебя буду называть: «Марк», пойдёт? А насчёт оставления заложников и ухода, ты, Марк, наверное, пошутил. Ты только доберёшься до места,

где твой мобильник зацепит сеть, и вся Полиция Штата Техас будет у меня на хвосте.

- Хорошо, пусть будет «Рик». А откуда ты, Рик, знаешь, что у меня телефон уже не заработал? Может, я уже послал СМС, и сейчас сюда мчится команда поддержки?

Он попробовал творение своих рук, высунув стёклышко «перископа» за кромку окна. Отражение было плохое, но кое-что разглядеть было можно. Двор был пуст. Он положил пистолет на пол и достал телефон. Сигнала не было.

- Ну, Марк, ты совершенно не знаешь Хьюстон. У нас теперь мобильную связь чинят так: кто первый приедет. Если телефонщики - тогда, скорее всего, починят. А если *разборщики*, то в этом месте мобильной связи больше не будет никогда. Они провода из земли наловчились специальной лебёдкой выдирать, слышал?

Это было сущей правдой. Вот, к примеру, в тупичке у Марка была отличная мобильная связь, а чуть дальше на восток - была «дыра» уже примерно с пол-года. Там однажды ночью команда *разборщиков* повалила мачту мобильной связи. Если пройти с пол-мили на восток, часто можно было видеть людей, задумчиво бредущих по тропинкам с поднятым выше головы мобильником. Так их «восточным соседям» приходилось принимать и отправлять электронную почту и СМС. В любом случае, шансы, что кто-то приедет чинить мобильную связь в районе свалки до окончания урагана, были невелики.

- Ладно, Рик, - продолжил Марк переговоры, убирая телефон и поднимая с пола пистолет. - Давай так. Я выкину мой мобильник в окно. Ты его по дороге к воротам - подберёшь. У Саманты телефон остался дома. У Фредерика ты телефон, наверное, уже отобрал? У Хобсонов телефонов нет, насколько мне известно. Как насчёт Кингсли? У них тоже можешь забрать, ясное дело. У тебя будет не меньше двух часов, чтобы слинять отсюда. Главное, все остаются живы.

- Давай лучше так, Марк. Ты выкидываешь в окно и телефон, и пистолет. Потом я тебя свяжу, как остальных. Когда ураган закончится, вас найдут и развяжут, а у меня будет больше суток, чтобы унести ноги из Техаса. Как ты сказал: главное, все остаются живы, - На наживку про Хобсонов и Кингсли сторож не клюнул, и сколько у «Сполдинга» заложников Марку осталось неизвестно.

- Это несерьёзно, Рик. Я выкину пистолет, а ты мнепустишь одну из своих пуль Минье в лоб? - Если бы у ФБР по всем крышам сидели сейчас снайперы, может, и стоило бы предложить себя в заложники в обмен на дочь и остальных. Однако, снайперов не было, и разоружаться перед преступником было не более чем сложным способом самоубийства.

- А какая у тебя альтернатива, приятель? Что, если я засеку сейчас время? Скажем, пять минут. А по окончании этого, заметь, Марк, весьма условного, промежутка времени - вышибу гениальные мозги из твоего доброго соседа, Фредерика Р. Штольца, доктора философии? Знаешь, какая будет невосполнимая потеря для химической науки? Вот, наш доктор философии мне тут крутит головой. Наверное, не хочет пулю

Минье в лоб, так, Фред? А дальше, я буду засекаю по пять минут и стрелять дальше. Сэмми оставлю напоследок, так что у тебя будет время подумать над моим предложением.

- А какая у *тебя* альтернатива, Рик? - возразил Марк, - Допустим, ты перестреляешь всех заложников. Тогда не о чем будет переговоры вести. Я тебя тогда отсюда уж не выпущу. Из Участка рано или поздно приедут меня искать. И я тебе могу одно гарантировать, Рик. Если ты заложников хоть пальцем тронешь - быстрой смерти у тебя не получится. Если не я, так «Русский Медведь». Мы тебя будем убивать очень, очень медленно. По кусочкам. Сначала, к примеру - отстрелим тебе мужские причиндалы.

Сторож вдруг захохотал, - А вот с причиндалами, ты, приятель, сильно опоздал. Мне эти причиндалы отстрелили ещё в Ливии! Верь - не верь, а у меня в штанах - звенящая пустота. Обрубок на пол-дюйма остался, чтобы писать. Я его называю: «мой клитор». Операция по изменению пола, армейский вариант! А зато мне медальку дали. В качестве полного сексуального удовлетворения, ха, ха!

- А ты когда был в Ливии? - решил разрядить обстановку Марк. Если этот сторож и есть «Шелдонский Мясник», повреждённые половые органы великолепно объясняли, почему ни у кого из жертв не было следов сексуального насилия.

- В девятнадцатом году, приятель.

- Врёшь! В девятнадцатом там ещё не воевали!

- Кто - не воевал, а кто - воевал. Я там был в «Поджигателях». Собственно, потому что мы там были в 2019-м, - и получилась потом эта войнушка в 2020-м. Всё было сделано - комар носа не подточит. Только, наши доблестные ВВС всё прокакали. Хотя, им это не впервой.

- Погоди, что за «Поджигатели?» Огнемётчики, что ли?

- Сказал тоже: «огнемётчики!» Твоя наивность не знает границ. Вам что, про такое в ФБР не говорили? «Поджигатели» - это спецподразделение! Мы там сделали так, что это Ливия на Америку напала, а не наоборот... Хотя, всё это фигня, старые военные приключения. Давай о чём-нибудь добром поговорим.

Из «звукопровода» слышались стук и хруст - как будто кто-то колотил по пластмассе. Теперь Марк был почти на сто процентов уверен, что перед ним - «Шелдонский Мясник». Однако, стоило запустить ещё один пробный шар.

- О добром у нас вряд ли выйдет. Скажи лучше, Рик, а с мясом ты что делал? - Если бы в этот момент Рик удивился: «С каким ещё мясом?» - подозрение пришлось бы снять. У него тоже нервы на пределе - спокойно соврать тяжело. Да и зачем ему теперь врать?

Однако, предположение подтвердилось. Рик также спокойно ответил, - С мясом-то? Что можно с мясом делать? Супчик. Отбивные. Венский шницель. Венгерский гуляш. Настоящая утончённая кухня! Человечинка - она вкусная. Говорят, кто раз попробовал - на всю жизнь, - Из трубы снова послышался стук.

- То есть, ты просто *из-за мяса* убивал? - Марк всё ещё не мог в это поверить.

- Не-е-ет, приятель. Из-за мяса - я бы что попроще придумал. Нет. Ты знаешь, они в лесу - трахаются, а мне - завидно. Убил - успокоился. На какое-то время... Я тебе признаюсь, старик. Когда твой Майк тут работал, до армии... Он всё рассказывал, как твои Билли и Рисси сосутся каждый вечер. А я, типа, слушаю: чёрт, сука! Вот я сижу, с руками и с ногами, и завидую! По чёрному завидую! И главное - кому? Слепому, безрукому инвалиду-обрубку! Так бы и убил, падла!

Наверное, Майку стоило держать рот на замке, подумал Марк. - Ты ведь не пробовал, Рик. Если бы ты искал хорошенько, нашёл бы кого-то, кто бы любил тебя не только за твои яйца.

- Ага. Разбежались. Я пробовал. Честно. Но без этой штуки в штанах, как-то всё неправильно работает... А мясо - это так. Побочный продукт, чтобы добро зря не пропадало. У меня дед был - охотник. Так он всегда говорил: если убил, надо есть. Неправильно, если убивают, и оставляют гнить в лесу. А в общем - смотря с какой стороны к этому подойти. В сущности, я делал то же самое, что наше родное американское правительство, только, так сказать, частным порядком.

- То есть? - опешил Марк.

- Ну, ты, Марк, вроде, не дурак. Должен был сам разобраться. Неужто тебе ФБР вместе с «CNN» так все мозги прополоскали?

- Ну нахер! При чём здесь правительство?

- Ладно, просвещаю. Наши большие шишки в Вашингтоне потихоньку кушают Америку. Да чего там: Америку. Весь земной шарик они кушают. Каннибализируют, так сказать, - Снова раздались осторожные удары по пластику.

- Что ты мелешь? Каннибализируют? В каком смысле?

- Ну, не в самом прямом. Пока не в самом прямом. Но очень близко к этому! У тебя старший, Билли, да? С войны пришёл - весёленький такой обрубок. Без рук и слепой - так? Можно тебя спросить: а что он, собственно, делал в Венесуэле? Как военный инженер? А? Бензин добывал - на минных полях! Вот, сейчас Майка туда же забрали. Они его тоже пошлют бензин добывать. В Венесуэлу, или ещё куда - неважно. По Теории Вероятности, вернётся он, скорее всего, без ноги. Или без обеих. Если вообще вернётся, конечно. Куда мясо делось? Все эти руки-ноги? Трупы-мертвяки? А? Правильно: из мяса получился бензин. А бензин кому? Правильно: шишкам в Вашингтоне, Федеральный Округ Долбаная Колумбия. Просек логику, приятель?

- Ты моих сыновей не трожь, падла! Уильям за Родину пострадал, - огрызнулся Марк. Фредерик говорил то же самое, подумал он про себя. Тогда, на веранде, они пили пиво по поводу повесток Майка и Арнольда. Только вместо «бензин» Фред говорил «нефть», а вместо «Вашингтон» - «Пентагон».

- Ну, я имею право говорить, что хочу. Тоже, вроде как, за Америку пострадал. И вообще: Свобода Слова, Первая Поправка[77], в курсе? А за Билли - извини. Привёл пример поближе к сердцу, так сказать, - примирительно согласился «Мясник», - Давай не будем переходить на личности. Пусть будет не Билли, а абстрактный молодой человек с твоей улицы. Значится так: забирают парня на войну. Трах-бабах, оторвало ноги. И что наше уважаемое, демократическое, очень прогрессивное правительство даёт пацану взамен? Поддержанную униформу. Медальку-другую на грудь. Плюс ещё кучку довольно бесполезных зелёных бумажек с портретами великих Президентов. Бери, инвалид! Мы себе ещё напечатаем. Твоему Уильяму, кстати, за оторванные руки - сколько отслюнявили?

- Пока нисколько. Обещали только. Обещанного - три года ждут, - признал Марк. «Мясник» говорил правду, и от этого становилось страшно. А действительно, что получили Уильям, Кэйт Боуэн, Пол, их сосед из дома напротив, и все эти остальные инвалиды взамен искалеченных жизней, оторванных рук и ног?

- Вот и я про то же. Три года. Ничего, он подождёт. Куда ему спешить, правда? - продолжил «Мясник» объяснение, - Короче, родители отправляют здоровых, сильных парней на войну, а получают вместо них калек или посылочки с медальками. Ребята теряют на войне руки-ноги, а взамен - да почти что ничего. Только: «благодарим за службу». Ну, некоторые счастливики, вроде твоего Билли, ещё в придачу к «спасибо» получают красное ведёрко «Пути Спасения». Слыхал, как они теперь это называют: «Социальный Оптимум»? Типа: а калекам больше ничего и не надо. Теперь от мальчиков перейдём к девочкам. - Снова какое-то постукивание по пластмассе.

- Ты о том, что девушек начнут в том году в армию призывать?

- Это тоже. Но это, пока, не массовое явление. А вот тебе массовое. Правительство заставляет баб рожать. Как можно больше, так?

- Насколько я знаю, никто никого не заставляет.

- Ага. Таки и не заставляет? Аборты - запретили! За аборт теперь срок дают. И доктору, и пациентке - по пятнадцать лет в лагерях. Втрое больше, чем за преднамеренное убийство. Пилюли от залетов - запретили. Гондоны - не запретили ещё пока, да только где ты их теперь купишь? Где у нас этот секретный магазин? А? А по закону: девочка в четырнадцать, как твоя Сэмми, к примеру, - считается половозрелой особью. Хоть трахайся, хоть рожай, хоть замуж. И в проститутки можно - все пути у нас открыты. Вот, Марк, мне Сэмми тут кивает. Хочет сказать, что она уже... Нет, она пока ещё не то, что ты подумал. Пока - просто половозрелая особь. По закону. Просекаешь? Это же программа размножения! Всё устроено так, чтобы у

правительства было побольше мяса! На будущее.

- Ладно, аргументы принимаются. Кто будет возражать? Что ещё расскажешь?

Похоже, переговоры зашли в тупик, и обе стороны просто тянут время. Марку тянуть время было выгодно. Он сказал Тому и Натали, что пойдёт на завод Штольца и вернётся в Участок через час-полтора. Час с небольшим уже прошёл, скоро его хватятся. Если шоссе Беамонт ещё не затопило, на пикапе сюда приедут за пятнадцать-двадцать минут. А вот, чего ждёт «Мясник» - было неясно.

А «Мясник» продолжал, - Давай дальше. От мальчиков и девочек, то есть предметов одушевлённых, перейдём к неодушевлённым. На твою улицу, Марк, *разборщики* давно наведывались? Что на этот раз вам там стало «не нужным»? Столбы, трубы, провода? Мачта для антенн мобильной связи? Детская площадка? Чей-то забор? Чья-то веранда? Вон, Штолец и компания даже помойку почти всю в реакторы затолкали. Чтобы выдавить из мусора ещё немножко бензина! Я тебе точно говорю: Америка - это сейчас такая огромная мясорубка. И правительство крутит, крутит, крутит ручку. И нас - в эту мясорубку. Только не всех сразу. Небольшими, удобно управляемыми группами. Не более ста человек за один оборот. Делает из нас гамбургеры. Чтобы этим сукам в Вашингтоне было чего жрать! Но пока правительство до меня доберётся - я-то своё съем! Свою порцию человечинки.

Снова раздался стук. Он мне просто зубы заговаривает, вдруг догадался Марк. «Мясник» вёл этот разговор не потому, что ему нужно было тянуть время. И уж, конечно, не потому, что ему хотелось облегчить душу перед следователем из ФБР. На самом деле, он пытается что-то сделать потихоньку с тем фонариком. С фонариком, который он схватил с верстака перед тем, как вошёл в котельную! Но потихоньку у него не получается - ножа или отвёртки, наверное, под рукой не нашлось. Поэтому он и колотит его чем-то. Дался ему, чёрт возьми, этот несчастный фонарик!

Марк переполз к правому окну и снова высунул самодельный «перископ». Так и есть. *Бомбы* номер два и номер три были обмотаны чем-то вроде тёмно-зелёной пластиковой верёвки для сушки белья. На фоне покрытого подтёками мазута и химикатов металла шнур был не особенно заметен, поэтому он и не увидел это сразу. «Примакорд». Один в один, как бельевая верёвка. Только - со взрывчаткой внутри. Как же я, идиот, сразу не догадался! Не надо было спать на контр-террористических брифингах. Тут он разглядел, что слева в нижней части реактора номер три к шнуру была прикреплена маленькая блестящая штучка, а от неё уходили в сторону котельной два проводка. Детонатор.

Подожди. Та жестянка, на столе. Один тумблер со пометками «вкл.» и «выкл.» Второй тумблер, с пометками «плюс» и «минус». И кнопка с пометкой «3 сек.» Это же - самодельная взрывная машинка! Причём, конкретно, для детонатора «Три-Сэйф»! Точно, как Фредерик тогда объяснял во время их попойки: положительный импульс, три секунды, отрицательный импульс, три секунды...

Банг! Стекло импровизированного «перископа» разлетелось, окатив Марка градом

мельчайших осколков. Марк перекатился к левому окну и поднял с пола кусочек стекла. Приделывать стекло к ножке от табурета больше не было времени. Прижавшись спиной к стене, он осторожно встал на ноги рядом с окном, и держа осколок у нижней части рамы, снова посмотрел на отражение. Банг! На этот раз пуля ударила чуть ниже окна, пробив основательную дырку. Если бы лежал на полу, получил бы пулю точно в лоб.

Теперь сторожу нужно было перезарядить обрез. Марк резко прыгнул в проём окна, встал в «стойку Уивера» - удерживая «Глок» обеими руками, правый локоть чуть согнут и толкает пистолет вперёд, левая кисть поддерживает правую снизу. Задержав дыхание, он совместил мушку с блестящим детонатором. Фредерик говорил, пока детонатор не «активирован», от пули он не взорвётся. Насчёт того, взрывается ли от пули детонационный шнур, Марк не был уверен. Вроде, не должен. Иначе, не имело бы смысла делать безопасные детонаторы. Первый выстрел пришёлся на фут выше детонатора. Отсутствие практики сказывается, подумал Марк. Он снова прицелился, на этот раз несколько ниже и нежно, как учили в тире ФБР, нажал на спусковой крючок. «Выстрел должен быть неожиданностью для Вас», - любил повторять инструктор. Вторая пуля чиркнула по корпусу реактора совсем рядом с целью, выбив фонтанчик искр, но детонатор остался цел.

Краем глаза Марк заметил, как рядом с кирпичной стенкой резко вскинулось дуло обреза. Слегка повернувшись, он послал пулю в сторону «Мясника». Он не целился, поэтому выстрел пришёлся гораздо ниже цели, выбив из раскисшего грунта ошмётки грязи. Однако и «Мясник» не ожидал этой пули. Обрез ударил наугад, и пуля с диким визгом срикошетировала об оцинкованную крышу офиса. Марк отскочил от окна, и как раз вовремя: раздался второй выстрел обреза. Тяжёлая пуля ударила в стенку примерно там, где могла бы быть голова следователя. Он снова встал в «стойку Уивера», и снова прицелился в детонатор. Выстрел опять был неудачен. Попасть в тоненькую трубочку, толщиной с шариковую ручку и длиной меньше трёх дюймов [прибл. 8 см] с расстояния в пятнадцать ярдов [прибл. 14 м] - это как свечку пистолетным выстрелом погасить. Даже когда Марк был молод и стрелял в тире каждую неделю, такой «высший пилотаж» был ему недоступен.

Следующего выстрела он сделать не успел. Потому, что увидел нечто такое, отчего у него отвисла челюсть и чуть не вывалился из рук пистолет. Под крышей навеса, там, над кирпичной стенкой, по мосткам пробиралась Жасмин. Осторожно ступая босыми ногами по ржавым трубам и грязным доскам, она старалась не шуметь. У Марка ёкнуло сердце. Стоит «Мяснику» посмотреть чуть вверх и назад, - и всё. Промахнуться с такого расстояния невозможно.

На руках девушки были чёрные резиновые перчатки, а в руках она сжимала огромный химический стакан с желтоватой маслянистой жидкостью. Струйки ливня заносило ветром под навес, они иногда попадали по перчаткам и по жидкости в стакане, и от воды поднимался тяжёлый пар. Несколько капелек кислоты, а это явно была концентрированная кислота, уже выплеснулись из стакана на её рубашку и прогрызли в ткани чёрные дырки. Видно было, как Жасмин закусила нижнюю губу, чтобы не вскрикнуть от боли.

Дуло обрезая взметнулось снова. Марк отскочил от окна, сумев-таки уклониться ещё от одной пули. Он перебежал к правому окну, высунул руку и дважды выстрелил наугад, стараясь не поднимать особо пистолет, чтобы не угодить в Жасмин. Я должен продолжать стрелять, чтобы у «Мясника» не было времени оглянуться, напомнил он себе. Он снова перекатился к левому окну, слегка высунулся и выпустил пулю в кирпичную кладку, туда, откуда только что торчал обрез.

- Папа, стреляй! Стреляй! Он провода подключил! - Раздался голос Саманты из переговорной трубы. Она, наверное, как-то исхитрилась отклеить со рта изоленту, - Там - Мистер Штольц и Марти! За бомбой номер три! Он их взорвёт!

Значит, он мне пудрил мозги по полной программе, понял Марк. Кроме Саманты, заложников в котельной нет. Фредерик и Мартин - привязаны к реактору номер три. А Саманта была привязана к номеру два, пока её «Мясник» не отвязал! Причём привязаны они были - «Примакордом»! Жуть и красота плана «Мясника» стали ясны Марку, как не ладони. Ураган «Артур». Ливень, ветер. Привязываем заложников к реакторам детонационным шнуром. Перед самым наводнением - подрываем. Всё на мелкие кусочки: металл, пластик, биологические останки от нескольких человек, всякая химия. Одновременно - большой пожар. Недаром Фред называет эти аппараты «бомбами». Дождь и ветер всё перемешают, наводнение - замочит следы. Поди разберись - погиб «Мясник» при взрыве или нет. К тому же, после урагана у Полиции будет много других забот, чтобы разбираться в деталях со всякими авариями. Взрыв спишут на обычное на свалке происшествие. Тут такие аварии случаются сплошь и рядом.

Даже если в будущем дело «Шелдонского Мясника» как-то свяжут с ночным сторожем бензинового заводика Штольца, сам «Мясник» будет признан умершим. Ураган «Артур» пришёл, химический завод взорвался, и цепочка серийных убийств прекратилась. Значит, преступник мёртв, дело закрыто.

И то, что «Мясник» не застрелил свои жертвы - тоже понятно. Зачем ему было рисковать? Какой-нибудь дотошный судмедэксперт найдёт обугленную человеческую кость, а в ней - дырка и следы свинца от самодельной пули Минье. Возникнет подозрение, что до пожара на заводе была перестрелка. В армии этот парень служил в каком-то очень интересном спецподразделении. «Поджигатели». Подбрасывали вещественные доказательства. Он точно всю ФБР-овскую науку вызубрил... «Знаком с возможностями современной криминалистики» или даже «знает всю современную криминалистику от «а» до «я»,» - как угодно.

Получалось так, что Марк своим приходом спутал «Мяснику» все карты. Если бы на заводе погибли только работники, это списали бы на аварию. А вот погибший в том же взрыве агент ФБР точно бы вызвал подозрение, и эксперты стали бы землю носом рыть. Поэтому «Мясник» решил напоить агента ФБР отличным кофе и разведать, кто и что в Полиции знает про поход Марка на завод. А потом, «Мясник» бы решил, что делать. Либо убить Марка сразу и куда-то утащить тело, либо последовать за Марком и хлопнуть его из обрезая где-нибудь на шоссе Беамонт. Причём, план «Мясника» почти

сработал. Не обнаружив на заводике настоящего Эрика Сполдинга, Марк уже расслабился. А расслабившись - получил бы пулю. Если бы кто-то не начал стучать в ворота...

- Папа, скорей! Он провода подключает!

- Заткнись, сука! Мозги вышибу! - Заорал «Сполдинг». Но выстрела, к счастью, не последовало. У него один патрон в обрезе, а руки, наверное, заняты фонариком и проводами, догадался Марк. Тогда, если он подключил батарейку, или моторчик-генератор, или что он там доставал из фонарика, у них есть чуть больше шести секунд до взрыва. Два раза по три секунды, да накинем пол-секунды, чтобы дважды переключить полярность. Теперь терять было нечего. Марк снова встал в «стойку Уивера» и принялся целиться в детонатор. Бах! Выстрел прогремел неожиданно для него самого - точно, как учили. Пуля опять щёлкнула совсем рядом с целью, не повредив её. Он тщательно прицелился снова, задержал дыхание, и плавно, медленно, потянул спусковой крючок.

Дальнейшее запечатлелось в его памяти как в замедленной киносъёмке. Детонатор, с небольшим кусочком шнура, срезало пулей. Несколько раз перевернувшись в воздухе, проклятая блестящая трубочка шлёпнулась в раскисшую глину. Спустя ещё мгновение - трубочка взорвалась! Громким, но безвредным хлопком, разбрызгав вокруг жидкую грязь. Марк вдруг понял, что он сделал невозможное. Взрыв реакторов был предотвращён, по крайней мере, на какое-то время.

- А-а-а-х! - Закричал сторож.

Марк навёл пистолет на вход в котельную. Детонатор был уничтожен, зато поведение «Мясника» могло стать непредсказуемым. Саманта находилась рядом с убийцей в котельной, а Жасмин - на мостках, прямо у «Мясника» над головой. У Марка не было выбора. Надо было любой ценой отвлечь внимание на себя. А это означало только одно: безумную атаку. «Атака бригады лёгкой кавалерии»^[78] - вдруг проскочила мысль. Когда Марк учился в школе, учителя Истории были куда лучше, чем этот болван, мистер Коннели, - в школе у Памелы.

Подвиг почётен.
Смяли казаков ряды,
Реют в дыму, тверды...^[79]

Но осторожность и тренировка взяли верх, и прежде чем броситься в атаку, Марк ещё раз осмотрелся. «Им - умереть в бою.»^[80] Вдруг, Марк увидел, что «Мясник» высунул голову из-за стенки и разглядывает место, где недавно был детонатор. А, он не понял, что я отстрелил детонатор, догадался Марк. Он думает, что детонатор либо детонационный шнур оказались некачественными. Что, гад, думаешь что кто-то продал тебе вместо «Примакорда» бельевую верёвку? Тогда на, получай свою пулю! Марк аккуратно навёл линию прицела и плавно надавил спусковой крючок. Щёлк! Он сфокусировал глаза на пистолете, и тут только заметил, что затвор не полностью вернулся на место. Его старый «Глок» отказал, не выбросив гильзу после предыдущего выстрела. Следующий патрон встал колом, закупорив отверстие выбрасывателя.

Адреналин по-прежнему бурлил в крови, и Марк даже не подумал прятаться. Он дёргал на себя затвор, стараясь освободить застрявшую гильзу.

Затем, внезапно, последовал ещё один выстрел - из обреза. Пуля Минье наконец нашла живую цель, как голодная пиранья из Амазонки, жадно разрывая человеческую плоть. Марка дёрнуло вправо, и правую руку как будто обожгло кипятком выше локтя. Беспольный «Глок» выпал из пальцев и полетел на пол, а Марк повалился назад и в сторону, сломав по пути самодельный кофейный столик. А затем, без всякой паузы, Марк услышал нечеловеческий крик: «Я-А-А-А-А-А-А-А!»

Превозмогая внезапно охватившую его слабость, Марк наложил левую ладонь на зияющую рану в правой руке. Надо поднять пистолет, надо выбить застрявшую гильзу, повторял он себе. «Мясник» сейчас перезарядит обрез, зайдёт сюда, - и всем нам конец. Мне сразу, а остальным - чуть погодя. Причём скорее всего, они погибнут всё-таки от взрыва. «Примакорд» был по-прежнему обмотан вокруг реакторов, а «Мясник» как-то не производил впечатления клоуна, который решил взрывать завод, не имея запасного детонатора в кармане.

Марк попытался подняться на ноги, но смог лишь встать на колени. Тут только он осознал, что нечеловеческие звуки по-прежнему доносятся со двора. Только теперь это был не крик, а какой-то задыхающийся жалобный визг: «Иии... иии... иии... иии... иии...» Следователь подполз к окну и выглянул наружу. Схватившись за лицо, «Шелдонский Мясник» катался по жирной грязи и визжал. Между почерневшими пальцами сочилась кровь, и что-то ещё, наверное, полу-растворившаяся кожа. Его глаза сочились тоже, вытекшие, как раздавленные куриные яйца. Жасмин стояла на мостках, по-прежнему с химическим стаканом в руках, только теперь стакан был пустой.

Заметив в окне полуживого Марка, девушка запустила стаканом в ослеплённого «Мясника» и, срывая на ходу перчатки, бросилась по мосткам к лестнице. - Мистер Марк, дорогой! Вы только, пожалуйста, не умирайте, я сейчас, я мигом...

Она вдруг услышала что-то из котельной, остановилась посреди двора, и кинулась назад, за кирпичную перегородку. Дальнейшего Марк не видел, так как силы его вдруг оставили, и он потерял сознание.

Глава 26

Марк открыл глаза и обнаружил, что он на больничной койке. Солнце светило через разбитое окно, совершенно без стёкол. Нижняя часть оконного проёма была закрыта куском картона, приклеенного изолентой. Стены, когда-то светло-серые, после многих лет без ремонта, были покрыты жёлтыми и чёрными засаленными пятнами. Слышался больничный шум: кто-то объяснял вполголоса что-то медицинское, пересыпая речь латинскими терминами, кто-то постанывал от боли, кто-то болтал ни о чём... Он попытался повернуть голову и обнаружил, что его шея была в корсете, а правая рука - в гипсе и торчала под странным углом из-под простыни.

Он не чувствовал никакой боли (возможно, лишь чуть-чуть в правом плече), и был в удивительно мирном и оптимистическом настроении. Солнце было чудесно ярким, и небо было восхитительно синим, и удивительно свежий воздух проникал в комнату через так удачно разбитое окно. Пятна застарелой грязи на стенах выглядели забавно. Больничный матрас был исключительно мягким и удобным. Марк буквально парил в воздухе! Даже больничный запах дезинфекции был достаточно приятным. Тем не менее, было что-то на задворках его сознания, что беспокоило Марка. Что-то такое про Фредерика Штольца и его бензиновый заводик. Ах да, там же был ливень, и Марк стрелял из пистолета в какой-то блестящий цилиндр, приделанный к верёвке для сушки белья... Это неприятно... Давай-ка, дружок, забудем об этом, предложило что-то в голове. Расслабься. Наслаждайся мягкой постелью и синим небом за окном. Но другая часть мозга уже начала бороться, выталкивая на поверхность и дождь, и ветер, и «стойку Уивера», и обрез с пулями Минье, и человеческие глаза, вытекающие между почерневшими пальцами, как разбитые яйца... Внезапно, Марк вспомнил всё целиком. Чёрт возьми! Саманта, Жасмин, Фредерик и Мартин: что с ними? Он сделал неуверенное движение, пытаясь отделиться от кровати. Он был уверен, что прилагая совсем немного усилий, он мог бы взлететь - из разбитого окна в голубое небо. А как же с навигацией, спросил он себя. Как я с воздуха найду свалку? Нет проблем, сказала что-то в голове. С этим мы как-нибудь разберёмся.

- Марк? Марк! - голос откуда-то слева принадлежал Клэрис. Медленно, Марк повернулся всем телом влево. Эта часть больничной палаты, две койки, была отделена от остальной комнаты импровизированный ширмой из матовой пластиковой плёнки. Клэрис сидела на соседней койке, одетая в широкую юбку и курточку от мужской пижамы, поддерживая обеими руками беременный живот. Маленький Дэйви полусидел, полу-лежал на сероватых подушках, и играл с маленькой моделью «Томаса, Маневрового Паровоза», таская игрушку по смятой простыне.

- Марк! Наконец то! Ты проснулся! Слава Богу!

- Приветик, Клэрис... - кое-как выдавил Марк из себя. Звук вырывался из его горла каким-то отчаянным полу-шёпотом. - Как Саманта? И остальные?

- Сэмми в полном порядке. Ей залепили ожоги пластырем и сразу отпустили из больницы. Ожог был небольшой, всё в порядке. Мистер Штолец и его Марти отделались лёгким испугом. Сэмми сказала: ни царапины!

Это означало, что вся эта жуть, неожиданно всплывшая в памяти Марка, происходила в действительности. Расслабься, расслабься, снова заговорило что-то в голове. Не надо беспокоиться.

- Подожди, Клэрис. Где я? Это же больница?

- Конечно, больница, что ещё?

- А почему Дэйви здесь?

- А, он переболел полио...

- Чем-чем переболел?

- Полио, - она сказала это так спокойно, как будто у её сына был насморк.

Нет проблем, сказало что-то в голове у Марка. Полио. Полиомиелит. Такая детская болезнь, бывает и хуже. Но другая, постоянно беспокоящаяся о чём-то, часть мозга выталкивала, выталкивала, и, наконец, вытолкнула страшный вопрос, - У него... У Дэйви - будет... паралич?

- С ручками всё в порядке, слава Богу! Доктор сказал, что ножки ещё могут поправиться... Она откинула простыню, и Марк увидел, что ноги малыша были безжизненно вытянуты на кровати.

- Чёрт! Мне очень жаль, Клэрис.

- На самом деле, Дэйви очень даже повезло. Сейчас у нас в Хьюстоне - сразу две эпидемии. Полиомиелит и холера! В нашем квартале, уже семь или восемь человек умерло... Каждый день - похороны... Хорошо, что Мэри и Билли удалось доставить Дэйви в больницу ещё до наводнения... Ты знаешь, он был на аппарате искусственного дыхания целые сутки. Они называют эту штуку: «Железные Лёгкие». Некоторым из тех, кто поступил позже, - аппаратов не хватило! Типа: кто не успел, тот опоздал.

Вот и отлично, заявила беззаботная часть мозга. Повезло. Аппарат нашёлся. Кто-то из детей болеет полиомиелитом и потом не может ходить. Это нормально, с каждым ребёнком может произойти такая незначительная неприятность. Ну и что? - Он сможет ходить? - спросила другая часть мозга.

- Доктор сказал, недели через три или около того, мы будем знать наверняка... А позавчера приходила медсестра по реабилитации. Она сказала: надо надеяться на лучшее, но готовиться к худшему.

- К худшему?

- Ну, если паралич останется... Она сказала, если паралич останется, мышцы начнут

потихоньку усыхать и сокращаться. И колени тогда согнутся, на всю жизнь.

Беззаботная часть головы Марка вдруг решила перехватить инициативу в разговоре, - А, так он теперь будет как тот «мальчик-паучок»! Что из дома на перекрёстке, около шоссе. Ты видела, Клэрис, как он ловко ползает на руках? У него ещё ножки скручены, как у йога, в позе лотоса. И он ползает на двух низеньких табуретках! Наш Дэйви тоже так научится, без проблем.

Вдруг, та же оптимистичная часть мозга выдала на-гора блестящее предложение, - А ещё лучше, мы найдём для Дэйви скейтборд! Будет вообще класс!

Клэрис посмотрела на Марка взглядом, полным удивления и страха. Ясное дело, что она удивилась и испугалась, сказала в голове у Марка беспокоящаяся часть мозга. «Вообще класс!» тут совсем ни к селу, ни к городу.

Но вечная оптимистка Клэрис не могла отказаться даже от такого «блестящего предложения», - Да! Скейтборд - это должно сработать, я думаю... На скейте, Билли сможет брать Дэйви с собой *делать Маршрут*, правда здорово?

А беззаботная часть мозга Марка всё спешила внести свою лепту в разговор. - Эй, Дэйви! - сказала она тем супер-пупер-оптимистическим тоном, которым надо всегда говорить с малышами, - А где у нас *папины* ручки?

Дэйви отложил паровозик и пошевелил пальчиками в воздухе.

- Правильно! Это теперь *папины* ручки! Отлично Дэйви! Ты у нас умница! А теперь скажи-ка нам: кто твой папа?

- Инвалид войны!

- А что мы будем говорить на *Маршруте*, Дэйви?

- *Поможем Инвалидам! Поможем Инвалидам!*

Вот и отлично, заключила у Марка в голове беззаботная часть его мозга. Дэйви ещё совсем маленький. Скоро привыкнет ездить на скейте, и даже не будет помнить, что он мог когда-то ходить и бегать. Как глупо, не согласилась беспокойная часть. Тебе сказали, что твой внук может остаться калекой - на всю жизнь. А ты весело распланировал, как мы найдём малышу скейт и отправим его с папой *делать Маршрут*, милостыню собирать.

- Как долго... я был здесь? - спросила беспокойная часть Марка. Отчего это Клэрис смотрит на меня как на буйно-помешанного, подумал он. Я совсем не буйный. Небольшое раздвоение личности - это даже не психоз.

- Ты помнишь что-нибудь вообще?

- Не-а. Последнее, что я помню, это на заводике Фреда... Меня «Мясник» подстрелил из обреза. Хотя - нет. Ещё что-то помню...

Он попытался сосредоточиться. Нет, полной амнезии у него не было. Сохранилось несколько обрывочных эпизодов, но, видимо, не в хронологическом порядке и каких-то странных. Например, Марк откуда-то знал наверняка, что в этой палате было шестнадцать коек. Он видел всю комнату, точнее, небольшой зал, ещё до того, как вокруг коек установили ширмы. Судя по нескольким оставшимся предметам дорогой дизайнерской мебели, это здание было изначально не больницей, а каким-то шикарным офисом. Открытое пространство для сдачи в аренду. До *Обвала*, в этом зале, вероятно, стояли «кубики» и столы для «офисного планктона».

В одном из оставшихся в памяти эпизодов, Мэри бежала по проходу между койками. Вместо рук у неё были крылья, как у журавля, и она махала ими в воздухе. Марк испугался, что если Мэри удастся взлететь, она ударится головой о панели подвешного потолка. У неё явно не было никакого опыта журавлиных полётов. Клэрис, вероятно, думала о той же опасности. Она катилась за Мэри в виде огромной головки швейцарского сыра, и пыталась схватить Мэри за крыло, чтобы предотвратить необдуманный полет... В другом эпизоде, по палате, как в аквариуме, плавала от кровати к кровати огромная каракатица. Она была светло-фиолетовая, с несколькими красными пятнышками, и выглядела очень профессионально в своих очках с металлической оправой и с фонендоскопом, небрежно наброшенным на слизистое туловище. Каракатица подплыла к койке Марка, подняла щупальцем рентгеновский снимок и произнесла успокоительно: «А! Бу-бу-бу!» Потом, выпустив облачко чернил, каракатица поплыла к двери.

Ещё в памяти сохранился обрывок, как Марк, старший эксперт Алан Мосс и неизвестный Марку депьют ехали по шоссе Беамонт, но не в автомобиле, а на резиновой лодке «Зодиак». Подвесной мотор время от времени чихал и останавливался, тогда депьют раздражался проклятьями и дёргал за шнур, чтобы запустить мотор снова. Он объяснял Алану что-то о плохом уплотнении, и что вода попадает в масло. Алан не обращал на жалобы депьют никакого внимания, и продолжал твердить Марку какую-то чушь. Что-то вроде, что он всегда рад видеть Марка в своём морге в качестве посетителя, но ни в коем случае - в качестве клиента. Потом, припомнил Марк, депьют заехал на лодке в дверь какого-то облезлого трехэтажного здания и пришвартовал своё судёнышко к перилам затопленной лестницы.

Тут Марк осознал, что эпизод с «Зодиаком» должен быть, вероятно, первым в последовательности, сразу после того, как его подстрелил «Мясник» на заводике Штольца. Причём, это была не галлюцинация. Шоссе Беамонт было, скорее всего, затоплено, вот почему Алан и депьют были на лодке, а не на полицейском пикапе. Облезлое трехэтажное здание было вот этой самой больницей. Что касается других эпизодов, они явно были вызваны доморощенным анальгетиком в той капельнице над кроватью.

Марк закрыл глаза и попробовал припомнить что-нибудь ещё. В памяти всплыл эпизод,

который Марк никак не мог отнести ни к галлюцинациям, ни к реальности. Марк был, вроде бы, в операционной, под огромной яркой лампой и с тонкой трубкой для кислорода, присоединённой к пластмассовой штучке в носу. «Может, дадим ему маску?» - спросил кто-то. Голос был странным: лишённым всех высоких частот и тягучим, как замедленная звукозапись.

«Не-а... Ему и так хорошо,» - это был ещё один мужской голос, тоже как на замедленной записи. Человек в хирургическом костюме склонился над Марком и потянул левое веко Марка вниз. Каждой быстрое движение оставляло в воздухе цветной след.

«Ты знаешь, впечатляет! Что это вы ему укололи?» - снова раздался первый голос.

«КТСТ номер пять».

«Никогда не слышал. Что это за препарат?»

«Отстали от современной медицины, коллега!»

«На нашем долбаном «Мусоровозе», ещё бы мы не отстали. Думаешь, у нас есть время хоть что-то читать?»

А, этот первый хирург - он с «Мусоровоза», догадался Марк. Один из этих, бензопильщиков.

«Он Вам по ушам ездит, Роджер!» - теперь раздался женский голос, но тоже замедленный: «КТСТ - это сокращение от «Красная Таблетка - Синяя Таблетка». Дизайнерский наркотик.»

«Дизайнерский наркотик?»

«Угу. Местного изготовления. Однако, он всё же лучше, чем морфин из неприкосновенных запасов. Урожая 1992 года. В отличие от французских вин, морфин не становится лучше с возрастом. Разве что - дороже.»

«А вы знаете, что там намешано в этом вашем КТСТ?»

«Не-а. Секрет фирмы, коммерческая тайна. Однако, производитель даёт все диаграммы доз на своём сайте, очень профессионально. И у нас никогда не было проблем с качеством. Всё в ажуре.»

«Привыкание вызывает?»

«Ещё как!» - ответил за женщину второй голос: «Но дык как будто твой морфин не вызывает привыкания! Нам не на что жаловаться. Вчера я одному мужику извлекал десятидюймовую [прибл. 26 см] занозу из бедра. Всё жутко инфицировано, конечно, как ты можешь себе представить. Не уверен даже, удастся ли сохранить ему ногу.

Так вот: верь-не верь, я у него в ноге ковыряюсь, а он объясняет мне разницу между бегемотом и жирафом! Я его спрашиваю: больно? А он говорит: мы на сафари, молодой человек. На сафари иногда приходится немножко терпеть. Счастливый, как огурец.»

«Наверное, стоит доложить нашему боссу об этом чудодейственном средстве. Не забудь дать мне контакт этих ваших ребят из *«Красной Таблетки - Синей Таблетки»*.»

Ну ясное дело, подумал Марк. На *«Мусоровозе»* у хирургов так много недовольных раненных! Дёргаются, плачут, кричат, требуют спасти им руки или ноги. Работа хирургов будет намного приятнее, если они станут использовать этот КТСТ номер пять вместо... ну того, что они сейчас там используют. Пациенты будут совершенно счастливы. Как огурцы. Так что, *бензопильщикам* будет куда легче отрезать этим счастливым руки и ноги.

«Кстати, Роджер,» - это был второй голос: «Я хотел тебе спасибо сказать. Если бы не твоя помощь, мы бы сегодня были по уши в дерьме.»

«Если быть откровенным, коллега, я не очень-то горел желанием сюда приходить. Прикинь: за три долбанных года, в первый раз получил себе нормальный отпуск, а не этот идиотский сход на берег на сорок часов. Проблема с этими сорока-часовыми культпоходами на берег: сначала ты спишь двадцать часов без задних ног, а потом - двадцать часов бухаешь по-чёрному. А после этого, - продираешь глаза уже на *«Мусоровозе»*, да ещё с головняком. А *«Мусоровоз»* уже вышел в плавание. И вспомнить даже нечего.»

«Ну, коллега, в этот раз тебе будет о чём вспомнить.»

«Ага! Сошёл на берег на четыре недели отпуска. Только для того, чтобы мотаться от больницы к больнице. Как будто я не ампутировал достаточно рук и ног на нашем доблестном плавучем госпитале.»

«Ну ты же знаешь, как это работает, Роджер. Цирковые животные не могут жить в дикой природе. Они только обучены, как делать трюки в цирке.»

В то время как врачи разговаривали, какое-то действо происходило с правой стороны Марка. Он не мог видеть, что там творилось. Над правым плечом Марка был установлен небольшой сероватый экран, а голову он не мог повернуть из-за корсета на шее. Над экраном была видна фигура одного из мужчин. Он был в фиолетовом хирургическом костюме, и его плечи выше экрана двигались постоянно вверх и вниз. Он выполнял какие-то сложные манипуляции: осторожно, но быстро. Потом над экраном появился второй человек, держа в руках шнур от лодочного мотора, с блестящей ручкой на конце. Ах, конечно! Они должны были завести одну из этих своих маленьких блестящих стерильных бензопил! Какого чёрта у них на хирургических костюмах нет *«Барни и Его Друзей»*? Это не есть хорошо.

Блестящая стерильная бензопила никак не хотела заводиться. Человек в скучном, без

Барни, хирургическом костюме дёргал и дёргал за блестящую ручку. Второй подливал что-то сверху в бензопилу, по-видимому, бензин. «Ещё?» - спрашивал он время от времени. «Ещё!» - отвечал первый и снова дёргал за ручку. Уплотнительные кольца у нас старые, и вода попала в масло, подумал Марк. Нет, почему должна быть вода? Это же бензопила, а не подвесной мотор для лодки! Если не уплотнители, проблема должна быть с бензином. Некачественный, нелегальный бензин, кто знает, чем они его там разбавляют?

«В следующий раз, джентльмены, лучше вам купить бензин на заводе у Фредерика Штольца,» - уведомил Марк незадачливых хирургов.

«Он Ваш приятель?» - спросил второй врач.

«Да. Отличный парень. Доктор философии, кстати... И имеет собственный нефтехимический завод. «Синтегаз», не слыхали?»

«Вы, чувствуете сейчас... что-нибудь?» - спросил первый врач.

«Этот чёртов корсет на шее. Немного жестковато.»

«А! Ну, это мы сейчас исправим!» - заверил второй врач Марка. Он сделал быстрое движение рукой. Как ни странно, его латексные перчатки были измазаны кровью. «Сестра, срочно дайте пациенту ещё пять кубиков. Через капельницу!»

«И Вам, джентльмены, следует надеть хирургические костюмы с «*Барни и Его Друзьями*». При всём уважении к вам, - ваши теперешние костюмы чертовски скучные,» - продолжил Марк наставления. Хирурги посмотрели друг на друга и кивнули, наверное утвердившись в мысли, что эту операцию они уж как-нибудь протянут, но на следующую - надо непременно надевать костюмы с весёлыми динозавриками.

Затем они продолжили заводить свою бензопилу. Вдруг, внутри бензопилы что-то хрустнуло. Опа, подумал Марк, а у нас проблемы. Но о ремонте бензопил хирурги знали практически всё. Они выбросили какие-то неисправные запчасти в пластмассовое ведро под столом, затем начали что-то там подпиливать, сверлить, подвязывать, подрезать. Наконец, первый удовлетворённо сказал: «Ну вот и чудненько. Всё выглядит отлично. Можно закрывать.»

«Вы... Починили... Это... Джентльмены?» - спросил Марк. После того, как медсестра вколола шприц в маленькую резиновую штучку на капельнице Марка, всё вокруг ещё более замедлилось.

«Да уж... Починили... В пределах... Возможного...» - врач говорил тоже медленнее, а когда он двигался, его скучный, без Барни, фиолетовый костюм оставлял в воздухе фиолетовые радуги. «Вы очень хорошо держались, приятель. Теперь Вы поправитесь. Ну, а насчёт ампутации... Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.»

Насчёт ампутации, - подумал Марк. Ах, ну конечно. Этот первый врач. Он же был бензопильщиком с «Мусоровоза», так? Бензопильщик с бензопилой! Вот прикол! А что они делают на этом своём «Мусоровозе» по двадцать раз в день? Марк попытался пошевелить руками и ногами, но конечности не слушались. Великолепно. Из меня сделали «самовар». Оквадрили. Интересно, мне дадут взамен «Пёрпл Харт»? Хотя, я же в ФБР - маловероятно. А, кому нужны эти медальки! Только неженкам, которые не могут предъявить настоящие боевые шрамы. А я - *не-неженка*! Я же переметнулся к «Южанам», так?

Тут Марк вдруг вспомнил, что все их дети: Майкл, Саманта, Памела и Патрик, тоже были теперь «самоварами». Только один Уильям, он всё ещё почему-то был с ногами. Но парень всегда был таким независимым и любил делать всё по-своему. Ну и ладно. Пусть он немного отличается от остальных - от этого вреда нет. У него, конечно, большой опыт работы, и он пока ещё «Сборщик Месяца». Но это не надолго. С ногами - у него маловато шансов. Мы, «самовары», скоро побьём все его рекорды дневных сборов. Мэри и Клэрис будут грузить нас пятерых каждое утро на трицикл Майка и возить *делать Маршрут*. Не «пятерых», а «шестерых», поправил он себя. Я забыл маленького Дэйви, с его скрученными на всю жизнь в позе лотоса ножками и с его новым классным скейтбордом. Он увидел, как их трехколесный грузовой велосипед останавливается на оживлённом перекрёстке. Клэрис, на сиденье велосипеда, дарит им тёплую улыбку. А Мэри уже положила кусок старого картона на тротуар, и поднимает Марка с грузовой платформы трицикла. Без рук и ног, я должен быть достаточно лёгким, подумал Марк. Портативным. Мэри совсем нетрудно меня носить на руках. Никаких проблем. Нет, так неправильно, так теперь не говорят. Надо говорить: «*ей воще не в лом* носить меня на руках».

«Тебе удобно, дорогой?» - спросила Мэри Марка, размещая на куске картона красное ведёрко с шильдиком «*Пути Спасения*». Отлично, дорогая, теперь поцелуй меня. Если тебе *не в лом*. Последовал лёгкий поцелуй; а затем Мэри и Клэрис, с остальными членами семьи, поехали на трехколесном велосипеде дальше по улице. Так, и что мы делаем теперь? Уильям вчера объяснял, кажется, что надо говорить проходим? А, ну ясный пень. Мог бы и сам догадаться. Для этого не нужна магистерская степень по психологии. И школьный диплом ни к чему.

«Поможем Инвалидам, леди и джентльмены! Поможем Инвалидам! Доллар? Спасибо, сэр. Спасибо! От «*Пути Спасения*». Отличное пожертвование! Спасибо!»

Вообще, надо вести себя поактивнее, решил Марк. А то фотография Уильяма так и будет висеть на доске «Сборщик Месяца».

«Леди и джентльмены! Попрошу вашего внимания! В настоящий момент времени, у меня нет ни рук, ни ног.» Нет, это неправильно, слишком напыщенно. Давайте-ка так: «Леди и джентльмены! Смотрим сюда! Инвалид - без рук и ног! Поможем инвалидам!» Уже гораздо лучше, но всё равно плохо. Старые правила грамматики. А что, если так: «А ну, *позырим*, леди и джентльмены! *Умине* рук и ног *воще больша нета*! Поможем «самовару», *ась*? Как вам моя новая грамматика? Так только нищие на улице говорят. Вот: правильная речь - залог успеха. Всем всё понятно. Как насчёт

Вас, мэм? Хотите дать пожертвование? Отлично! А ну, *позырим* на «самовара»! Поможем инвалидам! По-мо-жем инвалидам!»

Пожилая леди остановилась перед Марком, поставив на тротуар две тяжело гружённые корзины, и сняла с плеча бамбуковое коромысло. Ах, да это же Розалинд, одна из этих леди с *Кучи*, которые разносят еду для мусорщиков. Помнится, молодёжь делала что-то непотребное у неё под окнами...

«Два бакса? Что, *воще три*? Ой, спасибо, мэм, Вы очень щедры сегодня. Я надеюсь, эти неприличные молодые люди *воще* не доставляли Вам беспокойства в последнее время? Нет? Отличные новости, мэм. Удачного Вам дня.»

Марку начинал нравиться этот новый для него род занятий: сбор пожертвований на нужды инвалидов. Это просто здорово: сидеть на улице и разговаривать с прохожими. И никто не обвинит нас, что мы «держим точку». Разве что Уильяма, которому всегда так наплевать на мистера Тодда. Но это - личная проблема Уильяма, к нам, «самоварам», это не относится... Кстати, надо прекращать называть сына «Уильямом». Какой он сейчас, к чёрту, «Уильям», с его-то культяпками? Буду называть его «Билли», как все остальные. Он не обидится.

«Эй ты, обрубок! Лови доллар!» Голос идёт, естественно, сверху. Мужик какой-то, с долларовой бумажкой в руке.

«Это Вы мне, сэр? Утро доброе! Как Ваши дела? *Воще*, меня зовут Марк, но можно называть меня «эй ты, обрубок». И «самоваром» тоже можно, я не обижусь. Мне *воще похер*, как меня называют. Бросайте Ваш доллар в ведёрко, если Вам *не в лом*. Видите ли, поднимать деньги с картонки мне затруднительно. Спасибо за помощь нашей программе, сэр. Спасибо. Удачного Вам дня! *Поможем Инвалидам*, леди и джентльмены. А вот *позырим* на «самовара». *Умине* рук и ног *воще больша нета! По-мо-жем Инвалидам!*»

- Марк! Марк! Марк?

Марк снова открыл глаза. Клэрис была у изголовья его кровати.

- Ты только что закрыл глаза и потерял сознание, - сказала она.

- Ничего я не терял. Просто видел дурацкий сон. Наверное, этот вот коктейль в моей капельнице. Волшебство продолжается.

- Доктор дал указание сегодня утром, чтобы тебе уменьшили дозу.

- Его зовут - Роджер?

- Кого? Доктора? Нет, он, вроде, - Джастин.

О, так значит, всё это и вправду было галлюцинацией... Теперь беззаботная часть

мозга Марка основательно поблекла и отошла на задний план, а другая, постоянно беспокоящаяся о чём-то, зато любопытная и самокритичная часть стала потихоньку захватывать власть. Кровать уже не была такой мягкой, и тело не было таким лёгким. Марк поднял левую руку и осмотрел её состояние. Множество царапин, щедро окрашенных йодом, сломанной ноготь, но ничего серьёзного. Он попытался пошевелить пальцами ног. Ступни слушались великолепно. - Почему я в корсете?

- У тебя маленькая трещина в четвёртом позвонке. Плюс лёгкое сотрясение мозга. Один из ваших полицейских сказал, что ты головой сломал журнальный столик.

- Да, вроде было дело. Но в общем, всё не так уж серьёзно. Не считая перелома руки, конечно...

- Перелома руки? - голос Клэрис прозвучал странно, а её глаза широко открылись. - Нет, Марк, у тебя была операция. Ты не помнишь ничего, да?

- Какая операция? - не понял Марк. Он повернулся вправо (плечо пронзила острая боль) и уставился на загипсованную руку. Тут только до него дошло, что это была совсем не загипсованная рука, а обрубок, ампутированная чуть выше локтя культя, толсто замотанная марлей и прибинтованная к конструкции из реек и трубок. Он совсем не удивился ужасному открытию. Пуля Минье. Там ведь была дыра размером с ладонь. Чего ещё можно было ожидать? Он не чувствовал особого сожаления. После того, как он был беспомощным «самоваром» в бредовом сне, получить назад обе ноги и левую руку - это было как неожиданный подарок на Рождество.

- Так. Понятно... И как долго я был - в этом состоянии?

- Четыре дня, Марк. В основном, ты спал. Большую часть времени, то есть.

- Я бредил? Говорил что-то?

- Да, немного. Что-то про фиолетовую каракатицу. Много было про починку какой-то бензопилы. То плохие уплотнительные кольца, то неправильный бензин. А ещё, ты хотел увидеть кого-то по имени Барни. Кто это - свидетель?

- Нет, Клэрис. Барни - это такой Тиранозавр-Рекс. Весёлый, добрый и фиолетовый. Можно... попить воды?

- Ой, прости, Марк. Я сама на своя, - Она потянулась за стаканом с соломинкой, - Только, сразу много пить нельзя. Доктор сказал: по одному глотку.

Марк сделал глоток. Вода была тёплой и отдавала какой-то дезинфекцией, но для Марка показалась на вкус, как лучшее шампанское. - Ты сказала, у Саманты был кислотный ожог.

- Ничего серьёзного.

- Ничего серьёзного? - переспросил Марк. Да уж, если Дэйви вот так, запросто, «переболел полио», то «ничего серьёзного» может означать что угодно.

- Да нет, правда, Марк. Ничего серьёзного. Маленький ожог на лбу, и ещё один - за ухом, вот и всё! Она опять ходит на завод к мистеру Штольцу. Они там чинят свои бомбы. У мистера Штольца нет денег платить, но все согласились работать *забесплатна*, лишь бы запустить производство.

- А остальные? Мэри? Уильям? Памела и Патрик? Давид-старший?

- Всё в порядке, Марк. Все живы-здоровы... Холеры в непосредственной близости от нас нет, слава Богу! Мы моем руки и кипятим воду! Мэри в порядке, дедушка Дэйвид тоже чувствует себя отлично. У Билли тоже всё О-кей. Он *делает Маршрут*, причём сам, без поводыря, представляешь?! Ну, раз я сижу здесь в больнице, с тобой и Дэйви.

- Проклятый «Путь Спасения»! Уж после урагана - мог бы мистер Тодд дать своим «сборщикам пожертвований» передышку?

- «Пути Спасения» *больша нета*.

- То есть? А как же все благотворительные программы?

- Как в других местах - не знаю, а наш местный штаб после урагана так и не открывался. Но при этом, все благотворительные программы уже работают - на всю катушку. Как выяснилось, чтобы варить благотворительный суп и собирать пожертвования, куча «руководителей» в синих униформах совсем ни к чему.

- Круто. Наверное мне теперь ни к чему жаловаться на мистера Тодда. Какие ещё новости?

Школа пока закрыта. Холера, полиомиелит, всё такое. Рикки и Пэм помогают дома. Гараж отмыли. Копаем грядки, сажаем овощи, потихоньку разбираем, что от дома осталось. Вот, Рикки вчера нашёл для Дэйви этот паровозик.

- Подожди. Что - от дома осталось?

- Ой, может, не надо было тебе это говорить... У нас только гараж остался. А остального дома *больша нета*, более или менее.

- Более? Или менее?

- Ты Марк, только сильно не расстраивайся. Дом смыло, только гараж стоит. Давай, я лучше по порядку расскажу?

- Рассказывай!

- В общем, той ночью, когда было наводнение. Помнишь, ты позвонил? Я ещё сказала,

что Мэри и Билли пока не вернулись? Мы смотрели DVD. Ну, вода стала прибывать, так я сказала Пэм и Рикки: давайте таскать всё на второй этаж. Ну вот, так и таскали. Посуду из кухни, телевизор, и всё прочее. Затем вода стала заливаться через заднюю дверь...

- И?

- Ну, мы таскали дальше, пока вода не поднялась до колен. Тогда, я сказала: ладно, хватит. Мы пошли вверх, достали полотенца и кое-как обсушились. Вдруг: бам! Как взрыв, под кухней. Аж дом закачался. Потом ещё раз: бам! И всё затихло.

- Аккумулятор взорвался?

- Ну да, дедушка Дэйвид так и сказал: надо было слушать того электрика.

Точно, подумал Марк. Когда их отключили от электросети, и они переделывали в доме проводку, мужик говорил, что аккумулятор от гибридного автомобиля - единственный источник энергии в ночное время, следовало затащить на второй этаж, а не ставить под полом кухни. Но Марк не захотел уродовать спальню. Ну да, задним умом - все хороши.

- Ну вот, - продолжила Клэрис. - Мы разложили одеяла в комнате у мальчиков. Туда ветер не задувал. Телефон не работал, но у нас было «вечное радио» Патрика. С ручкой. Ну, которое тебе в ФБР ещё подарили... Мы крутили ручку по очереди и слушали новости об урагане. Спать как-то не получалось. Так было страшно! Ветер дул, как сумасшедший, и дождь... Так и просидели до утра...

- И?

- Утром ветер немного утих, но дождь продолжался. Я выглянула на лестницу, а там - вода, почти как до пояса, так много! Стенные панели на первом этаже - все размокли и отвалились. Но я ещё подумала: ветер стихает, вода должна сойти, надо просто подождать. Еда у нас была. Я сделала всем бутерброды на завтрак. Вдруг, слышим: скрип, скрип! И пол начал... вроде как наклоняться. Я тогда говорю: ребята, нам надо срочно вылезти на крышу. Если дом рухнет, лучше быть снаружи, чем внутри, так? Ну вот, мы открыли окно и вылезли на крышу гаража. Еду догадались взять с собой. Пэм ещё хотела вернуться за одеялами, но я её не пустила...

Марк представил себе Клэрис, с её семимесячным животиком, как она вылезает на крышу гаража через окно. - Короче, дом рухнул?

- Да. Он так, вроде как боком поплыл сначала, а потом - бум! И завалился в воду! А гараж остался стоять, представляешь? Повезло... Ну, значит, сидим мы на гараже и потихоньку замерзаем. Ветра уже почти не стало, зато дождь. А у нас - ни одежды, ни одеял. А самое плохое - воды не было. Удивительно даже, со всех сторон вода, а нечего пить! Но, я сказала детям: ту воду - даже не пытайтесь! У всех сортиры на задних дворах, да и в канале вода - тоже не фонтан, а ещё эти долбаные удобрения от

«Симпсона и Кауфмана»... В общем, всё понятно... Короче, я приказала Рикки: снимай футболку и собирай дождь с крыши. Мы воду из футболки выжимали и пили.

- Это был очень умный ход, Клэрис. Я уверен, что эпидемия холеры оттого, что кто-то попил грязной водички.

Слава Богу, мы позволили Уильяму жениться на этой девушке, подумал он. Может быть, она простушка, не очень-то образована, и слишком спешит нарожать детей, но без неё, половина семьи была бы уже на том свете.

- Ну вот, а потом вода стала убывать. Когда стало где-то по колено, мы слезли. Смотрим: наш дом течением дотащило почти до самого канала! Ну, не дом, а то, что от него осталось. Я, вот, думаю, как классно, что Билли сразу компенсацию не дали, правда? Ему бы выдали эти деньги, - так мы бы всё потратили на ремонт и всё такое. Ну, как я тогда мечтала... А так, наши денежки целы. Пусть пока в Пентагоне полежат, да?

- Да, Клэрис. В Пентагоне ваши деньги будут гораздо целее, - сказал Марк. Удивительно, как у Клэрис получается: находить хорошие новости, когда все по горло в дерьме! Но, учитывая... - А как дела у наших соседей?

- У Левиных сорвало часть крыши, но у них всё более или менее О-кей. Дом мистера и миссис Конг смыло полностью. И ещё один, дальше от нас по кругу. Миссис Левин сдаёт две комнаты Конгам, *забесплатна*. Сказала: пусть поживут, пока построят себе что-нибудь... заместо дома. А ещё, много домов - как у нас. Сильно поломались, но не до конца.

Марк закрыл глаза и представил себе, как их тупичок будет выглядеть. Не сейчас, а, скажем, через год. Приедут *разборщики* и увезут завалы. Жители построят себе лачуги вокруг полуразрушенных домов. Бесконечные ряды овощных грядок будут, конечно, восстановлены целиком и полностью. Это главный приоритет, а не то им нечего будет кушать. Их аккумуляторная батарея взорвалась. Очень жаль. Скорее всего, и солнечные батареи не подлежат ремонту. Что же, придётся как-то жить без электричества. Телевизор и компьютеры всё равно утонули. По ночам, у них будет ещё темнее. Только звёзды и Луна. Вместо душа, придётся ходить купаться в вонючем Западном Канале. Вместо кухни, у них будет четыре кирпича. Возможно, с тем же высушенным на солнце навозом в качестве топлива... То, что Марк увидел в своём воображении, выглядело несколько лучше, чем Трущобы Шоссе Гаррет, особенно северной части этих трущоб, населённых индо-американцами, однако хуже, чем Трущобы Проезда Меза. Поправочка, напомнил себе Марк. Я представляю себе ТШГ и ТПМ такими, как они были до урагана. А теперь, после урагана, всё сильно порушено, и никакой разницы уже нет. Надо бы переименовать наш район. «Трущобы Западного Канала», или ТЗК для краткости. Звучит неплохо.

Урагану дали неправильное имя, вдруг подумал Марк. Его надо было назвать не «Артур», а как старинный револьвер Кольта, «*Уравнитель*». Ещё с неделю назад, в Хьюстоне существовало социальное неравенство. Мой двухэтажный дом, в хорошем

районе, был куда больше и куда комфортабельней, чем твоя жалкая лачуга в трущобах. Ты купался в грязном пруду, а я принимал цивилизованный, и даже почти тёплый душ (даже если для этого мои дети должны были привозить воду из водохранилища в одной миле [прибл. 1,6 км] от дома). Я служил в федеральном агентстве, а ты - рылся в вонючем мусоре *на Куче*. Твои дети были одеты в лохмотья и постоянно ходили босиком, а у меня хватало денег покупать детям почти новую одежду на толкучке. У моих детей даже были сандалии из старых покрышек, которые младшие, правда, почему-то категорически отказывались носить. Я был верхушкой среднего класса, а ты - всем, чем угодно, но не средним классом... А теперь, у нас всё уравнилось. Теперь мы все живём в одинаковых трущобах и варим похлёбку на одинаковом высушенном навозе. Средний класс - уничтожен как класс! Возможно, это приближается «*Нулевой Год*» из этой печальной книжки о Пол-Потовской Кампучии?

Глава 27

Когда Марк снова открыл глаза, солнце уже клонилось к закату. Клэрис сказала, что Марк неожиданно погрузился в глубокий, спокойный сон, и она не решилась его будить. К удовольствию Марка, на этот раз никаких снов ему не снилось. Очевидно, его организм начал потихоньку избавляться от «КТСТ номер пять». Теперь Марк чувствовал несильную боль в плече, зато его мышление не было больше раздвоенным.

- Странно, что Мэри и все остальные ещё не пришли, - сказала Клэрис, - Я послала им сообщение в два часа.

- А не проще было позвонить? - спросил Марк.

- Не проще. В нашем тупичке мобильной связи *больша нета*. Патрик и Памела ездят забирать электронную почту два или три раза в день.

- Как это - забирать почту?

- Да примерно так же, как наши «восточные соседи» делали последние пол-года. Садись на велик и едешь пару миль в сторону нашего местного рынка. Как только у тебя есть сигнал, телефон загружает почту и говорит: «Би-и-и-п.» Тут можно разворачиваться и ехать обратно.

- Они сказали, когда это починят?

- Телефонные ремонтники сказали, что у нас в районе нету ничего, кроме трущоб. А значит, у нас нету приоритета. Может быть, починят. Через месяц или около того.

Вот даже как, подумал Марк, наш район даже официально уже считается «трущобами». «Нету приоритета». Связь может и починят, но придётся подождать. Если только *разборщики* не доберутся туда раньше ремонтников. Но самое интересное, что никого это, похоже, не волнует. «Кондишенинг», в чистом виде. Вода в кастрюльке уже почти закипает, а лягушкам - наплевать. Привыкли.

- А как вы телефоны заряжаете? - спросил он.

- В доме на углу, у них сохранились солнечные батареи. Дамиан, тот парень без кистей рук, новый бизнес открыл: зарядка телефонов. По десять баксов за штуку.

Импровизированная ширма вдруг распахнулась, и Марк увидел своих первых посетителей. Бен, Алекс и Натали принесли от имени всего Участка открытку с пожеланием скорейшего выздоровления. Из трёх посетителей, только Алекс выглядел более или менее презентабельно: в измятых, но довольно чистых форменных брюках, в полицейской рубашке и в сандалиях. Бен и Натали оба были в испачканных комбинезонах для работы на месте преступления. Бен был в резиновых сапогах вместо его обычных офисных туфель, а Натали - вообще без обуви.

- Вот наш герой! - воскликнул Бен.

- Ага, «герой». Чтобы получить пулю - много ума не надо. Рад видеть вас, ребята, - улыбнулся Марк коллегам, - А почему вы в комбезах? Прямо с места преступления, или как?

- Или как, - вернул улыбку Бен, - от моего дома ничего не осталось, так что Алан любезно одолжил мне свою спецодежду. У Натали - та же ситуация. Как говорят в трущобах, дома *больша нета*. У нас в Участке сейчас вроде как ночлежка для бездомных полицейских. Кстати, Участок тоже затопило немного, но там мы почти всё дерьмо уже отмыли.

- Ой, как же твоя семья, Бен?

- О, не считая разрушенного дома, всё в порядке. Сильвия и дети ушли к её родителям, в Бренхейм[81]. Сразу после наводнения я им скомандовал: бросайте всё к чёртовой бабушке и сваливайте отсюда, пока город не закрыли на карантин или что-то в том же духе. Велосипед у нас остался всего один, так что им пришлось топтать пешком. Девяносто миль. Но они уже больше пол-пути прошли, слава Богу. Сильвия звонила, сказала: дойдут, без проблем. Вообще хорошо, что они ушли. Насчёт карантина - я как накаркал. Ты в курсе, у нас в городе - холера?

- Да. Про холеру - Клэрис уже мне сказала. Надо быть осторожным, не есть и не пить что попало.

- Говоря про еду, мы тут собрали немного. Это от всего Участка. - Пластиковый пакет перекачовал от Натали к Клэрис. Внутри оказались подарки: две маленькие баночки консервированного тунца из военных пайков (датированные 2023 годом - где они нашли такое сокровище?) банки с мёдом и домашним вареньем, и буханка свежее испечённого хлеба.

Бен достал из кармана и приложил к подаркам тоненькую пачку измятых банкнот. - Извини, старик. Тут не очень много. Всё, что смогли собрать в Участке. Но сейчас с деньгами в Хьюстоне напряжёнка, сам понимаешь. Что касается криминальной обстановки, ты не поверишь, сколько на нас свалилось работы после наводнения. Только на нашей территории - от четырёх до пяти тысяч трупов. Из них около пятисот - мы не можем просто так списать на ураган.

- По сравнению с делом «Мясника» - ничего сложного, сэр, - улыбнулась Натали, - Рутину: поножовщина, избиения, вооружённые ограбления. Несложно, но просто много.

- Ждём-не дождёмся, когда тебя, чувак, выпишут из больницы, - сказал Бен. - Позавчера Округ Харрис официально объявили зоной бедствия. Однако до сих пор помощи от «федералов» что-то не видно.

- Не видно?

- Пока в явном виде сказали: полагайтесь-ка, ребята, на свои ресурсы. Ну, я и буду полагаться. С некоторой долей воображения, мы можем передать под юрисдикцию ФБР, твою, то есть, - по крайней мере полсотни дел. Ты готов?

- Я теперь - инвалид. Тебе ещё нужен однорукий калека? - Марк указал пальцем левой руки на сооружение, приделанное к культе справа.

- Чувак, будь реалистом. Мне, как начальнику участка, абсолютно пофиг, сколько у тебя рук. Ты же старший следователь ФБР, а не какой-нибудь лесоруб, - засмеялся Бен. Великолепно, подумал Марк. Видимо, несмотря на ураган, ФБР ещё работало в Хьюстоне, а он сам, несмотря на потерю руки, всё ещё числился в Бюро старшим следователем.

- Ну, на твоём месте, я бы ещё полежал тут какое-то время. Дай шанс нашему боссу блеснуть в качестве следователя, - поддержал шутку Алекс, - А насчёт твоей руки: мой сын попросил передать вот это.

Он подал Марку визитную карточку. Не напечатанную, а написанную от руки аккуратными каллиграфическими буквами на кусочке желтоватого пере-отбеленного картона. *«От Инвалидов - Для Инвалидов. Протезирование, ортопедические изделия, средства для мобильности. Независимая частная клиника»*. Ниже следовали номера телефонов.

- Твой Уильям тоже может попробовать. Хотя предупреждаю сразу: Питер сказал, что они ещё ни разу не пробовали сделать протез руки. Так что, если вас с Уильямом это заинтересует, вас используют в качестве добровольцев. То есть: подопытных кроликов.

- Твой Питер открывает протезную мастерскую?

- Ага. Сразу как отмоем наш первый этаж от грязи после наводнения. А ты думал, газосварку он купил, чтобы его папашка мог давать бесплатные проктологические обследования всяким говнюкам?

- Хорошо, я зайду к твоему Питеру. Но я не думаю, что вы сможете из своего гаража конкурировать с государственными клиниками. Все эти навороченные компоненты: титан, углеволокно и всё такое прочее. Но самое главное, инвалидам войны они же делают протезы бесплатно! Трудно обойти конкурента по цене, если у конкурента ценник - ноль!

- Ха, это точно! Только у нас есть информация, что конкурентов скоро не будет. Ну, слухи-то циркулировали и раньше, но теперь это официально. И источник - надёжный.

- Какой?

- Один из друзей Питера, его уволили на днях по сокращению штатов. Как раз из

государственной протезной клиники. Президентской программы «Пожизненное Протезирование» в Хьюстоне *больша нета*. Такую возможность нельзя упускать! Мальчики оказались со своей газосваркой в нужном месте и в нужное время.

Марк посмотрел на визитную карточку ещё раз. Непонятно. Сначала, Бен говорит, что федеральные агентства не предложили пострадавшим от урагана районам никакой помощи, а теперь Алекс утверждает, что и правительственная программа помощи инвалидам тут будет свёрнута. Похоже, что даже «BBC-1» не прилетит на этот раз в Техас, чтобы Первая Леди могла раздать детишкам школьные формы. Конечно, это же не предвыборный год!

- Ладно, так что заходи к нам как-нибудь, - продолжил Алекс, - И ещё тебе одно приглашение. Ким и Кэйт передали привет. И приглашение на свадьбу в придачу.

- На свадьбу? В самом деле?! Как у них дела?

- Да нормально всё. Счастливики, у них даже халупу не смыло. Вообще, как ни странно, в тех трущобах разрушения были чуть меньше, чем в других местах. Наверное, немного дальше от Залива?

- Скорее, там местность чуть повыше, - не согласился Марк. - Или просто - потому что такие бедные трущобы. По определению, там и разрушаться-то особенно нечему. У тебя сдуло с халупы кусок фанеры - нашёл, воткнул на место. Хуже не стало.

- Кстати, про этих двоих. Я отправил Шерифу представление к наградам, - сообщил Бен, - Депюти Ким и мисс Боуэн получают по медали. И депюти Тань - тоже. А от Кима я потребую, чтобы он непременно сдавал экзамен на сержанта полиции - у него выслуга лет подходит в следующем году.

- Что они натворили на этот раз?

- Эта троица - они же все с Флота. Мореманы - безбашенные. В самый ураган, экспроприировали у кого-то надувные матрацы, нашли какие-то доски, верёвки. Построили плот. Организовали команду из местного населения. И спасали людей всю ночь - тех, кого совсем затопило. В их околотке погибло всего двадцать семь человек... Тоже грустно, конечно, но по сравнению... Есть околотки, где погибло столько, что уже пятый день трупы сосчитать не могут.

- Тань, он, вроде, не безбашенный мореман. Он как-то говорил мне, что служил в Морской Пехоте. Но он попал под дурное влияние Кэйт... могу руку дать на отсечение. Правую! - улыбнулся Марк, - Она ему сказала что-то вроде: «Давай, братишка, покажи нам, морякам, что и морпехи иногда на что-то годятся.»

Он припомнил, как давал Киму совет жениться на Кэйт. А верно я определил характер этой девочки, подумал он про себя. Если так и дальше пойдёт, глядишь, к пятидесяти годам начну, наконец, разбираться в людях...

Алекс тоже улыбнулся, - Ким сказал, что они подождут со свадьбой, пока ты не выйдешь из больницы. Без такого свадебного генерала, как ты - свадьба невозможна. Так что - имей в виду. А! Почти забыл: твой мобильник, - Он полез в карман и протянул Марку смарт-фон. - Полностью заряжен. На случай, если захочешь почитать электронную почту, или что-нибудь ещё. Твой «Глок» и твой ноутбук в полной сохранности. Пока заперты в лаборатории у Алана Мосса. Карта и бумаги в твоей коробке, боюсь, они немного подмокли. Во время эвакуации. Но ноут наши депюти спасли.

- Спасибо, Алекс. Бумаги можно отправить в шрёдер. Мы же поймали «Мясника», не так ли? А как поживает наш добрый доктор Ай-Уже-Не-Болит?

- По-прежнему жалуется на свою хроническую неизлечимую болезнь: низкий кофеин крови. А так - великолепно. Кромсает трупы день и ночь. Передавал тебе привет. И ещё какое-то странное сообщение: типа, на амбулаторный приём к нему можешь приходить когда вздумается, но койко-места у него для тебя нет. Всё забронировано на следующие сорок лет, даже не проси. Я так и не понял, о чём это.

- Койко-места для меня нет? О, это он так весело шутил, когда мы плыли на «Зодиаке». Не берите в голову. Как там Том?

- Попал под летящие обломки во время урагана, - ответила Натали вместо Алекса, - Огромная рана на голени и два сломанных ребра. Однако, уже работает в лаборатории. Правда он в гипсе, в корсете, и в пластыре - с головы до ног. К сожалению, это означает, что в Участке я - единственный судмедэксперт, кто может ездить на происшествия.

- Ясное дело, у вас напряжёнка! - кивнул Марк, - Ну тогда - придётся мне в больнице не залёживаться. Кроме всего прочего, я хочу поглядеть, как «Шелдонского Мясника» будут судить и вешать.

- К твоему сожалению - не будут его судить. Не повезло тебе, Марк. Наш общий друг умер. По дороге в тюрьму, - с напускным трагизмом заявил Алекс, - Тяжёлый химический ожог, знаешь, как это бывает? Вроде всё О-кей, бац - и умер. Бедняга! Мучился перед смертью, - Алекс улыбнулся уголком рта и подмигнул. Марк мгновенно понял, что именно сержант хотел сказать.

- Скатертью дорожка, - сказал Бенито, - Я и так работаю по двадцать часов в сутки, ещё сидеть документы на эту мразь оформлять? Я всегда ненавидел работу с документами, чувак.

- А кто её, эту работу с документами, вообще любит? - кивнул Марк, - Кстати, о «Мяснике». Вы личность-то установили? Фамилия, конечно, не Сполдинг, так?

- Так, - подтвердил Бен, - Не хотел тебя больше мучить этим делом, но раз уж зашёл такой разговор... Он вытащил из нагрудного кармана комбинезона свой телефон и поводил пальцем по экранчику, - На, читай.

Марк неуклюже установил телефон на смятой простыне. Нужно научиться управлять этой штуковиной с одной рукой, отметил он про себя. На экранчике оказался стандартный файл воинского учёта. Судя по фотографии, это был именно тот ночной сторож с завода. Фармер, Ричард С. Родился в Сан-Франциско, штат Калифорния, 1994. Поступил волонтером в армию, 2015. Парашютные курсы. Воевал в Мексике. Без наград, но и без ранений. Получил капрала в 2016. Продлил контракт и получил сержанта в 2018. Ускоренные курсы химзащиты. А вот дальше, пути Ричарда Фармера и Эрика Сполдинга пересекаются: 2019, база морской авиации Королевского Флота Йовилтон, Великобритания. В 2020-м, сержант получил «Дистингуишед Сервис Медал» и «Пёрпл Харт». А потом, в 2021-м, вместе с капитаном Сполдингом, он оказался в военной тюрьме ВВС США на базе Лейкенхейф. Вот только из тюрьмы он не вышел и в отставку уволен не был. Карточка закончилась совершенно неожиданно: «погиб при пожаре, 11 января 2027 г.»

- То есть, вы хотите сказать, что мне мертвец руку отстрелил? Для зомби 2027 года выпуска он великолепно сохранился, - усмехнулся Марк.

- Да нет, мы всё проверили, - заявила Натали, - С фотографией, конечно, сличить не можем. От лица там мало что осталось. Отпечатки пальцев тоже съело кислотой - почти полностью. Зато, сделали ДНК, совпадение - идеальное. Вероятность ошибки - менее единицы к десяти миллионам. К тому же, оказалось, у этого парня кроме военного опыта есть ещё и опыт криминальный. Он и в армию подался, чтобы не сесть в тюрьму.

- Они пытались посадить его за изнасилование, - продолжил Бен, - В особо извращённой форме. Но там свидетельница отказалась показания давать, так что технически он вышел сухим из воды. А вот как он выжил на пожаре и стал Эриком Сполдингом? Скорее всего, этот гад как-то умудрился обмануть охранников в тюрьме ВВС. Но как - трудно сказать. Там большой пожар был, много народу сгорело: и заключённых, и охранников...

- Да, но Пентагон должен знать все детали.

- Я запрашивал Пентагон. Два раза. Из них и слова не вытянешь! Мой первый запрос мгновенно вернулся с ответом: кто, что, почему, ничего не знаем! Тогда, я попросил офицера связи ФБР в Вашингтоне, чтобы она помогла. В конце-концов, Пентагон ответил, но что-то совершенно невразумительное. Типа, да, было лётное происшествие, вынужденная посадка вертолёта, все погибли, кроме капитана Сполдинга и сержанта Фармера. Никакого объяснения, за что эти парни оказались в тюрьме. И как они через семь лет вдруг поменялись местами. Отдай мне телефон, чувак, я тебе эту писулю покажу.

Бен снова поводил пальцем по экранчику и снова протянул телефон Марку. Тот посмотрел и присвистнул. Пентагоновский документ был датирован 2021 годом, но кроме имён Эрика Сполдинга и Ричарда Фармера что-либо понять было абсолютно невозможно. Процент девятости текста было аккуратно забито чёрными

полосочками. То, что осталось, повествовало о выполнении каких-то особых заданий в особо тяжёлых условиях, неизвестно где и практически непонятно когда.

- Я предполагаю, Бен, что Пентагон и дальше будет посылать нам такие же замазанные документы. По соображениям национальной безопасности, нам этого знать не положено. Мне этот Сполдинг... то есть Фармер, немножко рассказал, чем они занимались в Ливии. Он был в спецподразделении. «Поджигатели».

- Что за «Поджигатели»? В первый раз слышу.

- Я тоже не знал, что такая штука существует, Бен. Ты не помнишь случайно, с чего началась Ливийская война? Операция «Газовый Щит»?

- Что-то было такое по «CNN». Нападение террористов в нашу базу. С применением химического оружия. Или биологического? «Рицин», что-то в этом духе. Четыреста трупов. Потом, ещё, в Ливии заводик какой-то нашли химический. Передвижной, и со следами Рицина...

- Именно! Капитан Эрик Сполдинг был командиром группы. Одновременно - эксперт-криминалист. То есть не совсем криминалист, а специалист по размещению поддельных вещественных доказательств. Сержант Рик Фармер - специалист по отравляющим веществам. Кто-то ещё был в группе, наверняка. Но нам про это ни за что не скажут. Как думаешь, - стоит дальше в этом дерьме копать?

- Наверное - нет, Марк. Наверное - нет... Ты знаешь, мне тут неожиданно позвонили. Прямо из ФБР в Вашингтоне. Сначала спросили: как там наш старший следователь? Я сказал: состояние сих пор критическое, но вроде как ему лучше. Тебе тогда только-только операцию сделали, чувак... Потом они спросили: точно, что Ричард Фармер - это и есть Ваш «Шелдонский Мясник»? Я говорю: он не «мой Шелдонский Мясник», сэр. Поймал его, кстати, ваш агент, Марк Пендерграсс. Но насчёт идентификации - однозначно, сто процентов. Табельный армейский нож идентифицировали. Теннисные туфли нашли. Ты знаешь, что там было? Этот гад приклеил к подошвам протектор от автомобильной шины, поэтому следы выглядят, как у самодельных *вьетнамок*. Были эти туфли когда-то белые, а теперь - покрашены чёрным. Ну, и всё остальное. Чёрный рюкзачок, чёрная маска-балаклава. Перчатки с пупырышками.

- Перчатки тоже идентифицировали, - вставила Натали. - В одном месте две резиновые точки отсутствуют. Совпало с отпечатком по делу номер двенадцать.

- Не перебивайте, Натали. Это уже неважно. В общем, к нашему телефонному разговору. Так и так, говорю, все доказательства налицо. Далее следует указание из Вашингтона: спасибо за помощь в расследовании, майор. Преступник мёртв, дело закрыть. Старшему следователю Пендерграссу - благодарность от руководства ФБР. Денежную премию, наверное, получишь, или даже повышение по службе. Судмедэкспертам тоже следует подкинуть что-нибудь по линии Офиса Шерифа. Бл-бла, как всё великолепно. А потом, эти весёлые парни дают мне «дружеский совет»: про военное прошлое «Мясника» забыть нафиг - никому ни пол-словечка. Я по-ФБР-

овски ответил: не припоминаю, о чём это вы вообще говорите, джентльмены; какое такое военное прошлое?

- Славненько.

- Я так полагаю, что нам удастся чего-то ещё раскопать по поводу Сполдинга, Фармера и их бывших сослуживцев. Просто не дадут. И давайте-ка, ребята, держать рот на замке. «Шелдонский Мясник» - это Ричард Фармер, доказано. Но он никогда не служил в армии.

- Не припоминаю, майор. О какой это военной службе Ричарда Фармера вообще идёт речь? - ответил с усмешкой Марк. Он ничуть не сомневался, что у Пентагона полно таких же «Поджигателей» по всему миру. Сидят сейчас где-нибудь в джунглях Бразилии и готовят «бандитское нападение Бразильского ВМФ на мирный морской транспорт США». И все улики будут налицо. Война за право воевать дальше за право воевать дальше...

Из-за пластиковой плёнки слышалось торопливое шарканье по линолеуму нескольких пар ног.

- Ладно, чувак, не напрягайся. Нам пора двигать. У тебя - посетители поважнее, чем мы, - сказал Бен, выглянув за ширму. Саманта не могла ждать, и заключила папу в объятия, в то время как Бенито, Алекс и Натали поднялись и помахали на прощание.

Глава 28

Кроме Саманты, следующая группа посетителей состояла из Фредерика и Мартина Штольцев и Жасмин Хобсон. Марк отметил про себя, что Саманта и Жасмин были одеты одинаково, причём по последней моде мусорщиц с *Кучи*: обе были босиком, в обтягивающих джинсах с несметным количеством стратегически расположенных надрезов, и в армейских зелёных футболках на четыре размера больше, чем необходимо. При этом, завязанных узлом чуть выше пупка, так что большая часть живота была должным образом обнажена. У обеих были одинаковые стрижки, тоже как теперь принято у модниц *на Куче*: практичный полудюймовый «ёжик». Покороче, чем у мальчиков! Волосы Мартина были на целые пол-дюйма длиннее. Судя по всему, после урагана «Артур» обещание «по-настоящему» уже утратило силу, подумал Марк. С другой стороны, приятно было видеть, что на Саманте пока нет татуировки. Возможно, она была мудро скрыта под футболкой. Или, эти мобильные тату-тележки *на Куче* пока ещё не возобновили свою артистическую деятельность. На лбу у Саманты над правым глазом был наклеен пластырь, а ещё один, побольше, был над её правым ухом.

- Ну, приятель, - сказал Фредерик, пододвигая стул. Он протянул было руку для рукопожатия, но посмотрел на обмотанную бинтами культю Марка и почти отёрнул ладонь.

Марк успел дотянуться до ладони Фредерика левой рукой и всё-таки пожал ему руку. - Это не такая уж большая проблема, чувак. Бывает и хуже.

- Мне так жаль, приятель. Это я виноват. Вот какой я идиот! Зачем я только нанял этого ублюдка Сполдинга?

- Твоей вины тут нет, Фред, - ответил Марк, - Сполдинг всех обвёл вокруг пальца. Твоего покорного слугу, в том числе. Не будем об этом. Я так рад, что ты и Мартин, - оба вышли из этой заварушки живыми. Лучше-ка, заполни мне все пробелы. Я ненавижу пробелы! Как вы трое оказались за реакторами?

- О, моя история достаточно проста, знаешь ли. Когда Сполдинг наставил на меня свою пушку, я подумал, что это из-за денег. На «Синтегазе», у нас всегда есть в сейфе наличные. Ничего такого особенного: тысяч сто, не больше. Текущие расходы: топливо, пластиковый лом, и так далее. На заводе были только Сполдинг, я, Сэмми и Марти. Из-за урагана, я отпустил всех рабочих, даже Денни, моего десятника, и кочегаров Кингсли. Ну вот, этот козёл Сполдинг заходит в офис, направляет на меня обрез и говорит: «Я прошу прощения, мистер Штольц, но будьте так любезны, дайте-ка мне ключи от несгораемой кассы.»

- Ну, я бы в такой ситуации отдал ключи. Сто килобаксов - это неплохие деньги, но терять из-за них жизнь вряд ли умно!

- Вот и я так подумал! Так что, когда он отвёл меня за бомбу номер три, я был страшно зол, но не боялся. Он привязал мне обе руки к предохранительному клапану.

Ну, помнишь, я тебе объяснял: там, сзади бомбы есть этот самый клапан? Я подумал: Сполдинг уйдёт, я просто выкручу клапан из гнезда и развяжусь. Начал подсчитывать в голове, какое будет там давление, чтобы меня не сожгло к чёртовой бабушке. А Сполдинг привёл туда Марти и Сэмми и тоже привязал. А потом: вот дерьмо! Стал обматывать всё «Примакордом»! Вот в этот момент я вспомнил, как Билли рассказывал про операцию «Титаник», и приготовился наложить в штаны от страха. А потом: трах, бах! Как в кино. Прибыл агент ФБР, и всех спас. Как какой-нибудь Супермен!

- Ты, как всегда, преувеличиваешь, Фред. Моя заслуга только в том, что я отстрелил Сполдингу его долбаный детонатор. Нас всех Жасмин спасла. Если бы не ты, Жасмин, мы бы там все погибли.

- Ах, ничего особенного, сэр, - улыбнулась Жасмин, - Мне просто повезло. Мистер Штольц говорит, для этого есть специальное слово: *ин-ту-и-тивная подозрительность*. То есть нет, не подозрительность, а *про-зор-ливість*, вот! Типа, ты делаешь всё неправильно. А тебе - бах! И повезло! Вы слышали об этой самой *ин-ту-и-тивной про-зор-ливости*, сэр?

- Да, Жасмин. Слыхал что-то вроде этого. Только это было давным-давно. Лет двадцать пять тому назад, когда «Мусоровоз» ещё был грузовиком для мусора, а не кораблём для инвалидов... Однако, помимо прозорливости, нужна ещё храбрость. Ты не испугалась, Жасмин, а это поважнее всякой там интуитивной прозорливости и прозорливой интуиции...

- Нет, что Вы, сэр. Я *еще* очень даже испугалась! *До усра...* В общем, даже больше, чем на Куче, когда копаешь *гниль-ямы*!

Кому-кому, а уж мне-то грех жаловаться на интуитивную прозорливость, подумал Марк. Целых два года ходил кругами, а «Шелдонский Мясник» сидел под самым носом. Из Майка информацию вытаскивал. Посмеивался, наверное, про себя, какие в ФБР все идиоты. А потом, причём совершенно случайно, - нам всем повезло, а «Мяснику» - наоборот.

- Жасмин, расскажи мне по порядку. Как ты вдруг оказалась там, на мостках под крышей?

- Так получилось. Я с утра пошла Берти и Милли в школу провожать. *Ваше*, они сами всегда ходили, но тут... Джо Во этот, и «Мясник»... Короче, мы вместе ходили, так, на всякий такой случай. Ну так пришли в школу, а сторож и говорит: а чо вы, такие, *ваше* пришли? Занятия отменили. А про ураган - *нисказал*. Ну ладно, отменили. *Без базара*. Я имею в виду: *это не проб-лема*. Так лучше, мистер Фредерик?

- Гораздо лучше, Жасмин, - важно кивнул Фред.

- Ну я так и говорю: *без базара*, идём на Кучу! Охранники нас пустили *ваше* *забесплатна*. Один сказал: «Сегодня у нас *ме-те-оро-логическая скидка*.» *Ме-те-оро-логическая* - это специальное слово. Когда сильный дождь, так?

- Почти, Жасмин. «Метеорология» - это наука про погоду. Про любую погоду, а не только про дождь, - подтвердил Фредерик.

- Ну вот, смотрим: а *на Куче* почти никого *больша нета*. Потом дождь ещё сильнее пошёл, так все *ваще* разбежались. А мы решили ещё походить. Мы же не знали про ураган, а то бы и мы убежали. Ну типа, когда сильный ливень, мусор размывает, и можно найти что-то путное. Главное - не ходить там, где *гниль-ямы*. И по глубоким траншеям не лазать, а то они на тебя *хлопнутя*.

- У вас хоть плащи-то были? - спросил Марк.

- Не-а. А зачем? Что нам сделается? Мы *ваще*: всегда босиком, и к дождику привычные. *Не проб-лема*.

- А дальше?

- Дальше, Милли нашёл клад.

- Настоящий клад?

- Конечно, настоящий! Смотрим, что-то блестит в куче. Расковыряли, а там - клад! Целая коробка! Чайник такой блестящий, ну, электрический. Знаете, были такие раньше? Когда электричества ещё было много? Чайник из нержавейки, ему ничегошеньки не сделалось. И ещё там был, этот, ну, такой большой, ах да: *тодстер*. Но *тодстер* сильно поржавел, конечно.

- Не «*тодстер*», а «тостер», Джас, - поправил мусорщицу Фредерик, - для того, чтобы поджаривать хлеб и делать из него тосты.

- Я так думаю, мистер Штольц, что до *Обвала* они *ваще* мало чего в тостах понимали. Делать это электричеством - просто глупо. Вот теперь, - мы делаем настоящие тосты! Надеваешь хлеб на палку, и поджариваешь над костром. С запахом дыма хлеб куда вкуснее, правда?

- Согласен, - сказал Фредерик, - тратить электричество на приготовление среднего качества тостов, да ещё и без дыма - это тихое помешательство.

- Ну вот, кроме чайника и этого, ну «тостера», там в кладе ещё были электрические штучки всякие. Полная коробка. Представляете, какой дурак такой клад *на Кучу* выбросил! Я, такая, говорю братикам: на проходную с этим кладом нельзя. Мы же не на своей делянке нашли! Те, другие, они, конечно, дождика испугались, так что это их *проб-лемы*. Но за *крысятничество* могут и по шее надавать.

- *Крысятничество*? В смысле: перебирать мусор на чужой территории? - переспросил Марк.

- *Крысятничать* - это как воровать. Ну, почти как. И ни на какой-такой *территории*, а просто на чужой делянке. А то - охранники отберут. Скажут: мы вас *еще забесплатна* пустили, - чайник будет наш. А не то, мы всем скажем, что вы - *крысятничали*. Бerti, такой: пошли, перепрячем на нашей делянке. А я, такая: где ты перепрячешь? К завтра, тут всё так размоет, ничего не найдёшь! К тому же, там придётся по траншеям лазать - опасно. Надо, говорю, идти на *Перешлеп*.

- В смысле, «Перекоп»? - спросил Марк.

- Не-а, *Перешлеп*. Там около дамбы место такое. Ручей. Забор обвалился, и можно со свалки вылезти. Это место все *на Куче* знают, называется: *Перешлеп*. В смысле: надо по грязи шлёпать, там где-то по колено. Но если дело того стоит, можно и по грязи, так ведь?

- Ну, если дело того стоит, - подтвердил Фредерик, - Однако, лично я бы там переходить не стал даже за миллион. Кто его знает, что там под грязью?

- Вы - *без базара*, мистер Фредерик, - кивнула юная мусорщица, наверно, воображая себе как химик барахтается в жидкой грязи, - Сэмми говорит, что для такого надо быть *еще не-неженкой*.

- Точно, - засмеялась Саманта, - совершенно *не-неженкой*!

Фредерик тоже улыбнулся, - А ты, наверное, права, Джасси. Мне бы надо попрактиковаться быть *еще не-неженкой*.

- *Поп-рак-тик-оваться*? Это специальное слово? - спросила Жасмин.

- Да. Означает, что я должен это попробовать. Попытаться научиться быть *не-неженкой*. Как ты думаешь - у меня ещё есть шансы?

- Конечно, мистер Фредерик, - заверила Штольца Жасмин, - Но если Вы хотите *поп-рак-тик-оваться* быть *не-неженкой*, Вам надо иногда ходить без *сандалий*. Кто всегда в *сандалях* - тот *точно* неженка!

- О! - согласился Фредерик, - я совершенно забыл про *сандалии*. Надо избавляться от этой дурацкой привычки: ходить обутым. Это даже хуже, чем поджаривать тосты электричеством.

Он скинул с ног *сандалии* и запнул их под кровать Марка, - Так лучше, Джасси?

- Гораздо лучше, мистер Фредерик. Если Вы постараетесь, Вы скоро будете *не-неженка* на сто процентов. *По-ложить-тельно*!

- Положительно, Джасси, - перевела Саманта, но Марк уже привык к странноватым словечкам Жасмин.

- Так, и вы решили идти через *Перешлеп*, - поторопил историю Марк. Он сильно сомневался, что Фредерик при всём желании сможет достичь даже 25% от уровня настоящего *не-неженки*.

- Ну, там ещё эта. *Проб-лема!* Охранники ведь тоже знают *Перешлеп*. Там всегда охранник сидит. Но когда *ме-те-оро-логическая* погода, в смысле: такой жуткий дождь - охраннику *запало* сидеть. Мы пришли - ага, а охранника *нета!*

- А! Охранники, оказывается, не *не-неженки*. Во всяком случае, не на сто процентов, - воскликнул Фредерик.

- Не-а, что Вы! Какие они *не-неженки*? А может, охранник сказал: кто сюда пойдёт, если такая *ме-те-оро-логическая* погода? В ручье воды было - уже по пояс. Но так даже лучше. Я целых три раза переходила. Сначала перенесла школьную сумку Берти, потом - назад и перенесла клад. Но хорошо, что воды много, и ещё дождь. Выбрались нормально, почти что чистые. И побежали на завод к мистеру Фредерику.

- Это ты стучалась в ворота? - спросил Марк.

- Милли долбил, каким-то кирпичом. Он *ваще* тихий. Но если надо - умеет пошуметь. Но на заводе, вроде, никого не было. Тогда я говорю: мистер Сполдинг ушёл, наверное. Пошли вокруг, Милли перелезет через забор, и нам откроет. Там, за *бомбами* есть дырка, где можно перелезть. Только взрослый там не пролезет - дырка маленькая. А мы можем пролезть, *ваще без базара. Без проблем*, то есть. Я посадила Милли, говорю: лезь! А он вдруг затрясся весь, и шепчет: спускай меня назад скорей! Ну, рассказал, что там: мистер Штольц, Марти и Сэмми к *бомбам* привязанные стоят. Я тогда братикам говорю: подсаживайте меня. Сама полезу. Ну, залезла. И сидела там, пока... Ну, дальше Вы знаете.

- Пока «Мясник» не повёл Сэмми в котельную?

- Ну да. Спускаться я забоялась - «мистер Сполдинг» бы увидел. Я себе сказала: надо оружие! А там, наверху, стоял этот большущий стакан. Сэмми называет его: *ней-тролли-затоп*. Специальное слово такое.

- *Нейтрализатор*, Джесси, - поправила Саманта, - Впрочем, это неважно.

- Конечно, неважно. На самом деле, там - серная кислота. H_2SO_4 . Как в старых аккумуляторах, только гораздо сильнее. *Кон-цен-три-рованная*, правильно? Только в аккумуляторах - там *ваще* чаще бывает не кислота, а кислотный гель.

- Правильно, - улыбнулся Марк. Для босоногой девчонки-мусорщицы, едва окончившей четыре класса и смешно боровшейся с этими многосложными словами, познания Жасмин в химии были просто поразительными. Будущее современной химии находилось в надёжных руках.

- Вот я и подумала: если вылить этот самый *ней-тра-лизатор* на голову «мистера

Сполдинга», ну, «Мясника» то есть, - ему мало не покажется! Я целилась-целилась, но Сэмми рядом с «Мясником» была. Я боялась её задеть. А когда он, ну, «Сполдинг», по Вам попал из обреза... Я подумала: *син-ту-акция одна-значна* выходит из-под контроля!

Услышав такое, Фредерик раскрыл от удивления рот.

- Ситуация однозначно выходит из-под контроля? Ты в самом деле подумала - этими самыми словами? - спросил Марк.

- Нет, что Вы, мистер Марк. На самом деле я подумала: «вот дерьмо!» Никто на Куче специальными словами думать *ниумеет*. Только мистер Фредерик думает такими словами *без-осан-новачно*. Но я тоже хочу так научиться. *Поп-рак-тик-оваться*. На Куче - слова неправильные. А специальные слова - это же круто!

- Фред, у тебя появился достойный последователь, - заметил Марк, - с английским языком всё будет в полном порядке. А профессор Хиггинс наверное думал, что учит Элизу химии[82].

- Жасмин, специальные слова - это круто, но ни к чему употреблять их всё время, - сказал Фредерик, немного оправившись от такого откровения, - Если ты подумала: «вот дерьмо», так и скажи: «вот дерьмо».

- Ладно, мистер Фредерик, я буду пока без специальных слов. Потом *поп-рак-тик-уюсь*. Я подумала: вот дерьмо! Мистера Марка убило! Всяко всем погибать! Ну, я - бац! И *хлопнула* кислоту «Сполдингу» на голову! На Сэмми тоже попало немного - ещё чуть-чуть, и стала бы она одноглазой!

Саманта обняла Жасмин за плечи, - Мы с Джас теперь - как сестры-двойняшки. У нас даже шрамики на лбу скоро будут одинаковые. Она указала пальцем на пластырь у себя на лбу. Слава Богу, глаз Саманты не пострадал.

- Честно говоря, - признался Фредерик, - когда я услышал хлопок детонатора, а потом - тот последний выстрел из обреза и твой вскрик, я подумал: всё, приплыли! Конец всем. Марк, похоже, убит. Это гад Сполдинг сейчас вылезет из котельной, поставит новый детонатор... У него их было несколько. Я, лично, - продал ему три штуки, со скидкой. Представляешь, какой я идиот! Он сказал: так и так, двоюродный брат устроился на работу у *разборщиков*, им надо взорвать что-то. И я поверил! Даже рассказал этому козлу, как сделать для детонатора «*TriSafe*» взрывную машинку... Но теперь я думаю, что он знал, как это делается. Его в армии научили. Он просто делал вид, что не знает, ну, чтобы я ему эти проклятые детонаторы дал! Ты знаешь, Марк, я атеист, ни в Бога, ни в чёрта, ни в загробную жизнь я не верю. Так что, я не молился. Я просто сказал себе: приехали, леди и джентльмены, всё, конец. Сейчас умрём. Только жаль, я не увижу, как случится предсказанный мной «*Нулевой Год*», и что там дальше будет. Странно думать о таких вещах перед смертью, ты не находишь?

Марк был изумлён, - «*Нулевой Год*»? Как - в Кампучии? Как ни странно, я думал об

этом только сегодня утром! Типа, Хьюстон приближается к «Нулевому Году». К примеру, у нас теперь не будет деления на приличные районы и трущобы. Весь Хьюстон будет трущобами. Я даже подумал, не стоит ли переименовать наш район. «Трущобы Западного Канала», ТЗК. Как тебе такое название?

- «Трущобы Западного Канала»? ТЗК? - Фредерик попробовал новое название на язык, как какое-нибудь экзотическое иностранное блюдо, - Очень даже неплохо. Мне нравится. Но, насчёт того, что «Нулевой Год» *приближается*, ты, Марк, ошибаешься. Он не приближается, он уже тут! Позавчера Президент выступал по «CNN». Объявил Округ Харрис, и ещё три округа, зоной бедствия. Было много обычной политической болтовни, но основная идея, хотя, он и не сказал это прямо, была такая: мы должны полагаться исключительно на внутренние ресурсы, чтобы восстановить город. Всё, что сможем. Никакой внешней помощи не будет, и точка! На границах пострадавших округов - карантин; никого не впускают и никого не выпускают.

- Ты опять преувеличиваешь, Фред?

- Не-а. В своей речи, Президент использовал слово «самодостаточный» по меньшей мере семнадцать раз. К концу - я и счёт потерял.

- Ну, ты знаешь, наш майор Бенито Ферелли мне только что то же самое сказал: никакой внешней помощи, только местные ресурсы. Однако... Я не понимаю. Нет, это просто глупо... Почему никакой внешней помощи?

- Идея в том, что мы должны научиться, как жить в этом самом «Нулевом Году». Поначалу, будет, конечно, трудно. Но потом мы привыкнем. Честно говоря, лучше научиться этому раньше, чем позже.

- Я помню, у тебя была другая теория. Что-то навроде правительства, которое хочет приземлить Америку в «Нулевом Году» плавно и медленно.

- Признаюсь, я заблуждался... А теперь у меня есть теория получше. Да! Очень даже правдоподобная. Правительство приземляет Америку в «Нулевом Году» не плавно, а очень даже жёстко. Но - не всех сразу. Один крупный город за другим. И они используют для этого всякие катаклизмы: природные или рукотворные.

- И ты думаешь, они начали с Хьюстона, из-за урагана «Артур»?

- Нет, я думаю, они начали со штата Мичиган, и других северных штатов, и не из-за ураганов, а из-за «Пика добычи нефти». Причём, довольно давно: в 2000 или 2001 годах!

- Ещё одна из твоих завиральных теорий заговора?

- Никакой теории заговора, приятель, чистые факты. Город Флинт, штат Мичиган. Родина корпорации «Дженерал Моторс». Это было, наверное, первое место, которое начали сознательно приземлять в «Нулевой Год». Автомобильная промышленность

ушла, и город с населением сто двадцать тысяч поставили на автопилот. Никакой внешней помощи! Дальше: Детройт. То же самое. И все эти богом забытые городки в «Поясе Ржавчины»[83]... А потом: ураган «*Катрина*». Там немножко помогали, но только для вида. Новый Орлеан так никогда полностью и не был восстановлен.

- Значит, Хьюстону конец?

- Нет, почему же сразу: конец?

- Ну, «*Нулевой Год*». Конец цивилизации.

- Конец цивилизации, приятель, это ещё не конец света. Это как в математике. Много-много лет люди думали, что нельзя извлечь квадратный корень из отрицательного числа. Вдруг, изобрели комплексные числа и обнаружили, что не только квадратный корень можно извлечь. Любая дробная степень отрицательного числа стала возможной.

- Фред, эти самые комплексные числа я помню смутно. Что-то такое учили в средней школе. Однако, нам забыли сказать, зачем эти комплексные числа нужны, поэтому я им как-то не уделял внимания. Я не помню про них ничего, кроме названия.

- Ну вот, но после комплексных чисел была ещё проблема: нельзя было иметь ноль в отрицательной степени. Но потихоньку-полегоньку люди придумали, как бороться и с сингулярностями. Дирак изобрёл свою дельта-функцию...

- Всё! Я потерял нить. Ты, Фред, постоянно забываешь, что имеешь дело с гуманитарием. Я в Университете изучал поведенческую психологию. А комплексные числа? В психологии они не используются!

- О-кей, Марк, - повторил попытку Фредерик. - Сингулярность - это как чёрная дыра. Или, точнее, «кратовая нора». Проходишь через дырку, а там оказывается новая вселенная. Стивен Хокинг и его «История Времени», помнишь?

- Извини, Фред. Я должен признаться, что ты мне тогда дал эту книжку Хокинга, но я дочитал её только до двенадцатой страницы.

- Хорошо - не бери в голову. Потом можешь спросить об этом Билли. Он тебе объяснит, как работает чёрная дыра. И «кратовая нора» тоже. Скажем проще. Конец света в «*Нулевом Году*» - не наступит. Это просто наше воображение. «*Нулевой Год*» - это всего лишь конец известного нам мира. Известного - я имею в виду: мира, как его знает наше с тобой поколение. Те, кто родились до *Обвала*. Но новый мир, тот, с другой стороны «*Нулевого Года*», - он ничуть не хуже. А в чём-то - даже лучше.

- Ты раньше не был таким оптимистом, Фред.

- Наверное, нет. Просто я тут подумал... Мы - приспособимся. Как биологический вид. Во Флинте и в Детройте у них не получилось потому, что было ещё куда бежать. Вот

они и вцепились друг другу в горло - за право накопить бабла и смыться. И каждый дрался за себя. Дальше всё ясно: кого-то придушили, сильные смылись все, ну или почти все, а оставшиеся слабые потихоньку вымирают. А у нас в южных штатах так не будет.

- Почему?

- А нам бежать некуда. С планеты Земля не убежишь. Вот сильные и взялись всем помогать. Другим сильным, ну и слабым заодно. Я так полагаю, что скоро всё в Хьюстоне устанится. Холера кончится, мы же не в десятом веке живём, знаем отчего что бывает. Мародёров всех вычислим, отловим и отправим рубить уголёк. И жизнь в нашем районе, как ты его назвал? «Трущобы Западного Канала»? Неплохое имя, надо предложить всем соседям. Так вот, жизнь в наших Трущобах Западного Канала будет О-кей. Счастье - это разность между тем, что у тебя есть, и тем, что тебе хочется. А мы потихонькуотрегулируем, чтобы нам хотелось поменьше.

- Где-то я это уже слышал, - сказал Марк, - Клэрис, это не ты перевоспитываешь население?

Клэрис загадочно улыбнулась, - Ну, я-то в этом особенно не участвую. Там миссис Левин заправляет, и ещё некоторые. *Нео-хиппи* в действии.

- Эй, по части *нео-хиппи*, наша Джасси даст Руфь Левин сто очков вперед, - усмехнулся Штольц, - Руфь меня три года убеждала, что можно обходиться парой джинсов, футболкой и парой сандалий. А Джасси в пять минут все эти надуманные построения раздолбала. Выяснилось, что уважающему себя человеку сандалии только мешают. Теперь если Эльвира и мальчики найдут мне в наших руинах запасную футболку, я мгновенно достигну нирваны.

- В руинах? Ваш дом тоже смыло наводнением?

- Какая-то часть ещё стоит. Если можно так выразиться.

- Так. И как твоя Эльвира это принимает? Не могу поверить, что и она поддалась философии миссис Левин.

- Ты знаешь, ей сильно ураган помог. Она как-то сразу прониклась и начала подгонять хотелки под объективную реальность за окном. А вчера ночью она мне заявила, что находит нашу жизнь офигительно клёвой и сексуальной.

- Даже так: «офигительно клёвой и сексуальной»? Совсем не в её стиле, - Марк не мог вообразить, как такое могло вырваться из тонких, вечно поджатых губ чопорной Эльвиры Штольц, магистра и бывшего искусствоведа в бывшем хьюстонском Музее Изобразительных Искусств.

Фредерик наклонился к уху Марка и прошептал, - Я тоже совершенно поражён. Можешь не верить, но у нас не было такого замечательного секса уже лет десять! -

Потом он отодвинулся и продолжил нормальным голосом, - Ты знаешь, она собирается открыть в том, что осталось от нашего дома, - публичную библиотеку! Со всеми нашими книгами, что ей удалось спасти во время наводнения. Так что, если хочешь зайти и взять Стивена Хокинга снова - милости просим.

- Хорошо, я попробую прочитать его дальше двенадцатой страницы, Фред. Обещаю. «По-настоящему», - Марк выразительно посмотрел на Саманту.

- Наверное, это всё оттого, что после ухода Арне в армию, Эльвира жутко страдала от «синдрома опустевшего гнезда». А теперь у нас есть Джас, Милли, и Берти. Имея в два с половиной раза меньше дома, зато в два с половиной раза больше детей, Эльвира и я получили новую перспективу в жизни. Все старые проблемы как-то перестали иметь значение.

Фредерик улыбнулся Жасмин и Саманте, которые, наконец, протиснулись между кроватью и ширмой и уселись на раме разбитого окна. Мартин стоял там же у окна. Он измерял большим пальцем угловой размер естественного спутника Земли. Закат только начался, и первые звёзды зажглись на небе, чтобы сопровождать в ночи набирающий силу месяц. Единственным источником света в этой части больничной палаты был тусклый светодиодный фонарь на ночном столике между кроватями. Теперь закаты стали такими красивыми, вдруг подумал Марк. До *Обвала*, так трудно было увидеть красивый закат. Точно уж не в Хьюстоне, с его желтоватым загрязнённым воздухом и уличными фонарями. Определённо, кое-что в жизни стало лучше. Вот хочется мне увидеть великолепный закат с молодой луной и первыми звёздами. И пожалуйста: вот тебе, Марк, твой закат. Точно как хотелось. Ты счастлив?

- То есть, Жасмин и мальчики переехали к вам? - спросил Марк, еще секунду полюбовавшись персональным закатом.

- Ну да, - сказал Фредерик, - После «*Артура*», мы пошли, чтобы поглядеть на их лачугу в ТШГ. Джасси всё пыталась убедить меня, что там всё в порядке, и можно ночевать. Но я, конечно, знал, что мы там увидим. Ну вот, мы пришли, посмотрели, и я сказал: не изобретай никаких оправданий, Джасси. Будете жить у нас. Для шести человек, мы место как-нибудь найдём. И нашли, а что нам делается?

За ширмой снова слышалось шарканье нескольких пар босых ног, пластиковая плёнка отлетела в сторону, и Марк увидел запоздавшую часть группы посетителей: Мэри, Уильяма, Памелу и Патрика. Патрик и Памела немедленно вскочили на кровать Марка, чтобы его обнять.

- Полегче, Рикки, Пам! А то у папы швы разойдутся, - сказала Мэри, сопроводив замечание долгим поцелуем в губы Марка.

Марк с любопытством наблюдал, последует ли какая-то реакция со стороны Мэри по поводу нового стиля одежды Саманты, с её завязанной узлом футболкой и обнажённым пупком. К его удивлению, никакой реакции не последовало. Либо Саманта была

достаточно предусмотрительна, чтобы получить у мамочки надлежащее разрешение, либо Мэри просто больше не возражала. Всего лишь неделю назад, Мэри пришла бы в ярость и назвала этот узел на животе «как не принято», улыбнулся Марк про себя. Удивительно, что один небольшой ураган может сделать для прогресса высокой моды!

Мэри и сама была одета совершенно «как не принято»: в её старой, «только для дома», но любимой блузке и рваной юбке, причём нижняя часть юбки была слегка испачкана глиной. Марк с радостью заметил, что Мэри надела его недавние подарки: ожерелье и браслет с кристаллами *настоящего Сваровски*. Но самое главное, её старые разбитые туфли, совсем недавно совершенно необходимые, чтобы выйти из дому «как принято», о которых Мэри постоянно жаловалась, что они натирают ей мозоли - были теперь решительно заменены. На совершенно бесполезные и «как не принятые», но такие клёвые чёрные-с-золотым «гавайские босоножки»! Интересно, найдёт ли Мэри их жизнь после «Нулевого Года» «офигительно клёвой и сексуальной»?

Памела тоже наслаждалась неожиданно открывшейся после урагана «Артур» свободой высокой моды. Она была одета в старую футболку Патрика и одну из старых юбок Мэри. Эта самая юбка была скроена из шторы, и Мэри её не любила, утверждая, что оттенки слишком насыщенные, а рисунок - слишком крупный. Но кричащие оттенки и броский рисунок - это было именно то, что Памеле хотелось. Футболка Патрика была ей откровенно мала, оставляя обнажённым линию живота и пупок, а юбка была стратегически велика и была перетянута на талии верёвочкой с замысловатыми «морскими» узлами. Костюм дополняли зелёные-с-коричневым гавайские *кама'а-оле* и серёжки, сделанные из кубиков от конструктора «Лего». Стиль «Калипсо», определил Марк, можно подумать, что моя дочь выпрыгнула из экрана телевизора - из какого-нибудь романтического фильма про экзотические страны в Карибском море.

- Вы выглядите в этом просто великолепно, девочки, - сказал Марк, - Мне нравится ваш новый стиль.

- Мне тоже нравится, дорогой, - улыбнулась Мэри, - Совершенно «как не принято». Такое ощущение, что мне снова двенадцать. Тогда мы с сестрой в последний раз в жизни играли в пиратов.

«Пиратский» костюм Патрика состоял из старых джинсов, грубо отрезанных до колен, и его незаменимой алой банданы. А на шее у мальчугана висел табельный армейский нож в самодельных пластиковых ножнах! Наконец-то он убедил мамочку, что ни один уважающий себя десятилетний мальчик не выйдет из дому без соответствующего оружия.

Уильям был одет идентично Патрику, только вместо джинсов в шорты были превращены залатанные военные брюки, а на шее вместо ножа болталось ведёрко для пожертвований. Причём не полит-корректное красное ведёрко «Пути Спасения», а роскошное, настоящее, самодельное ведёрко, какое положено иметь каждому уважающему себя калеке-нищему. На немного ржавой жестянке из-под томатной пасты чёрным маркером было выведено: «Скажи нищим ДА. ЖЕРТВУЙТЕ ВООБЩЕ КОМУ УГОДНО*». Пародируя давешние плакаты «Пути Спасения», звёздочка указывала

на юридическую сноску мелким шрифтом понизу жестянки: *«Жертвователи имеют неотъемлемое право сводить инвалида отлить. Впрочем, если у Вас совсем нет денег на пожертвования, такое право у Вас тоже никто не отнимает.»*

Марк усмехнулся. Они вдруг перестали цепляться за свой бывший статус верхушки среднего класса! Весь антураж среднего класса, ещё такой видимый пять дней назад, теперь смыло наводнением и сдуло ураганом, как бесполезную шелуху. Солнышко высушило остатки деления на «как принято» и «как не принято» и они стали стандартной семьёй из стандартных Хьюстонских трущоб: 100% *не-неженки*, от растрёпанных причёсок до не признающих обуви босых пяток. Наверное, так даже лучше.

- Чего это вы припозднились? - посетовала Клэрис. - Я послала вам сообщение ещё днём, а уже почти что ночь.

- Ну, Рисс, ты же знаешь, как это работает, - улыбнулась Мэри. - Собрать вместе Пэм, Рика и Уильяма - задача почти невыполнимая! Для начала, мы послали Рика за электронной почтой. Ага, дождались! Два часа! Что ты делал в течение двух часов, Рикки?

- Это же две мили [прибл. 3,2 км] в одну сторону, мам.

- На велосипеде, двадцать минут туда, и двадцать обратно. Всего: ну час, максимум.

- Ну, я был немножко занят, - виновато сказал Патрик.

- Занят! О-кей, Рики. Расскажи уж папе, чем именно ты был «занят»! - потребовала от сына Мэри.

- Встретил Монику, из нашего класса. Я же не видел её целую вечность!

Саманта и Памела прыснули смехом, а вскоре к веселью присоединились Жасмин, Мартин, Клэрис и Уильям. Маленький Дэйви посмотрел вокруг и тоже решил засмеяться.

- Целую вечность! Пять дней, я правильно сосчитала? - Мэри тоже улыбнулась.

- Дорогая, жизнь продолжается, - сказал Марк, - Патрик целый час болтал со своей подружкой, что тут такого?

- Она не подружка, пап. Просто... одноклассница, О-кей?

- О-кей, Патрик, как скажешь. Пусть будет «одноклассница». То есть, девочка, которая *вообще совершенна-случайна*, заметим, оказалась с тобой за одной партой, - сказала Памела.

После такого откровения Патрик сделал Памеле рожу, что вызвало ещё один взрыв

хохота. Действительно, так смешно было наблюдать, как Патрик, мальчуган, демонстративно равнодушный к девочкам ещё полгода назад, начал потихоньку превращаться в юношу.

- Ну вот, - продолжила Мэри, - Когда Рикки всё-таки вернулся, и я прочитала сообщение, надо было же ещё найти Уильяма. Теперь настала очередь Пэм ехать на рынок. И что вы думаете? Ещё два часа!

- Дайте-ка я угадаю, - сказал Марк, - Там был мальчик? Которого Памела не видела «целую вечность»?

- Пап! Ничего такого не было, *честна-слово*! Никакого мальчика *умине воше нета*!

- *Без базара*, дочка. Поверим, что *нета*! Только надо говорить грамотно. Не «*воше*», а «*ваще*». Бери пример с Жасмин, она это слово правильно произносит. Как тебе моя новая грамматика? Современная? И я *ваще* не возражаю против мальчиков. Встречайся на здоровье.

- Нет, пап, ну *честна* же! Я просто ждала Билли. Он заканчивал свой урок поэзии! Там на рынке, этот «самовар» сидит, с двумя подружками!

- Что-что он заканчивал?

- Джек-Потрошитель, отец. Он сказал, что у меня есть неплохой потенциал, - ответил Уильям вместо Памелы.

Наверное, это так и есть, подумал Марк. Учитель, который когда-то обучал Уильяма музыке, тоже говорил много раз, что у сына есть отличные данные. Конечно, для игры на синтезаторе, «потенциал» был теперь «чисто теоретическим», как в той неудачной шутке Уильяма. Так же, как и для медицины. Однако, чувство ритма, оно же должно оставаться на всю жизнь, не так ли?

- Он тебя учил писать стихи, или просто исполнять рэп? - Спросил Марк.

- И то, и другое.

- Ну, тогда поделись с нами, что ты там *ваще* написал.

- *Ваще*, это ещё не готово.

- *Ваще*, выдай самую лучшую строчку.

Уильям почесал культий остатки левого глаза и попытался дотянуться до пустой правой глазницы. - Ну ладно, уговорили. Только это не совсем рэп. Точнее, вообще не рэп. И не смейтесь.

- Уже слушаем.

- Обещаешь, отец, что не будешь смеяться?

- Обещаю. «По-настоящему», - Марк выразительно посмотрел на Саманту ещё раз.

- Ладно уж, слушайте. Готовьтесь хохотать. Знаю я цену вашим «настоящим» обещаниям. Он гордо поднял голову, как бы вглядываясь в далёкий закат там, за разбитым окном, и начал читать, отбивая ритм, как кулаком, культикой левой руки:

Не читать нам в трущобах эльфийских рун,
Не нужны на свалках Поппер и Кун,
Разлетелся наш мир, как обрывки струн,
И исчезнет он, в мельтешении лун...[84]

Тут Уильям остановился и покачал головой. - Не-а, дайте мне ещё неделю, чтобы отполировать всё остальное! Кроме того, Джек говорит, что это немного заумно. Надо учитывать образовательный уровень целевой аудитории.

- А Джек сам-то *ещё* знает, кто такие Поппер и Кун? - осведомился с усмешкой Фредерик. Неофит *не-неженка*, навсегда порвавший с сандалиями, он тоже начал переходить на «правильную грамматику».

- Ещё бы ему не знать! Он сказал, что раньше, когда у него ещё были две руки и две ноги, у него были в придачу к ним две докторские степени из Стенфорда. В областях современной английской литературы и истории науки. На это я ему сказал, что он абсолютный уникум. Доктор в квадрате! Единственный *оквадраченный* доктор современной английской литературы и истории науки на всю Америку!

- Знаешь что, Уильям? - сказал Марк, - Смеяться я не буду. Стихи - просто отличные. Продолжай работать над своим рэпом.

- Я же говорил: это не рэп.

- Неважно. Назовём это просто хорошей поэзией. А вот карьера сценического комика тебе, похоже, не светит.

Судя по всему, жизнь продолжается, подумал Марк. Жизнь немного трудная, и немного неудобная тут и там, но совсем не беспросветно-несчастливая, а иногда - даже весёлая. Нормальная жизнь. Марк даже не возражал, что Патрик, Памела и Саманта будут скоро бегать на свидания в лес. Мы же разделились с «Шелдонским Мясником», и лес снова стал достаточно безопасен для влюблённых парочек.

- Мама! Мама! Мои ноги! - Вдруг удивлённо воскликнул Дэйви.

- Что: ноги? - Клэрис отбросила в сторону простыню. И тут - все увидели маленькое чудо: паралич у малыша начал отступать. Дэйви шевелил пальчиками обеих ног!

Они не знали, что им готовит будущее, и им было на это глубоко наплевать. Что бы ни

подкинул им тот, другой, неизвестный пока мир, на той стороне «Нулевого Года», они с этим как-нибудь разберутся. Всему свой срок.

###

Уважаемый читатель! Спасибо за то, что Вы нашли время прочитать мою книгу.

Если книга Вам понравилась, пожалуйста, напишите рецензию. А если Вы считаете, что книга - так себе, или даже ещё хуже, Вы кое-как добрались (или не добрались) до последней главы, тогда - ничего писать не надо... Шучу, конечно! Мне очень интересно знать Ваше мнение: положительное, отрицательное, или нейтральное. Писать о надвигающемся на человечество кризисе - это довольно трудное занятие. В будущем, всё возможно, но не всё одинаково вероятно. Если Вы придумали что-то, что поможет сделать повествование более убедительным, или нашли логическую ошибку, - будьте так любезны дать мне и другим читателям знать. Любая рецензия будет принята с благодарностью.

Пусть Будущее будет благосклонно к Вам и Вашим близким.

Майк Мак-Кай, автор.

Оглавление

[Предисловие автора](#)

[Предисловие переводчика](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Послесловие](#)

Примечания

- [1] Младшее звание в Полиции Техаса. Ниже только «стажёр». «Депьюти» часто переводят как «заместитель шерифа». Если речь идёт о городке на Диком Западе в 1870 году - это так и есть. Но в современной Америке «заместитель шерифа» - это отдельная *должность*, причём лейтенантская, майорская или даже полковничья. Простому «депьюти» до этих высот надо служить лет двадцать, и то при условии удачной карьеры и наличия университетского диплома. Так же как не стоит переводить слово «подпоручик» как «deputy porutchik», «deputy» у меня не превращается вдруг в «заместителя Шерифа». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [2] В оригинале: «Station Chief». Это должность. Звание «майор» имеет различное значение в полиции разных штатов. В Техасе, это примерно как в России - полковник полиции. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [3] В оригинале: «Special Agent-in-Charge», то есть «Ответственный Специальный Агент» - самый старший ранг полевого офицера ФБР, на несколько ступенек выше, чем «просто» Специальный Агент (ранг Марка Пендерграсса примерно соответствует нашему майору или подполковнику юстиции). Переводчик заменил сложный американизм на привычный российский эквивалент «старший следователь». [\[назад к тексту\]](#)
- [4] Harris County, часть административного деления штата Техас. Включает в себя собственно Хьюстон и ближайшие города-спутники - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [5] Sergeant - Investigator. Это полицейское звание, а не должность (примерно как лейтенант или капитан полиции в России). Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [6] То есть 22 апреля 2030 г. Здесь и далее запись дат в американском формате (месяц/день/год) - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [7] Примерно 3,2 км. Здесь и далее имеется в виду американская наземная миля, 1,6093 км - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [8] «Пурпурное Сердце». Медаль США, даётся за ранение при исполнении воинского долга - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [9] В оригинале: «Jandals» от «Japanese sandals» - Австралийский неологизм в 2008 г, но автор переносит его в США. В русском переводе использовано более привычное читателю слово «гета» - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [10] В 2009 году, Мак-Кай предсказал победу Обамы на выборах 2012 г. Примечание переводчика, 2013 г. [\[назад к тексту\]](#)
- [11] «Пик добычи нефти» - теория американского геофизика М.К.Хабберта, предсказавшего в 50-х годах XX века резкое сокращение добычи природной нефти после 2000 г. [\[назад к тексту\]](#)
- [12] Город в Техасе, в 420 км от Хьюстона - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [13] USNS - United States Naval Ship. Гражданское судно в собственности ВМФ США, атака на такое судно приравнивается к акту пиратства - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [14] В английском тексте использовано слово «vet» (по мнению М.Мак-Кая, в 2030 году оно будет использоваться в американском сленге как сокращение от «veteran», а не в значении «ветеринарный врач», как в 2008 году). Так как трудно было подобрать русский аналог, пришлось заменить это слово на «инвалид» - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [15] В оригинале: «the Salvation Way». Мак-Кай объединил здесь две благотворительные организации: «Общий Путь» (the United Way) и «Армию Спасения» (the Salvation Army). Предполагается, что «Армия Спасения» в 2030 году как-то слилась с «Общим Путём», - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [16] В фильме идёт речь про путешествие из 1985 в 2015 год - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)
- [17] Красноносый северный олень Рудольф - ведущий в упряжке саней Санта-Клауса. Примечание

переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[18] В США школа начинается с пяти лет. Ребёнок десяти лет должен ходить в четвёртый или пятый класс - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[19] Скорее всего, имеется в виду американская «короткая тонна», - 2000 фунтов или 907,2 кг. Далее по тексту, на заводе взвешивают химические реагенты в фунтах, а не в килограммах. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[20] В оригинале используются американские оценки: D и D+, что примерно соответствует нашей «двойке» и «двойке с плюсом». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[21] Алекс обыгрывает формулу перекрёстного допроса, используемую в судах США - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[22] То есть «Квебекская Республика» - оставлено во французском произношении, как в оригинале - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[23] В оригинальном тексте: AFCO («Armed Forces Careers' Office», «Офис Военной Карьеры»). Это учреждение существует в США и в настоящее время, но занимается набором волонтеров по контракту, а не призывом. В России, «ОВК» - сокращение от «Областной Военный Комиссариат». Так что подходит не только по буквам, но и по смыслу! Горжусь находкой. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[24] USS - United States' Ship. Военно-морское судно. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[25] В английском оригинале девушка напевает «Rolling, Rolling, Rolling...» из песенки ковбоев Дикого Запада (сериал «Rawhide», 1959-66 гг). Песенка С.В.Михалкова как нельзя лучше подошла тут по смыслу - шутка переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[26] Международная сеть супермаркетов, особенно в США - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[27] Теперешняя «Армия Спасения» имеет герб в виде красного щита. Автор говорит, что «Путь Спасения» изменила надпись на щите. «Трифт Стор» - благотворительный магазин поддержанных вещей, одна из программ «Армии Спасения». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[28] Здесь и далее - звания членов «Пути Спасения», скопированные автором с «Армии Спасения». К настоящим армейским или полицейским званиям отношения не имеют - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[29] Здесь и выше. Перечисляются знаменитые парки аттракционов в Техасе. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[30] День Независимости США отмечается 4 июня. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[31] Так у автора. Именно «labor camp» («трудовой лагерь»), а не «prison» («тюрьма»). Не зря Солженицына читал. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[32] Непереводимая игра слов: «Butt in the mud» может быть переведено и как «прикладом в грязь», и как «задницей в грязь». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[33] В большинстве штатов закон запрещает употребление алкоголя до 21 года. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[34] Предсказание Мак-Кая сбылось: в реальном мире, бен-Ладен был убит американским спецназом в 2011 в Пакистане. В операции участвовало 24 «Морских Котика». Примечание переводчика, 2013 г. [\[назад к тексту\]](#)

[35] Вице-президент США в администрации Дж.Буша-младшего. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[36] Доктор философии - учёная степень в США, примерно соответствует кандидату наук. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[37] Сленговое сокращение от «Халлибёртон». Американская сервисная компания. Предоставляет услуги для нефтяных компаний, а также для Вооружённых Сил США. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[38] Имеется в виду тысяча кубических футов, то есть 28,3 м³. Ещё одно предсказание Мак-Кая, которое сбылось достаточно верно. В 2012 природный газ в США стоил 3,5 доллара за 1000 куб. футов. Примечание переводчика, 2013 г. [\[назад к тексту\]](#)

[39] Это предсказание не сбылось. По оценкам, в 2012 г в мире было всего 14 млн автомобилей на природном газе. Хотя, в США - практически ноль. Примечание переводчика, 2013 г. [\[назад к тексту\]](#)

[40] Здесь и далее, Фредерик Штольц говорит о кубических футах. По традиции, когда в Америке (особенно в южных штатах) говорят о газе или воде, слово «кубический» опускается. 6000 куб. футов газа - это 170 куб. м. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[41] До бесконечности (лат.) [\[назад к тексту\]](#)

[42] Соевый творог, заменитель мяса. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[43] Вольный перевод с оригинала. В английском тексте песни носит название «Три из каждых пяти» («Three Out of Each Five»):

He would rather dig the shit at the 'Fill.
But the AFCO dude said: go kill.
He was called to serve, and he filled the bill.
Go kill, GI, duty to fulfill.
He must learn soon enough, these are rules we all play.
Dig the dirt, GI, dig your hole, and stay.
Don't you stick your head. Sniper fires - you pay.
Bullet five-dot-four-five.
Blends your brains - all the way.
Don't be heroes, stupid. Don't get blown away.
If you're lucky, you stay alive.
It's a darn good luck - to make three out of each five.

Three out of each five!
Three out of each five!
Pro-ba-bi-li-ty, man.
That's your chance to survive.

If you both quick and smart,
Fighting war is not hard.
Kill before they kill you.
That is modern war art.
He became so slick. War geek.
Operation last week.
Pulled wrong brunch in jungles - and click!
But he was lucky, and he survived.
Coming home, to make three out of each five!
Now sailing on Dumpster. No hands, no eyes, but alive.
Will come home a hero. With his stumps,
In the port, hugging smiling young wife.
He must learn soon enough, these are rules we all play.
Get you bucket, young vet. And collect - whole day.
Live your happy new life.
Do the Loop. With your pregnant wife.
Lucky bastard. You made - three out each five.

Three out of each five!
Three out of each five!
Pro-ba-bi-li-ty, man.
That's your chance to survive.

If you have no arms,

Begging isn't that hard.
They collect all they need. No greed.
No shoes for his wife, but he has Purple Heart.
And they must shut up, and perform their part.
They will learn this new job.
Where to end the Loop and where to start.
Don't you know, vet: begging too is an art?
She gives birth to four sons.
Who must dig shit at the 'Fill.
Until AFCO dude tells them: go kill.
Freedom to protect, duty to fulfill.
They too, will be called to serve,
And they will fill the bill.
Country needs more GIs, follow the drill.
They must learn soon enough, these are rules we all play.
Dig the dirt, GI, dig your hole, and stay.
Only two will come home.
One on crutches, another in scars. But alive!
With their beggar Dad, making happy three!
Out of each five!

Three out of each five!
Three out of each five!
Pro-ba-bi-li-ty, man.
That's your chance to survive. [\[назад к тексту\]](#)

[44] Судя по фамилии, Штольц - потомок прусских или баварских иммигрантов, которые прибыли в Техас ещё в XIX веке. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[45] «Примакорд» - изначально торговая марка компании «Англо-Бикфорд». У специалистов стало нарицательным, и в США начиная с 70-х годов XX века обозначает просто любой стандартный детонационный шнур. Стандарты «Примакорда» различают по цвету оболочки шнура («рубашки»). [\[назад к тексту\]](#)

[46] Нет, пожалуйста, нет. (исп.) [\[назад к тексту\]](#)

[47] Друг (исп.) [\[назад к тексту\]](#)

[48] По шкале Фаренгейта, то есть 35° Ц. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[49] Мексиканское блюдо, популярное в Техасе. Блин из пресной муки с любой начинкой. [\[назад к тексту\]](#)

[50] Девяносто градусов по Фаренгейту, то есть 32° Ц. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[51] В оригинале, конечно, легко узнаваемое: «I'll be back». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[52] Огнеупорная ткань. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[53] Real engineers always have both the belt and the suspenders. Здесь трудно подобрать русский эквивалент. «Семь раз отмерь, один - отрежь» и «Запас карман не тянет» - две поговорки в одном флаконе. А вообще, это про системы со взаимным дублированием функций. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[54] Здесь и далее Мак-Кай обыгрывает эпизоды Гражданской Войны США («Войны Севера и Юга»). «Атаки» и «бомбардировки» следует понимать в рамках технологии 1860-х годов: не молниеносные удары армии при поддержке авиации, а скорее медленные, изнурительные походы. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[55] Военная база, где сейчас хранится часть Золотого Запаса США. [\[назад к тексту\]](#)

[56] Битва при Геттисберге (1-3 июля 1863). Считается самым кровопролитным сражением

Гражданской Войны в США. Но погибло менее 8000 человек! Куда этим дилетантам до Маршала Хейга и Маршала Жукова. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[57] Очень хорошо (нем.) Тут ещё одно указание, что Штольц происходит из «первой волны» прусско-баварской иммиграции в Техас, 1800-х годов. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[58] Имеется в виду Мексиканский Залив. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[59] SSN - Social Security Number. В США, все взрослые граждане имеют этот номер для оплаты налогов. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[60] По английскому алфавиту. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[61] Имеется в виду рост от пяти футов и восьми дюймов до пяти футов и десяти дюймов, т.е. примерно 173-178 см. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[62] Переводчик счёл возможным заменить буквенные отметки, принятые в американских школах, на более привычные читателям цифровые отметки. В оригинале, конечно, «D!» [\[назад к тексту\]](#)

[63] Здесь и далее по тексту, категории ураганов даны по шкале Саффира-Симпсона, используемой в Атлантике. Ураганам дают категорию по скорости ветра. Тропический шторм: 18-32 м/с, категория-1: 33-42 м/с, категория-2: 43-49 м/с, категория-3: 50-58 м/с, категория-4: 59-70 м/с, категория-5: более 70 м/с. Кроме того, ураганам категории-2 и выше присваивают кодовое имя. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[64] То есть «Конфедерации Штатов» - «Южан». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[65] Стандартная формула после регистрации брака в США. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[66] 15 и 25 миль - 24 и 40 км, соответственно. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[67] В США, коронёр решает вопрос о возбуждении уголовных дел в случае подозрения о насильственной смерти. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[68] Фаренгейта, то есть 39,5 Цельсия. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[69] Бадли - фамилия Омара Бадли, известного генерала в США, командовавшего во Второй мировой войне. Его именем названа боевая машина пехоты. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[70] Второй лейтенант, первый лейтенант, капитан - младшие офицерские звания в США. [\[назад к тексту\]](#)

[71] «Silver Star» - «Серебряная Звезда». Медаль за доблесть. Неофициально считается второй по значимости наградой в армии США. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[72] «Distinguished Service Medal» - «Медаль за особые боевые заслуги». Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[73] «Medal of Honor» - «Медаль Славы». Высшая военная награда США. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[74] В армии США, офицеров не «увольняют в запас». Есть «отставка без почестей», но ей должно предшествовать разжалование из офицерского чина. «Исключение из действующего списка» означает, что офицер не имеет права командовать кем-либо. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[75] Человеку свойственно заблуждаться (лат.) [\[назад к тексту\]](#)

[76] Крупнокалиберная полая свинцовая пуля для мушкета, вызывающая особо тяжёлые ранения. Применялась в середине и конце XIX века. [\[назад к тексту\]](#)

[77] К Конституции США, о свободе слова, печати и религии - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[78] Самоубийственная атака британской бригады лёгкой кавалерии на редуты русских войск 25 октября 1854 г (во время Крымской войны). Неверно переданный приказ привёл кавалеристов под кинжальный пушечный огонь с господствующих высот и стоил жизни 3/5 личного состава. [\[назад к](#)

[тексту\]](#)

[79] Цитируется стихотворение А.Теннисона «The Charge of the Light Brigade» (перевод Н.Сагаловского):

Plunged in the battery-smoke,
Right thro' the line they broke...[\[назад к тексту\]](#)

[80] То же стихотворение в переводе Сагаловского - примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[81] Бренхейм - город в Техасе, около 140 км от Хьюстона. [\[назад к тексту\]](#)

[82] В английском тексте упоминается «Пигмалион». Скорее всего, автор имел в виду не древнегреческий миф, а пьесу Бернарда Шоу (Профессор Хиггинс учит Элизу Дулиттл, цветочницу-кокни из лондонских трущоб, говорить на «правильном» английском великосветских леди). В изначальном русском переводе 2013 года, я опустил эту фразу, что вызвало негативную реакцию некоторых борцов за точность. Возвращаю фразу на место. Примечание переводчика, 2014 г. [\[назад к тексту\]](#)

[83] «Пояс Ржавчины» - неформальное название северных штатов: Нью-Йорка, Пенсильвании, Западной Вирджинии, Огайо, Индианы, южной части штата Мичиган, северной части Иллинойса и восточной части штата Висконсин. Ранее эти штаты были известны как «Стальной Пояс Америки», но начиная с восьмидесятых годов прошлого века начали потихоньку приходить в упадок. Процесс разложения ускорился после экономических пертурбаций начала XXI века. Примечание переводчика. [\[назад к тексту\]](#)

[84] Вольный перевод с оригинала:

We will never fly back to the Moon,
We forget about Popper and Kuhn,
World of Bohr and Einstein,
World of Tolkien's runes
Now ending in slums,
And is ending too soon...[\[назад к тексту\]](#)